

СЛАВЯНЕ ПОДНЕПРОВЬЯ
в первой половине I тысячелетия н.э.

SLAVS IN THE DNIEPER REGION
in the first half of the first millennium A.D.

KATEDRA ARCHEOLOGII
UNIWERSYTETU MARII CURIE-SKŁODOWSKIEJ W LUBLINIE

MONUMENTA STUDIA GOTHICA III

Redakcja – Editors – Редакция
Claus von Carnap-Bornheim – Jørgen Ilkjær – Andrzej Kokowski

Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej
Moesgård Museum

Ростислав В. Терпиловский

СЛАВЯНЕ ПОДНЕПРОВЬЯ
в первой половине I тысячелетия н.э.

Rostislav V. Terpilovskij

SLAVS
IN THE DNIEPER REGION
in the first half of the first millennium A.D.

Pod redakcją
ANDRZEJA KOKOWSKIEGO

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU MARII CURIE-SKŁODOWSKIEJ
LUBLIN 2004

MOESGÅRD
MUSEUM

The publication financed by
"Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation"
Moesgård Museum

REVIEWER
PROF. DR HAB. MICHAŁ PARCZEWSKI

GENERAL EDITOR
ANDRZEJ KOKOWSKI

ENGLISH TEXT PROOFREADERS
MARTA STASIAK-CYRAN, EUGENIUSZ CYRAN

COMPUTER DRAWINGS
SYLWESTER SADOWSKI

COMPOSITION
*Arch*GOTHICA

COVER DESIGN
JERZY DURAKIEWICZ

ISBN 83-227-2341-5

WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU MARII CURIE-SKŁODOWSKIEJ
pl. Marii Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin, tel. (0-81) 537-53-02, 537-53-04
Internet: http://press.umcs.lublin.pl

Jej Wysokość Królowa Danii Małgorzata II w Illerup
Her Majesty Margrethe II, the Queen of Denmark in Illerup
Ей Величество Королева Дании Маргрета II в Илерупе

Książkę wydano dzięki wsparciu Fundacji „*Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation*"

The publication finaced by "*Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation*"

Издание при помощи управляемого ею Фонда „*Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation*"

СОДЕРЖАНИЕ
Contents

Trzeci tom – The third volume of – Третий том „Monumenta Studia Gothica"

Książka, którą oddajemy w Państwa ręce jest pod każdym względem szczególna. Jest ona przecież monografią kultury archeologicznej, która pozornie nie ma nic wspólnego z tytułem serii, gdyż odnosi się do problematyki początku dziejów Słowian. Jednak w kontekście dziejów okresu rzymskiego na obszarze wschodniej Europy – przede wszystkim w strefie granicznej stepu i obszarów leśnych – jej poznanie odgrywała niezwykle istotną rolę dla zrozumienia złożoności zachodzących tam procesów historycznych i relacji pomiędzy różnymi ludami słowiańskimi i germańskimi. O tym, że kultura kijowska kontaktowała się z germańskimi społecznościami kręgu kultur gockich – wiemy już od dawna i mamy na to wiele archeologicznych dowodów[1]. Brakowało jednak do tej pory całościowej syntezy tego zjawiska, prezentowanego dotąd bądź to w niezwykle okrojonej, podręcznikowej formie[2], bądź też w ramach mniej lub bardziej szczegółowych syntez regionalnych[3]. Umieszczone w tym tomie opracowanie obejmuje po raz pierwszy całość zagadnienia i jest również pierwszą tak obszerną prezentacją źródeł kultury kijowskiej jak również tak wszechstronną ich analizą.

Nie bez znaczenia dla wyboru tematu kolejnego tomu była osoba autora. Rostislav Terpilovskij należy do grona najbardziej cenionych badaczy ukraińskich zajmujących się problematyka okresu rzymskiego. Rzetelność jego publikacji budzi od dawna szacunek i uzna-nie, natomiast proponowane przez tego autora ustalenia naukowe weszły szeroko do literatury przedmiotu. Jest on też najwytrwalszym eksploratorem kultury kijowskiej, dla badania której zbudował logiczny aparat po-znawczy.

Mamy więc w związku z powyższym nieskrywaną nadzieję, że proponowany przez nas tom znajdzie nie mniejsze uznanie w oczach odbiorców co tomy poprzednie[4].

Nie zmieniły się zasady klasyfikowania przez nasz zespół materiałów proponowanych nam do druku. Interesują nas nadal wyłącznie monografie nieznanych zjawisk kulturowych okresu rzymskiego i okresu wędrówek ludów ze wschodniej Europy jak również całościowe monografie kultur archeologicznych omawianych dotąd w ramach wybranych stref geograficznych, co często implikowane było współczesnymi podziałami politycznych granic administracyjnych[5]. W pierwszym rzędzie chcielibyśmy jednak tomy „Monumenta Studia Gothica" oddać autorom monografii wielkich nekropoli starożytnych. Bowiem takie materiały stanowią w dalszym ciągu podstawową bazę dla dyskusji na temat chronologii zjawisk kulturowych i wszystkich związanych z nią problemów[6]. Są też gwarantem przetrwania ponad merytorycznymi dyskusjami, do czego zobowiązuje przecież samo słowo „monumenta". Mamy nadzieję takie materiały w dalszym ciągu pozyskiwać.

Zmieniły się natomiast podstawy finansowe serii. W dalszym ciągu są one w jakiejś znaczącej części oparte o środki donatorskie i nasze honoraria za wykłady okolicznościowe. Jednak tom III mógł się ukazać głównie dzięki znalezieniu dwóch strategicznych sponsorów. Jednym z nich jest Muzeum Archeologiczne z Moesgård w Danii. Niemniej najbardziej spektakularnym naszym sukcesem jest pozyskanie życzliwości Jej Wysokości Królowej Duńskiej Małgorzaty II, która postanowiła wesprzeć naszą ideę za pośrednictwem kierowanej przez siebie Fundacji „*Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation*". To powoduje, że realizowana przez nas seria stanęła na silnym gruncie stabilizacji projektowania dalszych tomów.

---

[1] Np. R.V. Terpilovskij, *O charaktere kontaktov kievskoj i černjachovskoj kul'tury*, „Kratkie Soobščenija Instituta Archeologii SSSR" 178:1984, s. 81-86. Porównaj też chociażby ostatnią syntezę tego zagadnienia w monografii B Magomedova, *Černjachovskaja kul'tura. Problema etnosa* ([w:] Monumenta Studia Gothica I, red. A. Kokowski, Lublin 2001, s. 124-129).

[2] V.D. Baran, D.N. Kozak, R.V Terpylovs'kyj, *Pochodžennja Slov'jan*, Kyjiv 1991, s. 57-59; RV. Terpilovskij, Kievskaja kul'tura, [w:] V.D. Baran (red.) Etnokul'turnaja karta territorii Ukrainskoj SSR v I tys. n.e., Kiev1985, s. 51-59; N.M. Kravčenko, R.V. Terpilovskij, *Kijovskaja kul'tura*, [w:] Archeologija Ukrainskoj SSR, t. III, Kiev 1986, s. 100-113. Do ogólnych informacji na temat kultury kijowskiej odwoływano się również wielokrotnie w książce zredagowanej przez V.D. Barana, B.V. Magomedova, A.T. Smilenko, R.V. Terpilovskiego – *Slovjane Jugo-Vostočnoj Evropy v predgosudarstvennyj period* (Kiev 1990); oraz w wielkiej monografii dawnej historii Ukrainy pod redakcją P.P. Toločko, *Davna istorija Ukrajiny*, t. 3 (Kyiv 2000).

[3] R.V. Terpilovskij, *Rannie Slavjane Podesen'ja III–V vv.*, Kiev 1984; jak też – R.V. Terpilovskij, N.S. Abašina, *Kievskaja kul'tura*, Kiev 1992.

[4] Porównaj chociażby recenzje tomu nr II – J.G. (J. Gurba), *Monumenta Studia Gothica*, „Wiadomości Uniwersyteckie", Nr 6(93): 2002, s. 8.

[5] Dotyczyło to na przykład zagadnień kultury czerniachowskiej, która do momentu opracowania autorstwa B. Magomedova (*op. cit.*) znana była z regionalnych opracowań: B.V. Magomedov, *Černjachovskaja kul'tura Severo-Zapadnogo Pričernomor'ja*, Kiev 1987; M.Ju. Smiško, V.D. Baran, *Plemena černjachiv'koj kul'tury*, [w:] Naselennja Prykarpattja i Volyni za doby rozkladu pervisnoobščynnoho ladu ta v davn'orus'kyj čas, Kyjiv 1976, s. 63-83; V.D. Baran, *Černjachivs'ka kul'tura*, Kyjiv 1981; I.S. Vynokur, *Starožytnosti schidnoi Volyni peršoi polovyny I tysjačolittja n. e.*, [w:] Praci Kompleksnoi Ekspedycii Černivec'koho Deržavnoho Universytetu, t. 8 (serija archeolohyčna, Nr 1), 1960, s. 5-130; tenże – *Istorija ta kul'tura černjachivs'kych plemen*, Kyiv 1972; tenże – *Černjachivs'ka kul'tura: vytoky i dolja*, Kam'janec'–Podil's'kyj 2000; że zacytujemy tylko najważniejsze opracowania z pominięciem opracowań podręcznikowych.

[6] I.N. Chrapunov, *Mogil'nik Družnoe (III–IV vv. našej ery)*, [w:] Monumenta Studia Gothica II, red. A. Kokowski, Lublin 2002.

Wdzięczni jesteśmy również Panu prof. dr hab. Michałowi Parczewskiemu z Instytutu Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego, który zrezygnował wspaniałomyślnie z honorarium należnego mu za opiniowanie tomu do druku. Kolejny raz korektę językową angielskich streszczeń wykonali mgr Marta Stasiak-Cyran i dr hab. Eugeniusz Cyran, co pozostawia wobec nich naszą głęboką wdzięczność. Podziękowania winniśmy jeszcze mgr. Sylwestrowi Sadowskiemu, który opracował zamieszczone w książce mapy.

Wszystkie te gesty dobrej woli i zrozumienia pozwalają nam mieć nadzieję, że seria będzie kontynuowana i że zaowocuje jeszcze wieloma nowymi, ważnymi dla nauki opracowaniami.

The book that we are offering our readers here is special in all respects. It is a monographic study of an archaeological culture, which apparently has nothing in common with the title of the series because it refers to the problem of the origin of the Slaves. However, in the context of the history of Roman Period at the territory of Eastern Europe – particularly in the border zone of steppe and forest – the study of this problem plays a crucial role in the understanding of the complexities of the historical processes occurring there, and of the relations between various Slavic and Germanic peoples. The fact that the Kiev Culture had contacts with Ger-manic societies within the circle of the Gothic cultures has been known for some time, and a great deal of archaeological evidence is available which proves this[7]. What was missing until now was a comprehensive synthesis of the phenomenon which was presented only fragmentarily either in the form of handbooks[8], or in the form of more or less detailed regional syntheses[9]. The study presented in this volume is the first to cover the issue in its entirety, and to offer the first comprehensive presentation of source materials and a full analysis connected with the Kiev Culture. Rostislav Terpilovskij belongs to a circle of most honourable and highly valued Ukranian researchers of the Roman Period. The quality of his publications has for a long time been highly respected and appreciated, while the results of his scientific research have become part of the literature. He is also the most unrelenting researcher of the Kiev Culture, for the study of which he had built logical theoretical tools.

All this fills us with hope that the volume we are offering here will be appreciated by the readers no less than our previous volumes[10].

The main publication criteria adhered to by the editorial board have not changed. We are still interested only in monographic studies of unknown cultural phenomena of the Roman Period and of the period of migration of the peoples from the Eastern Europe, as well as comprehensive monographic studies of archaeological cultures which, due to political and administrative divisions and implications, have so far been discussed within selected geographical zones[11]. In the first place, however, we would like to reserve our first volumes of "Monumenta Studia Gothica" to the authors of monographic studies of huge ancient necropolises. Such materials still constitute the fundamental basis for the discussion of the chronology of cultural phenomena and all the connected problems[12]. This also guarantees that the value of the publication will go beyond the current discussions – which is implied in the very title "monumenta". We sincerely hope that we will manage to obtain more of such monumental materials.

What has changed is the financial side of this publiccation series. The series continues to be partly supported thanks to donations and our fees for invited lectures. However, the third volume could materialise mainly thanks to two newly found strategic sponsors. One of them is the Archaeological Museum of Moesgård in

[7] For example, R.V. Terpilovskij, *O charaktere kontaktov kievskoj i černjachovskoj kul'tury*, „Kratkie Soobščenija Instituta Archeologii SSSR" 178: 1984, p. 81-86. Refer also to, e.g. the last synthesis of this issue in the monograph of B. Magomedov, *Černjachovskaja kul'tura. Problema etnosa* ([in:] A. Kokowski (ed.), Monumenta Studia Gothica I, Lublin 2001, p. 124-129).

[8] V.D. Baran, D.N. Kozak, R.V. Terpilovskij, *Pochodžennja Slov'jan*, Kyjiv 1991, p. 57-59; R.V. Terpilovskij, *Kievskaja kul'tura*, [in:] V.D. Baran (ed.), Etnokul'turnaja karta tertorii Ukrainskoj SSR v I tys. n.e., Kiev 1985, p. 51-59; N.M. Kravčenko, R.V. Terpilovskij, *Kievskaja kul'tura*, [in:] Archeologija Ukrainskoj SSR, vol. III, Kiev 1986, p. 100-113. For general information concerning the Kiev Culture a reference has often been made in the book edited by V.D. Baran, B.V. Magomedov, A.T. Milenko, R.V. Terpilovskij – *Slovjane Jugo–Vostočnoj Evropy v predgosudarstvennyj period* (Kiev 1990); and in the great monograph of the ancient history of Ukraine edited by P.P. Toločko, *Davna istorija Ukrajiny, vol. 3 (Kyjiv 2000)*.

[9] R.V. Terpilovskij, *Rannie Slavjane Podesen'ja III vv.*, Kiev 1984; and – R.V. Terpilovskij, N.S. Abašina, *Kivskaja kul'tura*, Kiev 1992.

[10] See, for example the reviews of vol. II – J.G. (J. Gurba), *Monumenta Studia Gothica*, „Wiadomości Uniwersyteckie", N°. 6 (93): 2002, p. 8.

[11] This concerned, for example, the problems of the Tshernjakhov Culture, which until the comprehensive study of B. Magomedov (*op. cit.*) was only know through regional studies: B.V. Magomedov, *Černjachovskaja kul'tura Severo–Zapadnogo Pričernomor'ja*, Kiev 1987; M. Ju. Smiško, V.D. Baran, *Plemena černjachivs'koj kul'tury*, [in:] Naselennja Prykarpattja i Volyni za doby rozkladu pervisnoobščynnoho ladu ta v davn'orus'kyj čas, Kyjiv 1976, p. 63-83; V.D. Baran, *Černjachivs'ka kul'tura*, Kyjiv 1981; I.S. Vynokur, *Starożytnosti schidnoi Volyni peršoi polovyny I tysjačolittja n.e.*, [in:] Praci Kompleksnoi Ekspedycii Černivec'koho Deržavnoho universytetu, vol. 8 (serija archeolohyčna, No. 1), 1960, p. 5-130; I.S. Vynokur – *Istorija ta kul'tura černjachivs'kych plemen*, Kyiv 1972; I.S. Vynokur – *Černjachivs'ka kul'tura: vytoky i dolja*, Kam'janec'–Pidl's'kyj 2000; to mention but the most important studies, and ignoring the handbook presentations.

[12] I.N. Chrapunov, *Migil'nik Družnoe, III-IV wiek našej ery*, Monumenta Studia Gothica II, A. Kokowski (ed.), Lublin 2002.

Denmark. Nevertheless, our most spectacular achievement is connected with obtaining kind support from Her Majesty Margrethe II, the Queen of Denmark, who decided to subsidise our endeavours through her Fundation *"Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation"*. This gives us the stability and the benefit of being able to plan ahead new volumes in the series.

We are also grateful to Prof. dr hab. Michał Parczewski of the Institute of Archaeology of the Rzeszów University, who kindly gave up his fee for preparing the publication review of this volume. We would like to express our gratitude to Marta Stasiak-Cyran M.A. and dr hab. Eugeniusz Cyran for proofreading the English summary and to Sylwester Sadowski M.A. for preparing the maps. All these contributions and gestures of good will and understanding allow us to hold out hope that the series will be continued and will produce many new and scientifically significant studies.

Предлагаемая Вашему вниманию книга в любом отношении особенная. Она посвящена археологической культуре, которая на первый взгляд не имеет ничего общего с названием серии, потому что связана с проблематиккой начала истории славян. Однако по отношению к истории римского времени на территории Восточной Европы – прежде всего в пограничье между степной и лесной зонами – ее изучение играет весьма существенную роль для понимания сущности исторических процессов и отношений между германскими и славянскими племенами. О контактах носителей киевской культуры и германского населения круга готских культур нам известно уже давно, что подтвержает немало археологических материалов[13]. Тем не менее, до настоящего времени не было целостного исследования этого явления, представляемого до сих пор либо очень кратко, в форме учебника[14], либо в рамках более или менее подробных региональных исследований[15]. Представленная в этом томе работа впервые охватывает проблему в целом, а также является первой обширной презентацией источников киевской культуры в всесторонним анализом этого явлений.

На выбор темы очередного тома повлияла также личность автора. Ростислав Терпиловский относится к числу украинских исследователей, пользующихся большим авторитетом среди археологов, занимающихся проблематикой римского периода. Тщательность его публикаций издавна вызывает уважение и признание, а предлагаемые им научные определения широко вошли в литературу. Ростислав Терпиловский является также одним из самых неутомимых исследователей киевской культуры, для изучения которой им разработан логический познавательный аппарат. В связи с этим мы надеемся, что предлагаемый том найдет у читателей не меньшее признание, чем предыдущие тома[16].

Принципы отбора нашим коллективом материалов, для печати не изменились. Как и прежде, нас интересуют прежде всего монографии неизвестных культурных явлений римского периода и эпохи переселения народов Восточной Европы, а также целостные монографии по археологическим культурам, рассматриваемым до сих пор в пределах отдельных географических зон, что зачастую определялось современными политическими границами[17]. Однако в первую очередь мы хотели бы привлечь к участию в „Monumenta Studia Gothica" авторов монографий, посвященных большим античным некрополям римского времени. Именно такие материалы являются основой для дисскусий о хронологии культурных явлений и связанных с ними проблем, а их публикация гарантирует предметное обсуждение связанных с этих вопросов[18], к чему, кстати, обязывает само слово „monumenta". Надеемся продолжить издание подобных материалов.

Изменилась финансовая основа серии. Она попржнемув в значительной степени опирается на пожертвования и наши гонорары за ряд выступлений.

[13] Напр.: Р.В. Терпиловский, *О характере контактов киевской и черняховской культуры*, „Краткие сообщения института археологии СССР" 178:1984, с. 81-86. Сравни хотя бы последний синтез этого вопроса в монографии Б. Магомедова, *Черняховская культура. Проблема этноса* ([в:] Monumenta Studia Gothica I, ред. A. Kokowski, Lublin 2001, с. 124-129).

[14] В.Д. Баран, Д.Н. Козак, Р.В. Терпиловський, *Походження слов'ян*, Київ 1991, с. 57-59; Р.В. Терпиловский, *Киевская культура*, [в:] В.Д. Баран (ред.) Этнокультурная карта территории Украинской СССР в I тыс. н.э., Киев 1985, с. 51-59; Н.М. Кравченко, Р.В. Терпиловский, *Киевская культура*, [в:] Археология Украинской СССР, т. III, Киев 1986, с. 100-113. Общие информации на тему киевской культуры многократно были приведены также в книге под ред. В.Д. Барана, Б.В. Магомедова, А.Т. Смиленко, Р.В Терпиловского – *Славяне Юго–Восточной Европы в предгосударственный период* (Киев 1990); а также в большой монографии о древней истории Украины под ред. П.П. Толочко, *Давня історія України*, т. 3 (Київ 2000).

[15] Р.В. Терпиловский, *Ранние славяне Подесенья III–V вв.*, Киев 1984; Р.В. Терпиловский, Н.С. Абашина, *Киевская культура*, Киев 1992.

[16] Сравни хотя бы рецензии тома № II – Я.Г. (Я. Гурба), *Monumenta Studia Gothica*, „Wiadomości Uniwersyteckie", № 6(93); 2002, с. 8.

[17] Это касается, например, вопросов черняховской культуры, которые до момента разработки Б. Магомедовым (*op. cit.*) известны были из региональных исследований: Б.В. Магомедов, *Черняховская культура Северо–Западного Причерноморья*, Киев 1987; М.Ю. Смишко, В.Д. Баран, *Племена черняхівської культури*, [в:] Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу первісннообщинного ладу та в давньоруський час, Київ 1976, с. 63-83; В.Д. Баран *Черняхівська культура*, Київ 1981; І.С. Винокур, *Старожитності східної Волині першої половини I тисячо-ліття н. е.*, [в:] Праці Комплексної Експедиції Чернівецького Державного Університету, т. 8 (серія археологічна, № 1), 1960, с. 5-130; он же – *Історія та культура черняхівских племен*, Київ 1972; он же – *Черняхівська культура: витоки і доля*, Кам'янець–Подільський 2000; приводим лишь важнейшие разработки, исключая книги в форме учебника.

[18] И.Н. Храпунов, *Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры)*, [в:] Monumenta Studia Gothica II (ред.) A. Kokowski, Lublin 2002.

Тем не менее, появление на свет III тома стало возможным благодаря участию двух стратегических меценатов. Одним из них является Археологический Музей в Месгарде в Дании. Однако самым значительным успехом является приобретение доброжелательности Ее Величества Королевы Дании Маргреты II, решившей поддержать наше издание при помощи управляемого ею Фонда „*Queen Margrethe and Prince Henriks Foundation*". Это привело к тому, что выпускаемая серия обрела крепкую стабильную почву основу для планирования следующих томов.

Мы благодарны также Господину Профессору Михалу Парчевскому из Института Археологии Университета в Жешуве (Rzeszów), который великодушно отказался от причитающегося ему гонорара за рецензирование тома к печати. Очередной раз языковую корректуру английского резюме сделали магистр Марта Стасяк-Циран из Люблинского Музеяи и доктор наук Эугениуш Циран, за что мы им очень благодарны. Благодарность выражаем также магистру Сильвестру Садовскому, который оработал помещенные в книге карты.

Все эти жесты доброй воли и понимания позволяют нам надеяться, что серия будет продолжена и принесет плоды в виде множества новых, важных для науки исследований.

Prof. dr hab. *Claus von Carnap-Bornheim* – Landesmuseen Schleswig-Holstein
Prof. dr *Jørgen Ilkjær* – Illerup Projekt
Prof. dr hab. *Andrzej Kokowski* – Instytut Archeologii UMCS

Введение
Introduction

Сложная судьба славянских народов, их заметный вклад в формирование этно–политического облика современной Европы вполне объясняют интерес к жизни древних славян, протекавшей до VI в. вне поля зрения письменной истории. Проблема происхождения славян принадлежит к числу „вечных" вопросов науки. Процессы, приведшие к появлению одного из крупнейших этносов Европы на исторической арене, все еще недостаточно изучены. Основными причинами такого положения являются сложность самих этногенетических процессов и отсутствие надежных письменных свидетельств о глубинных областях Восточной Европы, где находилась прародина славян до начала их широкого расселения. Все это привело к тому, что происхождение славян изучается прежде всего на основе лингвистических и археологических источников.

Не отрицая большого значения лингвистики в исследовании славянского этногенеза, следует отметить, что по мере накопления археологических фактов роль археологии в изучении этой проблемы становится ведущей. В отличие от лингвистических данных, которым часто не достает пространственной и хронологической определенности, материалы этой науки конкретно историчны и географически локализованы. К тому же археология по сравнению с другими общественными дисциплинами способна резко расширить объем источников, в чем приближается к естественным наукам, опирающимся на экспериментальные факты. Подход археологов к проблеме славянского этногенеза сводится главным образом к поискам предшественников культур раннеисторических славян.

За послевоенные годы археологами–славистами достигнуты крупные успехи в изучении древностей I тыс.н.э. В частности, выявлен ряд археологических культур римского времени, типологически близких славянским памятникам V–VII вв. н.э. Среди них все большее внимание привлекают памятники Среднего и Верхнего Поднепровья, а также Левобережья Днепра первой половины I тыс.н.э. Они делятся на две последовательно существовавшие группы: позднезарубинецкие памятники I–II вв. н.э. и киевскую культуру III–V вв. н.э. Хотя роль этих древностей в формировании раннесредневековых славянских культур признана к настоящему времени почти всеми ведущими археологами, работающими над проблемой происхождения славянских культур, целый ряд конкретных вопросов их изучения до сих пор не решен. Таким образом, детальное рассмотрение позднезарубинецких и киевских материалов во всей полноте представляется вполне актуальным.

Недостаток информации был вызван тем, что крупные экспедиционные исследования на рассматриваемых памятниках были проведены главным образом в последнее время, поэтому далеко не все материалы введены в научный оборот. В этой связи обобщающих работ также немного. Имеющиеся к настоящему времени монографические исследования были посвящены или позднезарубинецким памятникам (Обломский, Терпиловский 1991), или киевской культуре (Терпиловский, Абашина 1992), или же и тем, и другим, но лишь в определенном регионе (Терпиловский, 1984; Обломский 1991). Анализ всего круга источников, выполненный с учетом разрозненных или неопубликованных материалов, позволит решить такие источниковедческие задачи как определение археологического комплекса культурных групп, их территориальных и хронологических рамок, локальных особенностей и др. На этой основе возможен выход на уровень культурно–исторической интерпретации – установление особенностей социально–экономического развития и этнической принадлежности носителей позднезарубинецких и киевских памятников, характера отношений с другими этнокультурными общностями – синхронными, так и диахронными.

Цель работы состоит во всестороннем освещении истории позднезарубинецких и киевских племен на протяжении I–V вв. и их отношения к раннесредневековым славянам – носителям культур V–VII вв. Соответственно, предметом исследования являются позднезарубинецкие памятники I–II вв., киевская культура III–V вв., а также социально–экономическое развитие их носителей. В сравнительном плане рассматриваются зарубинецкая культура, памятники зубрецкой (волыно-подольской) группы и северо–западной группы черняховской культуры, колочинская, пеньковская и пражская культуры. Особое внимание в работе уделяется определению места позднезарубинецких и киевских памятников в сложении археологических культур раннеисторических славян путем сопоставления их типологических и социально–экономических характеристик.

Рассматриваемый период, первая половина I тыс. н.э., охватывает время между распадом культур латенского круга, наиболее крупной из которых на территории Восточной Европы были: зарубинецкая, и появлением самых ранних памятников, относящихся к V в., таких культур как колочинская, пеньковская и пражская.

Территория распространения позднезарубинецких памятников и киевской культуры охватывает большую, преимущественно левобережную, часть бассейна Днепра в его среднем и верхнем течении, включающую такие реки как Сож, Десна, Сейм, Сула, Псел, Ворскла, Тетерев, Ирпень, Стугна и др., а также

верховья Северского Донца, в том числе Оскол. Привлекаются также памятники бассейна Припяти, Южного Буга, Днестра, верховьев Западного Буга и Прута, некоторые древности Подонья и Поволжья. Речь, таким образом, идет о лесостепи и лесной зоне Украины, а также смежных областях России и Белоруссии.

Основными источниками являются археологические материалы I–V вв., добытые археологами Киева, Чернигова, Сум, Харькова, Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Минска, Гомеля и др., в том числе автором настоящей монографии, в ходе экспедиционных работ последних двадцати лет. Источниковедческая база исследования охватывает около 80 позднезарубинецких памятников I–II вв. и около 300 памятников киевской культуры III–V вв., примерно 50 из первых и 92 из вторых подвергались раскопкам. Особый интерес представляют такие широко исследованные позднезарубинецкие селища как Лютеж, Почеп, Синьково, Картамышево 2, Терновка 2 и др., а также поселения киевской культуры Обухов 3, Глеваха, Лавриков Лес, Роище, Ульяновка, Попово-Лежачи 4, Гочево 1, Шишино 5, Букреевка 2, Каменево 2 и др., могильники Казаровичи, Новые Безрадичи, Приоскольское 2 и др. В результате раскопок этих памятников (а также ряда неопубликованых комплексов) получена информация о 360 сооружениях I–V вв. и о 70 погребениях III–V вв. Кроме публикаций использованы также материалы археологических коллекций, хранящихся в фондах Института археологии НАНУ (г. Киев), Института археологии РАН (г. Москва), Института истории материальной культуры РАН и Эрмитажа (г. Санкт–Петербург), Института истории АНБ (г. Минск), Черниговского и Харьковского исторических, Сумского, Курского, Гомельского и Могилевского краеведческих музеев.

Методика исследования отражена в следующих положениях:

– Существование тесной связи этноса с выражающим его обликом материальной культуры.

Среди археологов все больше распространяются представления о существовании этнически смешанных археологических культур, формирующихся на основе различных этнических групп, как местных, так и пришлых. Однако при этом, как правило, возможно выделение комплекса черт, присущих культуре определенного этноса. Так, позднезарубинецкие памятники включают собственно заруби-нецкие, а также юхновские, пшеворские и другие элементы. Их дальнейшее развитие приводит к образованию нового целостного явления – киевской культуры. Элементами культуры, отражающими этническую специфику, являются прежде всего погребальный обряд, домостроительство, лепная керамика и некоторые типы украшений. Вопрос об этнической принадлежности археологической культуры нельзя решить без определения ее происхождения и дальнейшей судьбы, а также места среди соседних культур. Непременным условием вывода о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной культуры другой (Седов 1979, 39).

– Использование принципа ретроспекции для постепенного прослеживания всей цепочки генетически связанных культур без пропуска каких–либо звеньев.

При ретроспективном подходе в славянской археологии за точку отсчета принимается Киевская Русь, от которой различные исследователи пытаются протянуть цепочку генетически связанных археологических культур. Из этого иногда делается следующий вывод: если некая культура не восходит к древнерусской, то она не является славянской (Русанова 1976, 197–198; Седов 1982, 29). Согласиться с этим, однако, трудно – безусловно, в длительном и сложном процессе, увенчавшемся сложением культуры Киевской Руси, были и тупиковые линии развития, пресекшиеся по тем или иным причинам. Строго говоря, к собственно Киевской Руси восходит только культура Луки–Райковецкой, а синхронные ей роменская и боршевская, несомненно, принадлежащие к восточнославянским группировкам, находятся несколько в стороне от магистрального пути формирования древнерусской культуры. Поэтому нет особого основания для противопоставления пражской, пеньковской и колочинской культур V–VII вв., отличающихся между собой второстепенными признаками, но составляющими определенную культурную общность. Именно они берутся за точку отсчета как наиболее ранние достоверно славянские древности.

– Определение типологических и хронологических характеристик рассматриваемых культурных групп на основе наиболее представительных и надежных комплексов с последующим привлечением массового материала.

Практически все основные характеристики позднезарубинецких памятников и киевской культуры определены по опорным памятникам, на которых проведены стационарные раскопки. Многие пункты, известные по данным разведок, трудно соотнести с той или иной культурной группой с достаточной определенностью. Однако и памятники, исследованые путем разведок или раскопок небольшого масштаба, пригодны для картографирования ряда признаков.

Почти все рассматриваемые памятники представлены поселениями за исключением нескольких киевских могильников. Датирующие вещи на селищах встречаются сравнительно редко, а основную массу находок составляет керамика. Позднезарубинецкие и киевские поселения, как правило, имели небольшие размеры и непродолжительный период существования. За редкими исключениями время функционирования памятника не выходит за рамки того или иного хронологического периода, а его комплекс характеризуется достаточной однородностью. Это дает возможность широко использовать материалы не только из объектов с датирующими находками, но и из остальных комплексов.

– Сопоставление при сравнительном анализе культур максимально близких памятников для получения корректных результатов на основе заполнения территориальных и хронологических лакун.

В настоящее время часто относят памятники к той или иной археологической культуре на основании определенного коэффициента сходства между ними. Конечно, такие подсчеты очень условны, особенно если они базируются лишь на какой–то одной категории инвентаря, например керамике, однако все же они помогают ориентироваться „по горизонтали", среди ряда синхронных культур. Однако коэффициент сходства между генетически связанными культурами может значительно варьировать в зависимости от того насколько резким был скачок между ними, определяемый темпами социально–экономического развития их носителей. Поэтому для установления характера перехода между культурными группами необходимо в первую очередь использовать хронологически смежные памятники двух последовательных культур, расположенных максимально близко.

С другой стороны, при выделении культурных типов позднезарубинецких и киевских памятников необходимо сопоставление синхронных материалов, что достигается на основе анализа датирующих вещей и закрытых комплексов. Кроме „абсолютно закрытых комплексов" (керамических вымосток подов отопительных сооружений, крупных развалов сосудов с полов построек и др.) привлекаются также материалы, которые возможно датировать уже определенного периода существования селища. Так, значительная масса позднезарубинецкой и киевской керамики происходит из скоплений в заполнении сооружений, представляющих собой своеобразные „условно закрытые комплексы" (Обломский, Терпиловский 1991, 16-18).

– Установление генетической связи диахронных культур путем не только типологического сходства, но и специфики социально-экономической структуры их носителей.

Очевидно, резкие скачки, неизбежные при переходе от одной исторической эпохи к другой (например, от античности к средневековью), вызывали массовое распространение различных инноваций. Однако при изменении облика культур основные особенности их хозяйственной деятельности, обусловленные в первую очередь наличием определенной среды обитания, менялись гораздо медленнее. Поэтому сохранение преемственности в наборе орудий, составе культурных растений и стада, топографии и планировке поселений, вероятно, может свидетельствовать не только о близости уровней социально-экономического развития носителей двух диахронных культур, но и об определенной генетической связи между ними.

Следуя этим принципам, начнем наше исследование.

I. Историография
Historiography

1. Проблема выделения славянских памятников римского времени и их интерпретации

Особенностью послевоенного развития славянской археологии является стремительное расширение источниковедческой базы, что в первую очередь и определило успехи в изучении путей формирования и развития материальной культуры древних славян. Рост круга археологических данных сопровождался изменениями в оценке места тех или иных археологических общностей в процессе этногенеза и ранней истории славян. Ограничимся рассмотрением основных концепций по данной проблеме за последние полвека, так как именно в это время славянская археология выходит на ведущее место, оставив позади ряд других наук, в том числе языкознание и историю.

В 40–50-х гг. получили окончательное оформление чисто автохтонистские в своей основе концепции, чему способствовал рост самосознания славянских народов после завершения Второй мировой войны. Исторические науки (в том числе и археология) все крепче привязывались к господствующей идеологии. Поэтому наличие объективно существовавших хронологических и территориальных лакун, как правило, не мешало построению культурно–исторических схем, долженствующих показать изначальность пребывания славян в Поднепровье и Повисленье по крайней мере с эпохи бронзы. В это время археологи знали достоверно славянские памятники лишь VIII–X вв. (древности типа Луки–Райковецкой и роменско-боршевскую культуру), непосредственно предшествующие культуре Киевской Руси. Поскольку ближайшей по времени оказывалась черняховская культура, то в ее носителях также усматривали славян. Далее выстраивалась следующая ретроспективная цепочка культур: черняховской предшествовала зарубинецкая культура; затем следовала скифская лесостепная культура, далее предскифские чернолесская и белогрудовская культуры и, наконец – тшинецко-комаровская эпохи бронзы. В ряде случаев между этими звеньями, однако, зияли хронологические разрывы. Особенно бросалась в глаза лакуна между черняховской культурой и славянами, составлявшая несколько сот лет. „Черняховское" или „южное" направление наиболее последовательно отстаивал М.Ю. Брайчевский. Его эрудиция, привлечение широкого круга исторических, лингвистических, антропологических, фольклорных и этнографических материалов были направлены на доказательство принадлежности черняховской культуре „бесчисленных племен антов" (Брайчевський 1964; 1968 и др.).

В 50-х гг. были обнаружены памятники VI–VII вв., предшествующие славянским культурам кануна Киевской Руси. Их число стало стремительно расти и вскоре археологи стали различать три похожие культуры – пражскую (пражско–корчакскую), пеньковскую и колочинскую. Таким образом, славянская археология сделала важный шаг, „*спустившись по лесенке ретроспекции на одну двухсотлетнюю ступеньку*" (Щукин 1987, 104). Однако при этом разница в облике между славянскими культурами и черняховскими, а также пшеворскими памятниками стала еще резче, что привело к потере популярности концепций славянской принадлежности этих древностей.

Вторую гипотезу развивали П.Н. Третьяков, В.Н. Даниленко и другие сторонники „зарубинецкой" или „северной" линии славянского этногенеза. В этот процесс включался ряд культур: мощинская, длинных курганов, сопок, пеньковская, колочинская и др. Основной путь развития славянских культур пролегал в стороне от черняховской культуры и предполагал движение через зарубинецкую культуру к „позднезарубинецким" древностям римского времени, а затем – к раннесредневековым славянским культурам. При этом предполагалось отступление на север потомков зарубинецкого населения и усиление их контактов с племенами лесной зоны (балтами и финно–уграми), позднее – широкое распространение возникших на этой основе культур раннеисторических славян в Среднем Поднепровье, Подунавье и др. (Третьяков 1966; 1970; 1982). П.Н. Третьяков, В.Н. Даниленко и их последователи верно подметили структурное сходство указанных культурных групп, выявили новые преспективы полевых иследований, но детально система доказательств разработана не была. Венедами априори признавались носители зарубинецкой культуры, а антами – племена колочинской или пеньковской культур.

Ряд авторов ищет компромиссных решений, пытаясь выделить славянские элементы в пшеворской и черняховской культурах. Отметим, что в оценке обеих культур на протяжении 70–х гг. произошли существенные изменения. Их уже не рассматривали как монолитные, бесспорно славянские группировки. Общепринятыми стали представления о сложном этническом составе и пути формирования обеих культур, о значительной роли в них германского компонента. Отказ от тезиса об исключительно славянской принадлежности пшеворской и черняховской культур раскрыл новые возможности их изучения: появились основания, не отрицая резких различий между этими культурами и славянскими древностями VI–VII вв., искать в них отдельные сходные элементы. При этом предполагается, что они выступают в памятниках первой половины I тыс. н.э. рассредоточено, а в VI–VII вв. образуют основу очень

однородных и простых славянских культур. Таким образом, основная линия славянского этногенеза все же связывается с соответствующими элементами в пшеворской и черняховской культурах. Древности более северных территорий В.В. Седов (1970; 1979; 1994) и И.П. Русанова (1976) относят к балтскому кругу. Мало того, антов – носителей пеньковской культуры И.П. Русанова в отличие от В.В. Седова также не считает славянами. К последним следует причислить лишь население пражской культуры (Русанова 1976, 197–199).

Однако, „славянские" признаки в черняховской, пшеворской культурах и предшествующей последней культуре подклошевых погребений отнюдь не образуют ту же систему, что и в раннесредневековых славянских культурах. Не находит убедительного объяснения и различный уровень провинциально–римских *и раннесредне*вековых древностей.

Оригинальная точка зрения была высказана Э.А. Сымоновичем. В своих последних работах он пытался показать не только хронологическую и территориальную близость киевских и черняховских памятников, но и их типологическое единство, берущее свое начало в общей, зарубинецкой, подоснове. В результате тесных контактов в пограничных зонах, в частности, в Курском Посеймье, возникают смешанные в культурном отношении памятники. На их основе, в свою очередь, формируется такая раннеславянская культура как колочинская (Сымонович 1983). Мнение Э.А. Сымоновича, согласно которому восточнолевобережные древности типа Букреевка 2 возникают в результате миграции на восток части племен Верхнего Поднестровья и, следовательно, относятся к черняховским, разделяет также В.Д. Баран (1998, 181–188).

С конца 70-х гг. очерчиваются контуры нового направления, к которому почти независимо пришли многие археологи–слависты. Эта концепция позволяет корректно определить место и зарубинецкой, и киевской, и пшеворской, и черняховской культур по отношению к славянским культурам V–VII вв., то есть использовать основные конструктивные выводы предыдущих гипотез. При этом все сторонники данного направления признают особое место „пост- или позднезарубинецких" памятников в сложении древностей раннеисторических славян. Расхождения между взглядами разных авторов касаются главным образом переноса акцентов. Так, основные процессы, приведшие к кристализации культур раннесредневековых славян, по мнению И. Вернера (1972), К. Годловского (1979), М.Б. Щукина, Д.А. Мачинского и Г.С. Лебедева, происходили в лесной зоне. При этом подчеркивается структурное сходство, общая „культурная модель", „лесных" древностей первой половины I тыс. н.э. и славянских памятников V–VII вв. Петербургские исследователи активно используют сведения письменных источников и ряд выводов лингвистов, однако считают „зарубинцев" бастарнами, а с венедами связывают обитателей слабо изученного „полесского белого пятна" (Мачинский 1976; Лебедев 1982; Щукин 1976; 1987). В.Д. Баран и Д.Н. Козак основное значение придают этнокультурным процессам в северо–западных областях Украины, выделяя здесь пшеворско-зарубинецкую зубрецкую группу и своеобразные черняховские памятники. Именно с ними исследователи связывают венедов (Козак 1992, 137–140) и антов (Баран 1981, 176), на их же основе формируется пражская культура (Баран 1988, 56–79).

Взгляды исследователей, непосредственно изучающих позднезарубинецкие и киевские памятники, можно считать в той или иной мере производными от концепций В.Н. Даниленко и П.Н. Третьякова (Поболь 1969, 105–108; Кравченко, Гороховский 1979; Горюнов 1981, 35–43; Максимов 1982, 133–154; Терпиловский 1984, 42–58, 73–85; Обломский 1991, 133–148 и др.). Подобные взгляды в целом были учтены в концепции славянского этногенеза, разработанной сотрудниками отдела *славянской архео*логии Института археологии НАНУ, основные положения которой были изложены в серии коллективных работ (*Этнокультурная карта* 1985; *Археология Украинской ССР* 1986; *Славяне Юго–Восточной Европы* 1990 и др.).

Вместе с тем, проблему нельзя считать окончательно решенной. Причины этого коренятся, в частности, в недостаточно равномерной изученности позднезарубинецких и киевских памятников. Лишь в последние годы наблюдается существенный рост источниковедческой базы, сопровождаемый появлением подробных публикаций и специальных исследований. Тем не менее, остаются недоступными материалы ряда опорных памятников (Абидня, Тайманово, Оболонь и др.), без которых трудно объективно представить типологические, хронологические и локальные особенности рассматриваемых древностей. Сказывается также неразработанность ряда теоретических вопросов. В результате возникают обобщенные представления о сути позднезарубинецких памятников и киевской культуры, их месте в системе археологических культур Восточной Европы I тыс. н.э.

Культурная самостоятельность рассматриваемых древностей также служит предметом дискуссии. Как прямое продолжение зарубинецкой культуры, завершающий этап ее развития выглядят киевские памятники в работах В.Н. Даниленко, П.Н. Третьякова, Л.Д. Поболя. В.Н. Даниленко вместе с тем отмечал археологическую самостоятельность памятников киевского типа (Даниленко 1976, 65–72). П.Н. Третьяков считал их локальным вариантом (включающим, кроме Киевщины, Черниговское Подесенье) более обширного круга позднезарубинецких древностей (Третьяков 1982, 60–65).

Надо сказать, что термин „позднезарубинецкие", которым оперируют вышеуказанные исследователи, в некоторой степени оправдан, так как киевская культура, действительно, генетически связана через памятники I–II вв. с зарубинецкой культурой и ее

носителями, очевидно, являлись главным образом близкие потомки зарубинецких племен. В этом смысле, имея в виду сохранение определенных зарубинецких традиций, П.Н. Третьяков, например, называл позднезарубинецкими памятники всей первой половины I тыс. н.э. В то же время облик материальной культуры III–V вв. существенно отличается от памятников I–II вв. и тем более рубежа н.э., а также от культур Поднепровья V–VII вв. Поэтому целесообразно рассматривать в качестве позднезарубинецких именно памятники I–II вв., сохраняющие сильную зарубинецкую традицию, а памятники III–V вв., вещевой комплекс которых выразительно отличается от соседних культур и от диахронных древностей того же ареала, объединить в самостоятельную археологическую культуру (Терпиловский 1984, 47–50).

Существуют также определенные разногласия по вопросу: где провести культурно-хронологическую границу между родственными культурными группами рубежа н.э. – третьей четверти I тыс. н.э.? Так, если Л.Д. Поболь (1969, 105–108) атакует понятие киевская культура „снизу", предпочитая считать это явление „поздним этапом зарубинецкой культуры II–V вв.", то О.М. Приходнюк (1988) предложил „опустить" начало пеньковской и колочинской культур в III–V вв., предприняв тем самым штурм киевской культуры „сверху". Исследователь ставит под сомнение правомерность выделения киевской культуры, хотя в ряде более ранних своих работ он оперировал этим понятием (Приходнюк 1980, 113–121; 1985, 27–29). На основании распределения основных типов посуды киевские материалы из Лаврикова Леса и Форостовичей сближаются со Смольяныо и относятся О.М. Приходнюком к колочинской культуре. Комплексы из Роища и Хитцов, по его мнению, равно принадлежат к пеньковской культуре. Обе они берут свое начало в памятниках типа Сушки 2, представляющих самостоятельный этап в развитии культурных общностей Днепровского Левобережья и являющихся связующим звеном между позднезарубинецкими и раннесредневековыми древностями.

Опуская здесь детальную критику этой концепции (см. Терпиловский, 1989), укажем, что взятый изолировано признак (распределение некоторых типов горшков) при произвольном сопоставлении нескольких керамических комплексов, значительно разбросанных в пространстве и времени, чрезмерно расширяет культурно–исторические рамки, охватывающие, собственно, „цепочку" генетически связанных культур, и затушевывает детали этого процесса.

2. История полевых исследований

Памятники киевского типа (ныне разделяемые на позднезарубинецкие I–II вв. и собственно киевские III–V вв.) были выделены В.Н. Даниленко в конце 40-х – начале 50-х гг. (Даниленко 1955) на основании сравнительно небольших материалов из поселений и могильников на территории Киева и его окрестностей (Никольская Слободка, Бортничи, Новые Безрадичи, Ходосовка и др.). Поселение Большая Салтановка (хут. Хлепча) стало известным благодаря находке нагрудной цепи с выемчатой эмалью (Ильинская, Тереножкин 1955, 145–149). Эпизодические раскопки были проведены В.Н. Даниленко, Ю.В. Кухаренко и В.И. Канивцом в Бортничах и Погребах, Д.Я. Телегиным в Вите-Литовской. Однако материалы этих памятников не были должным образом обработаны и оценены.

В 60-х гг. изучались позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья, рассматриваемые в то время, как правило, в рамках „классической" зарубинецкой культуры. Практически полностью раскопано селище Лютеж со следами железоделательного производства (Бидзиля, Пачкова 1969). При раскопках в Тетеревке и в Гринях на р. Тетерев также встречена характерная керамика (Куза 1964; Максимов 1969, 39–41). Проведены разведки в окрестностях Киева и в поречье Трубежа (Максимов 1969, 42–43; Савчук 1969). На протяжении 1966–1974 гг. А.М. Шовкопляс осуществлены значительные раскопки поселения Луг 4 (Оболонь) в Киеве. В ходе работ исследовано 64 жилища и 918 хозяйственных ям. К сожалению, эти материалы практически не опубликованы.

Начиная с рубежа 60–70-х гг. на Киевщине активные исследования киевских памятников развернули В.Н. Даниленко, Е.В. Максимов, Н.М. Кравченко, Н.С. Абашина, Е.Л. Гороховский и др. Были проведены раскопки поселений и могильников у сс. Казаровичи и Новые Безрадичи (Максимов, Орлов 1974, 11–21; Даниленко 1976, 67–68), а также ряда поселений близ г. Обухова (Кравченко, Абашина, Гороховський 1975; Кравченко, Гороховский, 1979; Абашина, 1986). Из крупномасштабных работ 80-х гг. следует отметить раскопки поселения с киевским и черняховско-вельбарским слоями у пгт. Глеваха (Терпиловский 1988) и раннекиевского поселения Сушки 2 (Приходнюк 1988, 72–74). Ряд объектов киевской культуры встречен при исследовании могильника зарубинецкой культуры в с. Вишенки (Пачкова, Терпиловський 1988). Сплошными разведками охвачены берега рр. Стугны, Красной, Ирпеня (Петраускас, Шишкін 1992).

Наряду с публикациями отдельных памятников начиная с 70–х гг. появились статьи обобщающего характера, в которых рассматривались вопросы хронологии, происхождения и роли позднезарубинецких и киевских памятников в формировании раннесредневековых славянских культур (Даниленко 1976, 65–93; Кравченко, Гороховский 1979, 51–69; Кравченко 1979, 74–92). Итоги изучения этого региона были подведены в кандидатской диссертации Н.С. Абашиной (1986), а также в соответствующих разделах двух монографий (Обломский, Терпиловский 1991; Терпиловский, Абашина 1992).

Впервые мысль о существовании в Подесенье памятников киевского типа высказал В.Н. Даниленко

после осмотра в 1951 г. поселений у сс. Анисов и Горица близ Чернигова. Несколько позднее, в 1955–1959 гг., Ф.М. Заверняев провел раскопки позднезарубинецкого селища у г. Почеп на р. Судость (Заверняев 1969). Одновременно поблизости А.К. Амброз исследовал подобное селище у с. Синьково, а также селище Белокаменка на окраине Брянска. Полученные данные легли в основу выделения А.К. Амброзом „почепской" культуры (Амброз 1964).

С конца 50-х гг. в Подесенье работала экспедиция П.Н. Третьякова. Несмотря на то, что обследованию подверглись только отдельные участки по берегам Десны и ее притоков, в верхнем и среднем течении реки удалось зафиксировать несколько десятков поселений и следы нескольких могильников первой половины I тыс. н.э. В 1959, 1962, 1966–1970 гг. на селищах Хотылево и Спартак в районе Брянска, Колодезный Бугор, Чулатово, Лавриков Лес, Форостовичи в районе Новгорода-Северского, Киреевка у г. Сосницы и др. были проведены раскопки. Рядом с селищем Киреевка было исследовано пять трупосожжений (Третьяков, Шмидт 1963, 136–140; Горюнов 1971; Третьяков 1974; Горюнов 1981, 99–100).

В 1968–1970 гг. И.К. Фроловым проведены раскопки позднезарубинецкого поселения Железное на р. Навле, а Ф.М. Заверняевым – селища в устье р. Гасомы (Фролов 1979, 65–66; Заверняев 1974).

Одновременно ряд памятников был обнаружен А.А. Попко на участке Чернигов-Остер (Попко 1971), а в Среднем Подесенье и устье Сейма – В.И. Неприной (Непріна, Корпусова 1972) и О.Н. Мельниковской (1977, 60–68).

Начиная с середины 70-х гг. в связи с ростом интереса к описываемому периоду были обследованы памятники Черниговского Подесенья (Юркова, Коваленко 1975; Кузнецов 1977). Эти работы затем продолжены сотрудниками Черниговского исторического музея А.В. Шекуном, В.В. Простантиновой, Г.В. Жаровым, Е.М. Веремейчик и др. Следы ряда поселений киевской культуры обнаружены и выше по течению Десны – в районе Мены и Сосницы (разведки А.В. Григорьева и А.М. Обломского), в окрестностях Мезина и Коропа (разведки Е.В. Куриленко), а также по левому берегу Десны (разведки Ю.Н. Сытого и А.А. Мултанена).

В 1974–1978 гг. Е.В. Максимовым и автором были проведены раскопки на позднезарубинецком селище Киселевка 3 (Зеленецька 1980), а также на киевских поселениях Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли близ Чернигова (Терпиловский 1984, 87–90, табл. 7–22). В это же время в Верхнем Подесенье осуществлены раскопки трех позднезарубинецких поселений: Синьково–Дмитрово и Парня 2 (раскопки Г.Н. Пронина) и Партизанское (Артеменко, Смирнов 1977).

На протяжении 80-х гг. раскопки памятников киевской культуры в Подесенье продолжались: А.В. Шекун провел раскопки поселения Титова Речка, где киевские постройки перекрывали ряд зарубинецких сооружений, Г.А. Романова и О.А. Щеглова исследовали поселения Верхнестриженское 2 и 3 в верховьях р. Стрижень. Ряд киевских объектов был обнаружен на поселении Мена 5 (Кухарська, Обломський 1988). Г.А. Романовой продолжены раскопки на поселении Киреевка 1. Поблизости А.Е. Черненко исследовано поселение Киреевка 2 с хорошо сохранившимся жилищем. Ряд сооружений обнаружен при исследовании древнерусских поселений в окрестностях Чернигова (Лесковое, Кезн, Березанка и др.).

С конца 80-х гг. Т.П. Вальковой проводятся раскопки поселения Гребля в Менском р–не с зарубинецким и раннекиевским горизонтами. Широкомасштабные работы на крупном поселении Александровка 1 на окраине Чернигова предприняты А.В. Шекуном в 1993–1997 гг. (Терпиловський, Шекун 1996).

Материалам Подесенья посвящены значительные разделы большой итоговой статьи П.Н. Третьякова (1974) и монографии Е.А. Горюнова (1981), а также специальное исследование автора (Терпиловский, 1984), разделы ряда монографий (Обломский, Терпиловский 1991; Терпиловский, Абашина 1992; Гавритухин, Обломский 1996; Терпиловський, Шекун 1996).

Исследования на позднезарубинецких и киевских памятниках востока Днепровского Левобережья проводились спорадически на протяжении конца 40–х – начала 70-х гг. В это время осуществлены небольшие раскопки на Авдеевском селище в Посеймье (Алихова 1963), поселениях Беседовка на Суле (Махно 1955), Курган–Азак на р. Псел (Сухобоков 1975, 29–39), Новодоновка на Северском Донце (Митрофанова 1965), Осиповка на Орели (Телегін, Бєляєва 1975).

В Курской обл. систематические работы начались с 70-х гг. Э.А. Сымоновичем исследованы поселения Воробьевка 2, Тазово, Букреевка 2, Каменево 2 в поречье Тускари (Сымонович 1974; 1983; 1986; 1990). Несколько позднее выявлен ряд поздне–зарубинецких объектов на поселении Жерновец (раскопки А.А. Узянова). В 1978–1980 гг. группа памятников была обнаружена Е.А. Горюновым в верховьях Псла. Раскопки произведены на селищах Картамышево 2 и Шмырево (Горюнов 1980; 1981), а также на могильнике Кулига (Щукин 1990). В 80-х гг. в этом районе продолжены раскопки на селищах Бобрава и Богдановка (Горюнова 1985) и на группе памятников у с. Гочево, в которую входили несколько позднезарубинецких и киевских поселений (Гочево 1, 2, 7). Соответствующие объекты встречены также на многослойных памятниках Гочево 3 и 4.

На территории Белгородской обл. в 1984–1989 гг. А.М. Обломским предприняты планомерные разведки в верховьях Ворсклы и Северского Донца, а также раскопки поселений Терновка 2, Шишино 5, Головино 1 и могильника Приоскольское 2 (Обломский 1991, 150–217). Одновременно ряд комплексов на Донце и Осколе исследован А.С. Смирновым, А.И.

Сорокиным и А.В. Кропоткиным. В Харьковской обл. Ю.В. Буйновым проведены раскопки позднезарубинецкого и киевского селищ Родной Край 1 и 3. Ряд киевских объектов выявлен А.Н. Некрасовой и автором при раскопках поселения Боромля 2 в Сумской обл. (Некрасова 1990).

В 1988-1993 гг. А.М. Обломским и автором проведены систематические работы на территории Сумской обл., имеющие целью заполнить лакуну между сравнительно хорошо изученными районами Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона. К настоящему времени открыты десятки памятников в поречье Сейма, Псла и Ворсклы. Объекты первой половины I тыс. н.э. обнаружены в ходе раскопок поселений Рябовка 1 и 3, Солдатское 5, Березовка 2 на р. Ворсклице, Чаплищи 3 и Пересыпки 1 на Сейме, а также на поселении у с. Попово–Лежачи Курской обл. на границе с Украиной (Терпиловский 1990; Обломский, Терпиловский 1991а; Обломский 1992; Обломский, Терпиловский 1998). В 1990–1992 гг. Ю.Ю. Моргуновым и автором проведены широкомасштабные работы на поселении у с. Сенча на Суле, в результате которых раннеславянский слой середины I тыс. н.э. раскопан практически полностью (Терпиловський, Левченко 1994). В 1997 г. А.Б. Супруненко обнаружено позднезарубинецкое поселение на территории известного Бельского городища скифского времени (Супруненко, Терпиловський, *Звіт* 1997).

Результаты исследований памятников Днепровского лесостепного Левобережья изложены в серии статей Э.А. Сымоновича и ряда других авторов. Им посвящена монография А.М. Обломского (1991) и некоторые разделы работы А.М. Обломского и автора (1991), а также большинство статей сборника „*Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*" (1990).

Последняя группа памятников занимает часть Верхнего Поднепровья. Территория Юго–Восточной Белоруссии основательно исследована разведками, однако материалы широко исследованых Л.Д. Поболем на протяжении 60–х – 80–х гг. поселений и могильников Абидня и Тайманово возле Могилева, являющихся опорными памятниками киевского типа для Верхнего Поднепровья, введены в научный оборот лишь в самом общем виде. Несколько лучше опубликованы материалы из Щатково на р. Березине (Поболь 1967). Что же касается нескольких сот других „позднезарубинецких памятников II–V вв.", упомянутых в монографии Л.Д. Поболя (1983, 37-41), то сведения о них в литературе, к сожалению, отсутствуют. Кроме того, в рецензии А.Г. Митрофанова на эту работу (1986) содержаться серьезные замечания относительно достоверности и точности приведенных сведений. Поэтому данные памятники использованы нами лишь выборочно.

На протяжении 80-х гг. О.А. Макушниковым и А.И. Дробушевским были проведены разведочные работы в Гомельском Посожье, исследована полуземлянка на поселении Гудок и ряд других комплексов. Все же, несмотря на наличие многочисленных памятников киевской культуры в Белорусси, древности этого круга в целом могут быть охарактеризованы лишь на основании предварительного описания десятка памятников. Этот недостаток отчасти можно компенсировать привлечением материалов ряда поселений Подесенья, принадлежавших выходцам из Верхнего Поднепровья. Отметим также, что полевые исследования в северной части позднезарубинецко–киевского ареала после Чернобыльской катастрофы 1986 г. крайне затруднены.

Таким образом, в истории изучения позднезарубинецких памятников и киевской культуры можно выделить три периода:

1. Рубеж 1940/50–х – 70–е гг. – „эпоха первоначального накопления" данных о киевской культуре (и позднезарубинецких памятниках, рассматриваемых в рамках „классической" зарубинецкой культуры). Начало этого периода совпадает со временем появления первых концепций „зарубинецкой линии" славянского этногенеза (В.Н. Даниленко, П.Н. Третьяков и др.).

2. Конец 1970–х – середина 80–х гг. – „эпоха переосмысления", период проведения серьезных источниковедческих исследований, посвященных позднезарубинецким и киевским древностям.

3. С конца 1980-х гг. – „период подведения итогов" на уровне создания обобщающих работ, учитывающих конкретные исследования позднезарубинецких и киевских памятников в полном объеме. Одновременно основные усилия направляются на изучение этнокультурных процессов в отдельных регионах, заполнение территориальных и хронологических „белых пятен".

3. Проблемы изучения керамического комплекса

Проблема культурного определения позднезарубинецких и киевских древностей тесно связана с интерпретацией наиболее массовой категории инвентаря – лепной керамики, то есть с разработками типологических схем. Единственная существующая типология позднезарубинецких сосудов была основана примерно на тех же принципах, что и классификация А.М. Обломского для керамики Чаплинского могильника зарубинецкой культуры (Обломский, Терпиловский 1991, 14–16). Различные типологические схемы керамики киевской культуры ранее были разработаны для двух регионов: Среднего Поднепровья (Абашина, Гороховський 1975, 66–69; Кравченко, Гороховский 1979, 66–69; Абашина 1986, 7–8) и Подесенья (Терпиловский 1984, 19–24; Обломский 1986, 42–43, 59). Предпринимались также по-пытки охватить весь киевский керамический комплекс (Терпиловский, Абашина 1992, 45–47; Максимов, Терпиловский 1993, 111). Была предложена общая классификация для позднезарубинецкой и киевской посуды водораздела Днепра и Дона (Обломский 1991, 35–37) на основе созданной ранее типологии позднезарубинецкой керамики.

Безусловно, рассмотрение всей позднезарубинецкой и киевской керамики требует применения единой методики, однако ни одна из существующих классификаций для этого не подходит. Наиболее удачной нам представляется типология, используемая в различных работах А.М. Обломского, однако и она не свободна от недостатков. Для решения задач, поставленных в диссертации, целесообразно выделять варианты по характеру верхней части горшковидного сосуда, а не по форме венчика (шейки), так как эта часть на протяжении I–V вв. Претерпевает значительные изменения. Укажем также, что позднезарубинецкая и киевская керамика представлена почти исключительно материалами поселений, для которых целые формы относительно редки. Это лишает особого смысла применение методов количественного анализа.

Очевидно, что для сопоставления памятников, имеющих значительный хронологический и территориальный разброс, нет необходимости создавать слишком дробную классификацию, поэтому наша схема представляет собой упрощенную версию уже существующих типологий (Обломский, Терпиловский 1991, 14–16; Терпиловский, Абашина 1992, 45–47). Она построена по иерархическому принципу и предполагает выделение классов – по форме максимального расширения корпуса, типов – по общим очертаниям профиля, вариантов по характеру верхней части. Класс I образуют округлобокие и слабопрофилированные горшки. Тип 1 – сосуды с выпуклой линией верхней части (вар. а – максимальное расширение в средней, вар. б – в верхней части). Тип 2 – менее профилированные сосуды с прямой линией верхней части (вар. а – максимальное расширение в средней, вар. б – в верхней части, вар. в – баночные со слабо выделенной шейкой и широким дном). Тип 3 – тюльпановидные сосуды с широкой горловиной (варианты выделяются по высоте максимального расширения корпуса). Тип 4 – сосуды с загнутым внутрь краем.

Класс II включает горшки с ребристым перегибом корпуса: тип 1 – сосуды с прогнутой верхней частью, тип 2 – биконические и цилиндро–конические горшки (варианты выделяются по степени открытости горловины). Эти основные типы позднезарубинецкой и киевской керамики дополняются рядом индивидуальных форм горшков и корчаг.

Столовая посуда преимущественно представлена позднезарубинецкими мисками. Немногочисленные киевские лощеные сосуды отличаются от них, как правило, более вытянутыми пропорциями. Согласно нашей типологии в класс I включены миски с округлым бочком (тип 1 – с отогнутой шейкой, тип 2 – с загнутым внутрь краем), а в класс II – различные типы ребристых мисок, составляющих основную массу (тип 1 – миски с прогнутой и тип 2 с зигзаговидной верхней частью (варианты выделяются по пропор-циям мисок или их верхних частей), тип 3 – позднезарубинецкие миски с прямой верхней частью (варианты выделяются по оформлению края или ребристого бочка).

Позднезарубинецкий и киевский керамический комплекс дополняется дисками и сковородками с закраиной или невысоким бортиком, а также коническими плошками или крышками, имеющими иногда пустотелый поддон (рис. 1).

При ограниченном наборе основных форм сосудов существует множество промежуточных вариантов, отнесение которых к тому или иному типу зависит от позиции исследователя. Специфика керамических наборов определяется прежде всего по соотношению ведущих типов горшков, некоторым изменениям их профилировки и пропорций.

Проведенные исследования позднезарубинецких и киевских древностей позволяют предпринять комплексное изучение всего круга памятников для создания полноценной источниковедческой базы, на основе которой возможна реконструкция культурно-исторических процессов, протекавших в Поднепровье в первой половине I тыс. н.э.

II. Позднезарубинецкие памятники Поднепровья I-II вв.
The Late Zarubintsi sites of the Dnieper Region of the 1st–2nd centuries A.D.

1. Распад зарубинецкой культуры и его причины

Около рубежа нашей эры происходит распад латенских традиций, выразившийся в исчезновении таких культур как зарубинецкая, поянешти–лукашевская, ясторфская и др., а также в значительной трансформации пшеворской и оксывской культур. Вместе с тем, зарубинецкая культура Поднепровья не исчезает бесследно. Развитие ее традиций продолжается на ряде памятников лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Все же налицо прерывистость развития зарубинецких древностей, отмеченная рядом исследователей (Щукин 1979, 74; Максимов 1982, 25–28).

Признаками кризиса, на наш взгляд, являются исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования всех зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья, массовые миграции населения с этих коренных зарубинецких территорий в различных направлениях вплоть до Южного и Западного Буга на западе и до верховьев Десны, Псла и Северского Донца на северо-востоке и востоке; изменение топографии поселений (массовое появление селищ на низких припойменных участках или в пойме) и др.

Кризис зарубинецкой культуры – культуры латенских традиций, вызвал изменение ее структуры, что дало толчок к возникновению нового культурного явления в новых исторических условиях раннеримского времени (Обломский, Терпиловский 1991, 9–10). Понятие кризиса (распада) зарубинецкой культуры служит основанием для объединения позднезарубинецких памятников в некую общность и для обособления их от собственно зарубинецких. Напомним, что „позднезарубинецкими" мы называем памятники, возникшие во время распада зарубинецкой культуры или после него и распространенные вплоть до появления культур позднеримского времени (черняховской и киевской).

В этой связи хронологический диапазон бытования позднезарубинецких памятников можно определить таким образом: нижней границей их является дата кризиса зарубинецкой культуры или, другими словами, верхняя дата зарубинецких памятников. В работах М.Б. Щукина она устанавливается в пределах 40-х гг. н.э. – середины I в. н.э. (Щукин 1979, 68; 1986, 29). Кризис зарубинецкой культуры, по мнению А.М. Обломского, наступает несколько позднее - в третьей четверти I в. н.э. (Обломский 1987). Скорее всего, распад зарубинецкой культуры был не единовременным актом, а рядом последовательных событий серединытретьей четверти I в. н.э.

Верхнюю дату позднезарубинецких памятников в целом ограничивает возникновение сменившей их на данной территории киевской культуры, а также памятников черняховской культуры, распространившихся в Среднем Поднепровье и Днепровском лесостепном Левобережье в середине III в. н.э. Поскольку возникновение киевской культуры относится к концу II – началу III в., то эту же дату можно считать максимально допустимым верхним рубежом предшествующих позднезарубинецких памятников.

Причины кризиса зарубинецкой культуры до настоящего времени окончательно не выяснены. Ю.В. Кухаренко (1961, 19) предполагал, что зарубинецкое население покидает Припятское Полесье под натиском готов. Однако после уточнения хронологии могильников типа Брест-Тришин выяснилось, что между финалом зарубинецких классических памятников и приходом готов в Полесье имеется хронологический разрыв – зарубинецкие могильники перестают функционировать на рубеже позднего латена и периода B_1, а наиболее ранние вельбарские комплексы относятся к стадии C_1 (Каспарова 1989).

М.Б. Щукин предложил концепцию сарматского вторжения на территорию Среднего Поднепровья, согласно которой распад зарубинецкой культуры и отток населения за пределы ее ареала был вызван нашествием сарматов (Щукин 1972, 52). При этом сарматское нашествие связывается с общим широ-ким движением кочевников на запад, начавшимся в конце I в. до н.э. (Щукин 1986, 30–31). Близкие точки зрения излагались и в работах других авторов (Третьяков 1982, 57–58; Максимов 1982, 77–78; Каспарова 1986, 16). В качестве возможных причин кризиса зарубинецкой культуры назывались и некоторые другие „внутренние" явления (в том числе экологические изменения), однако по сравнению с „сарматским ударом" они признавались второстепенными (Каспарова 1986, 13–14).

На наш взгляд, концепция сарматского нашес-твия не объясняет всех явлений, которые сопутствовали распаду зарубинецкой общности. Следы продвижения сарматов фиксируются только на территории Среднего Поднепровья, а поселения и могильники были покинуты в течение короткого времени по всему ареалу зарубинецкой культуры, даже там, где сарматов никогда не было: в Верхнем Поднепровье и Полесье. Иногда считают, что „*разгром сарматами зарубинецких поселений на Среднем Днепре не мог не отразиться на жизни родственных племен в Полесье*" (Каспарова 1986, 16). Однако, несмотря на то, что контакты между населением различных вариантов зарубинецкой культуры существовали, средне–днепровские, полесские и верхнеднепровские племена

развивались достаточно обособлено друг от друга. Поэтому сарматское нашествие не могло привести к оттоку зарубинецкого населения из лесной зоны: достаточно замкнутые полесская и верхнеднепровская общности могли бы существовать и дольше, после опустошения Среднего Поднепровья.

Не понятно также, почему в позднезарубинецкий период (то есть во время максимальной угрозы вторжения кочевников) прекращается строительство укреплений на поселениях. Перенос поселений в пойму иногда объясняют тактическими соображениями: пойменные поселки защищены болотами (Щукин 1986, 29). Однако позднезарубинецкие селища расположены не только в пойме, но и на первой надпойменной террасе, которая не менее доступна для врагов, чем кромка коренного берега.

Представляется, что причины распада зарубинецкой культуры должны иметь не локальный (готское или сарматское нашествие), а глобальный характер, то есть действовать по всему ее ареалу в равной степени. Кроме миграций, они должны вызвать перемены в способе ведения хозяйства и сопутствующие им изменения в социальной организации населения. На наш взгляд, распад зарубинецкой культуры был вызван комплексом различных причин, среди которых важное место занимали экологические процессы. Возможно, именно нарушение водно-температурного баланса в Восточной Европе в конечном итоге определило хозяйственные, общественные и идеологические перемены. Подробно этот вопрос разработан в специальном исследовании (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1991), а также в главе V. Здесь же отметим лишь, что такая гипотеза вполне объясняет массовые миграции зарубинецкого населения и перенос селищ на более влажные участки речных долин. Не исключено, что изменения климата явились общей причиной круга восточноевропейских миграций I–II вв., наиболее мощ-ными из которых были движение сарматов в степной зоне, распад зарубинецкой культуры, передвижение готов из Прибалтики на Волынь.

Сформировавшиеся в этих условиях позднезарубинецкие памятники характеризуются значительным разнообразием, обусловленным той или иной степенью сохранности „классических" зарубинецких традиций, наличием других этнокультурных компонентов и др. В силу этой разнородности их сложно объединить в отдельную археологическую культуру. Учитывая распространение позднезарубинецких памятников на огромном пространстве в сочетании с объединяющим их сравнительно небольшим числом интегрирующих признаков, М.Б. Щукин предпочитает определять это явление как „горизонт Рахны–Почеп" (Щукин, 1986). По своему содержанию к нему близко понятие „культурная группа", использовавшееся Д.Н. Козаком применительно к синхронным волыно–подольским или зубрецким памятникам. При этом подразумевается, что культурная группа характеризуется наличием нескольких этнокультурных компонентов, находящихся в процессе интеграции. Исследователь отмечает также, что культурная группа является самостоятельным археологическим явлением, отражающим начальный этап формирования археологической культуры (Козак 1992, 4).

Разнородность позднезарубинецких памятников предполагает раздельное, а не суммарное рассмотрение древностей того или иного типа. При этом основное внимание будет уделено характеристике керамического комплекса и домостроительства, а также вопросам хронологии. В этой связи анализируются фибулы, выемчатые эмали, бусы и другие вещи, имеющие первоочередное значение для датировки позднезарубинецких памятников. Орудия труда, характер застройки селищ и т.д. рассматриваются в главе V, посвященной проблемам хозяйственного и общественного развития населения Поднепровья в первой половине I тыс. н.э.

2. Памятники типа Лютеж

При выделении позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья в особую группу наиболее важным вопросом является определение их хронологии из–за значительного типологического сходства с зарубинецкими древностями.

Для разграничения этих двух групп памятников предлагается критерий их ландшафтного расположения. Подавляющее большинство позднезарубинецких поселений, известных за пределами Среднего Поднепровья, но в той или иной степени связанных с этим регионом по происхождению (типа Почеп, типа Картамышево 2-Терновка 2, побужской группы), расположены на всхолмлениях в пойме (дюны, останцы высокой поймы) или на первой надпойменной террасе на высоте от 0,5 до 6 м над уровнем затапливаемых в половодье участков речных долин. В таких же условиях находятся верхнеднепровские по происхождению, но известные частично и в Среднем Поднепровье, поселения типа Грини. Исключения из этого правила крайне редки.

В сводке Е.В. Максимова в северной части Среднего Поднепровья, на границе лесной и лесостепной зон упомянуто 17 поселений зарубинецкого круга „пойменной" или „околопойменной" топографии (Максимов 1972, 19–52). Нами учтено семь селищ, подвергшихся раскопкам: Лютеж, Оболонь, Таценки, Тетеревка, Чапаевка, Новые Безрадичи, Вишенки, а также два погребения с кремацией в Бортничах и Жукине. По данным разведок зафиксировано еще девять памятников (рис. 2). По составу керамического комплекса и конструкции жилищ указанные селища сходны, что позволяет объединить их в группу „памятники типа Лютеж" (приложение 1). Подавляющее большинство среднеднепровских зарубинецких поселений классического периода имеют иную топографию: они находятся преимущественно на коренных берегах рек (Максимов 1972, 62-65). Для ответа на вопрос, различаются ли поселения этих двух

ландшафтных зон во времени, проанализируем их хронологическое соотношение.

Дата финала зарубинецкой культуры определяется в первую очередь по сравнительно многочисленным находкам фибул в погребениях. Наиболее поздние датирующие вещи классических могильников представлены фибулами вариантов П/Р, М, Г3 и Ф по модифицированной классификации Ю.В. Кухаренко (Обломский 1983), а также фибулами с треугольным щитком на ножке III и IV вариантов по А.К. Амброзу (могильники Пирогов, Корчеватое и Девич–Гора). Все эти типы на территории зарубинецкой культуры синхронизируются в пределах третьей фазы предримского периода. Некоторые из них (П/Р, Г3, Ф) датируются только этим этапом, остальные появляются раньше, но доживают до конца латена D (Обломский 1983, 118–119). К этому же времени относится погребение 3 Субботовского могильника, датируемое на основании сочетания причерноморской фибулы и поясного крючка началом I в. н.э. (Щукин 1972, 50).

Поздние фибулы зарубинецких поселений, расположенных на коренных берегах, не отличаются по хронологической позиции от найденных на могильниках. Это застежки вариантов Н (Сахновка), П/Р (Монастырек), Г3 (Пилипенкова Гора, Бабина Гора), Д (Ходосовка). Последние относятся ко второй–третьей фазам позднего латена. Таким образом, среднеднепровские городища и селища на коренных берегах в целом синхронны классическим могильникам и исчезают в период прекращения их функционирования не позднее финала позднего латена на территории зарубинецкой культуры. Ни с классическими зарубинецкими погребениями, ни с расположенными высоко над поймой поселениями достоверно не связаны находки раннеримских вещей среднеевропейских периодов B_1 и B_2, что отмечено еще М.Б. Щукиным (1979, 68). Эти факты интерпретируются исследователями поразному.

По мнению Е.Л. Гороховского, зарубинецкие могильники с украшениями латенских типов прекращают функционировать около рубежа нашей эры, в первой половине I в. н.э. появляются позднезарубинецкие памятники с раннеримскими вещами, однако жизнь на таких поселениях как Оболонь не прерывалась (Гороховский 1988, 151–158). Финал позднего латена на зарубинецких памятниках М.Б. Щукин и К.В. Каспарова датируют по аналогии с пшеворской культурой 40–ми гг. или серединой I в. н.э. С другой стороны, в погребениях заключительной фазы зарубинецкой культуры появляются острореберные миски с вертикальным венчиком, являющиеся, по мнению А.М. Обломского (1987, 81–83), подражанием краснолаковым античным сосудам. Поэтому исследователь считает, что распад зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья происходит несколько позже, в пределах 40–70–х гг. н.э. Еще к более позднему периоду, концу I в. н.э., относит ряд погребений Пироговского могильника С.П. Пачкова по аналогии с керамикой могильника Рахны в Южном Побужье (Пачкова, Кубышев 1992). Однако своеобразие южнобугской погребальной обрядности по сравнению с зарубинецкой, а также значительный период существования большинства керамических форм вызывает необходимость поисков новых доказательств.

Датирующие находки из „пойменных" и „околопойменных" поселений Среднего Поднепровья по своей хронологической принадлежности делятся на две группы. Первую составляют фибулы вариантов М (Таценки 1), О (Оболонь) и П/Р (Волчков). Как говорилось выше, такие фибулы диагностируют также финал зарубинецкой культуры, причем варианты О и П/Р синхронизируются в рамках третьей фазы позднего латена. К этой же группе примыкают бронзовая и железная шпоры из Оболони (Шовкопляс 1988, 237), типичные для позднелатенского времени и не выходящие за его пределы.

Ко второй группе относятся более поздние датирующие вещи, ни разу не встреченные в комплексах погребений или жилищ, а также на поселениях и могильниках классического периода. Подобной находкой является поздняя глазчатая фибула из Лютежа (тип IV серии В по Р. Ямке). Согласно относительной хронологии Средней Европы, в частности пшеворской культуры, позднейшие варианты глазчатых фибул связаны с ранними комплексами периода B_2 или B_{2a}, то есть с последней четвертью I и первой четвертью II в. н.э. (Обломский, Терпиловский 1991, 27–28). В Оболони встречен также фрагмент подковообразной фибулы с выемчатой эмалью (Шовкопляс 1988, 236). На поселении Новые Безрадичи обнаружены пряжки типа Безрадичи–Криспинув и типа Тарнув, а также шпора группы 1 по К. Годловскому (*Prahistoria ziem polskich* 1981, 174, 264; Гороховский 1988, 159). Все эти предметы характерны для II в., в основном его середины и второй половины. Одна из пряжек найдена в постройке 4, содержащей позднезарубинецкую керамику. Очевидно, с позднезарубинецким горизонтом связаны также находки второй пряжки и шпоры в культурном слое (Терпиловский, Абашина 1992, 79).

С двумя трупосожжениями близ Киева связаны „вендская" фибула (Бортничи) и известный Жукинский комплекс украшений, включающий диадему, ожерелье с подвесками, два браслета и фибулу. По мнению Е.Л. Гороховского (1988, 119–120, 206), эти вещи следует датировать второй половиной II в.

Из Среднего Поднепровья происходит несколько десятков различных предметов убора и украшений, относящихся к этому периоду (рис. 3). Некоторые из них связаны с позднезарубинецкими памятниками, диагностируемыми на основании разведок. Это поздняя глазчатая фибула из Таценок (Максимов 1969, 43) и фибула позднелатенской схемы „почепского типа" из Коржей в поречье Трубежа (Савчук 1969, рис. 1:22). Серединой II в. следует датировать две находки из Бобрицы близ Канева: бронзовую шпору среднеевропейского типа и крупную фибулу, анало-

гичную застежке из Жукина. Ножка фибулы выполнена по среднелатенской схеме, но спинка отличается гигантскими размерами и пуансонным орнаментом в виде концентрических окружностей и дуг (Максимов 1991, рис. 2:*9–10*). Возможно, с позднезарубинецкими памятниками связаны также сильнопрофилированные фибулы типа Альмгрен 84 из Рудяков и близкая к ней из Пасечной (Максимов 1972, табл. XI: 3; Савчук 1969, рис. 1:*18*). Подобные фибулы относятся ко второй половине II в. (Гороховский 1988, 197). Железные фибула и пряжка II в., связанные, очевидно, с находками груболепной и лощеной керамики типа Лютеж, а также Т–образной фибулы с выемчатой эмалью, происходят из размытого водами Кременчугского водохранилища поселения Леськи 3 (Куштан, Сиволап, Терпиловський, 1999).

Таким образом, „пойменные" и классические зарубинецкие поселения на коренных берегах частично сосуществуют (в какой–то из отрезков времени употребления вещей первой группы на пойменных селищах). Очевидно, основные поселения на коренных берегах не позднее третьей четверти I в. н.э. были оставлены, а пойменные (как ландшафтный тип) продолжали существовать и позже.

Об этом же свидетельствует расположение на сниженных участках первых надпойменных террас и дюнах трех зарубинецких могильников: Казаровичей (ур. Цегельня), Хотяновки и Вишенок (Максимов 1972, 23, 25; Пачкова 1988, 165). Характерно, что все они относятся к заключительному периоду существования зарубинецкой культуры.

Не исключено, что такие поселения как Лютеж и Оболонь возникли еще на финальной стадии зарубинецкой культуры, однако основной период их существования относится к I–II вв. Об этом, в частности, свидетельствует полное отсутствие в Лютеже мисок с S–видным профилем и двумя–тремя гранями на внутренней стороне венчика, а также единичность таких находок в Оболони. Как известно, такие миски типичны для зарубинецкого керамического комплекса Среднего Поднепровья в период до рубежа н.э. (Максимов 1982, 46).

Особенность памятников типа Лютеж наиболее выразительно можно представить по керамике эпонимного памятника, так как находки из Оболони практически не опубликованы, а из Таценок, Тетеревки и Новых Безрадичей и других пунктов – сравнительно малочисленны. Число лощеной керамики из Лютежа достигает 17,2% (Бидзиля, Пачкова 1969, 64).

На поселении представлены округлобокие горшки типа I-1, типа I-2 варианта б, а также ребристые типа II-1 вариантов а,б и II-2б. Наиболее часто встречаются сосуды типов I-1 варианта б, II-1б и II-2б. Прочие сравнительно редки.

Поверхность подавляющего большинства горшков – нелощеная. Она заглажена, иногда на ней заметны следы пальцев. Имеются и обломки с искусственно ошершавленной (хроповатой) поверхностью. Излюбленные приемы орнаментации – насечки и защипы по краю венчика. Встречаются изредка фрагменты верхних частей горшков, орнаментированные налепными валиками, иногда на плече сосудов имеются следы „ложного валика" – пояса защипов (рис. 4:5).

Лощеные горшки единичны. Два экземпляра, форма которых поддается реконструкции, относятся к типам II-1б и II-2б. Изредка они орнаментируются налепными подковками.

Лощеные кружки представлены единичными обломками. Формы лощеных мисок очень разнообразны. На памятниках типа Лютеж встречены миски почти всех конечных типологических разрядов, встречающихся во всех позднезарубинецких регионах. Наиболее распространены формы I-1 варианта а, II-1а, II-2а и II-3б (рис. 6). Уникален для позднезарубинецкой керамики лощеный сосуд из горна 5, близкий к мискам типа II-1 варианта в (рис. 5:*4*).

Керамический комплекс Лютежа дополняется дисками без бортиков или с едва заметной закраиной, а также коническими крышками с полой ручкой, стенки которых в профиле имеют вид выпуклой дуги (рис. 5:*6–13*). Края крышек изредка орнаментированы защипами (Обломский, Терпиловский 1991, 31–37).

Лютежские горшки по формам и пропорциям чрезвычайно близки нелощеной посуде из классических зарубинецких поселений (Пилипенкова Гора, Бабина Гора, Ходосовка) и могильников Среднего Поднепровья (Дедов Шпиль, Корчеватое, Пирогов). Кроме того, все элементы декора позднезарубинецких горшков известны на памятниках классического периода. Орнаментация венчиков защипами и насечками является общезарубинецкой.

На среднеднепровских поселениях часто встречаются сосуды с хроповатой поверхностью, рельефными налепами и поясами защипов по плечикам.

Среднеднепровское зарубинецкое происхождение имеет и большинство мисок набора, представленного в Лютеже. На тех же классических памятниках известны аналогии мискам типов I-1 варианта а и I-2, встречаются также S–видные ребристые формы без граней на венчике, близкие к типу II-1 варианта а Лютежа. Миски типа II-2 варианта а специфичны для Среднего Поднепровья как в период до рубежа н.э., так и в I–II вв. Изредка, как уже упоминалось, на поселениях и могильниках „зарубинецкой классики" Среднего Поднепровья встречаются различные варианты мисок типа II-3, но основное распространение эти формы получают в позднезарубинецкий период. Для классических зарубинецких поселений характерны диски без бортиков и конические крышки с полой ручкой.

Тип жилища „пойменных" памятников Среднего Поднепровья хорошо изучен по материалам Оболони, где исследовано 54 не нарушенных поздними перекопами позднезарубинецких постройки. Три жилища раскопано в Лютеже и одно – в Новых Безрадичах (приложение 2). Все постройки представляют собой полуземлянки, незначительно углубленные в землю (0,3–0,7 м от дневной поверхности, мощ-

ность культурного слоя Оболони – 0,2–0,4 м), почти все они – прямоугольные в плане (Обломский, Терпиловский 1991, 153–156).

Жилища отапливались открытыми очагами, которые относятся к двум типам. Первый составляют кострища округлой формы диаметром 0,7–1 м, прослеженные прямо на полу постройки или в небольшом углублении 0,05–0,1 м (рис. 7,*1*). Второй тип представлен сильно обоженными подами, сооруженными из глины на полу котлована жилища. Иногда в конструкции подов входили вымостки из черепков сосудов или камня. Поды возвышаются над полом до 0,2 м. Очаг, как правило, размещался либо в углу жилища, либо у одной из его стен. Центральное расположение очага зафиксировано лишь в пяти случаях.

Стены жилищ, видимо, возводились тремя способами. Ямы опорных столбов вдоль стен и в углах построек зафиксированы в 20 случаях, в 36 жилищах столбовых ям не было, и, наконец, в жилище 11 Оболони вдоль стен по линии опорных столбов были прослежены следы обмазки. Так как в большинстве жилищ завалы обмазки от стен не зафиксированы, то, очевидно, превалировала срубная конструкция стен. „Столбовые" дома, скорее всего, были каркасными с закладами бревен между вертикальными столбами. В трех случаях в столбовых постройках зафиксированы центральные опорные столбы кровли (Обломский, Терпиловский 1991, 37–38).

Кроме построек на среднеднепровских поселениях I–II вв. встречены многочисленные круглые или овальные хозяйственные ямы. Диаметр и глубина их колеблются от 0,6–0,7 до 1,5 м. Особенно значительное число таких ям (около 900) обнаружено в Оболони. Производственные сооружения из Лютежа, связанные с получением железа (глава V).

Не вдаваясь детально в сравнение домостроительных традиций памятников типа Лютеж и среднеднепровских поселений рубежа н.э. (см. Обломский, Терпиловский 1991, 39–40), отметим лишь их значительное сходство. Как нами было показано, большинство признаков классических и позднезарубинецких жилищ совпадают (размеры стен, степень углубленности котлована, тип строительного сооружения, его расположение внутри жилища). Следовательно, домостроительство на пойменных памятниках Среднего Поднепровья в целом продолжает местные традиции классического периода. Существенные различия фиксируются лишь в конструкции стен построек. В позднезарубинецкую эпоху наблюдается отказ от плетня и его обмазки. Не исключено, что это было вызвано освоением зарубинецкими племенами новой экологической среды с более высокой влажностью, где широкое применение обмазки нецелесообразно.

Итак, насколько можно судить по материалам поселений, памятники типа Лютеж продолжают развитие классических зарубинецких традиций Среднего Поднепровья и оставлены, очевидно, прямыми потомками зарубинецкого населения.

3. Памятники типа Почеп

Данная позднезарубинецкая группа охватывает поречье Десны (преимущественно ее верхнее течение) и ее ближайшие притоки (Судость, Навля). Таким образом, все памятники почепского типа расположены в лесной зоне. Эталонным памятником является селище Почеп, по аналогичной керамике к этой же группе можно отнести еще 12 поселений, на которых производились раскопки: Синьково, Синьково–Дмитрово, Железное, Белокаменка, Киселевка 3 и др. (Обломский, Терпиловский 1991, 116–129).

Опираясь на данную источниковедческую базу (приложение 1, рис. 2), попытаемся охарактеризовать основные черты почепского керамического комплекса и домостроительства.

Количество лощеной посуды в Почепе составляет 4–5% (Заверняев 1969, 107), а в Киселевке 3 – 11% (Зеленецька 1980, 81). Среди всех форм горшков, представленных на почепских памятниках, наиболее часто встречаются сосуды типа I-1 варианта б. На втором месте по степени распространенности находятся горшки типа I-1 варианта а и I-2б. Прочие формы горшков единичны (рис. 8). Для почепского керамического комплекса характерно резкое преобладание округлобоких горшков над ребристыми. Так, из 16 форм, восстанавливаемых ниже наибольшего расширения тулова, из почепских объектов Синьково к типу II-2 варианту б относятся всего лишь три (рис. 9). Полностью отсутствуют не только ребристые формы, но даже фрагменты „ребер" горшков в Киселевке 3 и Парне 2. По способу обработки поверхности горшки делятся на две категории – лощеные и нелощеные, причем первые представлены единичными экземплярами. Специфической „лощеной" формой являются округлобокие сосуды с высокой прямой шейкой. Два единственных целых таких горшка из Почепа имеют лощеную поверхность. Лощение заметно и на фрагментах прямых раструбообразных шеек горшков, очевидно, относящихся к этому типу, из Синьково.

Для подавляющего большинства нелощеных сосудов характерны орнаментация венчика защипами и насечками. Очень редко встречаются пальцевые вдавления или ногтевые отпечатки, расположенные поясом по шейке горшка. Иногда подобная полоса орнамента наносились палочкой и снабжались треугольными фестонообразными отростками. Поверхность нелощеных горшков, как правило, гладкая. В виде исключения встречаются фрагменты груболепных сосудов со штриховкой (Синьково, Парня 2, Почеп).

Среди мисок наиболее широко распространены формы с вертикальными венчиками типа II-3 варианта а. Прочие формы редки (рис. 10). Исключение составляют материалы Киселевки 3. Здесь, напротив, единичны миски с прямым венчиком, численно преобладают всевозможные варианты ребристых и округлобоких форм, мисок с S–овидным профилем (Зеленецька 1980).

Как лощеные миски, так и нелощеные горшки изредка имеют на поверхности знаки, прочерченные до и после обжига, как правило, в виде ромбов или треугольников с отростками (Заверняев 1969, рис. 17:*19*).

Кроме горшков и мисок, в керамический комплекс почепских памятников входят миниатюрные сосуды разнообразных форм с лощеной или шероховатой поверхностью. Для почепских поселений характерно полное отсутствие дисков–крышек. Их нет ни на одном памятнике, где почепские материалы представлены без „примеси" более поздних находок (Киселевка 3, Почеп, Парня 2, Синьково).

В наиболее полном объеме почепские жилища исследованы на поселениях Синьково и Почеп. Сооружения относятся к двум типам: подпрямоугольным небольшим полуземлянкам и длинным наземным домам.

Длинные дома исследованы лишь в северной части почепского ареала (Почеп, Синьково), причем на Синьковском селище раскопано 10 наземных домов частично и два полностью. Хуже сохранились такие постройки в Почепе, однако по аналогии с Синьково здесь предполагается наличие не менее пяти сооружений. Их размеры, конструкция и интерьер достаточно стандартны: прямоугольные вытянутые постройки длиной около 18 м при ширине 2,5–4,5 м. Основание (обычно на склоне) иногда слегка углублено в землю. Основа конструкции стен состоит из двойного ряда вертикальных столбиков. Дом делится на три части: „холодные" сени, жилое помещение с очагом в центре, „теплая" часть с подпрямоугольным углублением размерами 4,7–5,2 х 2,2–2,6 м. Углубленная часть использовалась как кладовая или туда помещали во время холодов мелких животных. Над ней сооружался спальный настилполати (Амброз 1978). Предположение о существовании длинных наземных домов на других позднезарубинецких и киевских поселениях (Фролов 1979) из-за отсутствия прямых доказательств не получило поддержки.

В настоящее время известно около двух десятков почепских полуземлянок, причем большинство их исследовано на Почепском селище. Основные параметры наземных построек и спорные проблемы их изучения разработаны в отдельной работе (Обломский, Терпиловский 1991, 54–56, 161–163). Форма полуземлянок обычно прямоугольная (приложение 2). Из этого правила известно всего три исключения: жилище 2 раскопа II в Почепе (круглое), сооружение А поселения Спартак (округлое) и жилище 1 Киселевки 3 (шестиугольное). Длина стен построек колеблется от „чуть меньше трех метров" до „чуть больше пяти". Степень углубленности жилищ была различной и, видимо, диктовалась местными условиями. Наиболее мелкими являются полуземлянки Киселевки 3 (0,1–0,3 м), наиболее глубокими – Почепа (до 1 м).

Конструкция стен примерно в половине случаев, очевидно, была срубной, так как столбовых ям вдоль стен не было обнаружено (рис. 7:*3–5*). Наличие же таких ямок, вероятно, может свидетельствовать о каркасной конструкции стен, при которой пространство между вертикальными столбами было заполнено короткими бревнами или же плетнем. Впрочем, следы плетня зафиксированы лишь в двух постройках Синьково. Изредка стены не опускались в котлован, а возводились вдоль его верхнего края (Железное, постройка 5).

Весьма устойчивой традицией для полуземлянок почепского типа является использование центрального опорного столба – он отмечен в 16 случаях из 20 (Обломский, Терпиловский 1991, 161–163). Вероятно, центральный столб нередко обмазывался глиной для предохранения от огня расположенного поблизости очага, о чем свидетельствуют скопления обмазки над столбовой ямой.

Следы отопительных сооружений прослеживаются в полуземлянках редко. В трех случаях открытые очаги находились в центре котлована. На поселении Спартак очаг располагался у стены постройки.

Любопытно, что на поселении Почеп полуземлянки в целом были расположены обособлено от длинных домов: к западу и востоку от них. Поскольку между материалами, происходящими из построек обоих типов, нет заметной типологической и хронологической разницы, то скорее всего различие в характере сооружений обусловлено существованием на селище двух этнографических групп обитателей. Очевидно, одна из них была в большей степени связана по присхождению с племенами юхновской культуры, а вторая – с позднезарубинецким населением (Обломский, Терпиловский 1991, 117).

На поселениях почепского типа иногда встречаются следы слегка углубленных в землю прямоугольных построек типа небольших сараев, а также круглые и овальные хозяйственные ямы. В Почепе исследовано свыше 50 ям, в Синьково их число невелико, так как раскопы преимущественно были разбиты в местах концентрации объектов.

Хронология памятников почепского типа устанавливается по трем группам вещей: среднеевропейского, античного и местного происхождения. В первую группу входят три фибулы варианта П/Р, железная пряжка типа I варианта с по Р. Мадыде из Почепа, глазчатая фибула типа VII серии А по Р. Ямке и обломок фибулы варианта П/Р из Синьково. Последние свидетельствуют о хронологическом стыке памятников почепского типа и классических зарубинецких. Пряжка и глазчатая фибула относятся к периоду B_1 среднеевропейской хронологии.

Группа более или менее узко датируемых античных импортов состоит из плакетки с фигуркой льва из египетского фаянса – тип 68 вариант б по Е.М. Алексеевой (дата – I–II вв. н.э.), лучковой подвязной фибулы серии I варианта 2 по А.К. Амброзу (дата – вторая половина I – II в. н.э.) и серолощеного кувшина с цилиндрическим горлом. Все вещи происходят с поселения Почеп. Кувшины, аналогичные

почепскому, распространены на территории Северо-Западного Причерноморья во II–III вв.

Датирующие вещи местного происхождения представлены подвязной фибулой варианта Ф по Ю.В. Кухаренко из Почепа, серией из семи экземпляров целых и фрагментированых фибул „почепского варианта" из Почепа, Синьково и Железного (рис. 11). Фибулы варианта Ф синхронны варианту П/Р, почепские фибулы датируются второй половиной I – II в. В целом хронологические рамки памятников типа Почеп можно ограничить в пределах середины – третьей четверти I (начало распространения повсеместно встречающихся на почепских памятниках ребристых мисок с вертикальным венчиком, кризис зарубинецкой культуры) – II в. н.э. Верхняя хронологическая граница почепской культурной группы достаточно условна. Прямых данных о том, что почепские поселения доживают до момента появления ранних памятников киевской культуры Подесенья, нет (Обломский, Терпиловский 1991, 56–58).

Заканчивая обзор памятников почепского типа, необходимо остановиться на проблеме их хронологического соотношения с выделенными А.К. Амброзом древностями I и II этапа „почепской культуры" или с материалами типа верхнего слоя городища Полужье (Амброз 1964). Кроме комплекса из Синьково и находок с Полужского городища, к этой группе древностей можно отнести материалы сооружения 1 поселения Синьково–Дмитрово. По А.К. Амброзу древности I и II этапов „почепской культуры" являются промежуточными между юхновскими и собственно почепскими (III этап почепской культуры), однако юхновские традиции в их составе явно преобладают. По формам лощеных мисок из верхнего горизонта Полужья А.К. Амброз синхронизирует этап II с Чаплинским и Суботовским могильниками и относит его к рубежу н.э. – I в. н.э., а предшествующий – к I в. до н.э.

По нашему мнению, лощеная керамика из Полужья имеет скорее средне-, чем верхнеднепровское происхождение. Так, в Чаплинском могильнике отсутствуют миски с вертикальным венчиком, гранью на его крае и „оттянутым" ребром, а также с „зигзагообразной" верхней частью профиля. Эти формы характерны для позднеклассических и, в особенности, для позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья. Миски с острым ребром и S–видным профилем верхней части также вполне укладываются в лютежскую типологию. Последние, как и миски с вертикальным венчиком, неоднократно встречены на собственно почепских памятниках. Остроребёрные миски с вертикальным венчиком, учитывая дату их краснолаковых прототипов, появляются в Среднем Поднепровье не раньше середины I в. н.э. Следовательно, и дата древностей типа верхнего горизонта Полужья, установленная на основании синхронизации форм лощеных мисок, должна охватывать период около середины I в. н.э. или несколько позже (Обломский. Терпиловский 1991, 58–59).

Таким образом, верхний слой городища Полужье должен быть синхронен (хотя бы частично) памятникам почепского типа. Вероятно, именно контактами этой позднеюхновской и позднезарубинецкой почепской группировок на территории Подесенья и вызвано наличие „юхновской канвы" почепских памятников (отдельные находки цилиндрических грузил, длинные дома, изредка встречающийся обычай орнаментации тулова и шеек сосудов).

4. Памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2

Рассматриваемая группа распространена в лесостепной зоне на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца. Комплексы и слои этого периода зафиксированы на 24 поселениях, исследованных раскопками (приложение 1, рис. 2). Учитывая данные разведок, общее число памятников составляет около 50. Наиболее выразительные комплексы происходят с поселений Приоскольское 1 на Осколе, Терновка 2 на Липовом Донце. Картамышево 2 в верховьях Псла, Березовка 2 в верховьях Ворсклы и Осиповка на Орели (Обломский. Терпиловский 1991, 129-142; Обломский 1992).

Набор груболепной посуды памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2, восстанавливаемый по закрытым комплексам как востока Днепровского Левобережья, так и бассейна Северского Донца (Обломский, Терпиловский 1991, 164–167), состоит из четырех основных форм: округлобоких горшков типа I-1, тюльпановидных типа I-3 варианта а, а также ребристых типа II-1б и типа II-2б (рис. 12–17). Для памятников бассейна Северского Донца и в меньшей мере – Днепра (Березовка 2) зафиксировано наличие в комплексах с такими сосудами плоских дисков (как лощеных, так и нелощеных). Поверхность сосудов как правило, не орнаментирована. Очень редко встречаются фрагменты горшков, покрытых расчесами, нанесенными гребнем, и сосудов с нарочито ошершавленной поверхностью, а также расчлененный вдавлениями валик (Терновка 2) и парные защипы по тулову (Жерновец, Солдатское 5, Картамышево 2). Уникален горшок с несколькими поясами пальцевых защипов, происходящий из вымостки земляной печи поселения Гочево 3.

Сходство форм груболепной посуды и послужило основанием для объединения памятников востока Днепровского Левобережья и бассейна Донца в единую культурную группу. Однако, несмотря на черты близости, между посудой, встреченной к западу и востоку от днепро–донского водораздела, есть и различия. Наиболее ощутимое из них касается форм лощеных сосудов. Число лощеной посуды в обоих случаях невелико: в Приоскольском 1 и Терновке 2 – около 5-8%, в Березовке 2-4% (Обломский 1992. 90–92). Однако на поселениях бассейна Донца преобладают миски. близкие к типу II-3 варианта а. Изредка встречаются миски типа I-2. Единственный в этом

регионе лощеный горшок происходит из Терновки 2 и относится к типу I-2 варианта а (рис. 18).

На памятниках востока Левобережья миски типов I-2 и II-3 варианта а не известны. Наиболее широко здесь распространены мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем типа II-2 варианта б (рис. 19). В Картамышево 2 они часто украшены композициями в виде меандров или свастик, вырезанных на поверхности сосуда до обжига (рис. 15:*1–2, 5*). Подобная орнаментация встречена также в Бобраве и Комаровке. На поселениях востока Левобережья известны миски типа II-2 варианта а и типа II-1, а также, как и на памятниках бассейна Северского Донца, миски типа I-2. Последние, правда, крайне редки. В Картамышево 2 найдены обломки лощеного горшка, близкого к мискам типа II-2 варианта б. Лощеные горшки и „вазы" с раструбообразной шейкой встречены также в Березовке 2. Под венчиком одного из таких горшков имелся треугольный в сечении валик (Обломский 1992, 90).

Несмотря на ярко выраженное сходство, некоторые черты своеобразия имеет и груболепная керамика. Так, в Картамышево 2 большинство венчиков орнаментировано защипами или насечками. В Березовке 2 вдавления были нанесены на 50% венчиков. В Бельске орнаментированы преимущественно венчики корчаг. В бассейне Северского Донца горшки украшались значительно реже. В Приоскольском 1 орнаментированные венчики составляют 23%, а в Терновке 2 почти вся керамика лишена орнамента. Определенная специфика наблюдается и в распространении тех или иных форм. В Терновке 2 и Приоскольском 1 наиболее часты округлобокие горшки, а в Картамышево 2 – тюльпановидные. Впрочем в Березовке 2 также доминируют округлобокие горшки типа I-1, сближающие этот памятник с материалами Лютежа (Обломский 1992, 89–90). Только в Приоскольском 1 и Бельске вместе с горшками „основного набора" найдены баночные формы типа I-2 варианта в.

На поселениях исследовано свыше 20 жилищ, причем 10 из них – на поселении Картамышево 2. Постройки к востоку и западу от водораздела Днепра и Дона практически одинаковы (приложение 2). Подавляющее большинство из них представляет собой прямоугольные в плане полуземлянки с длиной стены от 2,4 до 5,5 м, хотя преобладают постройки длиной 3,5–4,5 м. Степень углубленности в материк колеблется в пределах от 0,15 до 1 м. Столбовые ямы по углам и вдоль стен зафиксированы только в жилище 1 Приоскольского 1. Прочие постройки, видимо, были срубными. В четырех полуземляночных жилищах прослежены ямы от центральных опорных столбов кровли.

Две постройки были наземными. Одна из них (жилище 1 Картамышево 2) имела прямоугольную форму, прослеживаемую по линии столбовых ям. Ее размеры 5,8 х 3,4–3,6 м. Вторая постройка (сооружение 4 Терновки 2) была значительно меньше: 3,6 х 2,4 м. Столбовых ям на ее площади не обнаружено.

Открытые очаги, как правило, расположены в центре постройки (рис. 7:2). В трех постройках очаг смещен в сторону одного из углов. Следы очагов сохраняются в виде обожженного участка пола или ямы глубиной до 0,2 м с золой, углями и прокаленными стенками. В постройке 4 Терновки 2 обнаружен очажный под из плотно подогнанных камней, обмазанных сверху двумя слоями глины.

По мнению А.М. Обломского (1991, 42–43), одним из признаков, отличающих восточную область распространения памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 от западной, является наличие хозяйственных построек. Действительно, восемь сооружений исследовано на поселении Терновка 2, в Приоскольском 1 и Головино 1 – еще по одному. Однако подобные постройки встречены и на поселении Березовка 2 в верховьях Ворсклы (Обломский 1992, 87–88). Все указанные постройки сравнительно невелики (от 1,6 х 1,1 м до 4,2 х 3,8 м), они являются подпрямоугольными или овальными полуземлянками, в пол которых иногда врезана одна или несколько ям–погребов.

Хозяйственные ямы повсеместно распространены на памятниках типа Картамышево 2 – Терновка 2. В Картамышево 2 исследован также разрушенный „очажок–горн", а в Солдатском 5 – часть выносного очага, овальный под которого был вымощен черепками нескольких горшков и обмазан глиной (Терпиловский 1990, 61–62). Специфичными для памятников верховьев Псла являются земляные печи в виде небольших полусферических или усеченно–конических ям, вымощенных черепками или камнями и обмазанных глиной (Богдановка 2 – две печи, Гочево 3,7 и Бобрава – по одной). Обычно их считают горнами для производства металла, хлебными печами или сушильнями для снопов. Важно подчеркнуть, что традиция использования подобных сооружений сохраняется в этом регионе и позднее – три земляные печи обнаружены на поселении киевской культуры Гочево 1 (Тихомиров, Терпиловский 1990, 47–48).

Датирующие вещи подтверждают принадлежность памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 к позднезарубинецкому периоду. В культурном слое поселения Осиповка (ур. Лиман) найдено 23 фрагмента профилированных частей светло- и красноглиняных раннеримских амфор. Венчики принадлежат к типам D и C светлоглиняных амфор, некоторые ручки – к типам B, C и D. Прочие ручки относятся к типам C и D в равной степени (Деопик, Круг 1972). Тип B датируется второй третью I–II в. н.э., тип C – II – началом III в., тип D – II–III вв. (преимущественно, первой половиной III в.) (Шелов 1978, 18–19). Венчики красноглиняных амфор относятся к типу 4, обломки ручек – к типу 1. Все они входят в категорию раннеримских красноглиняных амфор, которые по материалам Танаиса датируются I–II вв. (Каменецкий 1969, 140).

В жилище 7 Картамышево 2 вместе с позднезарубинецкой груболепной и лощеной керамикой об-

наружена глазчатая фибула серии В по Р. Ямке того же типа, что и находка из Лютежа. Как уже упоминалось, подобные вещи по среднеевропейской хронологической шкале относятся к периоду B_{2a}. В жилище 8 и культурном слое того же поселения найдены целая и фрагментированная трапециевидные подвески, украшенные циркульным пуансонным орнаментом. Обломок пластинчатой обоймы с подобной орнаментацией происходит из заполнения постройки 2 Терновки 2 (Обломский 1990, 20–23). Пластинчатые бронзовые украшения с различными орнаментами, включающими окружности, входят, как известно, в обширную группу изделий круга „варварских" выемчатых эмалей, представленных, в частности, Жукинским, Межигорским, Мошинским кладами.

В яме 24 поселения Картамышево 2 встречена лунница с гнездами красной эмали. Еще две подобные лунницы (одна целая и одна фрагментированная) происходят из культурного слоя поселения Бобрава 3. Лунница с красной эмалью найдена также на поселении Жерновец. Хотя такие украшения в основном характерны для наиболее ранних памятников киевской культуры III в., появление вещей с выемчатой эмалью на данной территории, вероятно, относится к предшествующему периоду. С позднезарубинецким горизонтом поселения Головино 1 связаны Т-образная фибула с красной и зеленой эмалью и обломок бронзовой гривны (рис. 20). Последняя по прибалтийским аналогиям относится к периодам B_2/C_1 и C_{1a}, то есть приблизительно ко второй половине II – первой трети III в. (Обломский 1991, 10, 14). Таким образом, первые украшения с выемчатой эмалью появляются в Среднем Поднепровье и на востоке Левобережья не позднее II в. н.э.

Из культурных слоев Картамышево 2 и Терновки 2 происходят также три бусины из красной пасты типа 104 по Е.М. Алексеевой. В жилище 1 Приоскольского 1 найдена пронизь из глухого голубого стекла типа 125. Бусы обоих типов датируются II–III вв. В целом набор немногочисленных пока датирующих вещей с позднезарубинецких памятников востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца свидетельствует о принадлежности их к раннеримскому периоду. Очевидно, памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 хронологически смыкаются с древностями киевской культуры, что подтверждается находками на некоторых из них украшений круга выемчатых эмалей, а также фрагментов светлоглиняных танаисских амфор типа D.

В настоящее время трудно окончательно решить, связаны ли по своему происхождению памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 с группой зарубинецкой культуры, находящейся в районе Путивля, или же со среднеднепровскими зарубинецкими древностями. Изучение зарубинецких памятников в Посеймье только началось и пока ни на одном из поселений, подвергшихся раскопкам, на обнаружены достоверные материалы I в. н.э. Могильники здесь, за исключением погребения в Пересыпках, также пока не известны (Обломський, Терпиловський 1994). Скорее всего, племена, оставившие памятники типа Картамышево 2-Терновка 2, являются выходцами из Среднего Поднепровья. Эта точка зрения подтверждается тем, что ряд форм грубоилепных горшков и некоторые орнаментальные приемы находят прямые аналогии среди материалов поселения Лютеж. Особенно близки лютежским материалы поселения Березовка 2 (Обломский 1992, 94–97). Вместе с тем, ряд особенностей керамического комплекса (высокие ребристые миски, орнаментированные врезными композициями; единичные баночные сосуды с загнутым внутрь краем и др.) непосредственно с Поднепровьем не связан. Очевидно, в формировании культуры племен, оставивших памятники типа Картамышево 2, определенную роль сыграли этнокультурные группировки иного, не зарубинецкого, происхождения.

5. Памятники типа Грини

Изучение памятников типа Грини только начинается, однако можно отметить, что эти поселения не образуют компактного скопления, характерного для остальных позднезарубинецких культурных групп (рис. 2). В настоящее время их известно всего восемь: Грини 1 и 2 в устье р. Тетерев, Обухов 13, Решетки на левом берегу Днепра близ Канева, Змеевка в низовьях р. Снов, ряд комплексов в Вовках и Рябовке 3 в бассейнах Псла и Ворсклы, а также в Раковке 2 на Северском Донце. Все вышеуказанные памятники изучены раскопками разведочного характера или представлены небольшим числом комплексов (приложение 1). Имеются также некоторые сведения о наличии подобных древностей в районе Гомеля и в поречье р. Клевень близ Чернигова, однако они нуждаются в проверке. Постройки обнаружены только на поселениях Грини 1, Вовки и Раковка, причем в двух последних случаях они повреждены объектами последующего периода или плохо сохранились. Основанием для объединения этих материалов в особый культурный тип служат особенности керамического комплекса.

Наиболее распространенными являются округлобокие горшки типа I-2 варианта б и ребристые типа II-1 варианта б. Изредка встречаются сосуды типа I-2 варианта а, II-1а и II-2б. Специфична форма типа I-3 варианта б. На памятниках других культурных групп позднезарубинецкого периода подобные сосуды почти не встречаются. Одновременность перечисленных форм подтверждается рядом закрытых комплексов (Обломский, Терпиловский 1991, 170–171).

Лощеная посуда встречена крайне редко и не на всех памятниках. С поселения Грини 1 происходят три фрагмента мисок, два из которых относятся к типам II-1 варианта а и типа II-3 варианта б. В культурном слое поселения Решетки обнаружены фрагменты мисок типа I-2, в Обухове 13 – мисок типа II-1 или II-2. На поселении Змеевка найдены обломки

лощеного горшка, форма которого не характерна для Среднего Поднепровья. Аналогия ему имеется в Чаплинском могильнике, где подобные сосуды существуют до финала памятника (Терпиловский 1984, 55).

Как и на позднезарубинецких памятниках других культурных групп, нелощеные горшки типа Грини часто орнаментируются насечками и пальцевыми вдавлениями по краю. Специфика декора керамики памятников типа Грини заключается в широко распространенном обычае покрывать горшки расчесами, нанесенными в различных направлениях гребнем или крупнозубчатой щепкой (рис. 21–24). На поселениях типа Лютеж, Почеп, Картамышево 2 – Терновка 2 керамика с расчесами встречается крайне редко и только в виде отдельных фрагментов. Совершенно отсутствуют на памятниках типа Грини сосуды с хроповатой поверхностью.

Остатки жилых построек на поселениях типа Грини представлены пока лишь жилищем 1 из Гриней 1, жилищем 6, а также керамической вымосткой пола другого жилища из Вовков (приложение 2). Обе постройки были полуземляночными, углубленными в материк на 0,3 м. Их размеры соответственно 3,1 х 3,2 м и 3,4 х 2,6 м, в центре пола обоих жилищ выявлены ямы от опорного столба кровли. Еще два столба, находящихся на одной линии с центральным, прослежены у стен котлована жилища 6 Вовков (рис. 7:6). По углам построек столбовые ямы не выявлены, завалы обмазки стен отсутствуют. В этой связи стены обоих жилищ можно реконструировать как срубные. Таким образом, жилище 1 из Гриней 1 и жилище 6 из Вовков по перечисленным выше признакам достаточно близки полуземляночным постройкам прочих позднезарубинецких памятников. Несколько особняком стоят отопительные сооружения. В углах этих жилищ обнаружены хорошо сохранившиеся поды со следами бортиков, вымощенные черепками крупных сосудов. Принадлежали ли поды очагам с невысокими глиняными бортиками или печам со сводами не вполне ясно, так как фрагменты обмазки встречены в небольшом количестве.

Хронологические рамки памятников типа Грини можно ограничить раннеримским временем по находкам фрагментов лощеных мисок, имеющих аналогии на памятниках типа Лютеж и Почеп. Немногочисленные датирующие вещи, найденные на памятниках типа Грини, позволяют несколько уточнить эту дату. В культурном слое поселения Вовки обнаружена верхняя часть сильнопрофилированной „дунайской" бронзовой фибулы типа Альмгрен 84. В ходе исследования поселения Вовки Е.А. Горюнов на основании стратиграфических наблюдений пришел к выводу о связи фибулы с расположенными поблизости остатками жилища в виде вымостки из черепков (Горюнов 1981, 109). Подобные застежки типичны для комплексов, относящихся по среднеевропейской хронологической схеме к рубежу ранне и позднеримского периодов, то есть к фазам B_2/C_1 или C_{1a}. В абсолютных датах это время можно определить как вторую половину II в. (Гороховский 1988, 197; Циндровська 1982, 91).

Из линзы культурного слоя вокруг жилища 1 поселения Грини 1 происходит обломок краснолаковой чашечки. Подобные краснолаковые сосуды по Т.Н. Книпович датируются концом I–II в. Там же обнаружена бусина с выступамиглазками, относящаяся к варианту „а" типа 64 по Е.М. Алексеевой, распространенному в I–II вв. Таким образом, широкая дата памятников типа Грини может быть определена в пределах конца I–II, возможно, начала III в. н.э., а узкая – в рамках второй половины II в. н.э. (Терпиловский 1981).

Необходимо отметить, что в Среднем Поднепровье памятники типа Грини появляются, видимо, позже, чем возникают поселения типа Лютеж, поскольку их влияние на последние практически не ощущается. На поселениях типа Лютеж нет горшков типа I-3б, распространенных на памятниках типа Грини и крайне редка керамика с расчесами. Процент сосудов с расчесами неминуемо увеличился бы, широкогорлые горшки должны были бы появиться на селищах лютежской культурной группы, если бы эти два типа памятников длительное время сосуществовали.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Днепровском лесостепном Левобережье, где материалы из соответствующих комплексов поселений Вовки, Рябовка 3 и Гочево 3 занимают промежуточное место между местными позднезарубинецкими памятниками типа Картамышево 2-Терновка 2 и киевскими древностями. Соотношение памятников типа Грини с почепской культурой пока не ясно, так как первые представлены немногочисленными материалами единственного поселения Змеевка. К тому же это селище находится на значительном удалении от основной группы памятников типа Почеп.

Не вполне понятна также дальнейшая судьба памятников типа Грини в Верхнем Поднепровье. По мнению А.М. Обломского (1986, 48–52), они продолжают существовать без особых изменений в этом регионе и в позднеримское время. На наш взгляд, и здесь происходит определенный культурный скачок, связанный с формированием киевской культуры. Подробно эти вопросы разбираются в главе III.

Итак, основными особенностями памятников типа Грини по сравнению с другими группами позднезарубинецких памятников являются: их значительный территориальный разброс (они присутствуют в пределах ареалов среднеднепровских, деснинских и левобережных памятников), более „молодой" возраст (около второй половины II в.), отсутствие местных корней для ряда форм кухонной посуды и ее орнаментации.

6. Происхождение и контакты позднезарубинецких памятников

Проведем сравнительный анализ рассмотренных выше групп позднезарубинецких памятников. При

сопоставлении форм нелощеных горшков памятников типа Лютеж, Почеп, Картамышево 2 – Терновка 2 совпадает большинство типов как округлобоких, так и ребристых сосудов. Конечно, сходство нелощеной керамики не абсолютно. Ее комплекс в каждом из трех сравниваемых регионов имеет свою специфику. Она заключается в степени частоты употребления тех или иных форм (например, на памятниках типа Почеп резко преобладают округлобокие горшки, а ребристые единичны). Для каждой культурной группы можно выделить формы горшков, которые не встречаются на поселениях остальных двух (округлобокие сосуды с прямой высокой шейкой найдены пока только на памятниках типа Почеп и на поселении Березовка 2, а горшки типа II-1а – на памятниках типа Лютеж). Тюльпановидные сосуды типа I-3 варианта а, серия которых представлена на поселении Картамышево 2, в какойто степени сходны с некоторыми формами типа I-2 варианта в Лютежа, но в Среднем Поднепровье такие формы редки, а в Подесенье почти не известны. На памятниках типа Почеп отсутствуют диски, которые известны в Среднем Поднепровье и на поселениях типа Картамышево 2 – Терновка 2. Конические крышки с полой ручкой и кружки специфичны для памятников типа Лютеж. За пределами Среднего Поднепровья конические крышки единичны – одна найдена на поселении Железное (типа Почеп) и две – в Березовке 2 (типа Картамышево 2).

Региональные особенности проявляются и в некоторых деталях орнаментации горшков. Пояса отпечатков палочкой по шейке сосуда встречаются в Подесенье (правда, очень редко), хроповатая керамика происходит с памятников типа Лютеж и Картамышево 2 – Терновка 2. В Подесенье она отсутствует. В бассейне Северского Донца значительно реже орнаментируются венчики сосудов, чем на остальных территориях распространения памятников позднезарубинецкого периода. Практически только в Среднем Поднепровье встречаются сосуды с налепными валиками.

Локальную специфику, таким образом, имеют некоторые особенности декора нелощеных горшков и традиции распространения отдельных форм этой категории сосудов. В целом же как наборы всех трех регионов, так и основные формы горшков близки (рис. 25). Учитывая это сходство, можно сделать вывод, что нелощеная керамика трех сравниваемых культурных групп представляет собой три варианта единого керамического комплекса.

Наряду с единым набором форм нелощеной посуды во всех трех сравниваемых регионах распространены близкие по конструкции жилища. Это – полуземлянки прямоугольной формы со средней длиной стен 3,5–4,5 м и открытыми очагами. Правда, региональные отличия есть и здесь. Так, на памятниках типа Почеп чаще, чем на других территориях, встречаются жилища с центральным опорным столбом.

Анализ хронологии показал, что памятники типа Почеп и Картамышево 2 – Терновка 2 в целом синхронны. В пределах поступления вещей периодов B_1 и, возможно, B_2 они синхронизируются с памятниками типа Лютеж, хотя последние и возникают несколько раньше. Следовательно, сходный набор нелощеной посуды и близкие конструкции жилищ во всех трех регионах распространились в течение одного узкого периода времени и, видимо, из единого центра.

При анализе происхождения керамики и домостроительства памятников типа Лютеж выяснилось, что на поселениях этой группы продолжается развитие среднеднепровских зарубинецких традиций. Близость форм нелощеной керамики и конструкций полуземлянок Подесенья, востока Левобережья и бассейна Северского Донца с лютежскими указывает на то, что формирование культурных групп позднезарубинецких памятников в этих районах также происходит на основе традиций среднеднепровского населения.

Сходство почепской керамики со среднеднепровской типа Лютеж подтверждается также почти полным совпадением типов лощеных мисок. Лощеная посуда на памятниках типа Картамышево 2 – Терновка 2 менее разнообразна, однако основные типы мисок (I-2, II-3 и II-2 варианта а) имеют аналогии в Лютеже и Подесенье.

Вместе с тем, зарубинецкие среднеднепровские традиции не объясняют своеобразия позднезарубинецких памятников Подесенья и востока Левобережья. Для первой из них еще А.К. Амброзом отмечено наличие юхновских черт в домостроительстве, наборе бытовых предметов и орнаментации керамики. Специфика почепских памятников заключается в синтезе культурных традиций зарубинецкого среднеднепровского населения и позднеюхновских племен, оставивших памятники типа верхнего слоя городища Полужье. Очевидно, под влиянием юхновской культуры на почепских памятниках не получили дальнейшего развития именно те категории керамических изделий и приемы обработки поверхности, которые совершенно чужды юхновской культуре: ребристые нелощеные горшки, диски, конические крышки, сосуды с хроповатой поверхностью и налепными валиками.

Среди позднезарубинецкой керамики востока Днепровского Левобережья заметное место занимают лощеные мискообразные сосуды типа II-1 варианта б, близкие к некоторым среднеднепровским мискам по форме, но отличающиеся более вытянутыми пропорциями. Подобные „вазы" из Картамышево 2 и Бобравы украшены композициями в виде меандров, свастик и др. Формы, пропорции и орнаментация таких изделий находят аналогии в керамике пшеворской культуры римского времени (Обломский, Терпиловский 1991, 88–90). Вполне вероятно, что западное происхождение имеют три баночных горшка с загнутым внутрь краем с поселения Приоскольское 1, относящиеся к типу I-4. Таким образом, в формировании позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 кроме потомков среднеднепровских

зарубинецких племен, вероятно, принимала участие небольшая группа пшеворского населения.

Как отмечалось выше, памятники типа Грини отличаются от трех вышеуказанных культурных групп по нескольким признакам. Наиболее существенные различия наблюдаются в обработке поверхности сосудов. Горшки часто орнаментируются расчесами, нанесенными гребенкой в разных направлениях. Фрагменты горшков с такой поверхностью встречаются на поселениях типа Лютеж, Почеп и Картамышево 2 – Терновка 2, однако здесь они крайне редки. Вторая особенность памятников типа Грини заключается в отсутствии или редкости на них лощеной посуды. Некоторую специфику имеют и формы горшков. На поселениях типа Грини наиболее широко распространены широкогорлые сосуды типа I-3 варианта б. Среди селищ других позднезарубинецких групп устойчивая серия подобных сосудов происходит только из Картамышево 2, но и здесь они отличаются пропорциями, приближаясь к типу I-3а. У округлобоких и ребристых горшков типа Грини максимальное расширение находится в верхней трети высоты, а у горшков с памятников типа Лютеж, Почеп, Картамышево 2 – Терновка 2, как правило, чуть выше середины высоты.

Все эти особенности выделяют памятники типа Грини из числа других позднезарубинецких групп, формирующихся на среднеднепровской зарубинецкой основе. Наибольшая близость памятников типа Грини наблюдается с одной из двух верхнеднепровских групп зарубинецкой культуры – памятниками типа Кистени–Чечерск, распространенными от среднего течения Березины до Среднего Посожья. Они характеризуются синтезом традиций другой верхнеднепровской зарубинецкой группы памятников типа Горошков–Чаплин (формы и орнаментация сосудов защипами и насечками) и культуры штрихованной керамики (обычай покрывать сосуды штриховкой и расчесами, слабопрофилированные формы горшков, редкость лощеной посуды). Эти же особенности декора присущи и памятникам типа Грини, причем именно они выделяют материалы этого круга из числа позднезарубинецких памятников среднеднепровского происхождения. Совпадает также большинство форм округлобоких и ребристых сосудов памятников типа Кистени–Чечерск и Грини. Так как период существования „посожской" группы зарубинецкой культуры, судя по немногочисленным находкам датирующих предметов, в основном ограничен I в. до н.э. – I в. н.э., то наиболее вероятно, что памятники типа Грини являются последующим этапом развития этих древностей (Обломский, Терпиловский 1991, 94–102). Возможно, промежуточное положение между группами Кистени–Чечерск и Грини, доказывающее лишний раз генетическую связь между ними, занимают материалы поселения Симоновичи на р. Птичь (Дубицкая 1998).

Итак, в середине – третьей четверти I в. н.э., из-за комплекса различных причин классическая зарубинецкая культура переживает период распада. Следствием этого являются массовые миграции зарубинецких племен, которые приводят к существенному изменению этнокультурной карты лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы. Параллельно с миграциями наблюдается смена характера зарубинецких поселений и их топографии. В позднезарубинецкий период, в отличие от классического времени, абсолютно преобладают открытые селища, расположенные на разнообразных всхолмлениях и останцах в поймах рек, на сниженных участках речных террас, что, очевидно, связано с переменами в хозяйственной деятельности.

В результате расселения зарубинецких племен возникают новые культурные общности. В Подесенье формируются памятники типа Почеп, в керамическом комплексе и домостроительстве которых фиксируются как среднеднепровские, так и юхновские черты, выступающие в синтезе. На востоке Днепровского Левобережья (в верховьях Сейма, Псла и Ворсклы, в поречье Орели), а также в бассейне Северского Донца появляется еще одна новая культурная группа – памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2, традиция возведения жилищ, а также керамика которых по происхождению связана в основном с зарубинецкой культурой Среднего Поднепровья. В формах и стиле орнаментации лощеных сосудов востока Левобережья кроме того ощущаются среднеевропейские влияния, очевидно, являющиеся следствием переселения в этот регион небольшой группы носителей пшеворской культуры. В чистом виде развитие зарубинецких традиций прослеживается на территории Среднего Поднепровья, в северной части которого фиксируются позднезарубинецкие поселения типа Лютеж. Здесь типологический рубеж между зарубинецкой культурой и позднезарубинецкими памятниками является достаточно условным, проявляющимся главным образом в виде тенденций развития материальной культуры. Нечто подобное, очевидно, происходило и в Верхнем Поднепровье, однако недостаток данных не позволяет прийти к определенному выводу.

В отличие от Поднепровья памятники типа Почеп и Картамышево 2 – Терновка 2 возникают на территории, где классическая зарубинецкая культура не была распространена. Их появление охватывает достаточно узкий период, который в плане относительной хронологии совпадает с финалом употребления вещей третьей фазы позднего латена и появлением украшений стиля B_1 на территории Восточной Европы.

Миграции позднезарубинецких племен в ряде случаев достигали весьма удаленных от основного ареала территорий. Только таким образом можно объяснить появление своеобразной группы древностей далеко на востоке – в лесостепном Прихоперье. Здесь, в частности, обнаружен могильник Инясево, на котором исследовано семь хорошо сохранившихся трупосожжений в неглубоких ямках, сопровождавшихся отдельными украшениями и фрагментами

сосудов. По погребальному обряду памятник близок зарубинецким могильникам посожской группы и киевской культуре. Помимо могильника на рр. Карай и Вороне (бассейн Хопра) открыто несколько поселений, причем на селище Шапкино 2 исследованы многочисленные хозяйственные ямы и несколько построек, в том числе подквадратное жилище с открытым очагом. Кроме груболепных горшков „постзарубинецкого" типа здесь обнаружены фрагменты ребристых подлощеных мисок, одна из которых орнаментирована свастиками в пшеворской манере. Исследователь памятников типа Инясево А.А. Хреков склонен датировать эту группу концом II – серединой III в. н.э. (Хреков 1997). На наш взгляд, параллели в керамическом комплексе с позднезарубинецкими памятниками типа Картамышево 2 – Терновка 2 могут свидетельствовать о несколько более ранней дате древностей Прихоперья.

Отмечена также миграция среднеднепровских зарубинецких племен на юго–запад, в поречье Южного Буга. Группа памятников на р. Соб включает поселения Марьяновка, Рахны, Носовцы, могильник Рахны и др. (Хавлюк 1975). Не исключено, сюда же входят поселения с остатками железоделательных горнов в районе Умани. Вероятно, позднезарубинецкие памятники на Южном Буге возникают в тот же период, что и деснинская и левобережная группы. Об этом свидетельствует тот факт, что наиболее ранние фибулы и шпора из Марьяновки и Рахнов относятся к фазе B_1 (Щукин 1986, 26–27; Обломский 1987, 79).

При сходстве материалов Южного Побужья со среднеднепровскими позднезарубинецкими памятниками в их керамическом комплексе и погребальном обряде прослеживаются определенные пшеворские черты (Максимов 1982, 114–118, 126–132; Козак 1984, 61). С другой стороны, ряд вещей сарматского происхождения из могильника Рахны (фибулы, бусы и др.) и „южное" расположение южнобугских памятников в период военной активности сарматов позволили М.Б. Щукину предположить, что некоторые позднезарубинецкие группировки оказались союзниками сарматов и пережили их экспансию. Кроме памятников Южного Побужья сюда следует отнести зарубинецкий могильник I в. из Суботова и погребение из Жаботина на р. Тясмин (Щукин 1994, 234).

В I в. н.э. происходит расселение зарубинецких племен и в западном направлении – в верховья Днестра и на Западную Волынь. В результате здесь формируется особая зубрецкая (волыно–подольская) культурная группа, в которой синтезированы черты пшеворской, зарубинецкой и липицкой культур. Установлено, что переселенцы включались в состав уже существовавших общин на пшеворских поселениях Пидберезцы и Пасеки–Зубрецкие. В то же время такие поселения как Зубра были основаны смешанным пшеворско–зарубинецким населением. По притоку Днестра р. Золотая Липа расселяются сначала зарубинецкие племена. Затем на их селища Ремезивцы, Майдан–Гологимрский и Вороняки переселяются даки – носители липицкой культуры и ассимилируют их (Козак, Терпиловський 1986, 35-36).

В настоящее время зубрецкая группа представлена более чем 50 селищами, на 15 из которых были проведены раскопки (Козак 1992, 30–34). По мнению Д.Н. Козака, зарубинецкое население на территорию Западной Волыни проникало в основном из Припятского Полесья. Рост плотности населения по сравнению с пшеворской культурой рубежа н.э. проявился в увеличении численности поселений, их более плотной застройке. На смену пшеворским жилищам, имевшим в плане форму, близкую к овальной, и слабо углубленный в материк пол, приходят квадратные и прямоугольные полуземлянки с каменным очагом в углу или кострищем в небольшом центральном углублении. В целом они мало отличаются от позднезарубинецких построек, и, очевидно, возникают под воздействием домостроительных традиций зарубинецкой культуры. Вместе с тем, такие детали интерьера как выступы вдоль стен и преобладание столбовой конструкции стен указывают на сохранение определенных пшеворских элементов.

Наиболее отчетливо проникновение зарубинецких или позднезарубинецких племен в пшеворскую среду проявляется в характере керамического комплекса зубрецкой группы. Лощеная посуда составляет 6,7–10,7% на различных селищах (Козак 1992, 47), что близко к количеству столовой посуды в позднезарубинецких памятниках. Большая часть нелощеной керамики представлена горшками. При этом отмечается, что среди основных девяти типов горшков лишь три имеют пшеворские прототипы (Козак 1992, 47–51). Основная масса горшковидных сосудов в той или иной степени следует позднезарубинецким образцам и близка различным вариантам округлобоких горшков типа I-1 по нашей классификации, а также биконическим горшкам типа II-2. Орнамент в виде углублений и насечек по венчику, характерный для зарубинецкой груболепной посуды и отсутствующий на Западной Волыни и в Верхнем Поднестровье в предыдущее время, получает в I–II вв. значительное распространение, причем им зачастую украшены сосуды типично пшеворских форм со специально ошершавленной поверхностью. В целом для посуды зубрецкого типа довольно обычно сочетание зарубинецких форм горшков с пшеворскими традициями обработки их поверхности или же пшеворских форм с зарубинецкой орнаментацией.

Аналогии мискам зубрецкой группы можно найти как в пшеворской, так и в зарубинецкой культуре, причем сосуды, производные от зарубинецких, составляют 48% всех мисок. Специфической категорией керамики, неизвестной на данной территории около рубежа н.э., являются глиняные диски. Несомненно, они появляются на Западной Волыни как следствие зарубинецкого влияния. Число дисков составляет 9,4% всего зубрецкого керамического комплекса, а затем постепенно снижается (Козак 1992, 57–61). Разные селища демонстрируют разное соотношение эле-

ментов указанных культур, хотя в целом на Волыни преобладают зарубинецкие черты, а в Верхнем Поднестровье – пшеворские.

Период существования зубрецкой культурной группы на Западной Волыни определяется в рамках второй половины I – конца II в. н.э. Позднее обитатели большей части селищ под давлением носителей вельбарской культуры отходят в Поднестровье, где зубрецкая группа продолжает существовать вплоть до середины III в. (Козак 1992, 66-67).

Таким образом, миграции среднеднепровского и, очевидно, припятского зарубинецкого населения, начавшиеся в середине I в. н.э., приводят к формированию цепочки новых культурных групп от Сана на западе до Хопра на востоке и от Соба и Орели на юге до Судости на севере. Эти процессы протекают почти одновременно, что дает некоторое основание говорить о „зарубинецком взрыве".

Вторая волна передвижений в Поднепровье происходит преимущественно в середине II в. и представляет собой миграцию на юг и юго–восток потомков верхнеднепровского зарубинецкого населения, размещавшегося около рубежа н.э. между средними течениями Березины и Сожа. Следствием этого является возникновение в низовьях Десны, Среднем Поднепровье и лесостепном Левобережье новой культурной группы – памятников типа Грини. Их немного и они не занимают какой–то компактной территории. Однако, судя по „пространственному разлету" поселений типа Грини, миграция населения северной окраины зарубинецкой культуры на юг имела достаточно широкие масштабы (рис. 26).

При значительной разнородности вышеуказанных культурных общностей, не позволяющей рассматривать их как локальные варианты одной культуры, все же заметна определенная тенденция к унификации основных элементов в пределах обширной культурной области, охватывающей западную часть лесостепи и смежные районы лесной зоны Восточной Европы. Процесс формирования единой общности был, очевидно, приостановлен в результате инвазии вельбарских племен через Волынь в направлении Южного Побужья и Поднепровья. При сложении черняховской культуры в ее ареал вошли южные и западные районы складывающейся зарубинецко–пшеворской общности. Таким образом, в более или менее чистом виде ее развитие продолжалось в северовосточной части указанной территории и было связано с киевской культурой.

III. Киевская культура III–V вв.
The Kiev culture of the 3rd–5th centuries A.D.

1. Территория культуры и границы локальных вариантов

Следующий этап истории населения Поднепровья связан с киевской культурой, сменяющей вышеуказанные позднезарубинецкие группы на рубеже ранне- и позднеримского периодов.

В настоящее время памятники киевской культуры известны на обширной территории: в Киевской, Черниговской, Сумской областях Украины, Гомельской и Могилевской областях Белоруссии, Курской и Белгородской областях России. Кроме того, отдельные памятники обнаружены в Черкасской, Полтавской и Харьковской областях Украины, а также в Брянской области России (рис. 27).

Свыше 200 памятников известны по материалам разведок. Кроме того, имеется 92 памятника, исследованных путем раскопок, пусть зачастую и небольшого масштаба (приложение 3). Именно их материалы позволяют охарактеризовать основные черты киевской культуры. Сведения же, полученные путем разведок, пригодны главным образом для определения территории распространения культуры и топографии памятников.

Памятники синхронных культур на киевской территории, за исключением контактной зоны с черняховской культурой, не обнаружены. Самым юго–западным памятником является поселение Савенки на р. Здвиж. Не вполне ясна западная граница культуры, так как восточная часть бассейна Припяти из–за сильной заболоченности и залесенности исследована слабо.

Наиболее северо–западные киевские пункты, соседящие с культурой штрихованной керамики, обнаружены в нижнем течении р. Березины (Щатково) и к югу от Могилева (Абидня, Тайманово). Нечетко определяется граница киевской культуры с днепродвинской и мощинской культурами – лишь поселение Касилово 2 достигает севера Брянской области. Восточные рубежи очерчиваются такими памятниками как Приоскольское 2, Дачное 2 и Цепляево Второе на Осколе. Наиболее южным достоверно киевским памятником на Днепре является поселение Сушки 2 близ Канева.

Памятники киевской культуры образуют четыре локальных варианта: средне- и верхнеднепровский, деснинский и восточнолевобережный. Материальная культура в пределах каждого варианта отличается от прочих рядом особенностей, причем памятники с различными традициями иногда располагаются чересполосно. Так, отдельные памятники верхнеднепровского варианта проникают также достаточно далеко на юг – в Подесенье (Верхнестриженское 3, Мена 5). Возможно, в ходе дальнейших исследований границы локальных вариантов и их маргинальных зон удастся уточнить. Пока же наличие данных групп до известной степени отражает уровень изученности территории. Средне-, верхнеднепровские, деснинские и восточнолевобережные памятники изучены неравномерно: в Среднем Поднепровье насчитывается свыше 50 памятников, в том числе 19, на которых проводились раскопки (Терпиловский, Абашина 1992, 22). На территории Белоруссии Л.Д. Поболь называет 517 поселений и 39 могильников „позднего этапа зарубинецкой культуры" (Поболь 1983, 37–40), что вызвало, однако, резкую критику (Митрофанов 1986). Поэтому с уверенностью отнести к киевской культуре можно лишь 12 памятников в Могилевской и Гомельской областях, а также два вышеупомянутых поселения верхнеднепровского типа на Черниговщине. В Подесенье известно около двухсот памятников, на 33 из них проводились раскопки. В Днепровском лесостепном Левобережье и бассейне Северского Донца 26 памятников исследовано путем раскопок, еще несколько десятков выявлено в ходе разведок (Обломский 1991, 150–253).

В целом имеется около 40 опорных памятников, позволяющих дать всестороннюю характеристику киевской культуре. Сравнительный анализ основных ее категорий показывает, что наиболее значимы для определения местной специфики ряд признаков, которые будут охарактеризованы ниже при описании керамического комплекса, домостроительства и погребального обряда. Здесь остановимся лишь на определении пространственных границ локальных вариантов.

Среднеднепровская группа памятников занимает участок бассейна Днепра между устьями рр. Тетерев и Рось, включая Ирпень, Стугну, Красную, Трубеж. Северная часть этой территории занята ландшафтами лесного типа, а южная – лесостепными, что определяет разнообразие ландшафтных условий и топографии памятников.

Памятники Подесенья охватывают бассейн Десны от ее низовьев примерно до р. Ветьмы, куда входят основные притоки Снов, Остер, Мена, Убедь и др. К этой же группе относятся обнаруженные в последние годы древности нижнего течения реки Сейм. Наиболее изучен район Чернигова, где расположена основная масса известных поселений. Деснинские памятники не выходят за пределы Полесья, лишь древности Посеймья расположены на границе с лесостепной зоной.

Памятники востока Днепровского Левобережья (сейминско–донецкий вариант по А.М. Обломскому (1991, 68) занимают верховья левых притоков Дне-

пра – Сулы, Псла, Ворсклы, а также Курское Посеймье и верховья Северского Донца, включая Оскол – то есть район водораздела Днепра и Дона. За пре-делами их ареала известны лишь отдельные пункты, не образующие территориального единства. Памятники этого региона расположены исключительно в лесостепной полосе.

Памятники Верхнего Поднепровья охватывают участок Днепра от устья Сожа до Могилева, включая большую часть бассейна Сожа и низовья Березины. Впрочем, к северу от этого региона вплоть до водораздела Днепра и Западной Двины в ряде пунктов встречена керамика с расчесами гребнем, напоминающая киевскую. Единичные памятники верхнеднепровского типа обнаружены также на Средней Десне (Верхнестриженское 3, Мена 5). Памятники верхнеднепровского типа расположены в глубине лесной зоны.

Таким образом, границы локальных вариантов киевской культуры в значительной мере совпадают с ареалами позднезарубинецких памятников различных типов: среднеднепровского - с типом Лютеж, деснинского – с типом Почеп, восточнолевобережного – с типом Картамышево 2 – Терновка 2. Некоторым исключением являются лишь памятники типа Грини, известные преимущественно не на своей коренной территории, в Верхнем Поднепровье и Посожье, а на южной окраине Полесья и в лесостепи.

2. Характеристика материальной культуры

Здесь даются преимущественно сведения о домостроительстве, погребальном обряде и керамическом комплексе киевской культуры. Информация о предметах личного убора содержится в разделе „Хронология и периодизация" настоящей главы, а о топографии и планировке поселений, орудиях труда и прочем инвентаре – в главе V.

2.1. Жилища, хозяйственные и производственные сооружения

Об устройстве жилищ имеется достаточно обширная информация: в Среднем Поднепровье раскопано 26 жилищ, в Подесенье – 54, в лесостепном Днепровском Левобережье – 40, в Верхнем Поднепровье – не менее 50 полуземлянок. Вместе с тем, не все сведения введены в научный оборот, ряд сооружений сохранился лишь частично, поэтому более или менее полные сведения удалось собрать примерно о ста жилищах.

Основная масса жилищ представляет собой полуземлянки, от которых сохранился котлован более или менее прямоугольной формы, внутри которого сооружались стены (учтено около 80 построек). Форма большинства полуземлянок в плане близка к квадрату с длиной стороны 3,3-5 м (приложение 3).

За указанные параметры выходят несколько малых (Лавриков Лес, жилище 5; Каменево 2, постройка 6) и больших построек (Вишенки, жилище 1; Деснянка, постройка 6; Киреевка 2; Букреевка 2, постройка 9; Каменево 2, постройка 2; Тазово, постройка 4).

Кроме подквадратных известны и удлиненные жилища: Обухов 7, сооружение 25; Тазово, постройка 4; Букреевка 2, постройки 8, 9; Гочево 1, постройка 4). При этом некоторые из них отличаются крупными размерами: Вишенки, жилище 1 – 6,45 x 3,85 м; Киреевка 2 – 6,8 x 4,2 м. Степень углубленности жилищ варьирует от 0,1–0,2 м (Попово–Лежачи 4, постройка 1 раскопа 1, постройка 4 раскопа 2; Верхнестриженское 2, постройка 1; Березанка; Форостовичи, постройка 1) до глубоких – 0,9–1,0 м от уровня материка (Лавриков Лес, жилище 3; Родной Край 3; Боромля 2, постройка 1).

Часто в жилище удается зафиксировать столбовые ямки, расположение которых иногда позволяет определить некоторые конструктивные детали (рис. 28). Наиболее регулярно встречается глубокая яма в центральной части постройки (31 жилище). Диаметр ее колеблется от 0,3 до 0,6 м в верхней части, глубина до 1 м от уровня пола. Очевидно в нее устанавливался мощный опорный столб, поддерживающий кровлю жилища. Столб для предохранения от жара расположенного неподалеку очага иногда обмазывали глиной. Кроме того, нередко столбовые ямки находятся в середине противоположных стен, при этом иногда другие ямки отсутствуют. Очевидно, на вертикальные столбы опиралась коньковая балка двускатной крыши (Терпиловский 1984, 10–12; Третьяков 1974, 102–106). Столбовые ямки вдоль стен более или менее регулярно расположены в 15 случаях. Очевидно, в полуземлянках наиболее часто использовалась срубная конструкция стен. Не исключено также сооружение в котловане рамы из бревен, в которую врезались угловые столбы. Убедительным свидетельством применения срубной или рамочной конструкции стен являются остатки сооружений, содержащих обугленные деревянные детали: Савенки; Бортничи, жилище 2; Деснянка, жилище 10; Яловщина; Гудок. В случае регулярного расположения столбовых ям по периметру жилища, очевидно, использовался каркас с закладкой короткими бревнами пространства между столбами или переплетением их плетнем. В последнем случае применялась глиняная обмазка, скопления которой иногда сохраняются в котловане (Обухов 2, жилище 2; Глеваха, жилище 1; Погребы; Родной Край 3, жилище 2; Боромля 2).

Среди отопительных сооружений в полуземлянках преобладали открытые очаги, расположенные обычно в средней части постройки или в одном из углов. Очаги располагались на уровне пола или в неглубокой ямке. В каждом из жилищ поселения Родной Край 3 сохранились следы двух очагов. В шести жилищах очаги содержали простейшие конструкции – глиняные бортики или подмазанный глиной под (Ульяновка, жилище 4; Глеваха, жилище 9; Обухов 2, жилище 2 и др.). Поды иногда были вымощены череп-

ками сосудов (Казаровичи; Родной Край 3, постройка 1). Вместе с тем, иногда использовались и печи, прямым подтверждением чему является печь–каменка из Гудка, а косвенным – следы стенок вокруг подов (Максимов, Орлов 1974, 18–20; Кравченко 1979, 83–84).

Кроме полуземлянок на поселениях киевской культуры исследовано около 20 жилищ, для которых можно предположить установку стен не внутри прямоугольного котлована, а на уровне материка или вокруг углубленной части. Некоторые сведения о наземных домах имеются для Верхнего Поднепровья (Абидня, Тайманово). Остатками таких сооружений принято считать каменные вымостки очагов и столбовые ямки, расположенные рядами. Следы подобных жилищ каркасной конструкции имеются и южнее. Как правило, от них сохраняется линзовидное углубление, окруженное ямками от столбов (Верхнестриженское 2, постройка 2; Попово–Лежачи 4, постройка 5; Шишино 5, постройка 5 в раскопе 1 и др.). В другом случае стены возводились вокруг относительно глубокой ямы неправильных очертаний. Кроме каркасной конструкции, видимо, использовалась также срубная, о чем свидетельствует отсутствие столбовых ям вокруг углубленной части (Александровка 1, постройки 1–2, 6, 10, 36–37; Роище, постройки 2, 14; Каменево 2, постройка 1; Шишино 5, постройка 2 в раскопе 2 и др.). В жилище из Киреевки 1, где сохранились обугленные деревянные детали, сруб дополнялся столбами у противоположных стен, поддерживавшими конек (Терпиловский, Абашина 1992, 32). Размеры углублений обычно не превышают 3–3,5 х 2,5–3 м, хотя известны и более крупные. Судя по расположению столбовых ям, размеры наземных домов колебались от 2,9–3,2 х 3–3,2 м (Шишино 5, постройка 5 в раскопе 1) до 5,6–5,8 х 4,4 м (Попово–Лежачи 4, постройка 5).

На дне углублений иногда фиксируется яма центрального столба или следы открытого очага. Известны также примыкающие сбоку к углубленной части поды глинобитных печей, врезанные в материк и нередко подбитые черепками (Белогородка; Сушки 2, постройка 2; Роище, постройка 14; Александровка 1, постройки 2, 6, 24; Букреевка 2, постройка 3; Гочево 2, постройка 2; Верхнестриженское 3). В стенки углубленной части постройки 24 в Александровке 1 были врезаны три печи–камина. Диаметр подов достигает 1 м. Такая конструкция отопительного сооружения подтверждает предположение о существовании наземных домов, так как для нормального обогревания помещения стены должны были ограждать не только углубление, но и выступающую за его контуры печь (рис. 29). Углубленные части жилищ с выступающими подами в основном имеют аморфные очертания, но известны и ямы четкой прямоугольной формы (Гочево 2, постройка 2; Александровка 1, постройка 24; Верхнестриженское 3). Очевидно, к тому же типу построек относится жилище 2 из Мены 5 с основанием в виде неправильного пятиугольника и с печью, вырезанной в материковом останце (Кухарська, Обломський 1988, 42–43).

Отметим некоторые особенности домостроительства, получившие локальное распространение. Для деснинского варианта основным типом жилища является полуземлянка с центральным столбом и открытым очагом близ него. Преобладали жилища квадратной формы со срубной конструкцией стен. Реже встречаются наземные дома, в том числе с углублением и с выходящей за его контур печью–камином. Среднеднепровские жилища отличает разнообразие конструктивных схем. Здесь встречены полуземлянки с центральным столбом, типичные для Подесенья, а также постройки с очагами в углу. Кроме срубов на Киевщине известны также жилища каркасной конструкции с глиняной обмазкой. В целом котлованы полуземлянок несколько более вытянуты, чем у деснинских жилищ. Изредка встречаются наземные постройки и очаги или печи, поды которых вымощены черепками (Терпиловский, Абашина 1992, 32–34). Жилища востока Днепровского Левобережья характеризуются полуземлянками срубной или каркасной конструкции, нередко имеющими удлиненную форму. Сравнительно широко распространены наземные жилища с ямами аморфных очертаний и печами–каминами, а также глиняная обмазка стен (Обломский 1991, 100–101). В Верхнем Поднепровье кроме полуземлянок срубной конструкции, очевидно, широко использовались наземные столбовые дома. В ряде случаев применялся центральный столб. Очаги обычно вымощены камнем, изредка сооружались печи–каменки (Щатково, Гудок). Оба памятника верхнеднепровского типа, исследованные в Подесенье (Верхнестриженское 3, Мена 5), представлены наземными жилищами с углубленной частью и глинобитными печами.

Генезис домостроительства киевской культуры прослеживается вполне отчетливо. Наиболее очевидна связь полуземлянок с соответствующими позднезарубинецкими жилищами, в целом мало отличающимися от них по форме и размерам, степени углубленности в грунт, деталям конструкции и интерьера, хотя форма киевских построек чаще приближается к квадрату. Наземные каркасные дома, близкие по размерам к киевским, также известны на позднезарубинецких поселениях, хотя встречаются весьма редко (Картамышево 2, жилище 1). В то же время киевской новацией являются, очевидно, наземные срубные постройки и немногочисленные печи различных типов.

Кроме жилищ на ряде поселений встречаются различные хозяйственные и производственные сооружения, детально описанные в специальных работах (Обломский 1991, 101–104; Терпиловский, Абашина 1992, 35–37). Отметим лишь, что хозяйственные ямы повсеместно встречаются на киевских, как и на позднезарубинецких, селищах, причем на одно жилище приходится от 5–10 до 30–40 ям. Гораздо реже встречаются более крупные постройки хозяйственного на-

значения, сооруженные обычно с применением глиняной обмазки. Среди них можно выделить крупные площадью около 40 кв.м, изрытые ямами (Ульяновка, постройка 5; Верхнестриженское 2, постройка 1), подпрямоугольные или округлые сараи площадью до 17 кв.м (Обухов 2, 7, Деснянка, Колосовка; Каменево 2, Шишино 5), овины неправильной в плане формы с глубокими ямами–погребами, в стенках которых вырезаны иногда печи–камины (Александровка 1, постройка 14; Ронще, постройка 18; Букреевка 2, постройка 2а, 5). Особенно многочисленны такие сооружения на поселениях Ронще, Верхнестриженское 2 и Александровка 1.

Для киевской культуры характерны также очаги или печи на открытом воздухе, служившие летними кухнями. Поды таких сооружений часто вымощены в один или несколько слоев черепками и обмазаны глиной (Обухов 2, 3, 7, Глеваха, Колосовка, Воробьевка 2, Тазово, Авдеево, Гочево 1). Уникален под 1 из Обухова 3 диаметром 1,5 м, в девятислойную вымостку которого входили фрагменты 39 сосудов. Лишь на поселении Гочево 1 в верховьях Псла встречены три земляные печи, аналогичные вышеуказанным сооружениям на позднезарубинецких памятниках этого региона.

Производственные сооружения киевской культуры представлены ямой для выжигания древесного угля (Глеваха), постройкой и несколькими ямами, связанными с процессом обогащения железной болотной руды (Гочево 2, Савенки, Новые Безрадичи). Остатки железоделательного горна с шлакоотводной ямой исследованы на поселении Васильков 1а.

2.2. Погребальный обряд

В настоящее время известно 9 могильников киевской культуры и 7 разрозненных погребений – всего около 170 захоронений. В Среднем Поднепровье исследованы могильники в Казаровичах и Новых Безрадичах (около 30 погребений), в Подесенье – в Киреевке (5), в Верхнем Поднепровье – в Абидне (12), Тайманово (около 100), Новом Быхове (число не известно), в лесотепном Левобережье – в Шишино 5 (5), Кулиге (6) и Приоскольском 2 (10) (Максимов, Орлов 1974, 11–17; Третьяков 1974, 115–116; Щукин 1990; Обломский 1991, 57–62).

Для киевской культуры характерны грунтовые могильники без внешних признаков. Топографические условия их расположения сходны с размещением поселений: почти все могильники расположены на песчаных всхолмлениях в пойме, а погребения в Казаровичах и Новом Быхове – на первой надпойменной террасе и низком коренном берегу, но во всех случаях – в непосредственной близости от поселений. В Шишино 5 и Приоскольском 2 удалось проследить ямки от частоколов, отделявших территорию могильников от поселений. Число погребений на могильниках за исключением Тайманово незначительно. Впрочем, часть могильников, расположенных на дюнах или на краю берега, обычно разрушена (Бортничи, Новые Безрадичи, Киреевка, Казаровичи).

Погребения, как правило, расположены без строгой системы. В Казаровичах и Киреевке захоронения образуют группы, отстоящие друг от друга на расстояние от 25 до 100 и даже 200 м. В Приоскольском 2 погребения расположены очень кучно. Отсутствие случаев перекрывания погребений свидетельствует о наличии в древности какихто недолговечных знаков, обозначавших место захоронения.

В редких случаях на могильниках киевской культуры кроме погребений имелась специальная площадка для сожжения умерших, место которой определялось скоплением угля, мелкими кальцинированными косточками и костным пеплом. Такой объект был открыт в Новых Безрадичах (Даниленко 1976, 69). В Рябовке I крупные скопления шлаков перекрывали место разведения двух больших костров, при этом предполагаемое место кремации находилось на северной оконечности вытянутой дюны, в то время как поселение занимало ее среднюю часть, а следы могильника находились южнее (Терпиловский 1990, 62–64).

Иногда на могильниках встречаются ямы с углем и фрагментами керамики, но без костей, что, вероятно, связано с какими-то ритуальными действиями.

Характерным для киевской культуры следует считать обряд трупосожжения на стороне. Предположение об использовании кремации на месте требует дополнительной аргументации, а также расширения источниковедческой базы. Исключениями являются трупоположения–жертвы: полный скелет (Приосколькое 2) и захоронение черепа (Шишино 5). Подавляющее большинство погребений ямные. По одной урне отмечено на территории поселений Гочево 1 и Шмырево. Два урновых захоронения исследованы на могильнике Кулига. Все эти памятники компактно расположены в верховьях Псла. Урнами служили биконические корчаги (Кулига, Гочево 1) и небольшой кухонный горшок (Шмырево). При этом в Гочево урна была накрыта нижней частью другой корчаги, обращенной вверх дном. Не исключено, что урновые погребения, обнаруженные на территории поселений, являются особой разновидностью жертвоприношения.

При анализе размеров могильных ям можно выделить две приблизительно равные группы: погребения в малых (0,35–0,8 м) и средних (0,8–1,2 м) ямах. Могильные ямы более крупных размеров (до 1,8–2 м) единичны (Казаровичи, Новые Безрадичи, Киреевка, Приосколькое 2). Глубина могильных ям колеблется в пределах от 0,3 до 1,15 м от современной поверхности, однако большинство их углублено примерно на 0,5 м. Преобладают округлые в плане ямы. Овальные ямы составляют приблизительно четвертую часть всех учтенных погребений. Крупные ямы неправильной формы представлены в Приоскольском 2. Уникальным является погребение 12 могильника Новые Безрадичи. По мнению автора раскопок, это был под-

квадратный „дом мертвых" с длиной стороны около 2 м (Даниленко 1976, 68–69).

Одной из особенностей погребального обряда киевской культуры является компактное, послойное или рассредоточенное помещение сильно пережженных костей в могильную яму (рис. 30). В первом случае кости, как правило, находятся в углисто–золистой линзе на дне ямы. Зафиксировано погребение, где кальцинированные кости были помещены в небольшое углубление на дне могильной ямы (Казаровичи, погребение 12). Кости обычно смешаны с остатками погребального костра в виде обугленных поленьев, углей или золы, однако известны и очищенные (перемытые). Скопление костей в виде линзы или прослойки перекрывалось слоем чистого грунта, выше которого встречаются следы тризны – необожженные кости животных, фрагменты разбитых и пережженных сосудов и т.д. Иногда слой, содержащий кости, подстилался чистым или золистым грунтом.

Немногочисленность кальцинированых костей в большинстве погребений (особенно с рассредоточенным помещением), очевидно, свидетельствует о том, что в могильные ямы часто помещали лишь горсть пепла с погребального костра. Такие объекты являются скорее символом совершенного погребения, чем собственно захоронением всех останков покойного (Терпиловский, Абашина 1992, 38–44).

Часть погребений содержит небогатый погребальный инвентарь. Из украшений и деталей одежды в погребениях найдены фибулы (Казаровичи, погребение 14; Новые Безрадичи, погребение 6), железная пряжка, бусина и фрагмент костяного гребня (Тайманово), бусы (Шишино 5, погребение 1), трапециевидная подвеска и обломок браслета (Киреевка, погребение 1), обломок перстня и пронизи (Новые Безрадичи, погребение 1), подвески круга выемчатых эмалей (Демьянки; Приосколькое 2, погребение 3; Новые Безрадичи, погребение 12); булавка (Приоскольское 2, погребение 6). Из бытовых предметов отмечены шило (Новые Безрадичи, погребение 3), пряслица и их обломки (Казаровичи, погребение 2; Новые Безрадичи, погребения 1, 12; Киреевка, погребение 1; Шмырево, погребение 2; Шишино 5, погребение 3), ножи (Новые Безрадичи, погребение 1; Бортничи, погребение 2), серп (Бортничи, погребение 2), зубило (Приоскольское 2, погребение 9). Указанные вещи обычно содержатся в захоронениях в целом виде. Обожженные вещи, вероятно, принадлежали покойному, а предметы без следов пребывания в огне были последним даром сородичей.

Датирующие вещи из погребений свидетельствуют, что по крайней мере большинство могильников относятся к ранней фазе киевской культуры.

Остатками напутственной пищи являются необожженные кости, зафиксированные в ряде погребений. Судя по немногочисленным определениям, в погребениях встречаются и пережженные кости животных. Очевидно, в этих случаях жертвы сжигались на погребальном костре.

Керамика, за исключением урн, встречается в количестве от 1–2 до 400 обломков от разных сосудов, обычно полностью не восстанавливающихся, иногда со следами повторного обжига. Нередко фрагменты керамики в погребениях находятся в виде компактных скоплений (Казаровичи, погребения 1–2, 4, 13–14; Бортничи, погребения 3–4; Новые Безрадичи, погребения 3, 7–8, 11; Кулига, погребение 2; Приоскольское 2, погребения 2, 4, 8).

Сосуды, помещаемые в погребения в фрагментированном виде, очевидно, свидетельствуют о совершении ритуалов типа тризны с разбиванием посуды в момент сожжения (Никитина 1974, 60; Даниленко 1976, 68; Сымонович, Кравченко 1983, 47–50). Сопровождающий инвентарь свидетельствует, что подавляющее большинство могильников относится к ранним этапам киевской культуры.

О региональных особенностях погребального обряда киевской культуры говорить преждевременно из-за его слабой изученности. Однако для Среднего Поднепровья, судя по могильнику Казаровичи, как будто типично помещение в захоронения многочисленных обломков повторно пережженных сосудов. В верховьях Псла изредка встречаются урновые трупосожжения. На территории Белоруссии, кроме округлых погребальных ям, встречены захоронения в больших удлиненных ямах.

К киевской культуре иногда относят грунтовый могильник с трупосожжениями на территории III Чертовицкого городища в Подонье (Зиньковская 2000, 32–33). Действительно, погребальный обряд 12 захоронений, совершенных в округлых ямах, достаточно близок киевскому. Однако, сопровождающие некоторые погребения фрагменты керамики принадлежат сосудам скифо–сарматского облика (Медведев 1998, 53–54, 58–59). Практически полное отсутствие другого инвентаря не позволяет дать четкое культурно–хронологическое определение этого памятника.

Истоки погребальной обрядности киевской культуры не вполне ясны, так как позднезарубинецкие памятники в Поднепровье практически не известны. Впрочем, описание могильника Инясево на р. Хопер (Хреков 1997, 326–330), содержащего керамику типа Картамышево 2-Терновка 2 и относящегося, вероятно, ко II в., весьма напоминает киевские захоронения. Обращает на себя внимание тот факт, что около рубежа нашей эры подобные черты присущи прежде всего могильникам верхнеднепровской группы зарубинецких памятников. Существует и определенная близость с некоторыми чертами погребального обряда пшеворской культуры, главным образом с ямными сожжениями, составляющими на рубеже нашей эры большинство. Для них характерны скромный инвентарь, присутствие в погребениях угля и вторично обожженной керамики (Никитина 1974, 81–82; *Prahistoria ziem...* 1981, 109). В этой связи было высказано предположение, что сложение киевской (и, очевидно, позднезарубинецкой) погребальной об-

рядности происходило на основе верхнеднепровской зарубинецкой с участием, вероятно, и пшеворских элементов (Терпиловский 1984, 17–18). По другой версии она формируется в результате развития ряда среднеднепровских моделей погребений с кремацией (Петраускас 1993, 6–8).

2.3. Керамика

Как и позднезарубинецкая, киевская керамика в технологическом и функциональном отношении делится на груболепную (тарную и кухонную) и лощеную (столовую). Во всех случаях первая группа численно преобладает.

Груболепная керамика орнаментировалась сравнительно редко. Это насечки или пальцевые вдавления по венчику, пересекающиеся полосы, нанесенные гребнем по сырой поверхности. Гораздо реже встречается рельефный орнамент в виде налепных валиков под венчиком (Казаровичи, Абидня, Роище и др.) или чуть выше бочка (Попово–Лежачи 4), подковки в средней (Обухов 3, Гочево 1, Попово–Лежачи 4, Абидня) и „уши" в нижней (Казаровичи) или верхней (Александровка 1) части корпуса. Нечасто встречается также специально ошершавленная (хроповатая) поверхность (Букреевка 2, Обухов 3), а также разнообразные знаки, нанесенные по сырой глине: свастики (Бортничи, Родной Край 3, Гочево 3, Роище) и группы наколов в виде треугольников (Савенки).

Практически вся груболепная керамика представлена горшкообразными сосудами различных размеров. Специфика наборов посуды различных периодов и локальных вариантов особенно заметна по распределению типов горшков из наиболее представительных коллекций 14 поселений (рис. 42). Сравнительный анализ посуды из закрытых комплексов типа вымосток подов очагов или печей, из ряда полуземлянок и погребений, где керамика сопровождалась различными датирующими находками, а также из небольших кратковременных поселений позволяет наметить основные тенденции развития керамического комплекса киевской культуры.

Для наиболее ранних памятников Среднего (Казаровичи, Сушки 2) и Верхнего Поднепровья (Абидня), Подесенья (Попово-Лежачи 4, Гребля) и востока Днепровского Левобережья (Гочево 1, Шишино 5) характерно значительное сохранение черт, ранее типичных для позднезарубинецкой керамики (рис. 31–41). Сосуды с плавной линией профиля (класс I) обычно составляют около 2/3 общего количества. Среди форм преобладают сравнительно слабопрофилированные, близкие к баночным (тип I-2 варианты б, в) и округлобокие горшки (тип I-1). Реже встречаются различные варианты тюльпановидных и баночных с загнутым внутрь краем сосудов (типы I-3 и I-4), а также ребристые формы (преимущественно типы II-1 и II-2б, в) (рис. 42). Основное отличие от позднезарубинецкого набора посуды состоит в вытеснении сильнопрофилированных округлобоких форм типа I-1 сосудами типов I-2 и I-3. Позднезарубинецкая традиция сохраняется в высоких шейках, орнаментированных венчиках и в единичных архаичных формах (Попово–Лежачи 4, Гочево 1, Абидня).

На средней фазе развития культуры происходит расцвет киевского керамического комплекса. В это время известны практически все отмеченные выше типы горшков и корчаг за исключением, возможно, цилиндро–конических. Для различных районов можно отметить большой удельный вес ряда индивидуальных форм: для Среднего Поднепровья (Обухов 3, Глеваха) – широкогорлых корчаг и горшков с узкой горловиной и высоким крутым плечом – типов I-2б и I-1б (рис. 43–47), для Подесенья (Деснянка, Лавриков Лес, Киреевка 1, 2) – тюльпановидных сосудов типа I-3 (рис. 48), для востока Днепровского Левобережья (Букреевка 2, Тазово, Родной Край 3) округлобоких типа I-1а (рис. 49, 50), для Верхнего Поднепровья (Абидня, Тайманово) – баночных типа I-2в (рис. 40, 41, 51). На всех территориях относительно часто встречаются также разнообразные ребристые формы типов II-1, II-2 б, в и различные варианты округлобоких (типы I-1 и I-2а, б), тюльпановидных (тип I-3) и баночных (тип I-2в) сосудов (рис. 42). Ряд характерных форм и орнаментальных приемов позволяет соотнести с верхнеднепровским локальным вариантом материалы поселений Верхнестриженское 3 и Мена 5 (рис. 52).

Для заключительного этапа киевской культуры типично широкое распространение приземистых, по сравнению с ранними, биконических горшков типа II-2в, округлобоких типа I-2 и в меньшей мере типов I-3 и I-1. В это время на основе биконических возникают единичные цилиндро–конические сосуды типа II-2а. Особенно многочисленны биконические формы типа II-2в, г на памятниках бассейна р. Стрижень (Александровка 1, Роище, Верхнестриженское 2) (рис. 53–55). Их дополняют в основном баночные и тюльпановидные сосуды, преобладающие на большинстве памятников Черниговского Подесенья (Ульяновка, Выбли и др.) и Путивльского Посеймья (Пересыпки 1 и Чаплищи 3) (рис. 56, 57). В Среднем Поднепровье (Обухов 2, Вишенки, Погребы) доминируют округлобокие, баночные и биконические горшки (рис. 58). На памятниках востока Днепровского Левобережья (Каменево 2, Курган–Азак) превалируют баночные и тюльпановидные сосуды типов I-2в и I-3, существенно реже встречаются биконические и цилиндроконические формы, причем число ребристых форм растет по мере приближения к Днепру (рис. 42, 59). Для Верхнего Поднепровья (Тайманово) типичны относительно слабопрофилированные округлобокие, тюльпановидные и баночные, а также биконические сосуды.

Редкие для киевской культуры сосуды с невыделенным, загнутым внутрь краем, спорадически встречаются на памятниках различных территорий и этапов. Более или менее значительное их число встре-

чено только на памятниках востока Днепровского Левобережья (рис. 42). Орнаментация в виде расчесов гребнем, насечек и вдавлений по венчику и др. присуща в основном раннему керамическому комплексу, причем расчесы особенно характерны для Верхнего и, в меньшей степени, Среднего Поднепровья, в то время как украшенные венчики распространены повсеместно. В целом для Верхнего Поднепровья и лесостепного Левобережья, более чем для других территорий, типичны приземистые горшки с относительно широким дном.

К груболепной посуде также следует отнести два кубка с закругленным дном из Обухова 3 (под 2) и Мены 5, сосуды-цедилки с отверстиями в придонной части или в стенках (Казаровичи, Обухов 3 и 7, Шишино 5), а также небольшие конические плошки. Обычно они представлены лишь мелкими фрагментами (Сушки 2, Обухов 7, Вишенки, Мена 5, Гочево 1, Каменево 2). Однако несколько находок из памятников востока Днепровского Левобержья (Букреевка 2, Родной Край 3, Колосовка и др.) показывают, что среди плошек были сосуды с узким дном на пустотелом поддоне, высокие и низкие миски с относительно широким плоским днищем (рис. 49:*14–16*; 50:*5–6*).

Массовое распространение таких изделий типично для памятников среднего этапа киевской культуры востока Днепровского Левобережья, где оно происходит, вероятно, под влиянием черняховской культуры, для которой конические миски достаточно характерны (Баран 1981, 82–83). В частности, подобный сосуд, встреченный на поселении Александровка 1, по особенностям технологии отличался от киевской керамики, приближаясь к черняховской лепной посуде (рис. 55:*5*).

Изредка в киевской культуре встречаются ребристые миски, изготовленные из обычного кухонного теста (Казаровичи, Гребля, Шерстин, Букреевка 2). К той же категории относится и слабопрофилированная миска из Тайманово с вертикальными насечками по корпусу (рис. 51:*15*).

Особую группу посуды, также продолжающую зарубинецкую и позднезарубинецкую традицию, составляют диски, служившие, вероятно, крышками для горшков или лепешницами. Они, как характерный элемент керамического комплекса, присутствуют в небольшом количестве по всей территории распространения киевской культуры, хотя среди памятников, исследованных путем раскопок, известны пункты, где такие изделия отсутствуют (Казаровичи, Попово–Лежачи 4, Гочево 1).

Лощеной посуды на памятниках киевской культуры встречено немного – лишь на поселениях Сушки 2 и Попово–Лежачи 4 она составляет соответственно 6,4% (Приходнюк 1988, 72) и 5–7% (Обломский, Терпиловский 1998, 71), что близко к позднезарубинецким показателям. В остальных случаях количество лощеной керамики гораздо меньше. Подавляющее большинство составляют миски, в том числе высокие, у которых максимальный диаметр приблизительно равен высоте. Лощеные горшки представлены единичными экземплярами (Мена 5, Александровка 1, Ульяновка, Мезин (ур. Забродки), Абидня, Тайманово), причем сосуды из Ульяновки и Абидни были украшены по бочку рядом ямок. Миски, как правило, неорнаментированы.

Основную массу составляют ребристые миски, представленные в основном двумя типами: мисками со слегка прогнутой верхней частью и плавно отогнутой шейкой различных пропорций (тип II-1) и высокими мисками с зигзаговидным профилем, каждый из перегибов которого подчеркнут ребром (тип II-2 б, в). Остальные миски представлены небольшими сериями или единичными экземплярами. Тип II-1 (варианты б,в) является ведущей формой столовой керамики на памятниках киевской культуры и встречается во всех регионах ее распространения. На территории Среднего Поднепровья такие сосуды обнаружены на поселении и могильнике Казаровичи, поселениях Сушки 2, Обухов 2, 3, 7. В Подесенье они происходят из селищ Гребля, Лавриков Лес, Киреевка 1, в лесостепном Дне-провском Левобережье – из поселений Щуровка 1, Гочево 1, Шишино 5, Приоскольское 2 и могильника Кулига. В Верхнем Поднепровье они найдены в Абидне, Демьянках и селище Гудок (рис. 31:*3–4*; 33:*1–2*, *9*; 37:*5–6*; 38:*13–14*; 40:*10*; 43:*1–2*; 44:*1–2*). Мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем встречаются гораздо реже (поселения Гочево 1, Шишино 5, Октябрьское 2 и могильник Новые Безрадичи) (рис. 36:*1*; 38:*12*, *15*). Их прототипами являются аналогичные миски из позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 (Обломский, Терпиловский 1991, 69). Как и в предыдущее время, такие сосуды иногда орнаментированы прочерченными или пролощенными линиями, образующими заштрихованные треугольники или свастики (Гочево 1, Шишино 5). Как было показано выше, миски типа II-2 не имеют зарубинецких прототипов, а восходят к пшеворским сосудам раннеримского периода – ребристым вазам типа II/3 по классификации Т. Лианы (Liana 1970, 439). Там же находим аналогии орнаменту в виде композиций из свастик, треугольников, зигзагов. На памятниках киевской культуры известно еще несколько орнаментированных сосудов иных типов (I-1б и II-1а), также имеющих пшеворское происхождение (рис. 33:*4*; 44:*4*; 51:*9*). Округлобокие сосуды из Попово-Лежачей 4 и Тайманово относятся к типу I/3, а ребристая миска из Обухова 3 (под 2) – к типу VI/2 по Т. Лиане (Liana 1970, 438–440).

Таким образом, в киевской культуре пшеворские по происхождению сосуды встречаются значительно реже, чем в позднезарубинецких памятниках типа Картамышево 2, а по форме и орнаментации все они тяготеют к раннеримскому времени.

Очевидно, непосредственно к позднезарубинецким прототипам восходят миски типа II-3а с короткой вертикальной верхней частью (Попово–Лежачи

4, Букреевка 2, Абидня), ранее особенно характерные для памятиков типа Почеп (рис. 32:*5*; 39:*11–12*).

В целом лощеные сосуды типичны прежде всего для раннего керамического комплекса киевской культуры. Очевидно, в этом можно видеть преемственность с позднезарубинецкими, впитавшими ряд пшеворских элементов, традициями. На памятниках средней и особенно поздней фазы столовая лощеная керамика исчисляется единицами. В последнем случае миски подражают главным образом черняховским гончарным образцам (Роище). Видимо, в этот период лощеная посуда вытесняется черняховским керамическим импортом.

3. Хронология и периодизация

Существование киевской культуры охватывает все позднеримское время и начало раннего средневековья. Различный методический подход исследователей вполне объясняет, почему в литературе встречаются различные варианты ее датировки и периодизации. В.Н. Даниленко (1976, 66, 85) датировал киевскую культуру на основе корреляции с черняховскими вещами, ограничив ее временные рамки II–IV/V вв. Однако теперь вполне ясно, что достоверных памятников черняховской культуры II в. не существует (*Славяне Юго-Восточной Европы* 1990, 174–176). Даже памятники киевской культуры, относящиеся к III в., содержат черняховский импорт лишь в редких случаях. Чаще киевскую культуру относят к III–V вв. (Горюнов 1981, 36–37; Терпиловский 1984, 40–42; Обломский 1991, 18; Терпиловский, Абашина 1992, 76–78).

По–разному определяются и периоды существования киевской культуры. Н.М. Кравченко и Е.Л. Гороховский (1979, 66–67) предложили разделить памятники Среднего Поднепровья на два периода: ранний (III в.) и поздний (в основном IV в.). А.М. Обломский в пределах сейминско–донецкого варианта выделил два этапа различной протяженности: ранний (первая половина III в.) и поздний (вторая половина III – первая половина V в.). Последний выделен по совместным находкам киевских и черняховских вещей и в свою очередь делится на раннюю (вторая половина III – первая половина IV в.) и позднюю (вторая половина IV – первая половина V в.) фазы (Обломский 1991, 8–18). Чаще, однако, киевская культура делится на три периода, несколько перекрывающих друг друга (*Этнокультурная карта* 1985, 54–57; Гороховский 1988, 158–162; Терпиловский, Абашина 1992, 86–89).

Хронология киевской культуры может быть определена прежде всего путем связи с комплексами или памятниками вещей позднеримских типов импортного или местного производства. При этом мы отдаем предпочтение разработкам Е.Л. Гороховского (1988) по хронологии фибул, пряжек и выемчатых эмалей, максимально использовавшего материалы Поднепровья с учетом взаимовстречаемости предметов в комплексах различных археологических культур.

Нами использованы преимущественно датирующие находки в объектах и культурных слоях киевских памятников, так как закрытые комплексы на поселениях редки, а погребения с выразительным инвентарем немногочисленны. Определенное значение имеют также стратиграфические наблюдения, типолого–хронологический анализ керамики и других категорий вещей и др.

Уточнению хронологических рамок киевской культуры способствует изучение предшествующих и последующих древностей той же территории. Так, нижняя граница определяется финальной фазой позднезарубинецких древностей, а верхняя – памятниками колочинской и пеньковской культур, сменяющими киевские на протяжении V в. (*Этнокультурная карта* 1985, 88–89, 95–96; *Славяне Юго-Восточной Европы* 1990, 344–348).

Такая последовательность культур подтверждается и стратиграфическими данными. Например, киевские объекты поселений Деснянка и Гребля в Подесенье местами перекрывают зарубинецкие комплексы. Позднезарубинецкий горизонт подстилает киевский на поселении Новые Безрадичи. Киевский слой поселения Глеваха частично перекрывается черняховско–вельбарским горизонтом с материалами IV в. Киевские сооружения перекрыты черняховскими объектами и на поселениях Боромля 2 и Гочево 3, 4. На поселении и могильнике Тайманово, могильнике Новый Быхов (Верхнее Поднепровье), а также поселениях Обухов 2 и 7, Ходосовка и Новые Безрадичи (Среднее Поднепровье), Роище, Александровка 1, Мена 5 (Подесенье), Гочево 3, Шишино 5, Шоссейное (водораздел Днепра и Дона) кроме киевских известны объекты, относящиеся к середине – третьей четверти I тыс. н.э.

Рассмотрим хронологию основных памятников киевской культуры по локальным вариантам (рис. 60).

Среднее Поднепровье (рис. 61). На поселении и могильнике в Новых Безрадичах в комплексах киевской культуры (что прежде всего ощутимо по составу керамического набора), практически отсутствуют черняховские вещи. В погребении 6 встречена бронзовая подвязная фибула черняховской подгруппы варианта А3, а из киевской постройки происходит железный гребень с полукруглой спинкой. Подобные предметы типичны прежде всего для раннего черняховского комплекса. Об этой же дате свидетельствуют вещи с выемчатыми эмалями II этапа развития: подвеска–лунница (погребение 12) и треугольная фибула из культурного слоя. Ряд вещей раннеримского времени (две пряжки и шпора), очевидно, связаны с позднезарубинецким горизонтом селища, к которому принадлежит также жилище 4 (Терпиловский, Абашина 1992, 79).

Таким образом, датировка поселения и могильника в Новых Безрадичах на основе корреляции характерных находок из объектов и культурного слоя, а также стратиграфических данных может быть определена в рамках III – начала IV в.

Из комплексов поселения и могильника в Казаровичах происходят железная подвязная фибула варианта А4 (погребение 14), фрагментированная лунница с выемчатой эмалью I/II этапа (жилище 4), бронзовая пряжка с шишечками на концах, белая пастовая бусина (жилище 3). Хронология этих вещей может быть определена в пределах II–III вв., причем фибула относится к III в., а пряжка по прибалтийским аналогиям – ко II в., хотя на других территориях датируется несколько шире (Гороховский 1988, 159).

В разрушенных объектах и культурном слое найдены еще одна лунница, плоская бусина красной пасты типа 104 по Алексеевой и 14-гранная сердоликовая бусина. Эти находки в целом датируются II–IV вв., однако сердоликовая бусина наиболее характерна для III–IV вв. Таким образом, сочетание датирующих вещей из объектов и культурного слоя поселения и могильника Казаровичи скорее всего могло иметь место в III в.

Хронологически близки к названным также поселения Сушки и Хлепча. В хозяйственных ямах Сушков 2 встречены две бусины (полихромная и дольчатая близкая к типу 152 по Алексеевой) и немногочисленные фрагменты гончарной керамики, в том числе светлоглиняных амфор, что позволяет датировать памятник около конца II–III вв. Хронология поселения Хлепча определяется по находкам из культурного слоя нагрудной цепи круга выемчатых эмалей II этапа развития, пряжки общеевропейской подгруппы и двух бусин. По корреляции датировок этих предметов памятник может быть отнесен к III – началу IV в.

Очевидно, к несколько более позднему периоду принадлежит поселение Глеваха. В киевских объектах и культурном слое здесь встречены железные и бронзовые фибулы с подвязной ножкой вариантов А1, А3, А4 и пластинчатая подвеска–лунница, причем вместе с черняховским импортом – гончарной столовой посудой, бронзовой фибулой „восточно–прусского" варианта и трехслойными роговыми гребнями с невысокой дуговидной спинкой типа I/Ia по Никитиной (рис. 46). Подобные находки в основном датируются второй половиной III – серединой IV в. (Гороховский 1988, 160). Поскольку верхний, черняховско–вельбарский горизонт памятника датируется в пределах IV в., то для киевских объектов из Глевахи наиболее вероятной датой будет вторая половина III – начало IV в. (Терпиловский 1988).

В одном из жилищ поселения Бортничи обнаружено несколько бусин, наиболее широко распространенных во II–III вв. (Алексеева 1978, 71–72). Однако, судя по находкам черняховской посуды и типологии лепной керамики, памятник относится к концу этого периода. Из двух местонахождений неподалеку от вышеописанного происходят небольшая железная подвязная фибула варианта Б2, черняховская пряжка компанийцевской серии (Гороховский 1988, 160), а также железная подвязная фибула с шипом на головке. Учитывая находку подвески с выемчатой эмалью, объекты киевской культуры из Бортничей следует датировать второй половиной III – первой половиной IV в.

Заключительный период существования киевской культуры в Среднем Поднепровье слабо представлен хронологическими индикаторами. При раскопках селища Ходосовка (ур. Диброва) найдены крупная железная подвязная фибула варианта Б3 и воинская фибула с ромбической ножкой (Гороховский 1988, 160). Эти находки, очевидно, относятся к рубежу IV/V в., что подтверждает воинская фибула „развитого" V в. из верхнего, раннеколочинского, слоя памятника.

Подесенье (рис. 62). Ранние памятники киевской культуры выявлены в этом регионе лишь в самое последнее время. При этом датирующие вещи на таких памятниках единичны. В Попово–Лежачах 4 обнаружена железная шпора группы V по Годловскому, относящаяся к рубежу II/III – началу III в. (Godłowski 1970, 12, 34, 38). Кроме того на поселении представлены разнообразные лощеные миски, в том числе пшеворских типов, а также отдельные фрагменты гончарной керамики, очевидно, провинциально–римского происхождения. Вероятно, к числу ранних киевских памятников Подесенья принадлежит и селище Гребля, на котором кроме керамики архаичного облика встречена бусина II–III вв.

Из комплексов поселений Лавриков Лес, Деснянка (Титова Речка), Киреевка 2, которые характеризуются отсутствием провинциально–римского или черняховского импорта, происходят фибулы, выполненные местными мастерами в позднеримском стиле. Все они откованы из железа, отличаются сравнительно крупными размерами и длинной тетивой. Подвязная фибула, имеющая на корпусе площадки и фасетки (Деснянка), принадлежит к серии Б по Гороховскому. В Киреевке 2 кроме воинской фибулы со сплошным приемником найдена также округлая железная пряжка, а в Лавриковом Лесу кроме фибулы с шипом на головке – посоховидная булаввка. Последняя, как и отчасти фибула с шипом, имеют аналогии в Прибалтике (Navickaite–Kunciene 1968, 175). Большинство подобных изделий датируется около последней трети III – первой половины IV в. или несколько шире (Гороховский 1988, 47), однако отсутствие на указанных памятниках черняховских вещей делает предположение об их существовании во второй половине IV в. маловероятным.

Возможно, к несколько более позднему времени, IV в. в целом, относятся памятники, где встречены единичные черняховские предметы убора. Это пряжка и несколько бусин из Салтыковой Девицы, а также фибула с дуговидной орнаментированой спинкой, близкая к вельбарским, из Куриловки.

Заключительный этап развития киевской культуры Подесенья представлен материалами широко раскопанных поселений Роище, Ульяновка, Александровка 1, а также Киселевка 2, Верхнестриженское 2, Выбли на Черниговщине. Здесь повсеместно, в том числе в закрытых комплексах, встречен обильный

и разнообразный черняховский импорт в виде не только украшений и предметов личного убора, но и гончарной керамики, орудий труда и др. В объектах крупного поселения Александровка 1 обнаружены массивная железная воинская фибула с длинной пружиной и тетивой, относящаяся, вероятно, ко второй половине IV – рубежу IV/V вв. (*Prahistoria ziem polskich* 1981, 251), а также трехслойный роговой гребень с трапециевидной рукояткой типа II по Никитиной, характерный для конца III – середины IV в., округлые и многочленные бусы синего стекла и др. Судя по сочетанию этих вещей, поселение Александровка 1 существовало около второй половины IV – начала V в. (Терпиловський, Шекун 1996, 29-30). Примерно к этому же периоду, очевидно, относятся поселения Верхнестриженское 2 и Киселевка 2. Первое из них датируется многоцветной бусиной с выпуклыми глазками, синей многочленной бусиной, серебряной пластинчатой лунницей и ножкой амфороподобного кувшина. Во втором также встречены аналогичные многочленные бусы и язычок пряжки.

Верхняя дата киевской культуры в Черниговском Подесенье может быть определена по находкам на поселениях Ульяновка и Роище вещей гуннского периода (Терпиловский 1984, 41–42). К таким предметам из Ульяновки относятся бронзовый браслет с утолщенными концами, фрагмент зеркала с центральной петлей, а также роговой гребень с прямыми плечиками и полукруглой спинкой типа III по Томас–Никитиной, крупная овальная железная пряжка и ряд бус (рис. 56, 57). В Роище встречен подобный гребень с высокой арочной спинкой, фрагментированная светлоглинянная амфора с яйцевидным корпусом типа Е по Шелову, большие овальные пряжки, крупная полихромная бусина и набор конской упряжи из пяти серебряных лунниц и трех колец. Сочетание таких вещей с черняховской гончарной керамикой может указывать на вторую половину IV – первую половину V в. (Терпиловский, Абашина 1992, 82–83).

Восток Днепровского Левобережья (рис. 63). Видимо, к числу наиболее ранних памятников востока Днепровского Левобережья относится поселение Гочево 1. Набор датирующих вещей из постройки 4 (бронзовая трапециевидная подвеска с рельефным орнаментом, три лунницы с красной выемчатой эмалью, стеклянная глазчатая бусина) и своеобразная железная шпора из культурного слоя позволяют датировать его концом II–III в. Однако близость бронзовых украшений комплексу Мощинского клада (I/II этапы развития вещей с эмалями), а также единичные фрагменты провинциальноримской гончарной керамики заставляют сузить дату до первой половины – середины III в. (Тихомиров, Терпиловский 1990, 59–60).

Очевидно, более или менее синхронны Гочево 1 и другие памятники Днепровского Левобережья, на которых встречены вещи с выемчатыми эмалями в сочетании с характерной раннекиевской керами-кой. Из поселения Шишино 5 происходит клад украшений, включающий две треугольные фибулы, массивный литой и спиральный проволочный браслеты (Обломский 1991, 179–181). В погребении 1 могильника обнаружены три бусины разных типов, типичные для первых веков нашей эры. Здесь, как и в Гочево 1, встречены единичные фрагменты гончарной керамики, сходные пряслица с вдавленными основаниями. В Рябовке 1 обнаружены подковообразная фибула (сюльгама) и подвеска–лунница с выемчатыми эма́лями, а также части поясной скрепы и железная пряжка. Вероятно, к этому же времени, III в., скорее к его первой половине, относится Приоскольское 2, где в заполнении одного из погребений встречены крестовидная бронзовая подвеска круга выемчатых эмалей.

Позднее на памятники востока Днепровского Левобережья начинает поступать черняховский импорт, причем это происходит практически в то же время, что и в Среднем Поднепровье. Так, на поселениях Боромля 2, Родной Край 3, Букреевка 2, Колосовка, Гочево 3 встречено довольно значительное количество черняховской гончарной керамики. В нескольких случаях вместе с ней обнаружены также определимые обломки амфор (Кропоткин, Кропоткин 1988). Так, ножки двух светлоглиняных амфор типов D и F найдены в жилище 2 поселения Родной Край 3. В соседней постройке обнаружены бронзовая фибула с высоким приемником VII группы Альмгрена и железный ключ римского типа II–III вв. Фибулы группы A VII второй трети III – начала IV в., являющиеся, очевидно, ранним черняховским импортом, присутствуют и на других памятниках в верховьях левых притоков Днепра (Боромля 2, Букреевка 2, Гочево 3). Из построек раннего горизонта поселения Боромля 2 происходят две фибулы с высоким приемником, многочастный гребень типа I/Ia и многочисленные обломки амфор типа D. Сочетание таких вещей в целом могло иметь место около второй половины III в. (Некрасова 1990). В Букреевке 2 кроме фибулы VII группы также обнаружены фрагменты светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных амфор, обломок стеклянного кубка, а также черняховская бронзовая подвязная фибула серии Б по Гороховскому. Судя по относительно узкому стержню, фибула может датироваться концом III – первой половиной IV в.

Несколько особняком стоит поселение Тазово. Отсюда происходят римский колокольчик, характерный для значительного отрезка времени, и небольшой гребень с полукруглой спинкой и прямыми плечиками типа III, а также гончарная, в том числе амфорная, керамика. Вместе с тем, типология лепной керамики сближает его с Букреевкой 2. Таким образом, поселение Тазово следует датировать около первой половины или середины IV в. (Обломский 1991, 100).

К финалу киевской культуры можно отнести прежде всего поселение Каменево 2, ряд находок из которого (бритвы с прямым клинком, крупные овальные пряжки) аналогичны соответствующим вещам из

Роица. Там же обнаружено небольшое количество черняховской гончарной керамики, ряд позднесарматских или гуннских трехлопастных наконечников стрел и верхняя часть стеклянной бутыли конца IV – начала V в. Кроме того, из жилищ поселения Каменево 2 происходят две крупные железные фибулы с лопатковидной ножкой, близкие находкам этого же времени из Прибалтики (Гороховский 1988, 57–58).

Верхнее Поднепровье. Для определения хронологии памятников киевской культуры этого региона наиболее существенны комплексы вещей из Абидни и Тайманово. По коротким публикациям, не позволяющим установить условия находки датирующих вещей, можно сделать вывод, что Абидня относится к несколько более раннему времени, чем киевские материалы из Тайманово. Из Абидни происходит ряд провинциально–римских вещей II–III вв., в том числе около 50 плоских красных бус типа 104 по Алексеевой, обломки краснолаковой посуды, фибулы–броши с эмалью, бронзовая монета начала III в. и др. Там же встречены лунницы с выемчатыми эмалями ранних типов, трапециевидная подвеска с рельефным орнаментом. Опубликованные рисунки некоторых предметов убора позволяют предположить, что хронологическими индикаторами Абидни могут служить также „гладкие" железные фибулы серии А, возможно, фибула с жаловидной ножкой и двучленная пряжка типа „D" (рис. 40:*1–8*). Таким образом, поселение и могильник Абидня могут быть датированы III – первой половиной IV в., а возможно, и несколько более ранним временем.

В Тайманово также обнаружены украшения с выемчатыми эмалями и ряд фибул серии А, однако вместе с ними встречен и черняховский импорт (костяной гребень, бронзовые пинцеты, пряжки и фибулы). Кроме подвязных бронзовых фибул (в том числе характерных для вельбарской культуры типов) в Тайманово обнаружены и воинские со сплошным приемником IV в., а также фибула с ромбической ножкой конца IV – начала V в. (рис. 51:*1–6*). Таким образом, памятник, очевидно, существовал и на последней стадии развития киевской культуры. Верны ли эти наблюдения, покажут дальнейшие исследования.

Поселение верхнеднепровского облика Мена 5 может быть датировано около второй половины III – первой половины IV в. по находкам железной подвязной фибулы серии Б по Гороховскому и плоской красной бусины типа 104 по Алексеевой (Кухарська, Обломський 1988, 47). Селище Юрковичи по многочленным синим бусам, аналогичным находкам из Александровки 1, Верхнестриженского 2 и Киселевки 2 на Черниговщине, очевидно, следует отнести ко второй половине IV – началу V в.

Из вышеизложенного следует, что за редким исключением датировки отдельных комплексов того или иного памятника полностью совпадают с хронологией находок из культурного слоя. При этом они ограничиваются, как правило, периодом не более ста лет, что дает основание считать поселения киевской культуры относительно кратковременными (рис. 60). В действительности же, судя по стратиграфии объектов, единообразному характеру керамики и другого инвентаря, период функционирования поселений и соответствующих им могильников, очевидно, был еще меньше. Более долговременными, возможно, являлись только такие крупные верхнеднепровские памятники как Абидня и Тайманово.

Общие хронологические рамки киевской культуры определяются как сумма датировок отдельных памятников: от конца II – начала III до начала – середины V в. Как известно, некоторые датирующие вещи характерны для продолжительного периода, другие имеют более узкий период бытования. Именно сочетание последних, в первую очередь, и определяет специфику той или иной фазы.

Таким образом, в пределах рубежа II/III вв. – первой половины V в. можно выделить три периода, несколько перекрывающих друг друга (Терпиловський, Абашина 1992, 85–86).

К раннему периоду относится ряд памятников Среднего (Казаровичи, Новые Безрадичи, Сушки 2, Хлепча и др.) и Верхнего Поднепровья (Абидня), Подесенья (Попово–Лежачи 4, Гребля, Октябрьское 2) и востока Левобережья (Гочево 1, Шишино 5, Рябовка 1, Шмырево и др.), для которых характерны некоторые остаточные позднезарубинецкие черты в формах и орнаментации груболепной и лощеной керамики. Позднезарубинецкая традиция проявляется также в использовании шпор и пряжек среднеевропейских типов, украшений круга выемчатых эмалей. На всех указанных памятниках, кроме поселений Сушки 2, Попово–Лежачи 4, Гребля и Октябрское 2, встречены предметы с выемчатыми эмалями (в основном лунницы) I/II этапов сравнительно простых форм.

Аналогичные случайные находки весьма многочисленны в Поднепровье. Так, вещи с эмалями обильно встречаются между рр. Стугной и Росью, в особенности в Нижнем Поросье (Корзухина 1978, табл. 8, 9). Поэтому можно предположить, что наиболее архаичные киевские памятники, как и предшествующие позднезарубинецкие (Лeськи 3), достигали на юге бассейна р. Рось, напротив устья которой расположены Сушки 2. На начальном этапе киевской культуры провинциально–римский импорт (гончарная керамика, в том числе амфоры типа D, стеклянные и пастовые бусы, фибулы–броши и др.) поступал в относительно редких случаях, достигая, однако, даже верхнеднепровских областей. Новациями, характерными для ранних памятников киевской культуры, являются подвязные фибулы серии А, реже Б. В целом хронология ранней фазы киевской культуры может быть определена в пределах конца II – III в., причем большинство памятников, очевидно, тяготеет к первой половине и середине III в.

На следующем этапе носители киевской культуры вступают в контакт с черняховской – памятники последней появляются в непосредственной близости

от киевских в южной части ареала – в Среднем Поднепровье и на востоке Левобережья. Черняховский импорт широко проникает даже на памятники, расположенные вне черняховского ареала (Глеваха, Букреевка 2, Колосовка, Тазово, Воробьевка 2). В результате торгово–обменных контактов керамика, украшения и орудия труда киевской культуры претерпевают определенные изменения. Римский импорт в это время в основном сменяется черняховским. К этому же периоду относится массовое распространение киевских памятников в Подесенье. Кроме Лаврикова Леса, Киреевки 2, Деснянки здесь можно назвать Смычин, Киреевку 1, Форостовичи, а также, вероятно, киевский слой Кветуни (Горюнов 1981, 30–32). В это же время в поречье Десны проникают выходцы из Верхнего Поднепровья, оставившие такие поселения как Верхнестриженское 3 и Мена 5.

Черняховское влияние в это время еще не достигло Подесенья, зато ряд вещей свидетельствует об устойчивых связях с северными и северо–западными культурами. Аналогичную картину можно предположить и для Верхнего Поднепровья, судя по материалам Абидни и Тайманово. На памятниках этого периода иногда встречаются вещи с эмалью. Это украшения II и III этапов развития, часто с чертами деградации. Характерно, что предметы с эмалью обнаружены на памятниках, где черняховский импорт полностью или почти отсутствует (Бортничи, Кветунь, Тайманово).

Хронологическими индикаторами второго периода киевской культуры могут служить подвязные фибулы серий А и Б, воинские фибулы, пряжки и т.д., являющиеся черняховским импортом или местными имитациями. Показательны для этого времени и черняховские фибулы VII группы, амфоры типов D и F, роговые гребни преимущественно типа I. Сочетание всех этих вещей указывает, что расцвет киевской культуры происходил на протяжении второй половины III – IV в.

Поздний этап киевской культуры характеризуется финальными контактами с черняховской культурой и зарождением некоторых черт (прежде всего в керамическом комплексе), свойственных уже раннесредневековым славянским древностям.

Как показывают материалы поселений Глеваха и Гочево 4, кое–где в Среднем Поднепровье и на востоке Левобережья в начале IV в. киевское население было вынуждено оставить места своего обитания под нажимом черняховских племен (Терпиловский 1988). Возможно, в связи с этими событиями черняховский импорт на памятниках киевской культуры заключительной фазы распределяется сравнительно равномерно – в контактных зонах (Среднее Поднепровье и лесостепное Левобережье) его становится меньше по сравнению с предыдущим периодом, в то время как в Подесенье и даже Верхнем Поднепровье появляются черняховские импорты, местные подражания привозным украшениям и орудиям труда. Похоже, что к рубежу IV/V вв. черняховское население расширило свои контакты с киевскими племенами.

Кроме разнообразных черняховских вещей, встреченных на поселениях Роище, Александровка 1, Каменево 2 и др., заключительная стадия развития киевской культуры может датироваться амфорами типа Е, стеклянными бусами и обломками бутыли, а также вещами гуннского времени – браслетом с утолщенными концами, зеркалом с центральной петлей, фибулами с лопатковидной ножкой. Этнографическую специфику поздних киевских памятников определяют, в частности, пластинчатые серебряные лунницы из Черниговского Подесенья.

Сочетание указанных предметов позволяет датировать заключительную фазу киевской культуры второй половиной IV – первой половиной V в.

Предложенная хронология и периодизация киевской культуры отражает современное состояние ее изученности и будет уточняться по мере расширения источниковедческой базы, основанной на исследовании новых памятников и введении материалов в научный оборот. Сказанное в первую очередь относится к верхнеднепровским памятникам.

4. Формирование киевской культуры

Параллели в археологическом комплексе позднезарубинецких и киевских памятников указывают, что они относятся к одному и тому же культурному кругу. Аналогии в конструкции жилищ и наборе керамики свидетельствуют в пользу тезиса В.Н. Даниленко о генетическом родстве этих древностей. Однако эти аналогии имеют слишком общий характер и не дают ответа на вопрос, как конкретно формировался каждый из локальных вариантов киевской культуры. К решению этой проблемы можно приблизиться, сопоставив позднезарубинецкие и киевские памятники в каждом из регионов их распространения. Сложность, однако, заключается в существовании определенных территориальных или хронологических лакун, затрудняющих сопоставление максимально близких позднезарубинецких и киевских древностей (рис. 2, 27, 60).

Сравнительно плавная смена позднезарубинецких памятников раннекиевскими, судя по имеющимся данным, происходила на востоке Днепровского Левобережья. Основным субстратом киевской культуры этого региона являлись памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2. А.М. Обломский путем сравнительного анализа керамических комплексов этой группы и ранних киевских памятников (типа Шишино 5 – Шмырево) показал их близость между собой (Обломский 1991, 68–79). Практически все формы груболепных горшков (девять из десяти) обеих групп имеют параллели, лишь округлобокие и тюльпановидные горшки становятся несколько более приземистыми (рис. 12–19). Пропорции сосудов других типов для обеих групп одинаковы, что говорит о единой линии их развития. В целом сохраняется и связь опреде-

ленных форм с размерами сосудов (например, большинство корчаг остается ребристыми), а также орнаментация. Венчики нередко украшаются насечками и пальцевыми вдавлениями, иногда встречаются сосуды с расчесами или хроповатой поверхностью, горшки с поясами вдавлений по тулову. Все это приводит А.М. Обломского к выводу о сохранении позднезарубинецких традиций в керамике ранних памятников киевской культуры в районе водораздела Днепра и Дона. Отметим, что это сходство будет еще более значительным, если привлечь материалы одного из самых ранних памятников киевской культуры – поселения Гочево 1 (Тихомиров, Терпиловский 1990), большую часть комплексов которого А.М. Обломский считал позднезарубинецкими (Обломский 1991, 228–230).

Действительно, яма с подвязной фибулой, перекрывавшая постройку 4, относится к более позднему времени, скорее всего к IV в. Вместе с тем, материалы постройки 1 практически не отличаются от остальных комплексов. Набор пряслиц из построек 1,4 и культурного слоя состоит из различных вариантов биконических изделий, причем только в постройке 4 кроме массивных изделий с вдавленными торцами встречены два плоских пряслица киевской культуры. Диски отсутствуют на целом ряде памятников киевского типа, в том числе рассматриваемого периода (Казаровичи, Попово–Лежачи 4). Сильнопрофилированный горшок с раздутым туловом кроме постройки 1 входил в вымостку „горна" 2. Лунообразный налеп на одной из корчаг того же объекта кроме позднезарубинецких памятников имеет параллели в известном комплексе из Обухова 3 (Абашина, Гороховський 1975, 67) и на горшке из Попово–Лежачей 4 (рис. 35–37). Все это позволяет считать поселение Гочево 1 (за исключением комплекса ямы, прорезавшей постройку 4) одним из наиболее ранних памятников киевской культуры востока Днепровского Левобережья, сохранившим в силу этого обстоятельства ряд пережиточных позднезарубинецких черт.

Вместе с тем, между позднезарубинецкой и киевской керамикой имеются некоторые отличия. Основными среди них являются сокращение производства лощеной посуды и распространение более приземистых небольших округлобоких и тюльпановидных горшков. По сравнению с памятниками типа Картамышево 2 („западными") уменьшается число горшков с орнаментацией венчиков и начинается широкое распространение дисков. В бассейне Северского Донца входят в употребление лощеные миски с зигзаговидным ребристым профилем, начинает применяться гравированный орнамент (Обломский 1991, 78).

Таким образом, новый керамический комплекс создается путем слияния традиций двух существовавших ранее, обособленных, но родственных между собой позднезарубинецких общностей („западной" типа Картамышево 2 и „восточной" типа Терновка 2).

Кроме того, в киевской культуре, как и в предыдущих позднезарубинецких памятниках типа Картамышево 2, находят продолжение некоторые традиции пшеворской культуры в виде высоких лощеных мисок с зигзаговидным ребристым профилем, иногда орнаментированных свастиками (Шишино 5), и хроповатой керамики. Тот же источник могли иметь единичные урновые трупосожжения, зафиксированные только в верховьях Псла. Киевские памятники водораздела Днепра и Дона унаследовали также от местных позднезарубинецких древностей не только пшеворские, но и некоторые сарматские элементы в виде горшков с шаровидным туловом и конических плошек, иногда на выделенном поддоне.

Вместе с тем, киевская культура востока Левобережья, очевидно, в незначительной степени испытала воздействие памятников типа Грини, хотя последние (Вовки, Рябовка 3) известны и в этом регионе. Вероятно, дальние миграции верхнеднепровских племен второй половины II в. включали лишь небольшие группы населения и на развитие местных древностей особого влияния не оказали. С верхнеднепровским субстратом, по всей видимости, связано лишь более широкое, чем в позднезарубинецкое время, распространение орнамента в виде расчесов гребнем.

Отметим также, что позднезарубинецкие традиции на раннекиевских памятниках этого региона сохраняются в виде полуземлянок, а также типичных только для лесостепного Левобережья разнообразных хозяйственных построек (Обломский 1991, 79) и земляных печей. Последние известны исключительно на позднезарубинецких (Гочево 3, 7, Бобрава) и киевских памятниках (Гочево 1) верховьев Псла. Кроме того, именно на этой территории встречено основное количество вещей с эмалью и пластинчатых бронз в позднезарубинецких памятниках. Позднее они продолжают использоваться раннекиевским населением (Гочево 1, Шмырево, Шишино 5, Рябовка 1, Приоскольское 2).

Определенная преемственность наблюдается и в формах пряслиц, хотя изделия из стенок сосудов чаще присутствуют на позднезарубинецких памятниках. С другой стороны, все три типа биконических пряслиц (типы 5–7 по А.М. Обломскому – 1991, 53–54) с учетом замечания о киевской принадлежности Гочево 1 в количестве около 30 экземпляров встречены лишь на киевских памятниках при единственном исключении (Бобрава 3). Не исключено, что широкое распространение биконических пряслиц произошло под влиянием памятников типа Почеп или типа Грини, для которых они достаточно характерны.

Не менее сложным представляется процесс формирования киевской культуры в Среднем Поднепровье. Как указывалось выше, местные позднезарубинецкие памятники типа Лютежа и Оболони продолжают ряд традиций среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры, что заметно прежде всего по составу керамического комплекса. Как и в других регионах, позднее сюда проникают памятники типа Грини (Грини 1, 2, Обухов 13, Решетки), что вызвало синтез позднезарубинецких черт средне- и верхне-

днепровского происхождения. Для определения их удельного веса в раннекиевском керамическом комплексе рассмотрим наиболее архаичные памятники. Такими, на наш взгляд, являются поселение и могильник Казаровичи, а также селище Сушки 2.

При сопоставлении керамики указанных памятников с материалами местных позднезарубинецких древностей нетрудно отметить, что лощеные миски из памятников типа Грини и киевской культуры единичны (лишь в Сушках 2 их 6,4 %), в то время как в Лютеже и Оболони столовой керамики значительно больше (Лютеж – 17,2 %). Кроме того, формы мисок из позднезарубинецких памятников наследуют преимущественно среднеднепровским зарубинецким образцам, а изделия комплекса киевской культуры имеют упрощенную ребристую профилировку, характерную для высоких ваз римского времени. Среди них встречаются сосуды с зигзаговидным профилем пшеворского происхождения (Обухов 3, Новые Безрадичи), ранее распространенные лишь на востоке Днепровского Левобережья. Немногими экземплярами в Сушках 2 представлены диски, совершенно отсутствующие в Казаровичах.

Из девяти основных форм груболепных сосудов, выделенных на раннекиевских памятниках Н.С. Абашиной, непосредственные прототипы на селище Лютеж имеют восемь, то есть совпадает большинство форм округлобоких и ребристых горшков (Абашина 1986, 13). Керамический комплекс круга Грини менее разнообразен. Под влиянием этой традиции в Казаровичах и Сушках 2 появляются широкогорлые округлобокие и ребристые формы, а также тюльпановидные сосуды (рис. 21–22, 31–32). С участием в сложении киевской культуры населения, оставившего памятники типа Грини, связано и относительно широкое распространение (особенно в Казаровичах) керамики с расчесами, фрагменты которой исключительно редко представлены на памятниках востока Днепровского Левобережья.

По мнению А.М. Обломского, в наборе посуды ранних среднеднепровских памятников киевской культуры отчетливее проявляются черты памятников типа Лютеж, чем типа Грини (Обломский 1992а, 38). Это, очевидно, может свидетельствовать о сохранении вплоть до второй половины II в. местной позднезарубинецкой традиции. Однако, в отличие от востока Днепровского Левобережья, надежные памятники этого периода на Среднем Днепре, за исключением памятников типа Грини, пока отсутствуют, хотя из ряда пунктов происходит позднезарубинецкая керамика вместе с датирующими вещами (Новые Безрадичи, Бобрица, Пасечная, Рудяки). Вместе с тем, на поселениях Оболонь и Леськи 3 встречены украшения с выемчатой эмалью максимально допустимой нижней границей появления которой является середина II в. (Гороховский 1988, 156).

Таким образом, ранний киевский комплекс Среднего Поднепровья сложился на основе двух позднезарубинецких групп различного происхождения – местной, типа Лютежа и Оболони, и верхнеднепровской, оставившей памятники типа Грини (Терпиловский 1984, 50–58; Обломский 1992а, 38–40). Следует отметить, что указанные элементы присутствуют в различном количестве на разных памятниках. Так, поселение Сушки 2 в основном представляет местную линию развития, слабо затронутую воздействием верхнеднепровских традиций, на что указывают формы горшков и значительное количество столовой посуды. Более высокая степень интеграции разнородных позднезарубинецких элементов наблюдается в Казаровичах, о чем свидетельствуют более многочисленные ребристые горшки и керамика с расчесами.

Позднезарубинецкая традиция в Среднем Поднепровье сохранилась также в виде полуземлянок, также с очагами в углу, поды которых иногда вымощены черепками (Казаровичи), уплощенных биконических пряслиц и вещей круга выемчатых эмалей (Казаровичи, Хлепча, Новые Безрадичи, Бортничи).

Менее ясен ход формирования киевской культуры в Подесенье. На этой территории ей предшествовали позднезарубинецкие памятники типа Почеп, причем основная их масса сосредоточена в верхнем течении Десны и на Судости, а на Нижней и Средней Десне, где расположено большинство памятников киевской культуры, пока встречено лишь несколько подобных пунктов. Сопоставление набора груболепных сосудов показало, что некоторое сходство наблюдается лишь между двумя формами (из семи типов киевских и четырех почепских). Киевская посуда в целом профилирована слабее, чем почепская. На памятниках типа Почеп отсутствуют диски. На селищах киевской культуры не строились длинные наземные дома. Все это позволило А.М. Обломскому (1986) высказать предположение об отсутствии генетической связи между почепскими и киевскими памятниками. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на широкое распространение в киевской культуре Подесенья квадратных полуземлянок с центральным столбом (Терпиловский 1984, 13–14). Для предшествующего времени они особенно характерны для памятников типа Почеп (Обломский, Терпиловский 1991, 56).

Проблема осложняется тем, что до последнего времени в Подесенье не были известны памятники киевской культуры начального периода, синхронные Казаровичам, Сушкам 2, Гочево 1, Шишино 5 и др. Однако в последние годы такие материалы начали появляться в результате работ на поселениях Гребля (Валькова, *Отчеты* 1989–1992), Октябрьское 2 и Попово–Лежачи 4 (Терпиловский, Отчет 1993; Обломский, Терпиловский 1998).

Особый интерес представляют материалы последнего памятника, расположенного на дюне в среднем течении Сейма. Очень однородный керамический комплекс из Попово–Лежачей 4 реконструируется на основании находок из шести построек, 18 хозяйственных ям и 19 развалов на уровне древней поверхности. Среди горшков и корчаг распростра-

нены округлобокие и баночные (типы I-1 и I-2), а также тюльпановидные (тип I-3). Ребристые сосуды составляют около трети общего количества. Среди высоких ребристых мисок встречаются изделия с зигзаговидным профилем. Лощеная округлобокая миска украшена фризом из заштрихованных треугольников (рис. 33–34). Архаическими чертами керамики из Попово–Лежачей 4 являются высокий процент чернолощеной посуды (5–7%), частые случаи украшения груболепной посуды (около половины венчиков орнаментированы насечками и вдавлениями, встречены также налепы в виде горизонтального валика и полумесяца). По находке железной шпоры группы V по Годловскому и керамическим аналогиям Попово–Лежачи 4 можно датировать рубежом II/III – началом III в.

Это поселение, вероятно, ведет свое происхождение от памятников типа Картамышево 2, для которых также типично отсутствие дисков, частая орнаментация горшков и корчаг, наличие „пшеворондных" лощеных мисок, тот же набор форм груболепной керамики. К отличиям можно отнести лишь большее число округлобоких сосудов типа I-1 в позднезарубинецких памятниках. Среди синхронных памятников особенно близко к Попово–Лежачам 4 стоит поселение Гочево 1 (Тихомиров, Терпиловский 1990). Для последующего периода аналогичное сочетание форм характерно только для памятников второго этапа киевской культуры Подесенья (Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка 1, 2, Титова Речка), хотя здесь имеется несколько меньше ребристых форм и лощеной посуды, а диски встречаются чаще.

Поселение Гребля расположено гораздо западнее, в Черниговском Подесенье. Керамика этого памятника достаточно близка находкам из Казаровичей, Сушков 2, Шишино 5 и представлена округлобокими горшками и корчагами с расширением в средней или верхней части, биконическими и слабопрофилированными сосудами, а также высокими ребристыми лощеными мисками. Нередко поверхность горшков носит следы расчесов. Специфичными для данного комплекса являются немногочисленные груболепные миски и горшки с цилиндрической верхней частью и высоко расположенным ребром. Последние напоминают один из вариантов ребристых горшков культуры штрихованной керамики (Митрофанов 1978, 31–32). Пряслица из Гребли типично киевские и не отличаются от находок из Казаровичей, Сушков 2, Новых Безрадичей, в то время как в Попово–Лежачах 4 их основная часть изготовлена из черепков. Небольшой материал из Октябрьского 2, расположенного на Сейме близ Путивля, в целом близок керамике Гребли.

Можно предположить, что в отличие от Попово–Лежачей 4 в формировании Гребли и Октябрьского 2 принимали участие какие–то группы верхнеднепровских племен, родственные носителям памятников типа Грини. Такие группировки, вероятно, продвигались на юго–восток, вдоль Замглая и Крюковы–Снова. Именно здесь в последние годы обнаружен ряд памятников с характерной верхнеднепровской керамикой, орнаментированной расчесами (Жаров, Майборода, *Отчет* 1992, 7–17), однако по разведочным данным трудно установить, относятся ли эти находки к кругу Гриней или к более позднему периоду.

Очевидно, освоение Нижнего и Среднего Подесенья в постпочепское время, около рубежа II/III вв., происходило по двум основным направлениям: с юго-востока, из верховьев Псла и Сейма, и с севера, из Гомельского Поднепровья. Судя по всему, более или менее унифицированный характер деснинские памятники киевской культуры приобретают несколько позже, в результате интеграции групп различного по происхождению населения. Новые материалы ставят под сомнение предположение о появлении киевской культуры на Десне в уже сложившемся виде (Обломский 1986, 53).

Далек от окончательного решения вопрос о формировании киевской культуры Верхнего Поднепровья. Во всяком случае, несомненна заметная роль в этом процессе местных памятников типа Грини, возникших на основе посожской группы зарубинецкой культуры типа Кистени–Чечерск (Обломский, Терпиловский 1991, 95–102). В этой связи было высказано предположение о прямом эволюционном развитии древностей позднеримского времени исключительно на местной, посожской основе (Кухарська, Обломський 1988, 50). Поэтому А.М. Обломский склонен отнести верхнеднепровские по происхождению памятники Подесенья Мена 5 и Верхнестриженское 3 к памятникам типа Грини и, соответственно, продлить время существования последних до III–V вв. С этим, однако, трудно согласиться, так как керамический комплекс указанных памятников, а также поселения Абидня, значительно разнообразнее, чем посуда типа Грини. Если в последних преобладают тюльпановидные формы и ребристые горшки с перегибом в верхней части, то набор форм из Абидни, Верхнестриженского 3 и Мены 5 подобен раннекиевским памятникам других территорий (рис. 40–41, 51–52). Отличие состоит, в частности, в сравнительно широком (около 10 %) использовании при обработке поверхности расчесов гребнем или щепкой.

В Абидне, по крайней мере часть объектов которой относится к раннему этапу киевской культуры, керамический комплекс включает относительно приземистые округлобокие горшки с максимальным расширением в верхней части корпуса, а также разнообразные ребристые и баночные формы. Ряд специфических форм горшков, а также многочисленные ребристые лощеные миски, изредка встречающаяся орнаментация горшков налепными валиками под венчиком или полумесяцами, безусловно, указывает, что этот комплекс сложился при участии другой верхнеднепровской группы – памятников типа Чаплин. Об этом также говорит широкое распространение на заключительном этапе зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья трупосожжений, содержащих не-

многочисленные кальцинированные косточки, отдельные обломки керамики и угли погребального костра. В последующий период они стали характерны для киевской культуры. Все это заставляет предположить, что и на Верхнем Днепре в формировании киевской культуры участвовали две группы памятников – типа Грини и типа Чаплин.

Итак, несмотря на значительную близость позднезарубинецких и киевских древностей, ни один из локальных вариантов киевской культуры не является следствием эволюционного развития местных позднезарубинецких памятников. Все они возникают в результате синтеза двух типов позднезарубинецких древностей. Киевская культура в Среднем Поднепровье формируется путем смешения традиций средпеднепровского населения, оставившего памятники типа Лютеж, с верхнеднепровско–посожскими элементами. На востоке Днепровского Левобережья новое явление складывается на основе синтеза двух родственных позднезарубинецких групп, некогда продвинувшихся в этот регион из Среднего Поднепровья (Обломский 1992а, 45). На протяжении II в. почепские племена покидают Подесенье, куда затем с юго–востока проникают потомки носителей памятников типа Картамышево 2, а с севера – те же верхнеднепровские группировки. В результате их интеграции, очевидно, возникает деснинский вариант киевской культуры. Верхнеднепровский вариант формируется путем синтеза традиций двух позднезарубинецких групп, восходящих к памятникам типа Чаплин и типа Грини (рис. 64).

Таким образом, в процессе сложения киевской культуры происходит перестройка традиций различных групп позднезарубинецких древностей. Возникшая в результате новая общность сохранила лишь отдельные черты классической зарубинецкой культуры, что не дает основания рассматривать ее как простое продолжение зарубинецкой культуры, ее поздний этап (Поболь 1969, 105–108; Даниленко 1976, 65–66). Это специфический культурно–хронологический комплекс, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории, то есть самостоятельная археологическая культура (Терпиловский, 1984, 47–50). Отметим также, что, несмотря на некоторые отличия между локальными вариантами, киевская культура характеризуется гораздо большей однородностью, чем субстратные позднезарубинецкие памятники, более соответствующие понятию культурной группы.

5. Киевская культура и некоторые синхронные древности Восточной Европы

В целом киевская культура четко выделяется на фоне синхронных культур практически по всем элементам. С севера к ареалу киевской культуры примыкает территория культурной области, отождествляемой обычно с восточнобалтскими племенами (Седов 1970, 11–33). В культуре штрихованной керамики (Средняя Белоруссия и Восточная Литва), днепро-двинской (междуречье Днепра и Западной Двины, верховья Сожа и Десны) и мощинской культур (верховья Оки и ее притоков) основным типом памятников являются городища. Поселения тяготеют к возвышенностям, они функционировали в течение длительного времени. Среди жилых построек преобладали крупные наземные дома столбовой конструкции, реже встречались полуземлянки. Погребальный обряд известен только для мощинских древностей, где он представлен курганами с трупосожжениями. Керамика указанных групп довольно разнообразна, хотя во всех случаях преобладают слабопрофилированные горшки. Характерной чертой культуры штрихованной керамики является орнаментация сосудов нерегулярными расчесами щепкой или палочкой по сырой глине, а также защипами, ямками и др. (Митрофанов 1978, 30–34). В мощинской культуре заметное место занимают ребристые лощеные миски (Массалитина, 1993), появившиеся, очевидно, под влиянием позднезарубинецких памятников типа Почеп. В меньшей мере зарубинецкие элементы представлены в днепро–двинской культуре (Шмидт 1992, 95–97). Определенным своеобразием характеризуется и комплекс украшений, орудий труда и вооружения. Все это не дает основания для объединения вышеуказанных археологических культур (в частности, культуры штрихованной керамики) с киевской культурой в единый социо–культурный массив народов лесной зоны – „*IV мир*" (Щукин 1989, 57–61) или же в „*генетическую цепочку структурно близких культур*" (Лебедев 1989, 107–110).

Хотя вышеуказанные общности и киевская культура принадлежат к различным моделям, однако между ними, очевидно, существовала обширная контактная полоса. Еще в формировании памятников типа среднего слоя Тушемли (I–III вв.), занимающих западную часть Смоленской обл., верховья Западной Двины и, возможно, верховья Ловати, можно предположить равную долю участия позднезарубинецких памятников и местных древностей (Лопатин 1991, 51–53). Несколько позднее на значительной территории от бассейна правых притоков Немана на западе до Смоленского Поднепровья на востоке фиксируется ряд пунктов с находками слабопрофилированной гладкостенной и орнаментированной расчесами груболепной керамики (рис. 65). По отдельным датирующим вещам (в том числе фибуле) эти материалы в основном относятся к IV в. и по своему облику вполне вписываются в керамический комплекс киевской культуры (Лопатин, Фурасьев 1994). По всей видимости, они возникают на основе продвинувшихся на север из Белорусского Поднепровья памятников типа Грини или типа Абидня. На селищах обнаружены как полуземлянки с печамикаменками (Дедиловичи, жилища 15, 23, 32) или с центральным столбом (Ермошино), так и следы наземных столбовых

домов с очагами (Шугайлово, Заозерье). Погребений с характерной керамикой, кроме захоронения в кургане 3 у с. Повалишино, нет, хотя по соседству с поселениями известны безурновые трупосожжения. Очевидно, целесообразно рассматривать эти древности как особую группу – „памятники типа Заозерья" (Лопатин 1991, 52–53), распространенную в контактной зоне киевской культуры с восточнобалтской общностью.

Как отмечалось выше, в восточном направлении киевские памятники доходят до Оскола. Однако в последние годы появились сведения о древностях с западной (днепровской) традицией, расположенных гораздо восточнее. Раскопками в лесостепном Подонье исследовано 12 памятников позднеримского времени, в чем–то близких киевским и черняховским, хотя и достаточно специфичных. Намечается деление этих памятников на две группы, которые отличаются между собой как по основным признакам, так и по хронологии (рис. 66).

К первой из них относятся поселения у сс. Каширка, Писарево, Седелки и др. (Бессуднов, Обломский 1996; Обломский 1998а; Обломский, Терпиловский 1998а). Памятники, как правило, расположены на черноземных склонах балок или на террасах малых речек, имеющих очень узкую пойму. Жилища представлены полуземлянками и крупными наземными домами с глиняной обмазкой. Значительно превалирует лепная керамика, причем кроме посуды киевского облика (груболепной и лощеной) встречаются позднескифские сосуды причерноморских типов (рис. 67–68). Количество сарматской и черняховской гончарной посуды не превышает 13–14 %. Орудия и бытовые предметы также характерны для тех групп киевской культуры, которые находились под черняховским влиянием. Это жернова ручных мельниц, грузила для ткацких станков и др. Немногочисленные датирующие находки (фрагменты амфор типа Зеест-73 и „танаисских", заготовка фибулы) позволяют предположить, что памятники типа Каширка–Седелки относятся к середине III – началу IV в.

Вторая группа представлена рядом комплексов III Чертовицкого и Подгоренского городищ, материалами селищ Староживотинное и Замятино 5 и 8 (Медведев 1998а). Поселения расположены в долинах крупных рек (Дона и Воронежа), занимая господствующие на местности высоты. За исключением единственного „длинного дома" столбовой конструкции (Замятино 5) остальные жилища представлены полуземлянками. Известны сооружения с центральным столбом, открытым очагом или печью–камином. Керамический комплекс своеобразен. Преобладают округлобокие груболепные горшки, напоминающие киевские сосуды водораздела Днепра и Дона. К этой же группе можно отнести немногочисленные диски и плошки на полых поддонах, ряд лощеных мисок. Другие груболепные горшки, очевидно, имели прототипами позднескифскую, а также мощинскую и дьяковскую посуду. Северные параллели имеет часть форм лощеной керамики поселения Замятино 8 (рис. 69). Гончарной посуды встречено менее 1 %. Ряд пряслиц имитирует вычурные черняховские изделия.

На поселениях типа Чертовицкое–Замятино датирующих вещей значительно больше. Это позднейшие варианты гребней типа III, „гуннские" стрелы и обломки зеркал типа Чми–Бригецио, В–образные пряжки, ранняя пальчатая фибула и др. По черняховским и центральноевропейским аналогиям они синхронизируются в рамках гуннского времени и начала раннего средневековья, то есть от конца IV до рубежа V/VI вв. (Обломский 1999).

Скорее всего, лесостепное Подонье не входило, как иногда предполагалось ранее, в ареал киевской культуры. Эта зона была оставлена племенами позднескифско–сарматского круга в начале III в., толчком к чему послужило изменение климата на более влажный (Медведев 1998, 7–8). Возможно, вслед за этим сюда проникают отдельные группы смешанного киевско–черняховского населения – носители памятников типа Каширка–Седелки. Дальнейшая их судьба не вполне ясна. На всех раскопанных поселениях отмечены следы пожаров. Памятников развитого IV в. пока не обнаружено. Лишь к концу этого периода здесь появляются новые пришельцы с запада, заброшенные на Дон сложными событиями Великого переселения народов.

Еще далее к востоку, на Средней Волге, расположены памятники типа Лбище. По мнению Г.И. Матвеевой, в материалах Самарской Луки (городище Лбище, селище Славкино и др.) заметно сочетание двух традиций (западной – зарубинецкой с пшеворскими элементами и местной – городецкой) (Матвеева 1986, 161–163). Западная керамика представлена груболепными округлобокими и биконическими горшками, а также ребристыми мисками, дисками и коническими крышками. Ребристые миски близки к посуде киевской и частично пшеворской культур. По черняховским фибуле и пряжкам памятники типа Лбище датируются не ранее IV в., хотя Г.И. Матвеева относит их возникновение к более раннему времени. Возможно, они послужили основой для формирования своеобразной именьковской культуры V–VII вв., отличающейся от окружающих культур финно–угорского круга по целому ряду признаков, в том числе погребениями с кремациями (Старостин 1986).

Прежде считалось, что памятники типа Лбище возникли в результате прямого переселения в Поволжье части зарубинецких племен (Матвеева 1981, 70–71). Однако вышеуказанные материалы бассейна Дона, вероятно, могут свидетельствовать, что связь с Поднепровьем поддерживалась практически постоянно.

Предполагается, что памятники типа Лбище, а вслед за ними именьковская культура возникают вследствие миграции пшеворско–черняховских племен (Седов 1994, 309–311; Матвеева 1997, 212–216). С этим, на наш взгляд, трудно согласиться – отмеченные выше этнокультурные элементы не хара-

ктерны для культур провинциально–римского круга, зато образуют систему, подобную киевской культуре. Именно для нее типичны преобладающие „зарубиноидные" и некоторые пшеворские формы керамики, а также наличие определенного черняховского импорта и местных подражаний привозным вещам.

Из соседних с киевской культурой древностей наибольшее влияние на нее оказала высокоразвитая черняховская культура более южных областей. Границы между киевской и черняховской культурами не оставались неизменными. Как отмечалось выше, киевские памятники раннего этапа нередко располагались довольно далеко на юге лесостепи. Позднее, с продвижением черняховского населения в Среднее Поднепровье и Левобережье киевско–черняховская граница выравнивается приблизительно по северной линии распространения черноземов (*Этнокультурная карта* 1985, 52). Черняховские памятники появляются в непосредственной близости от киевских в южной части ареала – Среднем Поднепровье и лесостепном Левобережье. На востоке Левобережья ряд киевских памятников расположен чересполосно с черняховскими. Вместе с тем, в контактной зоне они зачастую занимают различные экологические ниши – киевские памятники обычно располагаются на возвышенностях в пойме реки (Родной Край 3, Гочево 3) или по краю первой надпойменной террасы (Букреевка 2, Тазово, Колосовка), в то время как для черняховских поселений более типично размещение вдоль балок коренного берега (Терпиловский, Абашина 1992, 86–87). Именно на этой территории, в районе водораздела Днепра и Дона, протекали наиболее активные контакты между носителями киевской и черняховской культур.

Восточная граница распространения черняховских памятников типа Хохлово–Снагость пересекает верховья Псла, Ворсклы и Северского Донца, не затрагивая истоков этих рек. Впрочем, столь четкой границы, как в Посеймье, когда черняховские поселения доходят лишь до левого (южного) берега реки, здесь не существует. Ряд черняховских поселений (Голубовка 2, Хохлово 2, Стрельниково и др.) известен и к востоку от Северского Донца, вне основного ареала культуры (Обломский 1996, 53–54). Одновременно памятники киевской культуры (типа Букреевка 2-Тазово) встречаются также к северу и востоку от этой границы, вплоть до бассейнов Тускари и Оскола (Кропоткін, Обломський 1991, 76–77).

Этот киевский комплекс генетически связан с предшествующими памятниками киевской культуры типа Шишино 5-Шмырево, о чем уже шла речь раньше. Однако памятники типа Букреевка 2-Тазово отличаются рядом деталей от древностей первого периода. Такими новациями являются применение при сооружении жилищ глиняной обмазки и более массовое использование печей–каминов, лепные конические миски–плошки с плоским дном или полым поддоном, широкое распространение массивных биконических пряслиц с воронкообразными основаниями, а также усеченно–конических пряслиц с утопленным основанием. Все эти признаки достаточно характерны для черняховской культуры, причем плошки и указанные типы пряслиц наиболее часто встречаются в западных областях Украины и в Молдавии (Баран 1981, 83, 102). Происходят также определенные изменения в наборе украшений: вещи круга выемчатых эмалей сменяются изделиями провинциально–римских типов, в том числе фибулами с высоким приемником VII группы. В это же время распространяются и другие категории черняховского импорта: трехслойные роговые гребни и гончарная керамика, в том числе танаисские амфоры (Обломский 1991, 114–115). Черняховская посуда обычно довольно многочисленна, составляя 6–35% керамического комплекса на различных памятниках.

Все это определило „смешанный", киевско–черняховский, характер памятников типа Букреевка 2-Тазово. Э.А. Сымонович (1990, 97–100) и В.Д. Баран (1998, 181–188) даже считали их черняховскими, подобными древностям верховий Днестра и Западного Буга

Видимо, определенная близость древностей типа Букреевка 2-Тазово и черняховской культуры объясняется тесными контактами их носителей. Об интенсивности таких связей свидетельствует возникновение новых форм лепных сосудов и хозяйственно–бытового инвентаря, приемов постройки жилищ и отопительных сооружений. Как считает А.М. Обломский (1991, 115), какие–то группы черняховского населения включались в состав киевских общин. Процесс этот, судя по датировке таких памятников как Боромля 2, Родной Край 3 и др., начался во время формирования черняховской культуры, то есть в середине III в. (Некрасова 1990; Обломский 1991, 14–15). Причем, очевидно, различные киевские общины участвовали в нем поразному: вполне вероятно, что селище Шишино 5 продолжало функционировать до конца III в., практически не поддерживая связей с черняховским населением. Впрочем, этот вопрос требует дальнейшего изучения. Раннее появление черняховской культуры в Днепровском Левобережье фиксируется пока лишь косвенно – по черняховским вещам, характерным для фазы 1 в местных киевских памятниках.

В это время происходит смешение населения в маргинальной зоне, о чем свидетельствуют как новые, возникшее под черняховским влиянием, черты киевской культуры, так и киевские традиции (прежде всего в виде характерной лепной керамики) на черняховских поселениях Головино 1 под Белгородом (Обломский 1991, 115–118), Великий Бобрик и Песчаное близ Сум. Массовая колонизация Левобережья черняховским населением происходит, вероятно, значительно позже. Ей соответствуют относительно многочисленные памятники типа Хохлово–Снагость. Эта вторая волна миграции фиксируется по материалам могильников, начиная со второй четверти IV в. (Гороховский 1988, 45–46). Объектами этого периода

перекрыт ряд киевских комплексов на поселениях Боромля 2 и Гочево 3, 4. О дальнейшей ассимиляции или вытеснении киевского населения за пределы черняховского ареала свидетельствует отсутствие на данной территории киевских памятников развитого IV в. Подобные памятники (Тазово, Воробьевка 2, Колосовка и др.) известны лишь к северу от Сейма (рис. 65). Начиная с рубежа IV/V вв. северное население вновь проникает в бассейны Сулы и Псла (поселения Сенча, Курган–Азак). Единичные находки черняховских вещей из них, очевидно, указывают, что большинство черняховских памятников к этому времени уже прекращают свое существование.

Другой контактной зоной киевской и черяховской культур является Среднее Поднепровье, однако отношения здесь носили, видимо, несколько иной характер, чем в Левобережье. Достоверные черняховские памятники тяготеют к лесостепным ландшафтам, а киевские – к легким почвам Полесья (Терпиловский 1989, 244–245), причем обычно эти особенности сохранялись даже при близком соседстве (Шишкин 1987). Вместе с тем, известны случаи, когда на одном поселении существуют киевский и черняховский горизонты. Так, на поселении Глеваха киевские объекты второй половины III – начала IV в. были перекрыты черняховско–вельбарским слоем IV в. (Терпиловский 1988). Удалось установить, что преемственности, как и перерыва между киевскими и черняховскими этапами заселения практически не было. Подобная ситуация, возможно, имела место и в районе Обухова, где ряд объектов селища Обухов 3, разбросанных по обоим берегам балки, перекрывался черняховским поселением и могильником Обухов 1 (Кравченко 1994, 39–41). Не исключено, что так же обстояло дело и в тех случаях, когда при разведках в пределах одного памятника обнаружены киевские и черняховские материалы (Петраускас, Шишкін 1992, 102), однако убедиться в правильности такого предположения можно только путем стационарных раскопок.

Вообще в Среднем Поднепровье почти не известны киевские памятники со столь значительными черняховскими элементами, как на востоке Левобережья. На памятниках второго периода обычно присутствуют лишь единичные черняховские вещи (Бортничи, Обухов 3, Погребы, возможно, отдельные объекты Новых Безрадичей). Некоторым исключением является поселение Глеваха, где черняховский импорт представлен гораздо обильнее (рис. 45–46). В большинстве объектов киевского горизонта наряду с лепной встречена и гончарная керамика, причем число последней в постройках 1 и 3 составляло соответственно 48 и 30 %[1].

Черняховское происхождение имеют также два роговых гребня и, вероятно, отдельные бронзовые подвязные фибулы. Среди лепных сосудов киевского горизонта преобладают широкогорлые и округлобокие горшки или корчаги при немногочисленных ребристых формах, что довольно необычно для Среднего Поднепровья, но несколько напоминает памятники типа Букреевка 2-Тазово. С другой стороны, в Глевахе отсутствуют конические плошки, массивные биконические пряслица с вдавленными торцами и другие элементы, появление которых в киевской культуре связывается обычно с черняховским влиянием (Обломский 1991, 114).

В отличие от Левобережья, контактная зона рассматриваемых культур на Киевщине была значительно уже и охватывала главным образом поречье Стугны. К северу от Стугны встречены лишь отдельные черняховские пункты, раскопки проведены лишь на могильнике Великая Бугаевка, функционировавшему в IV – начале V в. (Петраускас, Шишкін 1999, 224). Одним из наиболее ранних черняховских памятников в этом регионе является поселение Великая Снитынка 2 возле Фастова. Период функционирования мастерских по изготовлению гребней охватывал рубеж III/IV – середину IV в. (Магомедов 1992). Почти половина керамического комплекса представлена лепными сосудами вельбарского облика, подобными ряду находок из верхнего горизонта Глевахи. Судя по таким изделиям как костяные гребни, фибулы и др., с обитателями этого или аналогичных селищ по Унаве и Стугне могло поддерживать торгово–меновые отношения киевское население Глевахи. Однако контакт между ними был непродолжительным, охватывая конец III – начало IV в., и носил чисто экономический характер, о чем говорит отсутствие в киевских комплексах черняховских пряслиц и фрагментов вельбарских сосудов, не говоря уже об их местных подражаниях. В начале IV в. происходит некоторое продвижение на север от Стугны носителей черняховских памятников с вельбарской традицией, что заставило „киевлян" Глевахи уступить пришельцам места своего обитания (Терпиловский 1989а, 245).

Небольшое количество керамики киевского типа присутствует также на некоторых типично черняховских поселениях Среднего Поднепровья (Жуковцы, Черняхов, Новолиповское, Максимовка, Ломоватое 1 и 2 и др.) (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999). Черняховские памятники с киевскими чертами концентрируются преимущественно в нижнем и среднем течении Стугны, а с вельбарскими – в верховьях Стугны и Ирпеня (Петраускас, Шишкін 1999, 225–226). В составе черняховских общин, включающих представителей германского и скифо–сарматского населения, „киевляне" проникали до южных границ лесостепи (Стецовка 2, Радуцковка), выходя за пределы традиционного позднезарубинецко–киевского ареала (рис. 65). Важно также, что характерная лепная керамика найдена не только в полуземлянках, но и на полах типично черняховских больших наземных домов каркасно–плетневой конструкции (Новолиповское, Радуцковка).

---

[1] Возможно, реально в объектах присутствовало несколько меньше черняховской гончарной керамики, так как ряд мелких фрагментов мог попасть в заполнение из верхнего (черняховско–вельбарского) горизонта культурного слоя.

Особенно выразительны материалы широко исследованного поселения Журавка Ольшанская, раскопанного Э.А. Сымоновичем и проанализированного А.М. Обломским (1998). Судя по ряду датирующих вещей, поселение функционировало достаточно долго – от второй четверти III до начала V в. Наиболее ранние постройки (их 10) содержат от 5 до 24 % гончарной керамики, более поздние (8 построек) – со 25 до 75 %. В объектах заключительного периода (11 построек) гончарная посуда резко преобладает. Лепная керамика имеет различное происхождение: в пяти постройках и двух хозяйственных ямах встречена посуда вельбарского типа, а в 12–ти постройках (в том числе в семи жилищах–полуземлянках с очагами, печами–каминами, центральными столбами) и одной яме – напоминающая киевскую (рис. 70). Первоначально различные этнокультурные группы занимали разные участки селища, лишь со временем граница между ними стирается.

Можно предположить, что часть погребений на таких могильниках как Великая Бугаевка также принадлежала киевскому населению (Петраускас, Шишкін 1999, 224). Таким образом, жители черняховских поселков, изготовлявшие лепные сосуды киевских форм, находились в постоянном контакте с другими этнокультурными группами. Киевские по происхождению семьи активно перенимали новые приемы домостроительства, того или иного ремесла и даже иную идеологию. Именно эти контакты способствовали широкому распространению гончарной посуды, изменению моды на украшения и др.

Необходимо также остановиться на материалах поселения Хлопков 1 на р. Трубеж, которое рассматривается его исследователем как черняховское (Некрасова 1988). О.М. Приходнюк (1991а, 116) считает, что на поселении существует слой пеньковской культуры, с которым связано основное количество лепной керамики, а также костяная поделка, имеющая достаточно отдаленные аналогии в виде металлических изделий в аварских комплексах VII–VIII вв. на территории Венгрии. Однако, по крайней мере четыре закрытых комплекса свидетельствуют об одновременности гончарной и лепной керамики, а материалы горна и предпечной ямы говорят о том, что гончарную посуду на селище производило население, использовавшее в быту груболепные ребристые горшки (Абашина, Обломский, Терпиловский 1999). Эти факты, как и отсутствие прямых аналогий хлопковской лепной посуде в керамике пеньковской культуры, не позволяют согласиться с мнением О.М. Приходнюка.

На поселении исследовано восемь жилищ–полуземлянок, 10 построек, 35 ям хозяйственного назначения и гончарный горн. В основной массе объектов преобладала гончарная керамика, однако в двух жилищах, одном хозяйственном сооружении и нескольких ямах лепная посуда составляет около половины. Среди лепных сосудов значительно доминируют различные биконические формы – 67% (в том числе 20% – корчаги с налепным валиком под венчиком, 36% – горшки с отогнутой шейкой и 11 % – без шейки). Значительно реже встречены округлобокие горшки и сосуды с загнутым внутрь краем. Диски и сковородки отсутствуют (Некрасова 1988, 71, 76).

В целом лепной керамический комплекс Хлопкова характеризуется преобладанием сосудов киевского стиля, к которым, возможно, относятся „протопеньковские" корчаги с валиком под венчиком. Их прототипы известны в киевской культуре (Казаровичи, Абидня, Роище, Александровка 1), хотя и в значительно меньшем количестве.

Период существования Хлопкова определяется в рамках второй половины IV – начала V в. по находкам нижней части стеклянного кубка типа Кенигсбрух, двух бронзовых подвязных фибул, нескольких бронзовых пряжек и др. (Некрасова 1988, 75–76). Вместе с тем, из сборов Ю.В. Костенко происходят ручка амфоры типа D, многочастный гребень с невысокой дуговидной спинкой и бронзовая пряжка серии А, что, очевидно, указывает на возникновение селища еще на ранней фазе черняховской культуры. Среди пряслиц немало биконических изделий, в том числе типично киевских, низких с крупным отверстием, а также более высоких. Нередки также массивные пряслица из отмученной глины, характерные для черняховской культуры.

Проблема происхождения Хлопкова и его соотношения с киевскими и черняховскими памятниками требует дальнейшего изучения. Одной из версий, объясняющих появление этого феномена в киевско-черняховском пограничье может быть следующая. Первоначально поселение было основано носителями черняховской культуры, на что указывает ряд „чисто" черняховских объектов. Позднее, после середины IV в., сюда проникает киевское население, в результате чего растет число специфической лепной посуды, а комплекс памятника приобретает смешанный киевско–черняховский характер.

Прямые контакты деснинских племен киевской культуры и черняховского населения были более ограниченными и охватывали в основном вторую половину IV – начало V в. Существование таких связей фиксируется главным образом по поступлению ряда импортов конца позднеримского и начала гуннского времени, причем особенно значительное число гончарной керамики, украшений и др. происходит из селищ Александровка 1, Роище, Верхнестриженское 2, расположенных в бассейне р. Стрижень. В Роище количество гончарной керамики в среднем составляло 6% и достигало 15% в постройке 1. В Александровке 1 средние показатели близки, но в заполнении построек 4 и 5 гончарная керамика составляла соответственно 30,3% и 39,3%. Здесь кроме того встречена лепная плошка и два пряслица типично черняховского облика, а также мастерская в постройке 4 по изготовлению полуфабрикатов гребней из оленьего и лосиного рога. Важно отметить определенное отличие данных памятников от деснинских древностей предыдущего периода.

представленных поселениями Титова Речка, Киреевка 1 и 2, Лавриков Лес, Форостовичи и др. Отметим, что близ Чернигова памятники этого типа почти не известны. Складывается впечатление, что количество памятников в этом регионе резко возрастает в течение IV в.

С другой стороны, позднекиевские памятники Черниговского Подесенья и среднеднепровские роднит ряд общих черт. Для последней группы типичны такие признаки как разнообразная топография (в том числе равнинно–балочное размещение поселений), различные типы жилищ (в том числе незначительно углубленные в землю с печами–каминами), выносные очаги разных конструкций, более сложный керамический комплекс, включающий обычно значительный процент биконических сосудов и конические плошки. Древности с такими чертами (Казаровичи, Обухов 3, Белгородка, Глеваха и др.) принадлежат главным образом к более раннему времени, чем такие памятники Черниговщины как Александровка 1, Роище, Верхнестриженское 2, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли. Поэтому не следует исключать возможности переселения части обитателей Киевского Поднепровья в северо–западном направлении, вследствие чего культура Подесенья испытала определенные изменения. В качестве гипотезы можно предположить, что толчком для такой миграции могло послужить продвижение черняховско–вельбарских племен к северу от Стугны, которое фиксируется в начале IV в. Возможно, часть жителей таких поселков как Обухов 3, Глеваха и Новые Безрадичи, обладавших определенным опытом сосуществования с черняховским населением накануне этих событий, и стали тем фактором, который изменил ход культурно–исторического процесса в Черниговском Подесенье (Терпиловський, Шекун 1996, 32–33).

Киевско–черняховские контакты усиливаются к рубежу IV/V вв., в период кризиса черняховской культуры, о чем красноречиво говорят приведенные выше примеры. Вероятно, небольшие группы южного населения в это время продвигаются в Подесенье и включаются в состав киевских общин, оставивших такие поселения как Александровка 1 и Роище.

К западу от киевского ареала, на территории Волыни, расположены черняховские древности с ярко выраженной вельбарской традицией (Szczukin, 1981), что сближает их с памятниками Среднего Поднепровья типа Великая Снитынка 2, а также „чисто" вельбарские памятники (Козак 1992, 70–103). Прямых контактов киевской и вельбарской культур не наблюдается, за исключением верхнеднепровского поселения Тайманово, где встречено несколько подвязных фибул вельбарского облика (Терпиловский, Абашина 1992, рис. 49:2).

Отдельного упоминания заслуживает известное поселение Лепесовка в верховьях Горыни. Огромная керамическая коллекция этого памятника, значительно удаленного в западном направлении от киевского массива, насчитывает около 20% лепной посуды, разнообразной по своей этнокультурной принадлежности. Ее основу составляют различные сосуды вельбарского облика, однако небольшая часть (около 12% лепной посуды) принадлежит керамике киевского типа. Стратиграфические наблюдения показывают, что материалы эти попали сюда именно в черняховское время, а не раньше или позже (Щукин 1988, 207–209). На основании этих находок предполагается наличие на Волыни пока не обнаруженной группы киевской культуры (Щукин 1988, 211). Однако отсутствие в Лепесовке типично киевских пряслиц, предметов личного убора и др., являющихся необходимой принадлежностью любого „полноценного" памятника, позволяет предложить другую интерпретацию этого факта. Не исключено, что при патрилокальных браках женщины могли значительно удаляться от киевской племенной территории, продолжая выделывать при этом традиционную посуду. Так как Лепесовка памятник не рядовой, а крупный торгово–ремесленно–сакральный центр, то данное предположение становится еще более вероятным (Терпиловский 1989а, 245–246).

В Лепесовке, по мнению М.Б. Щукина (1989, 205), имеется также лепная керамика, аналогичная находкам на памятниках верховьев Днестра и Западного Буга. Последняя культурная группа рассматривается ее исследователем В.Д. Бараном (1961; 1981 и др.) как своеобразный вариант черняховских древностей (рис. 65). Их основой являются памятники волыно–подольской (зубрецкой) группы, сочетающие пшеворские, зарубинецкие и липицкие традиции (Козак 1982; 1992, 30–69). При раскопках поселений Демьянов, Черепин, Рипнев 2, Бовшев и др. исследовано несколько десятков полуземлянок и землянок небольших размеров четырехугольной или овальной в плане формы с отопительными сооружениями в виде очагов и в редких случаях – печей. Гораздо реже встречаются наземные жилища с глиняной обмазкой. На поселениях присутствуют также хозяйственные постройки, ямы–погреба, выносные очаги и печи. Погребальный обряд данной культурной группы неизвестен.

Гончарная керамика на большинстве памятников составляла меньшинство, только на поселении Рипнев 2, где обнаружена гончарная печь, ее число достигало 65%. Впрочем, соотношение лепной и гончарной посуды значительно варьировалось в различных объектах (Баран 1981, 75–77). Около 80–90% лепной керамики представлено горшковидными сосудами, среди которых преобладают округлобокие формы с максимальным расширением в средней или верхней части, отличающиеся по пропорциям, оформлению шейки и др. Гораздо реже встречаются биконические и слабопрофилированные горшки, сосуды с загнутым внутрь краем, а также конические миски и плошки с плоским дном или на пустотелом поддоне. Орнаментация керамики производилась крайне редко. Среди пряслиц преобладают разнообразные биконические и округлые изделия, в той или иной степени

близкие к пшеворским, липицким и черняховским типам. Набор гончарной керамики, орудий труда, бытовых предметов и украшений в целом обычен для черняховской культуры.

Памятники типа Черепин датируются III – рубежом IV/V вв. (Баран 1981, 143–145). В целом рассматриваемую группу по основным признакам (топография селищ, домостроительство, лепная посуда и др.) можно назвать скорее „получерняховской" (Третьяков 1982, 17). Нередко отмечается ее значительное сходство с киевской культурой (*Славяне Юго-Восточной Европы* 1990, 350–351). Существует даже предположение о возникновении памятников Днепровского Левобережья типа Боромля 2 (Букреевка 2-Тазово) в результате прямого переселения на восток в середине III в. части верхнеднестровского населения и смешения его с местным киевским (Некрасова, 1990). Действительно, обе группы памятников сближает между собой преобладание среди лепной посуды округлобоких горшков, а также наличие конических плошек, не очень типичных для киевского керамического комплекса. И в тех, и в других древностях присутствуют фибулы с высоким приемником VII группы, а также усеченно–конические пряслица с утопленным основанием. К более распространенным признакам можно отнести постройки в виде полуземлянок нередко неправильной формы, а также находки танаисских амфор, роговых гребней и др. Вместе с тем, необходимо обратить внимание и на отличия между верхнеднестровскими и левобережными памятниками. К ним относится присутствие в памятниках типа Боромля 2 лепных дисков, неизвестных в памятниках типа Черепин, а также более значительное число биконических и тюльпановидных форм горшков, изредка сопровождаемых чернолощеными мисками. К тому же, А.М. Обломским убедительно показана связь памятников типа Букреевка 2-Тазово с более ранними древностями той же территории типа Шишино 5-Шмырево, несмотря на появление ряда новых черт.

Как нам кажется, заслуживает внимания и другой способ разрешения данной проблемы, чем предложенный А.Н. Некрасовой и В.Д. Бараном. Как было показано выше, этнокультурные процессы в верховьях Днестра и правых притоков Припяти на протяжении I–III вв. протекали в том же направлении, что и в Поднепровье. В результате начался процесс формирования единой культурной области на позднезарубинецко–пшеворской основе, прерванный движением носителей вельбарской культуры через Волынь (Козак, Терпиловський 1986). В дальнейшем развитие западного и восточного регионов происходило до определенной степени изолированно, однако следует обратить внимание на два момента: 1) сходные субстраты формирования древностей позднеримского времени и 2) активные контакты с черняховской культурой на ее раннем этапе. Напомним, что для левобережного локального варианта киевской культуры основой послужили местные позднезарубинецкие памятники, включавшие ряд заметных пшеворских элементов. Практически таким же был состав субстрата и памятников типа Черепин. Различие заключается прежде всего в соотношении вышеуказанных слагаемых, а также в присутствии определенных липицких элементов. Контакты верхнеднестровской группы с „классической" черняховской культурой были, очевидно, более активными, что заметно по более широкому распространению гончарной керамики и других провинциально–римских вещей, а также по гончарному горну на поселении Рипнев 2. Что же касается лепных плошек, усеченно–конических пряслиц и фибул VII группы, то нельзя исключать, что все эти вещи (вместе с рядом других признаков) были повсеместно присущи раннему черняховскому комплексу.

Тем не менее, постоянные микромиграции по линии запад–восток небольших групп населения, очевидно, продолжались. Именно этим можно объяснить сходство „построек типа Букреевки" и наличие фибул VII группы в обоих регионах, на чем акцентирует внимание А.М. Обломский (1998, 70–71). Правда, жилища с печами–каминами на Западной Украине в отличие от Среднего Поднепровья и Левобережья единичны, а соответствующие типы фибул отличаются своеобразием (гранеными корпусами на западе и накладными кольцами на востоке). В целом же проблема связи памятников Верхнего Поднестровья и востока Днепровского Левобережья требует дополнительного изучения с привлечением более широкого круга источников.

В настоящее время можно отметить, что памятники типа Черепин и типа Боромля 2, сформировавшиеся на сходных субстратах и испытавшие мощное воздействие со стороны черняховской культуры в середине–второй половине III в., были явлениями одного порядка. Вместе с находящимися между ними среднеднепровскими памятниками типа киевских комплексов Глевахи, Журавки и др. они маркируют южные рубежи протославянского расселения. Далее судьба этих групп была различной: западная сохранила свою самобытность и на протяжении IV – начала V в., а центральная и восточная частично были вытеснены или ассимилированы черняховскими племенами в начале IV в.

В целом вышесказанное относится и к расположенной ниже по Днестру преимущественно в районе Хотина и Каменца-Подольского другой черняховской группе, где также встречается лепная керамика, производная от зубрецкой. Такие поселения как Сокол (ур. Островы), Теремцы, Бакота, Лука–Врублевецкая и др. существовали на протяжении III–IV вв., однако во всех случаях имеются и выразительные материалы первой половины V в. (*Славяне Юго-Восточной Европы* 1990, 179–180, 348–349). В отличие от памятников верховьев Днестра и Западного Буга черняховские комплексы Среднего Поднестровья характеризуются в основном полуземлянками подквадратной формы, в которых с IV в. появляются

печикаменки. Распространение квадратных построек, предполагающих использование срубов из одномерного леса, иногда связывают с определенным влиянием киевской культуры (Баран 1988, 57–60). Не исключено, что связи населения Поднепровья и Среднего Поднестровья усилились в период кризиса черняховской культуры, вызванного появлением гуннов на территории Украины.

В заключение упомянем группу памятников типа Этулия, выделенную в последние годы Т.А. Щербаковой и А.В. Гудковой. Изучены они преимущественно в низовьях Днестра, Прута и Дуная, где их число превышает 200. На разнообразных по топографии небольших селищах исследовано несколько десятков полуземлянок различных типов. В формах лепных горшков, мисок и конических крышек заметна позднескифская традиция (Щербакова 1987, 55–56), меньше встречено сосудов, напоминающих зарубинецкие или пшеворские. На могильнике Этулия 12 исследованы ямные трупосожжения почти без сопровождающего инвентаря. Подобные древности обнаружены не только в Буджакской степи, но и в Северной Молдавии. Так, возле известного городища Алчедар исследован могильник, на котором преобладают погребения с кремацией, близкие этулийским или киевским (Щербакова, Кашуба 1990, 117–119). Происхождение данной группы обычно связывается с волыно–подольскими (зубрецкими) и позднезарубинецкими памятниками, а также киевской культурой (Гудкова, 1990).

М.М. Фокеев подчеркивает культурно–хронологическую неоднородность памятников типа Этулия. По его мнению, они распадаются на три группы: группу Холмское 2 с преобладанием скифо–сарматской керамики (вторая и третья четверти III в.), могильник Алчедар (начало III в.) и поселение Нагорное 4 (последняя четверть III – IV в.). Особого внимания заслуживает лепной комплекс Алчедара, имеющий аналогии в позднезарубинецких памятниках Южного Побужья и Днепровского Левобережья. Связь с зубрецкой культурой представляется менее очевидной. Памятники типа Этулия возникли в результате перемещения в междуречье Днестра и Прута в разное время нескольких культурных групп, сохранивших большинство черт, присущих им в исходных регионах (Фокеев 1998, 7–10). Возможно, новые исследования позволят пролить свет на эту проблему.

Таким образом, киевская культура заметно отличается как от синхронных культур лесной зоны, так и от черняховской культуры провинциально–римского круга. Вместе с тем, киевские древности имеют значительное структурное сходство с культурными группами, возникшими в результате миграций киевских племен в западном, северном и восточном направлении (Терпиловський, 1994). Объясняется это прежде всего близостью субстратов, в которых преобладают позднезарубинецкие и присутствуют отдельные пшеворские элементы, не считая, разумеется, той или иной местной основы. Укажем также, что киевская культура занимает центральное место среди древностей III–V вв., которые по своей структуре и набору главных признаков могут претендовать на место предшественников славянских культур V–VII вв. В этой связи необходимо провести сравнительный анализ киевской и раннесредневековых культур.

IV. Формирование культур раннеисторических славян
The formation of the Early Slavonic cultures

1. Сложение колочинской культуры

Дальнейшая судьба киевской культуры раскрывается через сравнение с раннесредневековыми культурами южной части Восточной Европы. Здесь же лежит и решение проблемы этнической принадлежности ее носителей.

Колочинскую культуру образуют памятники V–VII вв. южной части Верхнего Поднепровья, основной части бассейна Сожа, поречья Десны и Сейма, верховьев Сулы, Псла и Северского Донца. Хотя первые раскопки 50–60-х гг. дали лишь самые общие представления о ее основных характеристиках, уже первые изученные колочинские памятники начали рассматриваться как особая культурная группа (Третьяков 1966, 265–273; Седов 1970, 48–53). Естественно, слабая изученность колочинских древностей привела к тому, что их культурно–хронологическую и этническую принадлежность, занимаемую территорию и основной комплекс исследователи трактовали по–разному, в зависимости от тех или иных общих взглядов на историю населения лесной полосы Восточной Европы в I тыс. н.э. Сложившиеся в это время теории в несколько измененном виде существуют и в настоящее время. Например, в одну общую культуру, кроме памятников типа Колочин, включают также памятники типа верхних слоев Тушемли–Банцеровщины, называя ее иногда „верхнеднепровской" (Русанова 1976, 81–82; Сымонович 1975, 25). Другие исследователи допускают, что эти группы памятников образуют различные, хотя во многом и родственные археологические культуры (Поболь 1973, 221–230; Седов 1982, 29–34).

В последние годы в связи со значительным расширением источниковедческой базы предпринимались попытки проведения сравнительного анализа колочинской, банцеровской и тушемлинской культурных групп. По степени распространения городищ, деталям домостроительства и составу керамического комплекса ряд исследователей пришел к выводу, что в основных своих ареалах эти группы достаточно четко обособляются, вероятно, составляя отдельные культуры (Горюнов 1981, 43–46; Третьяков 1982, 69, 88–91; Терпиловский 1984, 74).

Происхождение колочинской культуры подавляющее большинство исследователей выводило из предшествующих ей памятников киевской культуры (Даниленко 1976, 87–88; Третьяков 1982, 66–68; Горюнов 1981, 63; Терпиловский 1984, 73–78; Макушников 1987, 12). Несколько особняком стоит мнение Э.А. Сымоновича, согласно которому колочинская культура формируется на основе как киевских, так и периферийных северо–восточных черняховских памятников (Сымонович 1983). Последние, однако, как теперь показано (Кропоткін, Обломський 1991), должны быть разделены на две группы: собственно черняховскую типа Снагость 2 – Хохлово 2 и памятники типа Букреевка 2 – Каменево 2, входящие в левобережный лесостепной вариант киевской культуры. Именно с последней группой и могут связываться последующие колочинские древности.

Тесная связь киевской и колочинской культур подтверждается наличием переходных памятников во всех регионах распространения этих культур. В этой связи будет методически оправдано сравнение между собой в первую очередь позднекиевских и раннеколочинских памятников одной и той же территории.

Особенно значительное сходство указанных культурных групп наблюдается в Подесенье, на что было обращено внимание еще П.Н. Третьяковым (1966, 254–255) и Е.А. Горюновым (1981, 59–60). Последний в результате детального анализа керамики Подесенья убедительно продемонстрировал перерастание киевской культуры в колочинскую. Эти выводы получили дополнительную агрументацию после выявления памятников заключительного этапа киевской культуры типа Ульяновка (Терпиловский 1984, 74–78). Отметим, что эти древности Е.А. Горюнов считал раннеколочинскими на основании появления отдельных колочинских черт (Горюнов 1981, 40). На наш взгляд, при генетической связи черты более поздней археологической культуры неизбежно возникают в финальных памятниках предшествующей. Поэтому говорить о колочинской культуре можно только с появлением более или менее устойчивого сочетания серии признаков (Терпиловский 1984, 38–40). Принадлежность к различным историческим эпохам, позднеримской и раннесредневековой, проявляющаяся, в частности, в наличии или отсутствии импортных черняховских вещей, также в какойто степени позволяет провести границу между киевской и колочинской культурами.

В последнее время раннеколочинские памятники обнаружены в Черниговском Подесенье. Так, на поселении Выгоры 2 у с. Деснянка исследованы три постройки с открытыми очагами (полуземлянка и две почти не углубленные в материк). Из заполнения объектов и развалов возле очагов происходит грубо-лепная керамика следующих типов: баночные (тип I-2в), округлобокие с максимальным расширением в верхней и средней части (типы I-1 и I-2а, б), биконические горшки и корчаги (тип II-2а, в). Встречен также обломок налепного валика с насечкой (рис. 72), пряслице киевского типа, бусина синего стекла и обломок железного ножа (Шекун, Терпиловский 1993, 18–20). Бросается в глаза сходство керамики поселения Выгоры 2 и расположенных поблизости Ульянов-

ки и Роища, хотя последняя является несколько более профилированной. Здесь чаще выделены и сильнее отогнуты шейки, больше ребристых и меньше баночных форм. О типологической близости указанных комплексов говорит и киевское пряслице, в целом не типичное для колочинской культуры. Важно отметить, что в отличие от Роища, Ульяновки и других памятников заключительной фазы киевской культуры Черниговского Подесенья в Выгорах 2 не встречены черняховские вещи. Очевидно, памятник относится к несколько более позднему времени, чем первая половина V в.

В Новгород–Северском Подесенье к раннеколочинским древностям относится поселение Заярье у с. Кудлаевка, могильник Смяч (Горюнов 1974) и расположенные на соседних дюнах комплексы поселений Целиков Бугор (Горюнов 1972) и Колодезный Бугор у с. Лесконоги (Третьяков 1974, 92–99). В первом случае обнаружены полуземляночное жилище с центральным столбом и очажной ямой, ряд хозяйственных ям. Основная часть фрагментов керамики из объектов и культурного слоя принадлежат ребристым (цилиндро–коническим и биконическим) сосудам. Третье место занимают высокие баночные горшки, а четвертое – тюльпановидные сосуды. В жилище найдены также обломки сковородок с коротким бортиком и груболепной миски, пряслице киевского типа, два железных шила, фрагмент днища черняховского гончарного сосуда и куски туфовых ротационных жерновов (рис. 73). При этом сам памятник расположен за пределами распространения черняховских древностей.

Из пяти погребений могильника Смяч происходят железная пряжка с хоботовидным язычком и бляшка в виде розетки со штырьком. Эти вещи характерны прежде всего для гуннского времени. В жилище 1 поселения Целиков Бугор найдены обломки тюльпановидных, цилиндро–конических и баночных горшков, сковородок.

Селище Колодезный Бугор – многослойный, сложный для понимания, памятник. Некогда П.Н. Третьяков (1974, 92–99) и автор (Терпиловский 1984, 57–58) относили основной его горизонт к римскому времени. Позже, однако, выяснилось, что тут имеются материалы почепского типа, не образующие выразительных комплексов (Обломский, Терпиловский 1991, 128), а основные находки, происходящие из двух полуземлянок и серии ям, относятся к колочинской культуре. В этих объектах, в частности, обнаружены железные трехлопастная стрела и фибула с перекрученной спинкой типа Пильвины (Гавритухин 1989). Очевидно, период существования вышеуказанных памятников ограничивается серединой – второй половиной V в. (*Этнокультурная карта* 1985, 95–96).

В последнее время памятники киевско–колочинского облика были обнаружены также в Путивльском Посеймье. Стационарными раскопками исследованы поселения Красное 4, Чаплищи 3, Литвиновичи 3, Пересыпки 1, впрочем, основные материалы рассматриваемого периода происходят из культурных слоев. Закрытые комплексы немногочисленны – по одной постройке из Красного и Чаплищ 3, а также несколько хозяйственных ям из последнего пункта. Во всех случаях встречены округлобокие, слабопрофилированные баночные и тюльпановидные, а также ребристые (цилиндро–конические и биконические) горшки. Спецификой Литвиновичей 3 являются усеченно–конические сосуды. На всех памятниках присутствуют диски и сковородки с бортиком, а также биконические пряслица.

Единичными находками представлены черняховские вещи. Это фрагменты гончарной керамики (Пересыпки 1, Чаплищи 3, Красное 4), обломки туфовых жерновов из Литвиновичей 3 и Красного 4. В постройке 2 последнего памятника встречена также железная пряжка с круглой рамкой (Обломский 1996, 54–58).

Анализируя ряд памятников IV–V вв., А.М. Обломский показал близость керамических наборов поселений Пересыпки 1 и Чаплищи 3 к материалам киевской культуры Подесенья. В то же время находки из Красного 4 и Литвиновичей 3 тяготеют к раннесредневековому комплексу колочинской культуры (Обломский 1996, 67–68) (рис. 74).

Раннеколочинские памятники имеются и восточнее – это поселения Комаровка 2 на р. Снагость (левый приток Сейма) и Песчаное в верховьях Псла. Правда, на их культурную принадлежность существуют разные взгляды. Так, Е.А. Горюнов (1982) считал, что керамика из Песчаного ближе к корчакской группе, чем колочинской. А.М. Обломский относил оба памятника к заключительной фазе киевской культуры востока Левобережья, объединяя их с памятниками типа Тазово–Каменево 2 (Обломский 1991, 90–91). Позднее он несколько изменил свою точку зрения, отнеся Песчаное и вышеупомянутые памятники Путивльского Посеймья к раннеколочинским (Обломский 1996, 62–63).

На поселении Песчаное исследованы три квадратных полуземлянки обычных размеров (жилище 1 – 3,5 х 3,6 м; жилище 2 – 4 х 4 м и жилище 3 – 4,2 х 4 м). Две из них имеют центральный столб, а в одной из них кроме того обнаружен открытый очаг. В жилищах встречаются обломки горшков средних размеров баночной или округлобокой формы со слабоотогнутыми шейками, а также несколько фрагментов сковородок с невысоким бортиком или закраиной. Кроме лепной керамики в культурном слое и отдельных объектах обнаружены единичные фрагменты черняховской гончарной посуды, уплощенно–биконические пряслица, наконечник трехлопастной стрелы гуннского типа, крупные пружинные ножницы и др. Сочетание этих вещей вполне определенно указывает на V в. Однако отсутствие целых форм сосудов при сохранившихся слабопрофилированных (баночных и тюльпановидных) верхних частях в сочетании с жилищами в виде полуземлянок с центральным столбом вряд ли позволяет рассматривать Песчаное в контексте памятников корчакского типа.

На многослойном поселении Комаровка к колочинской культуре относятся хозяйственная постройка, 18 ям–погребов и частично разрушенное полуземляночное жилище с длиной стены 4,2 м. Кроме груболепных горшков баночной и тюльпановидной формы здесь встречены фрагменты сковородок с низким бортиком и пряслиц (рис. 75). К колочинскому горизонту, вероятно, относится также обломок браслета с утолщенными концами. Возможно, с этим комплексом связаны также отдельные фрагменты черняховской гончарной керамики.

С нашей точки зрения, было бы ошибкой относить указанные памятники к поздней фазе киевской культуры. Конечно, Песчаное, Комаровка и Каменево 2 объединяются рядом сходных форм, но, вместе с тем, в Каменево 2 больше округлобоких и широкогорлых сосудов в отличие от Песчаного и Комаровки, где преобладают баночные горшки. Кроме того, в Каменево 2 встречен сравнительно обильный черняховский импорт, практически отсутствующий в Песчаном и Комаровке. Последние, вероятно, относятся к несколько более позднему времени, когда в Левобережье существовала уже не сама черняховская культура, а лишь ее следы. Очевидно, Каменево 2 является памятником позднего этапа киевской культуры, обладающим уже рядом колочинских черт.

На территории Днепровского лесостепного Левобережья известно еще несколько памятников, приходящихся на стык между киевской и колочинской культурами. Речь идет о селищах Курган–Азак на Псле (Сухобоков 1975, 26–37) и Сенча в поречье Сулы (Горюнов 1981, 54–58). На материалах последнего памятника мы остановимся ниже. В Курган-Азаке кроме характерной лепной керамики слабопрофилированных (в основном тюльпановидных) и ребристых форм, часто имеющих невыделенную шейку, обнаружены единичные фрагменты черняховской гончарной посуды и железная подвязная фибула, очевидно, относящаяся к IV в. В целом материалы из Курган-Азака демонстрируют ту же традицию, что и более северные памятники Десны и низовьев Сейма (Обломский 1996, 62–63).

В Среднем Поднепровье „классические" памятники колочинской культуры неизвестны, однако здесь расположено поселение в ур. Диброва у с. Ходосовка, материалы которого В.Н. Даниленко использовал для „опускания" даты возникновения колочинской культуры с VI на IV–V вв. (Даниленко, Дудкин, Круц 1967, 212–215). Как известно, ко второй четверти – середине I тыс. н.э. на поселении относятся два горизонта: нижний, поздней фазы киевской культуры, и верхний. К последнему принадлежат, по сообщению В.Н. Даниленко, три постройки, хотя достоверная информация имеется только об одной (Абашина 1999, 11–12). Керамика представлена тюльпановидными сосудами, цилиндро–коническими горшками с острым ребром и заглаженной поверхностью, а также отдельными биконическими формами. Ряд сосудов орнаментирован налепным валиком с насечками под венчиком. К рассматриваемому комплексу принадлежат также биконические пряслица, несколько более высокие, чем киевские, а также железная фибула с короткой пружиной, арочной спинкой и сплошным приемником, изготовленная из круглого стержня (Даниленко 1976, 88). Последняя на основании ряда аналогий может быть датирована V в. (Гороховский 1988, 160). Следует подчеркнуть, что находки черняховской гончарной керамики в объектах V в. отсутствовали.

Скорее всего, поселение Диброва возникло на основе поздних памятников киевской культуры Среднего Поднепровья, в число которых кроме киевских объектов Дибровы входят Вишенки и ряд комплексов Обухова 2, характеризующиеся определенными колочинскими чертами (Абашина 1986, 15; 1999).

На территории Верхнего Поднепровья, изученного в отношении древностей второй–третьей четверти I тыс. н.э. весьма неравномерно, известно значительное количество памятников колочинской культуры. Они расположены преимущественно в Гомельском и Могилевском Поднепровье, а также в Нижнем Посожье. Отсутствие подробных публикаций, немногочисленность датирующих вещей на памятниках Белоруссии не позволяют достаточно точно выделить среди них ранние комплексы. К ним, очевидно, относятся отдельные объекты поселения Нисимковичи 2 – одного из четырех компактно расположенных селищ на р. Покоть (Макушников 1987, 4–5). Здесь срубная полуземлянка с печью-каменкой в углу частично перекрывает жилище размером 3,3 х 2,5 м с центральным столбом и открытым очагом. При этом на полу обеих построек встречена колочинская керамика. Стратиграфия данных сооружений и различие их конструкции свидетельствуют, что жилище 2 относится к значительно более раннему времени. Его керамический комплекс, включающий баночные, округлобокие и широкогорлые горшки, весьма близок к рассмотренным выше материалам из раннеколочинских памятников Подесенья и востока Левобережья. Очевидно, указанный комплекс вполне может быть датирван в пределах V – начала VI в.

Ряд украшений, в том числе фибула с жаловидной ножкой и пряжка с хоботовидным язычком, из поселения и могильника Тайманово близ Могилева также относятся к V в. Впрочем, характер керамики, которой они сопровождались, неизвестен и наличие на памятнике раннеколочинского горизонта можно только предполагать.

Подведем некоторые итоги. Хотя число раннеколочинских комплексов и происходящих из них керамических материалов относительно невелико, сравнительный анализ позднекиевской и раннеколочинской посуды показывает, что в послечерняховское время, начиная с середины V в., происходит некоторое огрубение местной керамики. Основное место занимают горшки вытянутых баночных и округлобоких форм, а также цилиндро–конические сосуды небольших раз-

меров со слабовыделенной шейкой. Приземистые биконические горшки, типичные для заключительной фазы киевской культуры Подесенья и Среднего Поднепровья, в раннеколочинских памятниках постепенно сменяются цилиндро–коническими, до некоторой степени подражающими им в оформлении деталей. В колочинской культуре получают некоторое распространение и другие типы сосудов, крайне редко встречающиеся в киевских памятниках: вытянутые горшки с расширением в верхней части, несколько напоминающие корчакскую керамику, сосуды с загнутым внутрь краем, горшки с высокой раструбообразной горловиной. Немногочисленные столовые ребристые миски, иногда встречающиеся на поздних киевских памятниках, практически отсутствуют в колочинском керамическом комплексе, что в целом характерно и для ряда других культур лесной зоны середины – второй половины I тыс. н.э.

Вместе с тем, набор посуды колочинской культуры по сравнению с киевской меняется незначительно: его основу по–прежнему составляют кухонные горшки и корчаги, а также диски и сковородки с невысоким бортиком. Все основные типы киевской керамики находят продолжение в колочинской посуде, однако их оформление и пропорции несколько меняются. Кроме того, ранний керамический комплекс колочинской культуры отличается от киевского распространенностью тех или иных типов горшков.

Путем анализа структуры керамических комплексов данных памятников и древностей Подесенья, а также лесостепного Левобережья А.М. Обломский отчетливо показал близость таких памятников как Пересыпки 1, Чаплищи 3, Комаровка 2, Курган–Азак, Беседовка и Песчаное. Здесь заметно продолжение традиций киевской культуры, оставившей сравнительно ранние памятники „округлобокой" традиции Подесенья и Посеймья (Попово–Лежачи 4, Лавриков Лес, Форостовичи, Деснянка и др.). Второй, „ребристый", тип древностей деснинского варианта киевской культуры (Гребля, Роище, Александровка 1) является зародышем колочинских памятников Подесенья с преобладанием ребристых и тюльпановидных форм. В то же время Литвиновичи 3 и Красное 4 представляют собой, по мнению исследователя, специфический тип раннеколочинских древностей Путивльского Посеймья, напоминающий древности Южной Белоруссии (Обломский 1996, 60–68).

На наш взгляд, колочинская культура формируется на основе по меньшей мере двух основных киевских традиций, хотя и несколько иных, чем это представляется А.М. Обломскому. Сложение культуры в западной части Днепровского Левобережья, скорее всего, произошло на базе деснинских и подобных им памятников типа Ульяновки, Курган–Азака и др., для которых характерно определенное количество ребристых форм, хотя и меньшее, чем для Роища и Александровки (Терпиловский 1984, 74–76). В то же время, колочинские памятники более восточных территорий, находящихся ближе к водоразделу Днепра и Дона, возникают на основе местных памятников типа Тазово–Каменево 2. Как и предыдущие древности, колочинские памятники верховий Сейма и Псла характеризуются преимущественно слабопрофилированными и округлобокими сосудами. Впрочем, и для этого региона фиксируется определенный деснинский импульс (Обломский 1991, 122–123).

Отметим, что кроме керамики киевскую и колочинскую культуры сближает целый ряд элементов. Ареалы обеих культур очень близки. Правда, в правобережной части Среднего Поднепровья и частично левобережной лесостепи известны только киевские памятники. Однако они относятся к первому и второму этапам культуры, затем в ходе контакта с черняховской культурой киевский ареал несколько смещается на север. Таким образом, южные границы поздних киевских и колочинских древностей за исключением части Среднего Поднепровья практически совпадают. Как и в предшествующее время, для колочинских поселений фиксируются устойчивые „гнезда" и зоны концентрации. Не отличаются топография и размеры подавляющего большинства киевских и колочинских селищ, занимающих в основном края первых надпойменных террас, дюны и останцы в пойме. Однако в северной части колочинского ареала известно несколько небольших городищ (Колочин, Мощенка, Красная Зорька, Золотомино и др.), впрочем, весьма немногочисленных по сравнению с соседними банцеровскими и тушемлинскими памятниками. Так как селища колочинской культуры не подвергались широким раскопкам, за исключением неопубликованых материалов из Тайманово, то сложно сопоставлять планировочные структуры киевских и колочинских поселений. Вместе с тем, судя по исследованным участкам, можно предположить, что существенных изменений здесь на протяжении V–VII вв. не происходило.

Основным типом колочинского жилища остается полуземлянка с открытым очагом и центральным столбом, однако наблюдается тенденция в сторону некоторого увеличения размеров и придания котлованам более четкой квадратной формы (Терпиловский 1984, 13–14). Некоторым отклонением от этого стандарта являются вытянутое прямоугольное жилище из Чаплищ 3 и две наземные постройки на поселении Выгоры 2. Эта определенная неустойчивость типов построек еще более сближает позднекиевские и раннеколочинские памятники. Вместе с тем, в колочинской культуре неизвестны глиняные печи или обмазка стен, изредка встречающиеся в киевских жилищах. Напротив, жилища с центральным столбом, которые в III–V вв. превалируют лишь в Подесенье, после середины I тыс. н.э. распространяются повсеместно в колочинском ареале. Таким образом, в середине I тыс. н.э. при переходе от киевской к колочинской культуре происходит унификация домостроительства на основе деснинско–сеймиской традиции.

Существует значительное сходство между погребальным обрядом киевской и колочинской культур. В обоих случаях основную массу составляют ямные трупосожжения на бескурганных могильниках. Правда, в киевской культуре исключением из общего правила являются несколько урновых погребений на памятниках раннего этапа в верховьях Псла, в то время как урны на колочинских могильниках вполне обычны (Липкинг 1974; Падин 1974; Поболь 1974). Мало того, на могильниках Лебяжье 1 и Княжий урновые захоронения составляют большинство. Можно отметить большее разнообразие погребального обряда колочинской культуры по сравнению с киевским. Погребения здесь нередко содержат сосуды–приставки, урны покрыты другими сосудами и т.д., ямные погребения иногда были огорожены небольшими срубами или перекрыты курганами (Тихомиров 1990, 136–138; Горюнов 1983). Однако, учитывая, что погребальный обряд киевской культуры исследован слабо, причем для поздней фазы культуры он пока практически не известен, трудно определенно сказать, какие детали колочинских захоронений продолжают киевскую традицию, а какие являются нововведениями.

Естественно, такие категории инвентаря как украшения и предметы личного убора киевской и колочинской культур значительно отличаются, так как для первой характерны преимущественно вещи позднеримских типов, а для второй – раннесредневековых. Как известно, мода во время переходного для них периода переселения народов (гуннского) претерпела существенные изменения, поэтому прямой преемственности здесь, очевидно, ожидать не стоит. Значительно большей устойчивостью отличается ассортимент орудий труда и бытовых предметов. Колочинская культура вслед за киевской сохраняет ножи с прямой спинкой, шилья, слабоизогнутые небольшие серпы с крючком на пятке, рыболовные крючки, пружинные ножницы и др. Некоторое огрубение колочинской культуры выразилось и в почти полном отсутствии ручных мельниц, которые в ареал киевской культуры поступали преимущественно как черняховский импорт. Их заменяют более примитивные зернотерки.

Преемственность между указанными культурными группами прослеживается и по таким важным для этнокультурной характеристики изделиям как пряслица. В целом для колочинской культуры характерны биконические пряслица более вытянутых пропорций и с меньшим отверстием, чем для киевской культуры. Однако на отдельных раннеколочинских памятниках встречены пряслица киевского типа (Заярье, Выгоры 2, Красное 4, Песчаное), а „колочинские" пряслица наряду с киевскими присутствуют в жилище 4 поселения Ульяновка. Сохраняется также традиция изготовления в отдельных случаях пряслиц из стенок сосудов.

Итак, очевидно, что колочинская культура ведет свое происхождение от киевской. Это подтверждается почти полным совпадением их ареалов, значительным сходством таких элементов как домостроительство, керамический комплекс и др., а также наличием ряда переходных памятников на всей территории данных общностей. В настоящее время такая точка зрения может считаться вполне доказанной.

Остановимся также вкратце на некоторых вопросах, связанных с близкими колочинской культуре памятниками типа верхних слоев Банцеровского и Тушемлинского городищ (Митрофанов 1978, 84–150; Седов 1982, 34–41). В отличие от колочинской культуры, банцеровские и тушемлинские древности возникают на территории, где в предыдущее время были известны культура штрихованной керамики и днепро–двинская. По общему мнению, они принадлежали местным балтским группировкам или же „*народам между балтами и славянами*" (Щукин 1987, 111; Лебедев 1989, 106–107). Бросается в глаза отличие новых культур от предшествующих древностей и определенное сходство с колочинскими памятниками. Между ними, однако, существуют различия, связанные со своеобразием местного субстрата: в отличие от колочинской культуры здесь значительно распространены городища (в том числе святилища и убежища), поселения нередко застроены столбовыми домами. Кроме того, в банцеровской культуре известны также небольшие подквадратные полуземлянки с печами–каменками. Такие жилища редко встречаются в киевской (Гудок, Шатково) и колочинской культурах (Нисимковичи 2, Таймановo). Бескурганные могильники с сожжениями (Акатово, Узмень и др.) вполне соответствуют колочинской погребальной обрядности. Определенным сходством характеризуется и керамика всех указанных культурных групп, хотя в колочинской культуре чаще присутствуют ребристые сосуды (Лопатин 1989).

В целом формирование памятников типа Тушемля–Банцеровщина на основе древностей местного населения и пришлых племен Юго–Восточной Белоруссии или смежных районов не вызывает у разных авторов особых сомнений. Споры ведутся лишь о степени воздействия пришлого населения на культуру этих регионов. Хотя ряд памятников демонстрирует сохранение основных местных традиций, во многих случаях такое воздействие было весьма сильным,. Так, А.Г. Митрофанов отмечал, что банцеровская культура сложилась при активном участии памятников типа Абидня (Митрофанов 1978, 117–118), на что указывают полуземляночные жилища, характерный погребальный обряд, ряд форм посуды, в том числе тюльпановидные, биконические и цилиндро–конические горшки, уплощенные биконические пряслица и др. Подобная картина наблюдается и для тушемлинской культуры, где кроме элементов днепро–двинской культуры заметны также южные (Шмидт 1975, 17–18).

Предполагается также, что формирование не только древностей типа Тушемля–Банцеровщина, но и псковских длинных курганов происходит на основе

памятников типа Заозерье, родственных киевской культуре (Лопатин, Фурасьев 1994; Лопатин 1997).

На наш взгляд, сильный южный импульс, направленный вглубь лесной зоны, вряд ли может свидетельствовать, что его источник лежал в балтской этнокультурной среде. Скорее всего, резкие перемены в жизни верхнеднепровских племен произошли в результате продвижения около середины I тыс. н.э. в балтскую среду киевских племен – первой волны славянской колонизации лесной полосы (Терпиловський 1999). Видимо, правы те исследователи, которые усматривают в носителях киевской культуры древних славян, а в банцеровских и тушемлинских племенах – славянизированных в той или иной степени балтов (Третьяков 1966, 279–281; Горюнов 1981, 43–46, 90–92). Добавим, что около VIII в. туда докатилась следующая волна славянской колонизации, сменившая местные (в том числе и колочинские) древности и создавшая условия для развития этих земель в русле культуры Киевской Руси.

2. Сложение пеньковской культуры

Пеньковская культура представлена памятниками, охватывающими пограничье лесостепной и степной зон от Прута на западе до верховьев Северского Донца на востоке. Концепции происхождения пеньковской культуры довольно разнообразны. Ряд исследователей допускал их сложение на базе черняховской культуры (Сміленко 1975, 58–68; Русанова 1976, 85–112; Седов 1978, 171–173). Позднее В.В. Седов (1994, 316–318) предположил участие в этом процессе также переселенцев из более северных земель (потомков киевской культуры). М.И. Артамонов не исключал генетической связи пеньковских и кочевнических древностей (Артамонов 1990, 274). По мере выделения деснинских памятников середины I тыс. н.э. П.Н. Третьяков, а вслед за ним и другие исследователи, обратили внимание на значительное сходство ряда элементов „позднезарубинецкой" (киевской) и пеньковской культур (Третьяков 1966, 274; 1970, 92–99; Хавлюк 1974, 187–188; Горюнов 1981, 59–60). В последние годы эта концепция получила значительное распространение, хотя выводы различных исследователей несколько варьируются. Так, В.Н. Даниленко считал, что непосредственно на киевском субстрате возникают памятники типа Колочин, а уже затем на их основе формируются пеньковские древности (Даниленко 1976, 89–90). По мнению Е.А. Горюнова, основой пеньковской культуры, сформировавшейся в V в., явились прежде всего лесостепные киевские древности, осложненные черняховским влиянием (Горюнов 1981, 58–60). О.М. Приходнюк также считал, что процесс формирования пеньковской культуры происходил в лесостепной полосе Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья на базе киевских памятников и близких к ним черняховских древностей (Приходнюк 1980, 117–121; 1985, 27–29). Позднее он несколько изменил свою точку зрения, отнеся к пеньковской культуре и материалы Роища. Следовательно, начало пеньковской культуры следует отсчитывать с IV в., а истоки как пеньковских, так и колочинских древностей находятся в памятниках III в. типа Сушки 2 (Приходнюк 1988; 1998, 73). Территорией формирования пеньковской культуры, таким образом, является Днепровское лесостепное Левобережье (Приходнюк 1991).

Роль киевской культуры в формировании пеньковской представляется более сложной и неоднозначной, чем в случае с колочинской культурой. Возможности решения этой проблемы путем сравнительного анализа комплексов открылись лишь сравнительно недавно после выделения позднекиевских и раннепеньковских памятников. В первую очередь следует использовать материалы таких памятников второй половины IV – первой половины V в. как Роище, Верхнестриженское 2, Александровка 1 в Черниговском Подесенье, содержащие наряду с колочинскими и пеньковские элементы (Терпиловский 1984, 80–83). Для сопоставления с ними наиболее пригодны территориально и хронологически близкие пеньковские памятники Днепровского лесо–степного Левобережья. Материалы поселения Хитцы, расположенного в устье Удая, наиболее представительны и полно опубликованы. К горизонту пеньков-ской культуры здесь относятся постройки 2–9, 11, 13, 14 и, очевидно, большинство из 177 хозяйственных ям, а также основные находки из культурного слоя. Выделяется два периода жизни на поселении в рамках пеньковской культуры: ранний – V – первая половина VI в. и поздний – вторая половина VI–VII в. (Горюнов 1981, 79–81)

На поселении Рябовка 3 на Ворсклице (раскопки А.М. Обломского и автора) к пеньковской культуре относятся восемь построек (1–4, 6–9) и серия хозяйственных ям. Эти объекты датируются в пределах V–VII вв., прекращение функционирования пеньковского селища определяется по появившимся здесь погребениям кочевников второй половины VII в.

Материалы других пеньковских памятников Днепровского Левобережья сравнительно немногочисленны или же значительно удалены от рассматриваемого региона. Из материалов широко исследованного поселения Занки на Северском Донце опубликовано, к сожалению, лишь несколько комплексов (Дьяченко, Приходнюк, Петренко 1991). Укажем также, что к первой фазе пеньковской культуры О.М. Приходнюк кроме Роища отнес также поселения Богородичное и Прогресс (Приходнюк 1998, 40, рис. 27–30). Однако просмотр коллекций указанных памятников не позволяет согласиться с мнением исследователя. Находки из Богородичного не производят впечатления ранних, если не считать наличия там позднезарубинецкого или раннекиевского слоя. Прогресс же – явно двуслойный памятник, отсюда и черняховские черепки в заполнении пеньковской полуземлянки.

Основу керамического комплекса пеньковской культуры Днепровского Левобережья составляют би-

конические и округлобокие горшки с максимальным расширением корпуса на середине высоты, а также тюльпановидные сосуды. По мнению О.М. Приходнюка, специфику пеньковской керамики Левобережья определяет именно преобладание биконических и относительно широкое распространение тюльпановидных форм, а также редкость горшков, близких к керамике пражского типа (Приходнюк 1985, 16–17). Горшковидные сосуды дополняются также мисками, дисками и сковородками с низким бортиком. Число последних, как правило, больше, чем в киевских памятниках. Так, в Хитцах диски и сковородки составляют 29% керамического комплекса, а миски – 6% (Горюнов 1981, 74). Впрочем, миски, как и корчаги с налепным валиком под венчиком, более характерны для второго этапа существования селища. Однако эти категории посуды представлены лишь двумя находками в составе пеньковского комплекса Рябовки 3. При этом лепные миски и сосуды с валиком отсутствуют или встречаются крайне редко в поздних памятниках киевской культуры.

Если указанные виды керамики более или менее типичны для всей пеньковской культуры Левобережья, то среди материалов ранней фазы Хитцов (жилища: 2, 5–6, 8–9, 14) можно отметить некоторые архаичные формы, характерные прежде всего для данного памятника и еще больше сближающие его с киевской культурой. К таким индивидуальным формам, ассоциирующимся с позднекиевской посудой, необходимо отнести горшки с профилем, близким к цилиндро–коническому, а также корчаги с высокой шейкой и широкой горловиной (Горюнов 1981, 72–75). В данных комплексах шире представлены также баночные и тюльпановидные сосуды. Архаичны и формы ребристых мисок, общими пропорциями напоминающие столовую посуду киевской культуры. Очевидно, иное, черняховское, происхождение имеют приземистые горшки с загнутым внутрь краем. Отметим еще некоторые специфические черты лепной посуды раннего слоя Хитцов. Отдельные горшки украшены под венчиком налепными шишечками и полумесяцами. Ребристый бочок иногда оформлен в виде слегка выделенного валика (рис. 76).

Распределение основных типов горшков и корчаг из памятников Черниговского Подесенья типа Роище и пеньковской культуры Днепровского Левобережья достаточно близко (Терпиловский 1984, 80–81). На поселении Роище преобладают биконические, а затем округлобокие и баночные сосуды, что даже позволило О.М. Приходнюку отнести памятник к пеньковской культуре (Приходнюк 1988, 74; 1998, 40). В этой связи А.М. Обломский предположил, что Роище „выпадает из контекста" Подесенья и оставлено выходцами из Среднего Поднепровья (Обломский 1991, 122). Число ребристых горшков в Роище, действительно, больше, чем в Ульяновке (соответственно 51 и 33%), а некоторые сосуды характеризуются профилировкой и пропорциями, близкими к пеньковской керамике (типы II-2 в,г), в то время как в Ульяновке преобладают сосуды вариантов б и отчасти а. Однако Роище, вероятно, не уникально для Подесенья, так как аналогичные материалы встречены также на поселениях Верхнестриженское 2 (Горюнова, Романова, Щеглова 1989) и Александровка 1 (Терпиловський, Шекун 1996, 20–22).

Другой группой, наиболее близкой территориально и хронологически киевским древностям, являются памятники с определенными пеньковскими чертами Правобережной Киевщины. Постройка 4 поселения Обухов 2 и постройка 20 из Обухова 7 содержат фрагменты округлобоких и биконических сосудов, причем в последнем комплексе отдельные биконические горшки орнаментированы налепным валиком (Абашина 1986а, 80–84).

На поселении Мотовиловская Слободка 4 возле Фастова исследована подквадратная полуземлянка с центральным столбом и врезанной в стенку крупной печью с глинобитным сводом. Лепные округлобокие горшки и биконические корчаги дополняются здесь сковородками и единичными черняховскими фрагментами. Шейки корчаг с валиком не выделены, что не позволяет считать указанные комлексы чисто пеньковскими, особенно, если учесть, что северная граница собственно пеньковских памятников на Правобережной Киевщине доходит лишь до Роси.

Напомним, что им предшествуют местные памятники заключительной фазы киевской культуры: Вишенки, ряд комплексов Ходосовки и Обухова 2. Особняком стоит селище Хлопков 1, имеющее смешанный киевско–черняховский характер, о чем шла речь в главе III. Лишь лепные округлобокие горшки из Хлопкова имеют некоторые черняховские аналогии, большинство керамического комплекса представляют биконические сосуды киевского типа.

Значительное сходство керамики типа Хлопков с материалами из Обухова 2 и Мотовиловской Слободки 4 позволяет предположить зарождение определенных черт пеньковской культуры в местной киевской среде, однако немногочисленность коллекций из указанных памятников (некоторым исключением является лишь Хлопков) не позволяет провести детальное сопоставление керамических комплексов.

Укажем также, что большинство элементов оформления керамики в раннепеньковских памятниках имеет свои прототипы в киевской культуре. Налепные полумесяцы или подковки встречены на сосудах из Гочево 1, Попово–Лежачей 4 и Обухова 3, валик под венчиком – в Казаровичах, Абидне, Роище и Александровке 1. Значительное число таких сосудов наблюдается только в материалах Хлопкова (20%), что, очевидно, указывает на источник этого типа пеньковской керамики. Ребро в виде оттянутого валика встречено на поселении Ульяновка.

Таким образом, керамические комплексы киевской и пеньковской культур (особенно поздних памятников первой и ранних второй) весьма близки по составу и ряду деталей, однако далеко не идентичны.

Это не позволяет относить, например, материалы из Роища и Хлопкова к пеньковской культуре, однако эти памятники вполне могут считаться ее прямыми предшественниками.

Очевидно, между данными культурными группами существовал не только типологический, но и хронологический стык. Абсолютную датировку ранних комплексов Хитцов автор раскопок устанавливает на основании нескольких находок обломков черняховской гончарной посуды из построек 6 и 9. В последнем случае обнаружен также фрагмент одностороннего трехслойного костяного гребня. Эти находки позволили отнести нижнюю границу существования Хитцов ко времени не позднее V в. (Горюнов 1981, 79). Отдельные фрагменты черняховской керамики присутствуют также в ряде объектов и культурном слое поселения Рябовка 3. Рамки ранней фазы пеньковской культуры в целом О.М. Приходнюк определял в пределах от первой половины V в. до рубежа V/VI вв. (Приходнюк 1985, 15) на основании бронзовой пряжки из могильника Великая Андрусовка 3 в устье Тясмина и крупных железных фибул из Куни в Южном Побужье, Звонецкого и Осокоровки. Зеркало из селища Ханска 2 и перстень из Сушков 1, не сопровождавшиеся другими датирующими вещами, могут относиться к более широким временным рамкам. Позднее дата возникновения пеньковской культуры, в которую был включен такой памятник как Роище, была „опущена" О.М. Приходнюком вниз до середины IV в. (Приходнюк 1998, 73).

Таким образом, принимая во внимание, что „протопеньковские" комплексы позднекиевских памятников Черниговского Подесенья и Киевского Поднепровья датируются в пределах второй половины IV – первой половины V в., можно прийти к следующему выводу: граница между киевской и пеньковской культурами проходит в пределах первой половины – середины V в.

Сопоставим другие элементы киевского и пеньковского культурных комплексов. В отличие от колочинской культуры, ареалы киевской и пеньковской культур практически не совпадают – пеньковская территория в целом лежит к югу от киевской (рис. 77). Некоторое перекрывание наблюдается лишь в Среднем Поднепровье и в Днепровском лесостепном Левобережье, причем переходные поселения Обухов 2, 7 и Мотовиловская Слободка 4 занимают южное пограничье киевского ареала и северное – пеньковского. Топография и размеры селищ указанных культур практически одинаковы: небольшие поселения в основном занимают края первой надпойменной террасы или дюны и останцы в пойме. Нет принципиальной разницы и между планировкой селищ. На территории пеньковской культуры известны два городища (Будище и Селиште), которые отсутствуют в киевской кульутре.

Киевское и пеньковское домостроительство также весьма сходны, особенно, если принять во внимание раннепеньковский горизонт. По свидетельству О.М. Приходнюка, для всего пеньковского ареала известно около 40 раннепеньковских жилищ, среди которых наиболее часто встречаются подквадратные полуземлянки с очагом или без четких следов отопительного сооружения. В 55% раннепеньковских жилищ зафиксирована яма центрального столба (Приходнюк 1985, 15). Этот процент еще выше для памятников Днепровского Левобережья. На ранних памятниках этой территории не известны жилища с печами-каменками, изредка присутствующие на Правобережье Днепра, в Южном Побужье и на Днестре. Таким образом, генетическая связь домостроительства указанных культур налицо. Вместе с тем, между рассматриваемыми киевскими и пеньковскими жилищами заметна некоторая разница: последние менее вариабельны в отношении формы, размеров и деталей конструкции. Здесь, например, совершенно отсутствуют печи, изредка встречающиеся в киевских или переходных памятниках. Таким образом, здесь, как и в колочинской культуре, наблюдается тенденция к стандартизации по сравнению с позднеримским временем. Позднее, однако, домостроительство пеньковской культуры приобретает большее разнообразие в результате контактов с родственным населением пражской культуры и кочевниками.

Погребальные обряды киевской и пеньковской культур весьма близки, однако его недостаточная изученность не позволяет провести детальный сравнительный анализ. Все же можно отметить, что и в киевской, и в пеньковской культуре могильники были небольшими, бескурганными, кремация преимущественно совершалась на стороне с последующим помещением кальцинированных косточек вместе с остатками погребального костра в неглубокие круглые или овальные ямы. Как в киевских, так и в пеньковских погребениях встречаются предметы личного убора, сохранившиеся или побывавшие в огне. Возможно, в пеньковских захоронениях чаще присутствуют целые сосуды (урны или приставки). Иногда кальцинированные кости накрывались перевернутым горшком (Березовец 1970, 15–17).

Несмотря на общую смену стиля в V в., в киевской и пеньковской, а также колочинской культурах имеются отдельные сходные категории украшений: трапециевидные и очковидные подвески, браслеты с утолщенными концами и др. (Приходнюк 1985, 28). Еще в большей степени это относится к ассортименту и типам орудий труда – эти показатели не претерпевают особых изменений на протяжении V–VII вв. Тенденция развития пеньковских пряслиц в целом та же, что и колочинских. Переход к более вытянутым изделиям заметен на материалах Хлопкова, где наряду с ними встречаются пряслица киевского и черняховского типов, а также на грузиках из ранних объектов Хитцов (Горюнов 1981, рис. 22:*2, 4–5, 14–16*).

Вместе с тем, некоторые черты пеньковской культуры свидетельствуют о незначительном участии в ее сложении черняховской культуры, с которой, например, может быть связано распространение груболеп-

ных мисок, несколько напоминающих по форме провинциальноримские гончарные прототипы, приземистых сосудов с загнутым внутрь краем и более профилированных, чем в киевской культуре (за исключением памятников востока Днепровского Левобережья первого и второго периодов), округлобоких горшков.

На основе вышесказанного можно присоединиться к выводу О.М. Приходнюка, согласно которому ни в одной предшествующей культуре, кроме киевской, нет такого близкого к пеньковскому археологического комплекса. Трудно надеяться на полное соответствие этих разновременных культур, носители которых жили в различные исторические эпохи. Но близость большинства признаков настолько значительна, что позволяет усматривать в древностях киевского типа главный источник формирования пеньковской культуры (*Этнокультурная карта* 1985, 92).

В заключение следует отметить, что нельзя полностью исключать возможность участия в формировании пеньковской культуры также киевских памятников водораздела Днепра и Дона. Хотя прямых доказательств в виде переходных памятников второй половины IV – начала V в. пока не найдено, все же керамика типа Букреевка 2 – Тазово до определенной степени напоминает пеньковский набор посуды (Обломский 1991, 124–127). Однако между ними существуют и некоторые отличия. В частности, в памятниках типа Букреевка 2 – Тазово преобладают округлобокие, а также тюльпановидные формы, в то время как ребристые горшки сравнительно немногочисленны, а корчаги с валиками под венчиком вообще неизвестны (Обломский 1991, 124–125).

Действительно, при сравнении с материалами Хитцов эти отличия ярко выражены, но при обращении к керамике поселения Рябовка 3, расположенного ближе к водоразделу, они значительно менее заметны. Керамический комплекс пеньковской культуры из Рябовки 3 характеризуется округлобокими, ребристыми и тюльпановидными формами горшков, причем валик под венчиком встречен лишь единственный раз. В этой связи можно предположить, что в процессе формирования наиболее восточной пеньковской группы, вероятно, участвовали памятники киевской культуры водораздела Днепра и Дона. В то же время древности, расположенные ближе к Днепру, формируются на основе другой традиции, связанной с киевскими памятниками Черниговского Полесенья и Киевского Поднепровья.

Наличие отдельных комплексов, близких к пеньковской культуре, в северной части лесостепи Киевского Поднепровья (Обухов 2, 7, Мотовиловская Слободка 4), а также непосредственно предшествующего им Хлопкова, подтверждают вывод о том, что зона сложения пеньковской культуры несколько сдвинута на север по сравнению с собственно пеньковским ареалом. Это и определяет „северный" характер раннего этапа пеньковской культуры, отмеченный в свое время Е.А. Горюновым (1981, 76) и свидетельствующий об определенном единстве происхождения пеньковской и колочинской культур.

3. Проблема формирования пражской культуры

Памятники пражской культуры V–VII вв. охватывают пограничье лесостепной и лесной зон Правобережного Поднепровья, Верхний и Средний Днестр, а также значительную территорию Центральной Европы.

Как известно, пражская культура вызывает пристальное внимание исследователей вследствие наиболее прямой типологической связи со славянскими культурами Центральной и Восточной Европы конца I тыс. н.э. Поэтому по поводу происхождения памятников пражского типа выдвинуто, пожалуй, наибольшее число разнообразных гипотез. Одна группа исследователей ищет подоснову пражской культуры среди пшеворских древностей, исходя из близости некоторых форм керамики и вариаций погребальной обрядности (Русанова 1976, 205–215; Седов 1979, 101–133). Другая отдает предпочтение общей структуре, считая, что ее начало лежит в памятниках Верхнего Поднепровья, включая киевскую культуру (Вернер 1972; Даниленко 1976). Позднее это направление получило развитие в работах К. Годловского (1979) и М. Парчевского (1988, 105–108). Особая точка зрения была высказана Д.А. Мачинским (1981, 34–36), считающим прототипом пражских древностей культуру штрихованной керамики, однако она была подвергнута обоснованной критике (Егорейченко, 1988) и не получила распространения. Следует выделить работы В.Д. Барана (1978; 1983; 1988; 1988а), в которых на конкретных материалах Поднестровья, Попрутья и верховьев Западного Буга убедительно показана типологическая связь черняховских памятников с самыми ранними пражскими комплексами.

Значительная историография, существующая по данному вопросу, и специфика настоящей работы позволяет нам несколько сузить проблему. Нас прежде всего интересует, каково отношение киевской культуры к пражской ? Существует ли между ними генетическая связь?

Придерживаясь методики, осуществленной ранее на примере колочинской и пеньковской культур, рассмотрим наиболее ранние пражские памятники, на которых встречены фибулы V в. Это поселения Кодын I в верховьях Прута (Русанова, Тимощук 1984, 15–16), Теремцы (Баран 1983, 22–23), Бакота (Винокур 1983, 15–16) и Лука–Каветчинская на Среднем Днестре (Вакуленко, Приходнюк 1984, 71–73). В ряде комплексов фибулы встречены вместе с фрагментами провинциально–римской керамики черняховской культуры или культуры карпатских курганов (Кодын, Теремцы, Бакота), однако все эти памятники многослойные, что не исключает случайного попадания гончарных обломков в пражские объекты. На поселении Рашков 3, где черняховский слой отсутствует,

фрагменты гончарных сосудов обнаружены в шести жилищах и нескольких хозяйственных ямах (Баран 1988, 28), что вполне может свидетельствовать о их возникновении в V в.

Таким образом, судя по находкам датирующих вещей, наиболее архаичные памятники пражского типа располагаются компактной группой, охватывающей Верхнее и Среднее Поднестровье, а также верховья Прута (Баран 1988, 61–76). Возможно, в зону формирования пражской культуры входит также ряд памятников Волыни, Южного Побужья и, не исключено, Восточной Польши, однако их отнесение к раннему этапу базируется исключительно на типологии лепной керамики.

Керамические комплексы поселений Рашков 3, Кодын 1 и 2, Лука–Каветчинская наиболее полно введены в научный оборот (Баран 1988, 5–32; Русанова, Тимощук 1984, 10–45; Вакуленко, Приходнюк 1984, 44–88). Во всех случаях авторами на основании корреляции форм посуды и датирующих находок, а также стратиграфических наблюдений выделены ранние горизонты существования поселений. Подавляющее большинство фрагментов принадлежит горшковидным сосудам. Так, на селище Лука–Каветчинская лишь 2,2 и 2,5% керамики являлись соответственно обломками лепных мисок и сковородок (Вакуленко, Приходнюк 1984, 65, 67). Не превышают этих показателей и находки в ранних объектах Рашкова 3 и Кодына 1, 2.

Выделение отдельных типов горшковидных сосудов проведено исследователями по разным принципам (Русанова, Тимощук 1984, 11–15; Вакуленко, Приходнюк 1984, 63–64; Баран 1988, 10–15), однако даже беглое сравнение показывает отличие основных типов пражской посуды от позднекиевской керамики. Вместе с тем, В.Д. Баран (1988, 59–60) указывает аналогии отдельным типам горшков из Рашкова 3 среди посуды киевского типа. Таковы, например, горшки V типа – форма их в целом близка к типичному пражскому горшку, отличаясь главным образом более широкой горловиной (Баран 1988, 12–13, 59). Численно эти сосуды составляют около 2% всей керамики, поддающейся классификации, и встречены только в двух жилищах. Не исключено также, что отдельные горшки III типа – округлобокие сосуды с максимальным расширением около середины высоты, представленные лишь фрагментами верхних частей, также были близки к киевской керамике. Этот тип на поселении Рашков 3 является более массовым и составляет 23,5% числа горшков. К единичным сосудам данного памятника относится, в частности, вытянутый баночный горшок, напоминающий сосуд из Ульяновки (Баран 1988, 59–60).

Судя по более фрагментарным материалам из раннего слоя Луки–Каветчинской, некоторые аналогии среди киевской керамики могли бы найти единичные обломки слабопрофилированных и биконических сосудов (Вакуленко, Приходнюк 1984, 63–64, 67). Еще хуже представлены формы, близкие к киевским, на поселениях Кодын 1 и 2. Лишь в одной из наиболее ранних построек Кодына 2 найдена верхняя часть биконического горшка с налепным валиком под венчиком (Русанова, Тимощук 1984, 15), подобная соответствующим формам из Хлопкова. Таким образом, на раннепражских памятниках в верховьях Прута и на Днестре существуют лишь отдельные сосуды, напоминающие керамику киевской культуры. Мало того, большинство из них, например, широкогорлые горшки, имеют аналогии прежде всего на киевских памятниках первого и второго периодов (Казаровичи, Глеваха, Обухов 3 и др.), лишь изредка встречаясь в позднекиевских комплексах. Это наблюдение делает приведенные выше аналогии еще более условными.

В качестве другого проявления традиций киевской культуры на пражских памятниках Поднестровья В.Д. Баран называет подквадратные полуземлянки (1988, 57). Хотя такие постройки начинают появляться на Западной Украине еще во времена зубрецкой группы (Козак 1992, 32–34), во второй половине IV–V в. они преобретают более четкую форму, связанную, очевидно, с распространением срубной или столбовой конструкции стен. Вместе с тем, в киевской среде, на территории верхнеднепровского варианта, известно только несколько полуземлянок с печами–каменками, а в Поднестровье они становятся массовым явлением. Очевидно, В.Д. Баран прав, когда говорит о завершении формирования типичного славянского дома (квадратной полуземлянки с печью–каменкой в углу) именно на Среднем Днестре.

В формировании пражской культуры памятники киевского типа приняли лишь опосредованное участие. Вероятно, основные процессы сложения пражской культуры протекали к западу от Днепра, в частности, в родственной среде потомков зубрецкой группы – носителей черняховских памятников типа Черепин в верховьях Днестра и Западного Буга (Баран 1988а, 111–116). Однако, существуют отдельные, пока разрозненные свидетельства того, что вклад киевской культуры в формирование и этой группы древностей V–VII вв. мог быть более значительным, чем это представляется в настоящее время.

Речь идет о пока слабо исследованых памятниках Киевского Полесья. Так, на поселении Савенки на р. Здвиж в срубной полуземлянке с открытым очагом была встречена лепная керамика, напоминающая по профилировке пражскую. Характер постройки, керамической массы и форма пряслица все же позволяют отнести памятник к заключительной фазе киевской культуры Среднего Поднепровья (Кухарская 1981). Не исключено, что подобные памятники существуют и западнее. В пользу такого предположения говорят, например, материалы из жилища „у дороги", расположенного несколько в стороне от основной группы построек пражской культуры на селище Корчак 1 близ Житомира (Русанова 1973, табл. II/*16–24*). Здесь кроме фрагментов обычных пражских сосудов встречены обломки слабопрофилированных и биконических горшков, а также лепной миски с поддоном.

Возможно, памятники, родственные киевским, будут в дальнейшем выявлены на Житомирщине, к востоку от вельбарских и к северу от черняховских древностей. Во всяком случае, ярко выраженный архаичный, „лесной", облик пражской культуры позволяет предположить, что центр ее формирования находился в отдалении от Поднестровья, отмеченного провинциально–римским воздействием. Кроме того, памятники типа Черепин занимают сравнительно небольшую территорию, в отличие от киевской культуры они не обеспечены тылами многочисленного лесного населения, родственного или почти родственного (Щукин 1997, 135).

Возможно, зона сложения пражской культуры охватывала и поречье Припяти. Так, на селище Остров близ Пинска исследованы три небольшие квадратные полуземлянки с очагами в углу, вымощенными кусками железного шлака, содержащие обломки лепных горшков, стеклянную бусину, фрагменты пряслиц, железного ножа и наконечник дротика. В целом формы сосудов достаточно обычны для пражского комплекса, однако, слабопрофилированный горшок из жилища 1 близок к керамике киевской культуры. Вероятно, с постройками связаны находки черняховских бус и бронзовой подвязной фибулы в культурном слое. Последняя может датироваться второй половиной IV – началом V в. (Егорейченко 1991).

Поселение Остров И.О. Гавритухин склонен относить к фазе 0 пражской культуры, которую он датирует второй половиной IV в. Сюда же он зачисляет ряд комплексов из Бернашовки на Среднем Днестре, Корчака и Тетеревки под Житомиром, жилище 10 на Оболони в Киеве (Гавритухин 1997, 42). Впрочем, если Остров и Бернашовка содержат фибулы поздних черняховских типов, то датировки остальных памятников опираются только на типологию лепной керамики.

Итак, нельзя полностью исключать, что по мере дальнейших работ в бассейнах Припяти и Тетерева откроются новые возможности для сопоставления комплексов киевской и пражской культур. Очевидно, эти гипотетические западные киевские памятники будут содержать большее количество „протопражских" элементов, чем остальные регионы киевской культуры.

4. Место киевской культуры в формировании славянских культур V–VII вв.

Как было показано выше, киевская культура явилась основой, на которой сложились памятники колочинской и пеньковской культур. Некоторое участие киевские древности, очевидно, приняли и в формировании пражской культуры. При этом следует отметить, что элементы указанных культур V–VII вв. зарождаются в памятниках киевского типа разных регионов. Так, памятники верхнеднепровского локального варианта легли в основу колочинских. На базе древностей Подесенья и Днепровского лесостепного Левобережья также возникают местные колочинские памятники, а их наиболее южные группы явились субстратом пеньковской культуры. Наконец, самые „пестрые" памятники среднеднепровского локального варианта приняли участие в формировании и колочинской, и пеньковской, и, очевидно, пражской культуры (Абашина 1986, 15–16).

Особо следует отметить близость колочинской и пеньковской культур. Иногда вообще невозможно расчленить их признаки. Взаимопроникновение колочинских и пеньковских элементов в первую очередь объясняется наличием общей подосновы – киевской культуры (Максимов, Терпиловский 1978, 107–108).

В этой связи остановимся подробнее на материалах поселения Сенча на Суле. В 1972 г. здесь были проведены небольшие раскопки Е.А. Горюновым, который отнес раннеславянский слой памятника к раннеколочинским древностям и датировал его IV в. (Горюнов 1981, 55–58). В 1990–1992 гг. работами Ю.Ю. Моргунова и автора раннеславянское поселение было исследовано практически полностью (вскрыто свыше 5,5 тыс. кв.м). Селище расположено на небольшом возвышении в пойме правого берега реки и отделено от коренного берега старицей. Часть объектов разрушена укреплениями и постройками эпохи Киевской Руси.

Обнаружено около 340 хозяйственных ям (большинство без находок и около 130 с раннеславянскими материалами) и шесть построек. Три из них неплохо сохранились и представляли собой подквадратные в плане жилища с центральным столбом и длиной стены 4,1–4,9 м, пол которых углублен в материк на 0,2 м. Кроме многочисленных обломков однообразной лепной керамики в культурном слое и объектах встречены единичные фрагменты черняховской гончарной керамики, причем обломок ручки и днище гончарного кувшина вторично использованы в качестве оселков. Также обнаружено около 30 биконических глиняных пряслиц, в том числе орнаментированных прочерченными знаками и наколами, глиняный „хлебец" и обломки льячек, каменные оселки, костяные тупики, кочедык и подвеска из позвонка крупной рыбы, стержень из серебряного сплава. Из железа изготовлены несколько ножей и шильев (Терпиловський, Левченко 1994), а также „гуннская" трехлопастная стрела, вначале ошибочно принятая за древнерусскую.

Основу керамического комплекса составляют лепные горшки и корчаги, на долю дисков (в том числе с утолщенным краем и невысоким бортиком) приходится около 10%. При этом встречена лишь одна лепная ребристая миска, напоминающая черняховские гончарные изделия (рис. 78, 79).

Горшковидные сосуды распределяются следующим образом: первое место занимают округлобокие формы, включающие также баночные сосуды. В целом они близки к типам II и III типологии пеньковской керамики, причем основная масса соот-

ветствует варианту 2 типа II (Горюнов 1981, 72–73). Им немного уступают ребристые горшки (в основном биконические и цилиндро–конические), близкие к типу I. Затем следуют широкогорлые тюльпановидные и усеченно–конические формы (типы IV–V по Е.А. Горюнову). Таким образом, распределение основных типов керамики Сенчи существенно отличается от расположенного поблизости поселения Хитцы, где доминируют биконические и сильнопрофилированные округлобокие формы. Гораздо реже, чем в раннепеньковском горизонте Хитцов, в Сенче встречены лепные миски (один случай), орнаментация горшков налепным валиком (три случая) и овальным налепом (два случая). В целом керамика Сенчи выглядит более архаично, чем керамика нижнего слоя Хитцов, в нем ярче представлены „северные" элементы.

С другой стороны, преобладание в комплексе Сенчи баночных горшков, присутствие тюльпановидных и к цилиндро–конических форм, единственная находка лепной миски сближают памятник с поздней фазой киевской культуры (Роище, Александровка 1, Ульяновка) и особенно с раннеколочинскими древностями (Выгоры, Заярье). Тот же круг аналогий дают и такие признаки как домостроительство, значительное количество ям–погребов, типы пряслиц и др. На основании этих аналогий селище может быть датировано рубежом IV/V – серединой V в., чему не противоречат единичные находки черняховских вещей в сочетании со стрелой гуннского типа.

Таким образом, данный памятник обладает чертами как предшествующей киевской культуры, так и раннесредневековых колочинской и пеньковской культур, что служит доказательством общности их происхождения. По всей видимости, материалы из Сенчи отражают начальный этап сложения пеньковской культуры на основе традиций переселившегося в лесостепь населения более северных территорий (возможно, Подесенья).

Границу между пеньковской и колочинской культурами в Днепровском Левобережье Е.А. Горюнов провел примерно через средние течения левых притоков Днепра: Сулы, Псла, Ворсклы (Горюнов 1981, 63). Этот рубеж затем был уточнен в ходе детальных разведок на территории Сумской, Курской и Белгородской областей. Однако по обе стороны от границы наблюдается значительная инфильтрация элементов соседних культур. Например, материалы поселений Роище (жилище 10, 17) и Левкин Бугор (Подесенье) демонстрируют переплетение колочинских и пеньковских черт (Терпиловский 1984, 83). На поселении Великие Будки (верховья Сулы) кроме колочинских объектов выявлено раннепеньковское жилище (Горюнова, Родинкова 1999, 179–181).

Учитывая, что топография селищ и тип жилищ этих культур для Левобережья едины, сопоставим керамику этих комплексов. Во всех случаях формы ребристой посуды, в той или иной мере типичной для колочинского и пеньковского керамического комплекса, немногочисленны. Заметное место принадлежит приземистым округлобоким горшкам с максимальным расширением корпуса на середине высоты с четко отогнутой наружу шейкой. Как отмечалось выше, некоторое количество тюльпановидных и цилиндро–конических форм характерно для такого опорного памятника пеньковской культуры Левобережья как Хитцы. Такие сосуды присутствуют и в указанных комплексах. Все это дает основание включить пространство от южной части Подесенья до верховьев Сулы и Псла в маргинальную зону между пеньковской и колочинской культурами (рис. 77).

Необходимо отметить, что черты, роднящие обе эти культуры, наиболее четко выражены именно на ранних памятниках. Это обстоятельство свидетельствует об общности их происхождения, а не об „обмене" этими чертами в результате продолжительных контактов. Напротив, со временем преобладающее развитие получают черты различия, а не сходства. Второй период пеньковской культуры, в отличие от первого, „северного", характеризуется активными связями с кочевническим миром и пражской культурой (Горюнов 1981, 81–82; Приходнюк 1985, 16–18).

Не существует принципиальных отличий рассматриваемых культурных групп и пражской культуры. Их сближают топография и размеры поселений, наличие подквадратных полуземлянок, керамический комплекс, состоящий главным образом из неорнаментированных лепных горшков и сковородок, погребения с трупосожжением, набор орудий труда и украшений. Если расчленить каждую из указанных культур V–VII вв. на составные элементы, то окажется, что подавляющее большинство таких признаков для пражской, пеньковской и колочинской культур совпадают, а отличия касаются только преобладания в составе керамического комплекса отдельных специфических форм сосудов и наличия в большинстве полуземлянок пражской культуры печей–каменок, отсутствующих в ранних колочинских и пеньковских жилищах. Единичность таких культуро–дифференцирующих признаков, очевидно, может указывать на определенное единство раннесредневековых культур, образующих своеобразную общность, охватывающую значительное пространство от Верхнего Поднепровья на севере до Днепровских порогов на юге и от бассейна Эльбы и Заале на западе до верховьев Сейма, Псла и Северского Донца на востоке.

Исходные размеры данной культурной общности можно определить по распространению ранних памятников пражской, пеньковской и колочинской культур, в которых изредка встречаются датирующие вещи V в. и черняховская гончарная керамика в небольшом количестве. По имеющимся данным, территория сложения раннесредневековых славянских культур простирается от верховьев Днестра и Прута до верховьев Сейма и Псла, занимая южную окраину лесной зоны и большую часть лесостепи (Баран 1988а, 120, рис. 7).

Значительное сходство пражской, пеньковской и колочинской культур при некоторых второстепенных отличиях, особенно ярко проявляется на ранней стадии их развития и заставляет предположить, что в предшествующий период существовала более или менее единая в культурно–типологическом отношении основа, вокруг которой они сформировались. В гуннское время, на стыке позднеримской и раннесредневековой эпох, естественно, происходила определенная перегруппировка традиционных этнокультурных элементов, что приводило к образованию новых культурных явлений. Однако генеральная линия формирования раннесредневековых культур, как это показано выше, была связана прежде всего с двумя родственными культурными группами – киевской культурой и черняховскими памятниками верхнеднестровского круга. Очевидно, при этом главную роль играла именно киевская культура. Этому прежде всего способствовала самобытность культуры, находящейся, в отличие от черняховской, за пределами зон интенсивных провинциально-римских влияний. В то время, как относительно небольшая группа памятников III–V вв. в верховьях Днестра и Западного Буга располагалась непосредственно на периферии „классических" черняховских древностей, на обширный киевский ареал черняховская культура оказала гораздо менее заметное влияние. Даже в период наиболее активных контактов на памятниках киевского типа встречен сравнительно скромный черняховский импорт (немного гончарной керамики, туфовые жернова, костяные гребни и др.), а украшения провинциально–римских типов не вытеснили до конца традиционных пластинчатых подвесок, посоховидных булавок и др.

В качестве предшественника славянских древностей V–VII вв. называют иногда черняховские памятники Днестро–Днепровского междуречья (Седов 1979, 78–97; Винокур 1988). Однако при ближайшем рассмотрении эта группа утрачивает кажущуюся монолитность. Так, в ее западной части действительно располагаются упомянутые памятники типа Черепин – основной субстрат пражской культуры, но на Западной Волыни и в Южном Побужье находится довольно однородная черняховско–вельбарская группа. Подобные памятники широко представлены также на Правобережной Киевщине. Кроме того, на указанной территории известно множество черняховских памятников с гончарной керамикой, не поддающихся более детальному членению (Баран, Гороховский, Магомедов 1990, 69–70).

На наш взгляд, единственным достоверным черняховским (точнее, киевско–черняховским) памятником Среднего Поднепровья, связанным с процессом сложения раннесредневековых культур, является уже упоминавшееся поселение Хлопков. Можно заметить, что Хлопков во многом близок таким синхронным поселениям Подесенья как Роище и Александровка 1. Однако за этим сходством стоят разные явления: в случае Подесенья приток черняховских элементов в киевскую среду, а в случае Хлопкова – ассимиляция небольшой черняховской группы киевским массивом. И в том, и в другом случае произошла победа местных культурных традиций над привнесенными провинциально–римскими, что, очевидно, и сказалось на облике раннесредневековых культур, возникших на этой основе.

Важно отметить также, что признаки, типичные для славянских культур второй половины или даже последней четверти I тыс. н.э., не существовали изначально, а сложились исторически. Так, славянское жилище в его классическом виде (полуземлянка с печью–каменкой) оформляется в конце IV в. в Среднем Поднестровье и не имеет в первых веках н.э. прямых прототипов. Соответственно, „пражские" горшки лишь в редких случаях встречаются среди древностей первой половины I тыс. н.э. и более раннего времени. Только начиная с конца V в. они окончательно оформляются и занимают ведущее место в керамическом комплексе пражской культуры (Баран 1988, 61). Конечно, в некоторых восточно- и среднеевропейских культурах первой половины I тыс. н.э. можно отыскать те или иные элементы, типичные для раннесредневековых славянских культур (полуземляночные жилища, трупосожжения, „пражские" горшки). Однако такие элементы, как правило, составляют незначительный процент в комплексе той или иной культуры и, что особенно важно, не коррелируются между собой. Главнейшим же условием успешных поисков „предшественника" славянских культур, на наш взгляд, является сходство основных элементов рассматриваемых археологических культур, образующих такую же систему.

Очевидно, это условие не всегда учитывается исследователями, которые, исходя из предположения, что *„славянским древностям третьей четверти I тыс. н.э. всюду территориально предшествуют или полиэтничные археологические культуры или культуры, явно неславянские"* (Седов 1979, 43), пытаются отыскать отдельные „славянские" элементы в черняховской и пшеворской культурах. Согласно другой концепции, славянские культуры сформировались в ходе продвижения к границам Византии группировок лесной зоны (Вернер 1972, 113; Godłowski 1979, 8–27), поэтому важны не типологические сопоставления археологических признаков культур славян и их предшественников, а общая модель культур и уровень социально–экономического развития населения.

Между указанными концепциями имеется нечто общее – обе они не допускают существования единого ядра, имеющего конкретное сходство большинства признаков, объединенных в ту же систему, что и у пражской, пеньковской и колочинской культур. Между тем, учитывая, что хронологически памятники киевской культуры непосредственно предшествуют указанным культурам третьей четверти I тыс. н.э., их ареалы в известной степени совпадают, а сравнительный анализ показывает подобие основных элементов материальной культуры, образующих

аналогичную систему, киевская культура вполне может считаться ядром, вокруг которого сформировались раннесредневековые славянские культуры, в первую очередь колочинская и пеньковская.

Таким образом, на основе киевской культуры в середине I тыс. н.э., около V в., повсеместно возникают колочинские памятники, отдельные группы киевских древностей Среднего Поднепровья и Подесенья (а также водораздела Днепра и Дона) становятся основным субстратом пеньковской культуры более южных регионов. Очевидно, пражская культура формируется на основе памятников северо-западной черняховской периферии, по основным своим признакам и происхождению близких памятникам киевского типа. В культурно-типологическом отношении киевскую культуру следует считать ядром, вокруг которого сложились славянские культуры V–VII вв., однако этот тезис требует рассмотрения социально-экономического аспекта проблемы.

V. Формирование славянского социально-экономического комплекса

The formation of the Slavonic social and economic complex

В предыдущей главе было показано сходство материальной культуры носителей позднезарубинецких и киевских памятников с раннесредневековыми славянскими культурами по основным, несущим этническую нагрузку, показателям: ассортименту и оформлению лепной посуды, деталям домостроительства, погребального обряда и др. Очевидно, этим показателям должен был соответствовать близкий уровень социально–экономических отношений и специфическая структура культурно–хозяйственного комплекса (Godłowski 1979, 9–27). Однако решение проблемы происхождения такого комплекса требует проведения сравнительного анализа конкретных материалов различных этнокультурных групп. Именно об этом иногда забывают, ограничиваясь лишь констатацией „общей близости культуры", „структурного сходства" славянской общности и ряда культур лесной зоны, например, культуры штрихованной керамики (Мачинский 1981, 32–33; Лебедев 1989, 109–111).

С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой вклад черняховской культуры в сложение раннеславянских древностей выразился, в частности, в передаче основных достижений провинциально–римской агрикультуры и ремесла. Значительная разница уровней черняховской и раннесредневековой славянской культур объясняется резким спадом, наступившим в результате гуннского нашествия, разрывом связей с римскими провинциями и последовавшим возвратом к натуральным формам экономики (Довженок 1965, 30; Петров 1965; Винокур 1972, 155–156).

Проблема формирования славянского культурно-хозяйственного комплекса (понятия более узкого, чем культурно–хозяйственный тип, включающего также этноопределяющие показатели) требует специальных исследований. Можно назвать работы: Г.А. Вознесенской, В.Д. Гопака, С.В. Панькова, С.П. Пачковой, Г.А. Пашкевич, Р.Г. Шишкина и др., изучающих различные стороны хозяйственной деятельности славян. Наша задача – реконструкция основных черт культурно–хозяйственного комплекса на основе системного анализа таких показателей как топография поселений, состав стада и зерновых культур, ведущие типы сельскохозяйственных орудий, уровень и приемы кузнечного дела и др. Эти данные, будучи тесно взаимосвязаны, должны дать представление о различных отраслях хозяйства, направлении и интенсивности экономических связей, особенностях общественной жизни древних племен.

Предполагается, что отдельные элементы культурно–хозяйственного комплекса могут находить соответствия в среде других этнокультурных групп, но их сочетание должно образовывать специфическую систему. Так, Ю.А. Краснову при изучении локальных особенностей сельского хозяйства в лесной полосе Восточной Европы удалось показать, что орудия и приемы земледелия, состав сельскохозяйственных растений и животных складывались не только под воздействием природно–климатических и социально–экономических факторов, но также этнических традиций. Выяснилось, что границы выделенных районов совпадают не с какими–либо естественными рубежами, а с территориями обитания различных этнических общностей (Краснов 1971, 132–137).

Исходя из вышесказанного, попытаемся определить характерные черты социально–экономического развития населения Поднепровья первой половины I тыс. н.э., что позволит найти место рассматриваемой общности в системе окружающих (как в территориальном, так и хронологическом смысле) этнокультурных групп.

1. Основные тенденции развития хозяйства

1.1. Земледелие и животноводство

Анализ земледелия и животноводства, которые, безусловно, являлись важнейшими отраслями хозяйства носителей позднезарубинецких и киевских памятников, целесообразно начать с рассмотрения физико–географических условий региона, в значительной степени определяющих специфические черты сельскохозяйственного производства.

Данная территория, включающая значительную часть Днепровского бассейна (за исключением его самых северных, южных и западных участков), а также часть водораздела Днепра и Дона, занимала южную окраину лесной зоны и лесостепную полосу (рис. 80). Северо–западная часть региона, включавшая Поднепровье и большую часть Подесенья, принадлежала к геоботаническому району сосново–широколиственных лесов с грабом, а северо–восточная – к собственно широколиственным лесам. Предполагается, что широколиственные леса могли занимать и часть нынешней лесостепи. При этом состав господствующих лесов (дуб, вяз, липа, граб) наложил некоторый отпечаток на почвы того времени, способствуя их меньшей оподзоленности и, следовательно, большей плодородности (Краснов 1971, 12). Южная часть рассматриваемого региона охватывает современную лесостепь, характеризующуюся, в частности, более расчлененным рельефом и разнообразием почв. Тем не менее, большинство позднезарубинецких и киевских памятников приурочены к долинам рек, где физико–географические условия и в лесной, и в лесостепной зонах практически аналогичны.

Такие климатические факторы как продолжительная весна, влажное и теплое лето, небольшие колебания температуры, достаточное количество осадков, мягкая снежная зима, создавали благоприятные условия для сельского хозяйства. Однако климат на протяжении от рубежа н.э. до середины I тыс. н.э., хотя и не испытывал значительных колебаний по сравнению с нынешним, все же не оставался неизменным. В южной части Восточной Европы на протяжении I-II вв. палеогеографы отмечают повышение температуры воздуха и понижение влажности, что вызвало сокращение площади лесов и появление обширных остепненых пространств в лесостепи (Серебрянная 1982). Именно в это время отмечается продвижение сарматов далеко на север вдоль Днепра и Дона (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1991; 24–25). Однако с начала III в. фиксируется начало нового климатического цикла. Исследования А.Л. Александровским погребенных почв на Верхнем Дону показали, что к этому времени сухой и жаркий период заканчивается, леса начинают наступать на остепненые ландшафты (Медведев 1998, 8). Около рубежа IV/V вв. Похолодание и влажность, очевидно, достигают своего максимума, а в V–VII (VIII) вв. господствует более теплый климат (Левченко 1993).

Очевидно, именно с этими явлениями в первую очередь связаны изменения в топографии поселений. Поселения зарубинецкой культуры в своем большинстве приурочены к сильнорасчлененным ландшафтам отрогов Приднепровской возвышенности. Такое расположение характерно для 87% памятников Среднего Поднепровья. В I–II вв. позднезарубинецкие поселения размещаются уже в иных условиях. 57,3% памятников находится в пойме, 32,8% – на краю первой надпойменной террасы. Изредка селища располагались на плато коренного берега в условиях, близких к традиционным зарубинецким (приложение 5). При этом поселения занимают в основном песчаные и супесчаные почвы (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1991, 3–6, 36–39). Таким образом, отчетливо проявляется тенденция заселения участков, максимально приближенных к водному источнику. В то же время в ряде районов Полесья с менее эродированным рельефом, такой выразительной смены топографии поселений не происходит – на протяжении всего I тыс. н.э. селища в основном располагались на невысоких террасах или останцах в пойме.

Преобладание ландшафтов долинного типа сохраняется в киевской культуре, однако при этом предпочтение отдавалось первой, изредка второй надпойменным террасам (30% поселений из числа исследованных раскопками располагались в пределах поймы, 46,7% на краях низких террас). Одновременно на Киевщине и Черниговщине наблюдается тенденция к освоению ландшафтов балочноравнинного типа (15 памятников). Поселения располагались на междуречных равнинах с обводненными балками или на склонах небольших ледниковых озерец–впадин (Верхнестриженское 2, Березанка). Особенно значительная концентрация памятников фиксируется при этом в пределах лессовых островов Киевского, Черниговского и Новгород–Северского Полесья, отличающихся сравнительно плодородными черноземными почвами. Все это может свидетельствовать о внутренней колонизации регионов, ранее освоенных лишь по берегам основных водных артерий.

Отметим, что аналогичная топография характерна и для поселений славянских культур V–VII вв. Лишь к концу этого периода славяне начинают осваивать лессовые плато (*Славяне Юго–Восточной Европы* 1990, 369). В то же время южные соседи киевских племен – носители черняховской культуры – располагались в иных условиях, предпочитая черноземные участки коренного берега. Различные требования к местоположению поселений особенно четко проявляются в контактных киевско–черняховских зонах – на Стугне и Сейме. Все это говорит об узкой специализации хозяйственной системы черняховской культуры, направленной в первую очередь на пашенное земледелие, и о более традиционном характере киевского земледелия. Очевидно, использование более широкого круга источников, включающего памятники, известные по материалам разведок, а также подробных ландшафтных карт, подобных составленным для территории Киевщины (Шишкін 1996, 5–6), позволит в дальнейшем уточнить эти наблюдения.

Вероятно, необходимость изменения топографии позднезарубинецких поселений была обусловлена, в частности, снижением влажности. В этих условиях прежняя система хозяйства оказалась неэффективной. Возникает необходимость освоения новых территорий и поиск новых, более плодородных и легких для обработки почв. Первое достигается массовыми миграциями I–II вв., второе – переносом поселков на более влажные участки речных долин (что, безусловно, было связано с необходимостью посещения расположенных неподалеку, примерно в тех же условиях, полей). В результате позднезарубинецкие племена сумели выработать оптимальную систему хозяйства, базировавшуюся на широком использовании влажных участков речных долин для нужд земледелия и скотоводства, что позволило свести к минимуму последствия колебаний климата. По всей видимости, именно поэтому данная система хозяйства оказалась весьма устойчивой и продолжала существовать у населения Поднепровья до VII–VIII вв. (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1991, 25–26).

Система земледелия скорее всего была экстенсивной – подсека или долгосрочный перелог на уступающих в плодородии черноземам, зато более легких в обработке почвах первых надпойменных террас. Одновременно богатые различными травами пойменные луга создавали надежную кормовую базу для животноводства, а боровые и лиственные леса, окружающие надпойменные террасы и останцы, позволяли практически круглый год заниматься охотой и лесными промыслами. Несмотря на необходимость частой смены участков из-за истощения плодородия

почвы, подсека и перелог были весьма продуктивны, что типично для ряда примитивных способов сельскохозяйственного производства (Беранова 1980, 45). Иными словами, количество свободных земель, пригодных для земледелия, в первой половине I тыс. н.э. было вполне достаточно для получения относительно больших урожаев при минимальной затрате сил.

Появление специализированных орудий труда, их формы и типы, распространение пашенного земледелия соединяет сельское хозяйство южной части лесной зоны с земледелием лесостепи (Краснов 1971, 87). Это наблюдение подтверждается, в частности, тем, что сельскохозяйственные орудия позднезарубинецкой и киевской групп соединяют в себе ряд форм, характерных для латенизированных культур, древностей лесной зоны Восточной Европы и черняховской культуры.

Почвоообрабатывающие орудия, видимо, были в основном цельнодеревянными. Первые металлические наконечники появляются на рассматриваемой территории не ранее IV в. Как известно, при использовании подсечно–огневой системы земледелия рала обычно вообще не применялись – их с успехом заменяли бороны–суковатки. При перемещении полей на первую надпойменную террасу, дюны и другие приречные участки с легкими почвами также особой необходимости в наральниках не возникало. Такие орудия труда требовались при обработке более тяжелых грунтов на лессах, особенно при распашке целины. Возле поселения Обухов 7 на склонах лессового плато найден наральник, возможно связанный с комплексом киевской культуры. Обломок лезвия (Ульяновка) и фрагмент втулки (Каменево 2) происходят из комплексов заключительной фазы киевской культуры (Терпиловский, Абашина 1992, 59–60). Форма и размеры наральников находят аналогии в черняховской культуре, в ряде славянских памятников V–VII вв. и более позднего времени (Краснов 1978, 98–113). Можно предположить, что примитивные и легкие рала требовали незначительной тягловой силы (одной лошади или вола) и позволяли лишь взрыхлять землю (*Славяне Юго–Восточной Европы* 1990, 372–374).

Основными орудиями уборки зерновых служили серпы, нередко встречающиеся на позднезарубинецких и киевских памятниках. К I–II вв. относится свыше десятка таких изделий, причем на широко раскопанных памятниках их находки далеко не единичны (Оболонь – четыре, Почеп – пять экземпляров, не считая обломков). Целые серпы имеют небольшие размеры (15–24 см) и делятся на два типа по способу крепления к рукоятке. К первому принадлежат серпы с крючком на конце пятки, ко второму – изделия с черенком, продолжающим линию лезвия. И те, и другие иногда встречены на одних и тех же памятниках, однако первые представляют собой наследие зарубинецкой культуры, в то время как вторые свойственны ряду культур лесной зоны Восточной Европы (Краснов 1971, 72–74). Например, лишь черешковые серпы встречены на Почепском селище – одном из наиболее северных позднезарубинецких памятников (рис. 81:*1–4*).

Из памятников III–V вв. происходит свыше 20 серпов и их обломков. Большинство находок – орудия с крючком, среди которых имеются небольшие слабоизогнутые (Обухов 7, Бортничи, Курган–Азак и др.), аналогичные более ранним. Вместе с тем, появляются более крупные серпы с почти прямым лезвием и отогнутой под тупым углом руояткой с крючком на конце (Верхнестриженское 2 – два экземпляра, Киреевка 1, Шишино 5). Рукоять крупного сильно изогнутого серпа из Роища, конструктивно близкого черняховским изделиям, насаженная на крючок, дополнительно укреплялась железным кольцом. Только на памятниках Верхнего Поднепровья (Абидня, Тайманово) и поселении Мена 5 встречены орудия с черешковыми креплениями рукояти (рис. 81:*6–9*). Длина целых экземпляров серпов колеблется в пределах от 17 до 26 см при ширине лезвия до 3 см (Терпиловский, Абашина 1992, 60–61). Сочетание орудий с загнутым концом пятки и с черенком типично для ряда культур римского времени, в том числе и для черняховской.

Принято считать, что более продуктивными орудиями являются асимметричные серпы, вершина дуги лезвия которых смещена ближе к рукоятке. Именно таковы формы большинства позднезарубинецких и киевских серпов, хотя относительно слабый изгиб и понижает этот показатель. В целом же рассматриваемые орудия находятся на уровне окружающих культур, несколько уступая по продуктивности черняховским сильноизогнутым серпам. На протяжении первой половины I тыс. н.э. увеличиваются размеры и совершенствуется форма этих орудий по сравнению с серпами зарубинецкой культуры. В V–VII вв. в славянской среде продолжают использоваться небольшие слабоизогнутые серпы с крючком. Лишь к исходу этого периода их вытесняют более прогрессивные изделия с отогнутой рукояткой (Минасян 1978, 83).

Процесс переработки продуктов земледелия начинался с помола или дробления зерна. На протяжении всей первой половины I тыс. н.э. изредка встречаются небольшие сферические зернотерки или плиты из гранита и других местных пород камня. Вместе с тем, у населения киевской культуры распространяются ротационные ручные мельницы. Жернова от них известны в Среднем (Вишенки, Погребы) и Верхнем Поднепровье (Абидня), но особенно много фрагментов оказалось в Подесенье (Терпиловский, Абашина 1992, 62). Диаметр жерновов составляет около 40 см, толщина до 10 см. Верхний камень (бегун) имел прямоугольное отверстие для засыпки зерна и крепления рукояти в центре (Ульяновка, Верхнестриженское 2), на нижних камнях (Роище, Александровка 1, Вишенки) имелись лунки для установки оси (рис. 81:*1*). Такая конструкция ручных мельниц была характерна для черняховской культуры (Минасян 1978а, 104–106). Черняховское происхождение подтверждает и мате-

риал, из которого сделаны жернова: за редким исключением они изготовлены из вулканического туфа, выходы которого на рассматриваемой территории неизвестны. Характерно, что с прекращением существования черняховской культуры здесь исчезают и ручные мельницы. Все это позволяет считать туфовые жернова своеобразной категорией черняховского импорта (Терпиловский 1984, 36). Широкое распространение ручных мельниц косвенно указывает на повышение объема производства зерна и на превращение хлеба в повседневный продукт питания.

Принципиально важным источником для определения особенностей развития земледелия является видовой состав злаков и их пропорциональное соотношение. Палеоботаническое исследование отпечатков зерновых злаков на керамике и обугленных частей растений, полученных промывкой культурных отложений рассматриваемых памятников, осуществлено З.В. Янушевич (1976) и Г.А. Пашкевич (1991). К сожалению, полученные серии сравнительно невелики и всестороннему изучению, включающему анализ отпечатков и промывку, подвергнуто лишь поселение Глеваха. В этой связи комплексы ископаемых зерновок и семян отдельных позднезарубинецких и киевских поселений статистически малопредставительны. Все же их сумма составляет определенный палеоботанический комплекс, характеризующий рассматриваемые культурные группы (Кравченко, Пашкевич 1985, 180).

Соответствующие данные имеются для таких позднезарубинецких памятников как Оболонь, Лютеж, Почеп и Грини, рассмотренных С.П. Пачковой (1974, 13–22) и Г.А. Пашкевич (1991, 18–20) вместе с зарубинецкими. На их основе можно прийти к выводу, что позднезарубинецкий палеоботанический комплекс включал (в порядке убывания) просо, ячмень (обычный и голозерный), различные пшеницы (двузернянку, карликовую, мягкую), а также овес, рожь, горох. От него весьма незначительно отличается комплекс киевской культуры, установленный на основе изучения материалов 14-ти памятников Среднего Поднепровья и Подесенья (Пашкевич 1991, 21–26). Здесь также доминирует просо, почти в равном количестве встречены ячмень и пленчатая пшеница, затем рожь и в единичных случаях – овес, горох и др. (приложение 6). Отметим, что по материалам Глевахи данные, полученные по отпечаткам и промывкам, вполне согласуются между собой (Пашкевич 1991, 46). Так как число определений довольно значительно, то можно отметить некоторую региональную специфику набора зерновых – если для Среднего Поднепровья картина полностью соответствует вышеописанной, то в компактной группе заключительной фазы киевской культуры Черниговщины второе место после проса занимает рожь, а пшеница (полба и спельта) и пленчатый ячмень представлены единичными отпечатками (Терпиловский 1984, 61–62).

Различные позиции, которые занимают вышеназванные растения в указанных памятниках, очевидно, отражают местные традиции, этнические связи и характер земледелия. Так, стабильное положение проса объясняется, вероятно, достаточно примитивным способом сельскохозяйственного производства. По данным этнографии, просо как быстросозревающая культура широко применялось для пересева погибших от ранних заморозков пшеницы и ячменя, а также для посева по подсекам и гарям. Просо, как и пленчатая пшеница, не требует особенно благоприятных почвенных условий и глубокой вспашки. В северной части рассматриваемого региона к середине I тыс. н.э. быстрыми темпами возрастает роль ржи, которая из засорителя посевов пшеницы на рубеже н.э. становится одной из основных зерновых культур новоосваиваемых земель (Пашкевич, 1988).

Палеоботанический комплекс позднезарубинецкой и киевской групп хорошо вписывается между предшествующей зарубинецкой и последующими раннеславянскими культурами. Во всех случаях первое место занимало просо, однако после середины I тыс. н.э. все большее распространение получают пшеницы (двузернянка, карликовая, голозерная) и рожь. В то же время носители культур, соседствующих с данным регионом, использовали несколько иной набор злаков, в котором основное место принадлежало пленчатой пшенице, ячменю и др. (Пашкевич 1991, 17–22).

Определенные сведения о системе земледелия можно получить на основе данных о составе сорняков. Отпечатки семян сурепки, куриного проса, василька лугового, встреченные в позднезарубинецких материалах (Пачкова 1974, 28), наиболее характерны для яровых культур. О некотором распространении озимых посевов может свидетельствовать костер полевой, обнаруженный на памятниках киевской культуры. Скорее всего, племена Подесенья использовали такую систему обработки земли, при которой озимая рожь чередовалась с просом и, возможно, ячменем. Пшеница могла высеваться после озимой ржи как культура, хорошо очищающая почву от сорняков, а рожь шла по перелогу или после яровых культур. Просо высевалось сразу после долгосрочного перелога или по целине, то есть по чистым или слабозасоренным почвам (Пашкевич 1988, 173).

Перейдем к материалам, освещающим другую сторону сельскохозяйственного комплекса носителей позднезарубинецких и киевских памятников – животноводство. Для его характеристики мы располагаем двумя группами источников: орудия и предметы, связанные с этой отраслью, и остеологические материалы.

К скотоводческому инвентарю относятся ботала – крупные колокольчики для скотины. Единственный экземпляр такого изделия встречен на поселении Ульяновка (рис. 57:*18*). Крупные пружинные ножницы, найденные в Абидне, могли использоваться не только для стрижки шерсти, но и в повседневной жизни. Уже упоминавшиеся выше крупные угловатые серпы, очевидно, могли применяться как косы-горбуши для уборки сена. Для заготовки веточного

корма, очевидно, служили серповидные ножи–косари, известные по нескольким находкам на Почепском селище (Заверняев 1969, 110–111) (рис. 81:*10*). Все указанные предметы, связанные с животноводством, представлены единичными экземплярами во всех лесостепных и лесных культурах Восточной Европы с рубежа н.э. до VII–VIII вв.

Остеологическими исследованиями охвачена сравнительно небольшая часть позднезарубинецких и киевских памятников, что снижает достоверность сопоставления полученных данных с материалами ряда более изученных культур. Кроме того, остеология в основном дает представление о животных, мясо которых употреблялось в пищу, и лишь косвенно – о составе стада. Все же при всей случайности выборки состав стада по работам Н.Г. Белан, О.П. Журавлева и В.П. Данильченко представляется достаточно стабильным. И для позднезарубинецких памятников, и для киевской культуры сельскохозяйственные животные распределяются примерно одинаково: крупный рогатый скот (соответственно 45 и 42,7% особей), свинья (21 и 28%), мелкий рогатый скот (16 и 15,5%), лошадь (18 и 13,8%) (приложение 7). Очевидно, животноводство носителей данных общностей на протяжении первой половины I тыс. н.э. носило оседлый, приселищный характер, на что указывает высокий удельный вес костей свиньи – животного, не способного к длительным переходам, а также находка ботала (Терпиловский 1984, 62–63).

Состав стада, при котором преобладали бы коровы и свиньи, не типичен для археологических культур лесной полосы Восточной Европы – чаще здесь доминируют свиньи или лошади (Краснов 1971). В то же время для памятников черняховской культуры лесостепного Поднепровья характерно стадо, в котором второе место после крупного занимает мелкий рогатый скот (Белан 1977, 29–37). Состав животноводческого комплекса позднезарубинецкой и киевской культурных групп объясняется прежде всего физико–географическими условиями пограничья лесной и лесостепной зон. Пойменные луга создавали необходимую базу для развития животноводства мясо–молочного направления. Кроме того, принято считать, что преобладание крупного рогатого скота косвенно указывает на существование пашенного земледелия, при котором волы служили тягловой силой.

Существуют исключения из весьма стабильного в целом распределения домашних млекопитающих в позднезарубинецких материалах. На поселении Терновка 2 второе место после крупного рогатого скота принадлежит лошади (Обломский 1990, 24–25), что может быть объяснено расположением памятника на юго–восточной окраине ареала, в пограничье с сарматами. На поселении Почеп, где, впрочем, подсчеты по особям не проводились (Заверняев 1969, 117), по количеству костей основное место занимает свинья, что вероятно, является следствием активных контактов с балтскими или финно–угорскими племенами лесной зоны.

Славянский животноводческий комплекс второй половины I тыс. н.э. был хорошо сбалансирован с пашенным земледелием и включал коров, свиней, а также коз, овец и лошадей, то есть был аналогичен позднезарубинецкому и киевскому. Сходный состав стада наблюдается также у носителей зарубинецкой культуры и северо–западных черняховских памятников (*Славяне Юго–Восточной Европы* 1990, 369–370).

Очевидно, при выпасе стада пастухи использовали собак, кости и даже скелеты которых нередки на указанных памятниках. Наличие домашней птицы подтверждают кости петуха на поселении Роище.

1.2. Металлургия железа и кузнечное дело

Земледелие и скотоводство, обеспечивая население продуктами питания, создавали также базу для развития ремесел. С другой стороны, ремесленное производство обеспечивало необходимую продуктивность земледелия. Наиболее развитыми отраслями являлись железодобыча и кузнечное дело, от уровня которых зависели, в частности, ассортимент и качество сельскохозяйственных орудий.

Вопросы добычи и обработки черного металла племенами Поднепровья первой половины и середины I тыс. н.э. рассматривались в ряде обобщающих работ (Вознесенская 1972; Пачкова 1974; Паньков 1987; *Славяне Юго–Восточной Европы* 1990) и специальных статей. Вместе с тем, в большинстве случаев позднезарубинецкие памятники I–II вв. рассматриваются суммарно с „классическими" зарубинецкими материалами, памятникам киевской культуры уделялось относительно небольшое внимание из–за незначительного числа исследованых предметов, а древности V–VII вв. в основном анализировались вместе с более поздними, что затрудняло выделение традиций и инноваций при определении уровня и особенностей местной металлургии и железообработки. Попытаемся отчасти устранить указанные недостатки, дополнив имеющиеся в литературе сведения рядом неопубликованных материалов.

Как известно, наиболее полно исследованным памятником, связанным с производством железа у племен Поднепровья первой половины I тыс. н.э., является специализированное поселение Лютеж (Бидзиля, Пачкова 1969). На невысокой дюне в пойме правого берега Днепра исследовано три постройки I–II вв., 15 сыродутных горнов и 411 ям производственного и хозяйственного назначения. Соотношение трех жилищ со значительным количеством производственных сооружений свидетельствует, что здесь обитали исключительно профессионалы, занятые изготовлением железа из болотной руды (Пачкова 1972, 83).

На уголь дубовые дрова пережигались в 391 яме. Лютежские горны представляли собой наземные или незначительно углубленные в землю глинобитные сооружения с цилиндрической шахтой и шлаковыпуском, пригодные для многократного повторения процесса.

Кричный процесс позволял использовать относительно бедные болотные руды (разумеется, после их предварительной обработки – обогащения путем многократной промывки, просушки, измельчения и прокаливания), а сталь, полученная из кричного железа, была более пластичной и менее подверженной коррозии (Гурин 1982, 22–23). В сыродутной печи необходимо было достигнуть температуры порядка 1350° для спекания отдельных частиц железа в более или менее плотную крицу. Все же примерно половина металла оставлась в шлаках и его не удавалось использовать. Вес крицы определялся возможностями ее проковки для удаления шлаков. Так, в горнах типа лютежских по мнению С.П. Пачковой получали крицы весом около 3 кг. Однако кроме таких товарных криц в виде коржей производились и более мелкие. Например, вес криц свентокшижского центра в Южной Польше составляет 170–530 г, причем даже крицы весом 50 г могли использоваться при изготовлении поковок и пакетировании сырья (Гурин 1982, 27).

Очевидно, в Лютеже металл для собственных нужд вырабатывался семьей профессиональных металлургов–кузнецов в свободное от сельскохозяйственных работ время. Согласно ориентировочному подсчету трудоемкости металлургического производства для получения крицы весом 2,5–3 кг необходимо было затратить от 4,5 до 9 человекодней (Гопак 1976, 7). Сосредоточение добычи и обработки железа в руках одного мастера (или одной семьи) подтверждается находками шлаков, дробленой и очищенной руды, железных и стальных полуфабрикатов в комплексах Почепа (Заверняев 1969, 100), Абидни и Таймановo (Гурин 1982, 44, 102). Скорее всего, металлурги–кузнецы концентрировали в своих руках весь процесс обработки металла от получения сырья до изготовления различных предметов.

На позднезарубинецких и киевских памятниках известен также ряд единичных следов железоделательного производства. Собственно, среди всех восточноевропейских культур I тыс. н.э. рассредоточенное расположение горнов преобладает, что может свидетельствовать о производстве металла на заказ. С другой стороны, значительная концентрация железодобычи наблюдается в районе Свентокшижских гор, где это ремесло могло иметь статус товарного производства. Не исключено, что подобные площадки со следами экстенсивной добычи железа близ Умани связаны с местными позднезарубинецкими группами (Паньков 1987, 14–15), однако в бассейне Днепра подобный способ производства металла пока не известен.

Следы горнов, в той или иной степени близких лютежским, но худшей сохранности, встречены на позднезарубинецких селищах Почеп, Картамышево 2 и на поселении киевской культуры Васильков 1а. На поселении Глеваха обнаружена яма диаметром 1,5 м для выжигания древесного угля, а также куски шлаков с высоким содержанием железа. Впрочем, последние нередки в целом ряде памятников первой половины I тыс. н.э. Ямы с болотной рудой исследованы в Савенках и Новых Безрадичах.

Основным источником о состоянии кузнечного ремесла является его продукция – изделия из железа и стали, так как находки производственных сооружений или кузнечно–слесарного инструмента малочисленны. Для определения характерных приемов и уровня кузнечного ремесла позднезарубинецких и киевских мастеров рассмотрим основные результаты металлографического изучения серии вещей.

Хотя исследования проводились разными специалистами, единая методика, применяемая Г.А. Вознесенской, В.Д. Гопаком, М.Ф. Гуриным, позволяет сопоставить полученные данные. При этом следует иметь в виду, что ассортимент изделий, наличие определенных технологических схем и др. характеризуют не столько этнические или региональные традиции, сколько уровень социально–экономического развития общества. Тем не менее, формирование производственных традиций отражает одну из сторон культурного развития славян.

Из числа позднезарубинецких памятников металлографическим исследованиям были подвергнуты материалы поселений Лютеж, Оболонь и Почеп (всего изучено 127 предметов). Можно отметить, что местные кузнецы производили орудия труда, бытовые вещи и предметы вооружения преимущественно позднелатенских и раннеримских типов, а технический уровень кузнечного ремесла ограничивался главным образом приемами свободной ковки в горячем состоянии. Основным исходным сырьем служили кричное железо и неравномерно науглероженная сталь, поэтому изделия характеризуются сильной загрязненностью шлаковыми включениями. Сталь использовалась редко, что объясняется большей трудоемкостью ее изготовления по сравнению с железом. В более или менее представительных коллекциях из Почепа и Оболони изделия, выполненные с использованием стали, составляют 12,9 и 21,6%. Сталь нечасто применялась как при производстве бытовых вещей, так и орудий труда. Некоторым исключением в этом отношении являлись наиболее массовые универсальные орудия, требовавшие высоких эксплуатационных качеств – ножи (рис. 82:*2–4*). При ковке ножей обычно применялись наиболее сложные технологические схемы, доступные местным кузнецам. Так, в Оболони с использованием стали изготовлено шесть ножей или 40%. Однако только в одном случае была использована кузнечная сварка – лезвие ножа было сварено из стальной и железной полос. Почти все стальные ножи из Оболони были закалены простейшим образом – в холодной воде (Гопак, Шовкопляс 1983). Из качественной высокоуглеродистой стали изготовлены три ножа дьяковского типа (Почеп), а также три зубила (Лютеж, Почеп). Очевидно, ножи, судя по характерной форме, являлись импортом (Гопак, Заверняев 1981), как и технологически совершенные зубильца для работы по металлу, использовавшиеся только специалистами (Вознесенская 1972, 30).

Уровень железообработки на позднезарубинецких поселениях Подесенья несколько отличался от среднеднепровской группы. Пластическая обработка металла вгорячую на поселении Почеп была технологически более примитивной, чем в Лютеже и Оболони. Возможно, это обстоятельство может объясняться отсутствием в Подесенье столь прочных местных традиций, как в Среднем Поднепровье.

Среди изделий киевской культуры металлографическим исследованиям подверглись 181 предмет, причем 62 из них происходят из надежных комплексов Подесенья и Среднего Поднепровья (Гопак 1989; Терпиловский 1984, 65–68). Очевидно, 24 находки из Абидни также принадлежат к киевской культуре, однако на каком основании некоторые из 95 предметов из расположенного неподалеку многослойного памятника Тайманово отнесены к первой половине I тыс. н.э. (Гурин 1982, 41–43) не вполне ясно.

На протяжении III–V вв. расширяется ассортимент изделий – 25 наименований против 17 в позднезарубинецких памятниках. Вещи позднелатенского и раннеримского облика в основном сменяются предметами позднеримских типов. Хотя число исследованных предметов из отдельных памятников относительно невелико, все же можно отметить рост числа стальных изделий по сравнению с I–II вв. – их не меньше 30%. Эта цифра среди ножей доходит до 60% (Глеваха).

Некоторые стальные изделия псевдопакетной схемы (серп, ножи из Роища и Ульяновки) или сварные (перовидное сверло из Роища), обнаруженные на памятниках заключительной фазы киевской культуры Подесенья, следует считать черняховским импортом. С другой стороны, на синхронных памятниках Белоруссии обнаружены единичные кузнечные изделия, состав металла которых заставляет предположить, что он произведен в Свентокшижских горах (Гурин 1982, 87–89). Кузнечные изделия, в которых использована сварка железа и стали, позволявшая найти применение небольшим стальным пластинам и обломкам, появляются уже на относительно ранних киевских памятниках. Так, в Казаровичах один нож сварен из узких железных и стальных полос, в другом – наварено стальное лезвие. В Глевахе встречен нож, лезвие которого сварено из железной и стальной полос (рис. 82:*10–11*). Ножи из Абидни и Лаврикова Леса, изготовленные из качественной стали, термообработаны. Кроме того, в Абидне закалке было было подвергнуто 25% стальных изделий против 10% в среднем для Белорусского Поднепровья (Гурин 1982, 101). Все эти случаи трудно объяснить влиянием металлообработки черняховской культуры. Впрочем, сварные схемы в это время применялись не только черняховскими кузнецами, но, в частности, и племенами Прибалтики (Гурин 1982, 102).

Таким образом, можно отметить определенный прогресс в железообработке носителей киевской культуры по сравнению с I–II вв. При всей случайности выборок и полученных показателей общая тенденция прослеживается достаточно отчетливо – традиционные технологические схемы дополняются наваркой стального лезвия, чаще используется сварка, псевдопакет и термообработка. Шире применяется сталь, очевидно, ее чаще производят на месте, чем используют привозную. В отдельных случаях местные племена применяют черняховские и пшеворские орудия, а также заимствуют технологические схемы. Более дифференцированно используется сырье – если порядка 70–80% позднезарубинецких предметов были откованы из кричного железа, то доля стальных киевских орудий (особенно ножей) значительно увеличивается.

Тем не менее, уровень железообработки киевской культуры уступал ряду окружающих древностей, в частности, дьяковской культуре (Хомутова 1978), памятникам Прибалтики и особенно черняховской культуре. Последняя представлена широким ассортиментом кузнечных изделий, разнообразием технологических схем и широким использованием стали (Вознесенская 1972; Гопак 1976, 16; Бидзиля, Вознесенская и др., 1983, 101). Очевидно, не без влияния черняховских мастеров население более северных регионов начинает чаще использовать кузнечную сварку и закалку поковок. Однако объем производства железных и стальных предметов, степень дифференцированного использования стали оставались гораздо более низкими.

С другой стороны, основные черты позднезарубинецкой и киевской железообработки имеют близкие аналоги среди предшествующих и последующих археологических культур той же территории. При этом, естественно, металл позднезарубинецких памятников обладает наибольшим сходством с зарубинецкими древностями рубежа н.э. – практически их отличают только отдельные детали. Так, закалка в зарубинецких изделиях применялась еще реже, чем в позднезарубинецких (Бидзиля, Вознесенская и др., 1983, 93), а конструктивная сварка железа и стали, видимо, вообще не использовалась (Вознесенская 1972, 30). Основная масса изделий в обоих случаях целиком откована из железа и сырцовой стали (Пачкова 1974, 95). В целом при изготовлении позднезарубинецких кузнечных изделий применялись практически те же технологические схемы, что и в зарубинецкой культуре – лишь несколько чаще использовался псевдопакет и термообработка.

Соответственно, железообработка киевской культуры (особенно ее заключительной фазы) обнаруживает значительное сходство с кузнечным делом последующих культур: пражской, пеньковской и колочинской. Судя по данным М.Ф. Гурина (1982, 102) и Г.А. Вознесенской (*Славяне Юго-Восточной Европы* 1990, 387), во всех указанных культурах в силу дороговизны сталь применялась относительно редко, использовались примерно одни и те же технологические приемы, известные еще киевским кузнецам. Г.А. Вознесенская приводит следующие цифры

для пражской и пеньковской культур (исследовано 130 предметов): около 65% отковано из кричного железа, в 35% использовалась сталь, причем 20% являются цельностальными, 10% – псевдопакет, по 2,5% – науглераживание или наварные рабочие части. Из стальных изделий термообработано около 30%. Эти данные вполне согласуются с выводом В.Д. Гопака (1976, 16), что кузнечное ремесло третьей четверти I тыс. н.э. по сравнению с черняховской железообработкой проигрывает. Его уровень больше соответствует кузнечному делу зарубинецкой культуры, а если обращаться к прямым хронологическим и типологическим предшественникам славянских древностей V–VII вв. – киевской культуре III–V вв. Таким образом, на протяжении от рубежа н.э. до V–VII вв. у племен Поднепровья, представляющих „зарубинецкую" линию развития, наблюдается поступательное развитие основных технологических приемов, связанных с производством и обработкой черного металла.

1.3. Другие ремесла и промыслы, обменные связи

Изготовлением украшений и деталей костюма из цветных металлов занимались, очевидно, те же кузнецы–универсалы, которые в основном работали с железом и сталью. Сырье (бронза, латунь, реже – серебро и свинцово–оловянистые сплавы) было привозным и поступало в виде лома, монет, небольших слитков. Значительная часть предметов убора отковывалась из железа.

В I–II вв. мастера выделывали преимущественно технологически несложные вещи: проволочные фибулы или пластинчатые украшения с рельефным орнаментом. Со II в. начинается местное производство разнообразных предметов с выемчатой эмалью. Бронзовые корпуса подвесок–лунниц, фибул, звеньев цепей и др. отливались по восковой модели. После доработки гнезда заполнялись цветной эмалью из размолотых стеклянных бусин. Так, красные пастовые бусины, идентичные по химическому составу следам эмали, встречены на поселении Абидня (Поболь 1971, 180). Достигнув расцвета в III в., производство вещей с эмалью в Поднепровье вскоре прекращается. Взамен распространяются фибулы, поясные пряжки и др. позднеримских типов. Основные детали таких предметов отливались, а затем дополнительно обрабатывались ковкой и шлифовкой. Иногда продолжали использоваться пластинчатые подвески в виде трапеций или полумесяцев (Роище).

Следы литейного ремесла (тигли и их обломки, выплески металла) встречены на ряде позднезарубинецких (Лютеж, Оболонь, Почеп) и киевских поселений (Абидня, Тайманово, Киселевка 2, Роище). Небольшие сосудики для плавки бронзы преимущественно имеют коническую форму (рис. 82:*13*). На ряде изделий из Почепа сохранились следы щипцов, которыми тигли извлекались из огня. Иногда встречаются обломки тиглей с узкой горловиной (Роище). Для разлива металла в формы использовались миниатюрные льячки в виде ложек (Лютеж, Почеп, Ульяновка). Глиняные литейные формы происходят из Абидни, Александровки 1 и Киева (Смородинский Спуск). В редких случаях следы литейного производства удается связать с отдельными жилищами. Как мастерские использовались постройка Почепского селища (Заверняев 1969, 97), жилище 3 поселения Роище и жилище 1 поселения Киселевка 2 (Терпиловский 1984, 69) и др.

В отличие от железодобычи и обработки металлов, находившихся в руках профессионалов, другие ремесла у позднезарубинецких и киевских племен носили главным образом домашний характер. Мастера при этом оставались в значительной степени связанными с сельскохозяйственным трудом. Несколько более высокий статус, очевидно, занимали специалисты–гончары, выделывавшие, в частности, высококачественную столовую посуду. Хотя ее производство в I–II вв. испытывает определенный спад по сравнению с зарубинецкой культурой (чернолощеные миски производятся все реже, качество лощения снижается), тщательность изготовления свидетельствует о производстве на заказ. В первую очередь это относится к крупным селищам типа Оболони, Почепа или Абидни, обитатели которых, очевидно, могли позволить себе содержать общинных мастеров, как это было принято на долговременных зарубинецких поселениях с устойчивыми внутренними связями. По мере возрастания подвижности потомков зарубинецких племен гончарство претерпевает некоторую архаизацию – возросшая хозяйственая самостоятельность больших семей вынуждала их обходиться собственной продукцией, лишь изредка дополняя ее привозной. В III–IV вв. столовые лощеные сосуды встречаются исключительно редко, в известной степени их вытесняет импортная гончарная керамика черняховской культуры.

Что касается тарной и кухонной керамики, то на протяжении первой половины I тыс. н.э. ее изготовление не претерпевает существенных изменений. Глиняная масса, приемы формовки и обжиг довольно однообразны, что указывает на четкие, отработанные навыки в изготовлении посуды. В состав керамической массы входил, как правило, шамот и значительно реже дресва. Применение шамота фиксируется в основном на лесостепных памятниках и на южной окраине Полесья, в то время как в Верхнем Поднепровье обычно использовалась дресва. Чаще применялись грубые формовочные массы с размером зерен шамота от 1–1,5 мм до 3–4 мм или даже крупнее. Концентрация шамота или дресвы в керамической массе была весьма значительной (Терпиловский 1984, 68–69).

Горшки, корчаги и миски выполнены налепным способом. При этом в ряде случаев заметны следы использования поворотного столика, что облегчало ручную лепку и обработку сосуда. При изготовлении столовой посуды вращающаяся подставка использо-

валась также для заглаживания поверхности (Пачкова 1974, 120; Бобринский 1978, 26–27, 33–34).

Создание сосуда обычно начиналось с изготовления из глиняных жгутов мелкой чашевидной заготовки (так называемый донно–емкостный начин) или днища в виде лепешки (донный начин). Затем производилась формовка стенок, которые наращивались путем кольцевого и спирального налепа жгутов или лент. В ряде случаев удалось определить, что при этом применялись жгуты диаметром 1,2–2,5 см или ленты шириной 4–6 см. По материалам поселений Почеп, Синьково, Абидня и др. в лесной зоне Поднепровья наблюдается сосуществование приемов архаичной технологии (с элементами так называемого лоскутного налепа) с более совершенными спиральными или кольцевыми налепами (Бобринский 1978, 160). По влажной поверхности готовое изделие сглаживалось пальцами или пучком травы. Наличие закраины на днище связано со сглаживанием нижней части сосуда сверху вниз, в результате чего часть глины перемещалась ко дну.

Обжиг груболепной посуды производился на открытом огне, а для получения черного лощения на столовой керамике она обжигалась без доступа воздуха (Пачкова 1974, 123–125). Большая часть керамики в изломе однотонная, что говорит о достаточно долговременном обжиге, обеспечивающем изделиям механическую, термическую стойкость и влагонепроницаемость.

В целом население Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. использовало при изготовлении глиняной посуды ряд технологических приемов, распространение которых в лесостепи и лесной полосе Восточной Европы связывается с зарубинецкой культурой. После середины I тыс. н.э. указанные особенности гончарной технологии отмечаются для таких культур как колочинская, пеньковская, пражская (Бобринский 1978, 163, 165).

Об обработке дерева можно судить по таким инструментам как разнообразные долота, перовидное сверло (Роище), ложкорез с изогнутым лезвием (Глеваха), а также обломки топоров (Картамышево 2, Тайманово). Для выполнения различных строгальных работ применялись двуручные скобели (Роище, Ульяновка). Целый скобель имеет лезвие с шириной захвата 8,4см, оканчивающееся двумя рукоятями (рис. 82:*6–9, 12*). Ряд операций мог выполняться с помощью ножей и шильев. С помощью таких орудий изготавливались детали сельскохозяйственных инструментов, лодки, постройки и др. Вероятно, бедный ассортимент глиняной посуды, состоящий преимущественно из горшков, косвенно говорит об определенном распространении емкостей из дерева, бересты, луба.

На прядение указывают главным образом многочисленные находки разнообразных пряслиц. Судя по крупным отверстиям большинства изделий, веретена были довольно массивными. Наличие в посевах конопли и льна у носителей позднезарубинецких и киевских древностей зафиксировано в археологических материалах. Для приготовления пряжи могла применяться также шерсть. Для пошива одежды использовались железные иголки, о чем свидетельствуют находки нескольких экземпляров с сохранившимися ушками (Почеп, Абидня, Глеваха).

Местное население выделывало ткани, пользуясь вертикальным ткацким станком. Прямыми указаниями на его применение являются находки глиняных грузил – оттяжек нитей основы, известных на ряде киевских поселений (Глеваха, Гочево 1, Роище и др.). В большинстве случаев они имели коническую или пирамидальную форму. На поселении Роище кроме того встречены грузики в виде цилиндра с отверстием, проходящим через его ось. Обжиг отдельных изделий был очень слабым, что не дает основания считать их грузилами для рыболовных сетей. Можно также допустить, что относительно широкое распространение аналогичных предметов на памятниках киевской культуры второго и третьего периодов отчасти объясняется воздействием черняховской культуры.

Носители позднезарубинецких и киевских памятников, как и ряд племен лесной зоны Восточной Европы, нередко использовали кость при изготовлении орудий домашних ремесел, прежде всего кожевенного. Большая часть их найдена на памятниках Подесенья. Наиболее часто встречаются тупики – своеобразные струги из ребер длиной около 20 см, которыми очищали шкуры от мездры и шерсти, а также проколки, кочедыки и крупные иглы для плетения сетей. Так называемые „коньки" из плюсневых или пястных лошадиных костей со срезанным и заполированным основанием использовались как утюжки для разминания кожи или разглаживания ткани, снятой с ткацкого станка (Роище, Александровка 1). В отличие от других костяных орудий „коньки", как и веретенообразные спицы (Роище, Родной Край 3), очевидно, получили распространение под влиянием черняховской культуры.

Уникальным является комплекс небольшой постройки поселения Александровка 1. В нижней части заполнения обнаружены обработанные куски оленьих и лосиных рогов, в том числе около 30 деталей гребней и свыше ста обрезков. При этом, однако, отсутствовали законченные детали – боковым пластинам не придана окончательная форма, зубцы не пропилены, отверстия под заклепки не просверлены. Этим данная костерезная мастерская отличается от черняховско–вельбарского поселения Великая Снитынка 2, где прослеживается весь цикл производства гребней (Магомедов 1992). Можно предположить, что на поселении Александровка 1 изготавливались лишь полуфабрикаты, а наиболее сложные операции, требующие высокой квалификации и специального инструмента, выполнялись на одном из расположенных неподалеку черняховских поселений левого берега Десны. Не исключено также, что весь цикл работ должен был выполняться в Александровке, но по

каким–то причинам был прерван. Тесные связи жителей данного селища с черняховскими племенами подтверждаются, в частности, тем, что из мастерской и связанного с ней жилища происходит соответственно 29% и 34% гончарной керамики.

Несмотря на господство натурального хозяйства, в жизни позднезарубинецких и киевских племен определенную роль играла меновая торговля. Традиционными были экономические связи с центрами античной периферии, фиксируемые преимущественно по находкам обломков амфор. Провинциально–римское происхождение имеют также фрагменты античной столовой керамики – мисок, кувшинов (Почеп, Абидня, Грини, Верхнестриженское 2 и др.), металлических (Абидня) и стеклянных сосудов (Тайманово, Букреевка 2, Каменево 2), две фибулы–броши (Абидня) и др. (рис. 83).

Римские монеты на памятниках первой половины I тыс. н.э. встречаются крайне редко (Абидня, Васильков, Новые Безрадичи, Глеваха), однако на киевской территории к северу от границы с черняховской культурой известно несколько десятков местонахождений римских монет, в том числе около десятка кладов денариев. Большая их часть найдена на правом берегу Десны и Сейма (Брайчевський 1959; Кропоткин 1961). Провинциально–римский импорт встречен главным образом в южной части ареала позднезарубинецких и киевских древностей, хотя отдельные вещи достигали глубин лесной зоны.

Киевско–черняховские связи были особенно интенсивными во второй половине III – начале V в. Наиболее многочисленной категорией импорта является посуда, изготовленная на гончарном круге. В отдельных комплексах поселений Глеваха, Тазово, Букреевка 2, Родной Край 3, Александровка I фрагменты гончарной (преимущественно столовой) керамики достигают 30–40%, что отчасти объясняется расположением этих памятников вблизи черняховских поселений Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья. Реже на памятниках киевской культуры встречаются привозные бронзовые фибулы и пряжки, трехслойные роговые гребни. Ряд железных орудий, о которых речь шла выше, также изготовлен черняховскими мастерами. Впечатляющим свидетельством размаха обменных связей служат жернова из вулканического туфа, наиболее часто встречающиеся на памятниках Подесенья. Очевидно, они поступали из Южного Побужья, где в IV в. функционировал крупный центр по производству ручных мельниц. Вероятно, именно через посредство черняховских племен к населению киевской культуры изредка поступали такие товары провинциально–римского происхождения как вино в амфорах, цветные металлы (в том числе серебряные монеты) для нужд ювелирного ремесла и другие.

Обменные контакты с другими регионами были значительно скромнее. В этой связи можно назвать несколько упоминавшихся вещей дьяковской (Почеп, Титова Речка) и вельбарской культур (Тайманово), а также отдельные прибалтийские фибулы (Тайманово, Каменево 2). Вещи сармато–аланского или гуннского происхождения (фрагмент зеркала, трехлопастные наконечники стрел, бронзовый колокольчик) встречены на поселениях Ульяновка, Гочево 1, Каменево 2, Тазово. Подобные фрагменты демонстрируют не столько наличие интенсивного товарообмена, сколько направление связей между носителями указанных культурных групп.

В обмен на провинциально-римские и черняховские товары варвары Поднепровья поставляли скорее всего традиционные меха, кожи, мед, воск и др., добыча которых в значительной степени обеспечивалась промыслами. Некоторое представление о соотношении животноводства и охоты можно получить путем анализа остатков диких и домашних млекопитающих. Так, на памятниках заключительной фазы киевской культуры Подесенья первые составляют 18,3% особей, но только 4,18% костей (Терпиловский 1984, 70). Очевидно, потребности общества не только в мясо–молочных продуктах, но и в коже, шерсти и кости для различных поделок удовлетворялись прежде всего за счет скотоводства. Главным объектом охотничьего промысла позднезарубинецкого и киевского населения являлись „мясные" виды (78% особей диких млекопитающих на указанных памятниках принадлежали лосю, благородному оленю, зубру, туру, косуле, кабану) (приложение 7). У племен соседних днепро–двинской и дьяковской культур в костных остатках заметно преобладают пушные звери (Шмидт 1992, 72–74; Дубынин 1974, 244–245).

Распространение рыболовства подтверждается находками костей сома, щуки и других рыб, а также железных крючков различных размеров (Почеп, Оболонь, Казаровичи, Букреевка 2, Тайманово) и фрагментов остроги (Оболонь). Кроме них, несомненно, применялись сети и невода, для плетения которых использовались крупные костяные иглы, кочедыки.

2. Общественные отношения

Основным источником для реконструкции общественных отношений носителей рассматриваемых этнокультурных групп является планировка поселений и структура заселенности территории. В последние годы большинство исследователей пришло к выводу, что для Юго-Восточной Европы I тыс. н.э. размеры и планировка отдельных селищ, очевидно, может свидетельствовать о характере общины (клана) или ее части в виде большой семьи (патронимии, линиджа), в то время как группы поселений отражают наличие первичных племен (Моця, Терпиловський 1987; Тимощук 1990; *Славяне Юго–Восточной Европы*, 1990, 421–432; Обломский, Терпиловский, Петраускас 1991, 17–18). Вместе с тем, полученные на основе анализа поселенческих структур выводы до сих пор остаются спорными.

Рассмотрим данные, позволяющие судить об особенностях застройки позднезарубинецких и киевских

поселений. При этом достоверность наблюдений над характером планировки во многих случаях невелика, так как широко раскопанных поселений сравнительно мало. В других случаях результаты раскопок освещены лишь в самом общем виде (Оболонь, Тайманово, Абидня), что затрудняет получение однозначных выводов.

Лишь немногие позднезарубинецкие памятники по размерам и планировочной структуре близки к городищам зарубинецкой культуры типа Пилипенковой Горы в Каневе (Максимов 1982, 37–41). Таковыми являются два наиболее крупных селища: Оболонь (Луг 4) в Киеве и Почеп на р. Судость. Первое раскопано практически полностью, в результате чего исследовано 54 не нарушенных поздними перекопами полуземлянки I–II вв. и около 900 хозяйственных ям этого же периода. Вероятно, еще 20–40 жилищ было разрушено промоинами в центральной и южной части поселения. Ряд построек образовывал сравнительно компактные группы (в том числе в виде неправильных кругов, как на Пилипенковой Горе). По мнению Е.В. Максимова, каждая группа состояла из четырех–пяти сооружений, расстояние между которыми составляло обычно 4–5 м (Максимов 1982, 91). Продолжительность существования поселения заставляет предположить наличие здесь нескольких строительных периодов.

На Почепском селище исследовано, очевидно, не более 20–25% площади. Здесь обнаружены остатки 13 полуземляночных жилищ, ряда хозяйственных построек и длинных домов, а также свыше 50 ям–погребов (Заверняев 1969). В целом полуземлянки расположены к востоку и западу от длинных домов, хотя резкой границы между ними нет.

В последующий период два крупных селища киевской культуры известны лишь на Верхнем Днепре в районе Могилева. На поселении Абидня исследовано около 20–25% площади, на которой находились 29 полуземлянок. Неподалеку располагался могильник, на котором раскопано 12 трупосожжений (Поболь 1970, 171–172). На поселении Тайманово исследовано около 50 построек киевской и колочинской культур, а к северу и западу от них расположен могильник, на котором обнаружено 202 трупосожжения (Поболь 1971; 1973; 1982, 40–42, 45–46).

Все остальные позднезарубинецкие и киевские поселения, подвергшиеся раскопкам или известные по достоверным разведочным данным, имеют значительно более скромные размеры. Приведем некоторые сведения о них, расположив их в хронологическом порядке.

На поселении Лютеж три позднезарубинецких полуземлянки занимали восточную часть поселения, причем расстояние между ними было около 50 м. Ямы и железоделательные горны образовывали еди-ный, хотя и довольно аморфный участок к западу от домов (Бидзиля, Пачкова 1969). Несмотря на специфический характер памятника, ориентированного на производство железа, его планировка в известной мере близка к ряду других позднезарубинецких и киевских селищ. Так, на поселении Картамышево 2 в верховьях Псла девять полуземлянок занимали восточную часть селища (расстояние между ними 6–8 м), а наземная постройка и открытый очаг располагались на западном склоне дюны более чем в 20 м от полуземлянок. Хозяйственные ямы преимущественно сосредоточены в центральной и северной части поселения. Следы столбовых ямок в северо–западной и юго–восточной частях, вероятно, указывают на размещение здесь наземных хозяйственных сооружений или загонов для скота. Таким образом, дома охватывали дугой восточный склон дюны, в то время как хозяйственные постройки и погреба занимали ее центральную часть, а загоны для скота располагались ниже по склону (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1991, 15, рис. 10). Несмотря на период функционирования продолжительностью около 50 лет, Картамышево 2, очевидно, имеет два строительных горизонта. К верхнему можно отнести, например, жилища 7 и 10, перерезающие ряд хозяйственных ям. Так как эти сооружения занимают крайние северо–восточное и юго–западное положения, то можно предположить рост поселения из центра к краям.

Еще меньшими размерами характеризуется одно из наиболее восточных позднезарубинецких поселений – Терновка 2 близ Белгорода. Здесь обнаружены два участка концентрации материалов, вытянутые вдоль склона холма. Культурный слой памятника делится на два стратиграфических горизонта. Верхний горизонт расположенной ниже по склону зоны концентрации включал слабо углубленную постройку, ниже располагались шесть ямпогребов и хозяйственное сооружение (Обломский 1990). Очевидно, данный комплекс представлял собой отдельную усадьбу.

Одно из наиболее ранних поселений киевской культуры – Гочево 1 в верховьях Псла было исследовано практически полностью. При осмотре его с воздуха прослежены два темных пятна, которым соответствовало расположение объектов двумя группами. В пределах юго–восточного участка обнаружено два полуземляночных жилища, рядом с которыми располагались выносной очаг, земляная печь и несколько хозяйственных ям. В юго–западной части также находились два жилища, а неподалеку – еще несколько очагов, земляных печей и хозяйственных ям (рис. 84). Судя по расположению нескольких десятков столбовых ям, эти две усадьбы разделялись загоном для скота размерами примерно 30 х 30 м (Тихомиров, Терпиловский 1990).

Примерно к тому же времени относится и поселение Попово–Лежачи 4, расположенное на краю дюнного всхолмления в пойме Сейма. В седловине находился жилой участок, где исследовано три полуземлянки. Не исключено, что еще одно–два жилища были разрушены промоиной. С севера к жилой зоне примыкало хозяйственное сооружение с ямой–погребом, а с юго–запада – два наземных дома. Здесь нахо-

дилось всего 10 хозяйственных ям, в то время как еще несколько десятков погребов располаглись в стороне (Обломский, Терпиловский 1998).

Поселение Шишино 5 занимало обширную дюну в пойме Северского Донца близ Белгорода и не имело сплошного культурного слоя. Памятник состоял из трех групп жилых и хозяйственных сооружений, а также небольшого могильника. В пределах одного из таких участков компактно располагались два жилища, четыре–пять хозяйственных сооружений и около 50 ям–погребов. Несколько параллельных рядов столбовых ямок, вероятно, являлись остатками загонов для скота. Постройки полумесяцем огибали восточный склон дюны. Другая группа располагалась в 35–40 м к западу от предыдущей. Из шести построек две являлись жилищами, между ними было разбросано около 20 ям–погребов (рис. 85:*3*). Еще одна полуземлянка и ряд хозяйственных ям были обнаружены в 80 м к северу от вышеуказанной группы (Обломский, 1991, с. 198–199).

Сходную планировку имело и другое поселение киевской культуры – Глеваха близ Киева, расположенное по обоим склонам обводненной балки. Поселение составляли, очевидно, три группы объектов, разбросанных на расстоянии 120–170 м одна от другой. Здесь исследовано четыре постройки, 45 ям–погребов, очаг и угольная яма. Судя по раскопанным участкам, каждая группа состояла из одного–двух жилищ и нескольких десятков ям–погребов (рис. 85:*1–2*). При этом обычно ямы и очаги находились ниже по склону, чем связанные с ними дома (Терпиловский 1988).

Более компактной была планировка поселения Букреевка 2 близ Курска. В центральной и юго–восточной частях поселения исследовано девять построек и около 50 хозяйственных ям. Среди построек четыре являлись полуземляночными жилищами, остальные представляли собой хозяйственные сооружения или углубленные части наземных домов. Очевидно, в центре размещалось несколько жилищ и ям, а основная группа погребов занимала два участка к северо–западу и юго–востоку от жилищ (рис. 85:*4*). К югу от них, судя по более или менее регулярным ямкам от столбов, находился загон для скота (Сымонович, 1990).

Центральная часть поселения Роище, находящегося к северу от Чернигова, исследована практически полностью. Здесь обнаружено пять жилищ, шесть хозяйственных построек и около 230 ям–погребов. Из них четыре жилища располагались неправильной дугой вдоль пологого склона. Три хозяйственных постройки находились поблизости от трех домов, занимая пространство выше по склону (рис. 86:*1*). Многочисленные ямы–погреба покрывали всю площадь раскопа (Терпиловский 1984, рис. 4).

Поселение Александровка 1, как и Роище, находится в бассейне р. Стрижень. Большая часть памятника (свыше 2 га) раскопана. Он располагался в верховьях обводненной балки, занимая полосу шириной 40–70 м на каждом из склонов при длине около 600 м. Здесь исследовано 17 жилищ, почти половину из которых составляли наземные постройки, 18 хозяйственных и производственных сооружений (в том числе остатки колодца) и свыше 700 ям–погребов киевской культуры. Большая часть жилищ образовывала две компактные группы на южном и северном склонах (соответственно из трех и семи построек). Кроме того один–два дома находились к западу от этих групп (рис. 87).

Хозяйственные ямы разбросаны по всей площади поселения. Четкой закономерности в их размещении (как и в расположении хозяйственных построек) не наблюдается, хотя в целом они тяготеют к окружающим жилища участкам (Терпиловський, Шекун 1996, 28–29, рис. 3, 46).

Можно предположить, что планировка других позднезарубинецких и киевских поселений, изученных менее широко, в той или иной степени близка к вышеописанным. Таким образом, следует отметить наличие крупных поселений, состоящих из нескольких десятков домов (Почеп, Оболонь, Абидня, Тайманово). Они продолжают традиции ряда зарубинецких центров типа Пилипенковой Горы, однако для первой пол. I тыс. н.э. становятся редкостью. Основную массу составляют небольшие селища с маломощным культурным слоем, свидетельствующим о непродолжительном функционировании памятника. Среди них выделяются следующие типы планировки: 1) жилища расположены более или менее компактной группой, а основная масса хозяйственных ям и других сооружений размещена обособленно (Попово–Лежачи 4, Букреевка 2, Боромля 2, Лавриков Лес); 2) жилища расположены менее скученно, а ямы и другие хозяйственные сооружения занимают пространство между ними и вокруг них (Лютеж, Картамышево 2, Гочево 1, Сушки 2, Роище); 3) отдельные усадьбы–дворохозяйства, включающие одно–два жилища и хозяйственные сооружения, разбросанные на удалении друг от друга (Шишино 5, Глеваха, Ульяновка).

В последнее время Я.В. Баран показал, что застройка славянских поселений, несмотря на кажущуюся хаотичность, подчинялась определенным принципам. На материалах полностью раскопанного поселения Рашков 1 на Среднем Днестре, где было исследовано 80 жилищ последней четверти I тыс. н.э., относящихся к четырем строительным периодам, выяснилось, что здесь действовали две основные планировочные закономерности. Первая из них (система диагональных привязок) состояла в том, что печной и потивоположный ему по диагонали угол должны были находится на одной линии с одним из углов более раннего жилища. Вторая закономерность заключалась в том, что несколько жилищ в отдельной локальной группе должны были касаться прямой линии одним из углов.

По мнению исследователя, первая закономерность фиксировала связь между родителями и детьми, то есть прямую линию родства. Очевидно, вторая систе-

ма могла отмечать боковую линию семейных связей между братьями, а также между дядьями и племянниками. Таким образом, обе они составляли вместе своеобразный способ фиксации генеалогии. При этом постоянное повторение дугообразных структур из трех–шести жилищ, обитатели которых были связаны линиями прямого и бокового родства, указывает на то, что такие группы представляли собой основную единицу общества этого периода, то есть большую семью. Поселение Рашков 1, очевидно, возникло вследствие расселения нескольких больших семей–линиджей, которые в результате взаимных браков со временем образовали единый клан (Баран 1997).

Описанная система линейных связей или ее отдельные элементы отмечены не только на большинстве широко исследованных славянских поселений второй половины I тыс. н.э., но и в более раннее время, начиная с зарубинецкой культуры (Баран 1997, 179). Все это говорит о том, что данные планировочные закономерности были общими для различных славянских (а также праславянских) группировок, хотя и достигли своего расцвета после середины I тыс. н.э. Наличие подобной системы можно отметить и на ряде позднезарубинецких и киевских поселений. В наиболее полном виде она существовала на крупном Почепском селище, где встречены и диагональные и дугообразные структуры, охватывающие, впрочем, только часть жилищ (рис. 88). В других случаях фиксируются лишь элементы линейной структуры (Картамышево 2, Боромля 2, Букреевка 2). Менее четкая форма котлована и не столь стабильное положение отопительного сооружения в большинстве позднезарубинецких и киевских жилищ по сравнению со славянскими постройками второй половины I тыс. н.э., очевидно, объясняет преобладание на рассматриваемых памятниках дугообразных структур, а не системы диагональных привязок. Наиболее четко такие дуги выделяются на поселении Картамышево 2, причем четыре прямые, с которыми соприкасаются по два–три жилища, расходятся веером из одной точки – северо–западного угла постройки 5 (рис. 89). Этот факт, возможно, может указывать на проживание здесь основателя селища – главы большой семьи. В то же время крайние юго–восточные постройки 9 и 10 связаны с одним из углов постройки 8, что подтверждает предположение о наиболее поздней датировке этих сооружений. Отметим также, что линейные структуры не отмечены на поселениях Терновка 2, Гочево 1, Шишино 5 и др.

Пример Почепа указывает на преобладание наиболее развитой системы линейных привязок на крупных селищах, образованных несколькими большими семьями, как и более поздний Рашков 1. В этих условиях необходимо было строго вести учет генеалогии для определения статуса каждой семьи в коническом клане, ее места при перераспределении избыточного продукта, в общественном производстве и т.д. Естественно, эти задачи стояли не столь остро в небольших кратковременных поселках, образованных, как правило, одной большой семьей. Именно такие поселения и преобладали среди позднезарубинецких и киевских памятников. Поэтому здесь фиксировались главным образом боковые родственные связи, определяющие прежде всего порядок участия членов семьи работоспособного возраста в общественном производстве. Однако размеры больших семей и степень самостоятельности составляющих их малых семей могли значительно варьировать, что достаточно типично для периода первобытной соседской общины. Миниатюрные поселения типа Терновки 2 или Гочево 1 состояли всего из одного–двух дворохозяйств–усадеб. Очевидно, учитывая размеры и кратковременность существования таких поселков, особой необходимости в строгой регламентации места строительства домов не возникало. Подобная ситуация, очевидно, имела место и на поселениях с далеко разбросанными отдельными усадьбами (Глеваха, Шишино 5, Ульяновка), связь обитателей которых могла заключаться прежде всего в совместной обработке земли, выпасе скота и других общественных работах, но не в постоянном тесном соприкосновении.

По всей видимости, группа (куст, гнездо) из нескольких поселений, каждое из которых принадлежало одной большой семье, образовывала такую же общественную единицу, как и крупное селище типа Почепа или Оболони, то есть первобытную соседскую общину или клан. При этом следует иметь в виду, что поселения в гнезде могут оказаться разновременными, что является следствием непрочной оседлости при экстенсивном характере земледелия (рис. 84:*1*; 86:2). Поэтому точные сведения о размерах групп одновременно существовавших поселений без проведения широкомасштабных раскопок гнезд получить трудно.

В свою очередь, конический клан лежит в основе более крупного явления, именуемого в современной литературе „чифдом" (вождество). Очевидно, именно ему (или племени, если иметь в виду не только социальные, но и этнические функции) должны соответствовать более крупные зоны концентрации памятников. Такие зоны, имеющие различные размеры, объединяют значительное число обособленных памятников или ряд гнезд, занимающих обычно участок речного бассейна. Между зонами концентрации можно выявить незаселенные земли протяженностью от нескольких десятков до 100 км.

Границы зон концентрации нередко меняются. Так, позднезарубинецкие памятники I–II вв. распространяются на территории, в несколько раз превышающей ареал зарубинецкой культуры. В это время исчезают зарубинецкие памятники Припятского Полесья, сильно меняется и структура заселенности. Позднезарубинецкие поселения занимают не только берега крупных рек, как раньше, но их притоков, а также ручьев. Зоны концентрации теряют свою четкость, видимо, в силу колонизационного движения сравнительно небольших групп населения. Предположительно такие сгустки можно выделить в верховьях

Псла, Северского Донца, Оскола, Десны и Судости, а также в районе Киева. Гнезда позднезарубинецких поселений выделяются редко.

В киевской культуре зоны концентрации очерчиваются вполне отчетливо, однако границы между ними зачастую размыты. В это время происходит внутренняя колонизация территории, ограниченной по внешним контурам позднезарубинецкими памятниками. Планомерные исследования А.М. Обломского на памятниках водораздела Днепра и Дона показали, что здесь имеются две сравнительно крупные зоны в верховьях Северского Донца и в районе Курска, а также еще тричетыре группы меньших размеров (Обломский 1991, 25–27). В ряде случаев выделяются гнезда киевских поселений.

Изменение структуры заселенности, вероятно, в определенной мере может свидетельствовать о сложной истории вождеств. Так, кризис зарубинецкой культуры мог привести к распаду крупных вождеств, археологическим выражением которых являлись средне- и верхнеднепровский, припятско–полесский и сейминский локальные варианты с долговременными городищами и крупными могильниками. Затем начинается новый цикл развития простых вождеств на позднезарубинецкой и киевской основе, охватывающий уже значительно больший ареал.

Таким образом, указанные типы планировки позднезарубинецких и киевских селищ, а также особенности заселения территории находят аналогии среди зарубинецкой и раннесредневековых славянских культур, что отражает существование сходных форм общественной организации. В первую очередь сходство касается планировочной структуры небольших поселений, оставленных одним большесемейным коллективом. Такие селища составляют большинство в пражской, пеньковской и колочинской культурах, хотя и отличаются между собой некоторыми деталями (*Славяне Юго–Восточной Европы* 1990, 422). Очевидно, тенденции в общественном развитии, возникшие в I–II вв., сохранились вплоть до периода формирования сложных вождеств последней четверти I тыс. н.э., зафиксированных в виде летописных племен.

Итак, рассмотрение различных сторон хозяйственной деятельности и общественной организации носителей позднезарубинецких памятников и киевской культуры показывает, что обе группы обладали единым специфическим культурно–хозяйственным комплексом.

Экономика базировалась на экстенсивном земледелии (пашенном в форме долгосрочного перелога и подсечном) и приселищном животноводстве мясо–молочного направления. Под пашню использовались преимущественно легкие почвы приречных участков. Близость этих сельскохозяйственных угодий к влажным речным долинам позволила свести к минимуму последствия колебаний климата. Выращивались преимущественно просо, пшеница и ячмень. К концу рассматриваемого периода наблюдается определенный прогресс в развитии земледелия, выразившийся в совершенствовании форм серпов, распространении новых типов сельскохозяйственных орудий (ручных мельниц и железных наральников), а также в повышении роли ржи.

В течение I–IV вв. совершенствуются также приемы кузнечного ремесла, являвшегося наиболее передовой отраслью производства наряду с металлургией железа. Чаще используется сталь, при изготовлении орудий (особенно ножей) иногда применяется сварка железа и стали, а также закалка поковок.

Несмотря на значительное различие уровней и направлений социально–экономического развития, киевские племена поддерживали достаточно активные контакты с населением черняховской культуры. Через него к северным соседям поступали, в частности, некоторые орудия провинциально–римских типов, выполненные с использованием более высокой технологии. Это позволило районам, поддерживающим тесные связи с черняховским ареалом, выйти к рубежу IV/V вв. на уровень, в целом не уступавший экономике славянских культур третьей четверти I тыс. н.э.

Ряд изменений размеров и особенностей планировки поселений, а также системы заселения территории, вероятно, говорит об определенных переменах в социальной организации позднезарубинецкого и киевского населения. Преобладают небольшие селища, оставленные одним большесемейным коллективом, планировочная структура которых близка к ряду славянских раннесредневековых поселений.

Приведенные выше данные свидетельствуют, что данный культурно–хозяйственный комплекс отличался, с одной стороны, от провинциально–римской модели высокоразвитой черняховской культуры, а с другой – от архаических структур лесной зоны. По каким-то показателям он близок к последним, но далеко не идентичен и вряд ли образует с ними культурно–хозяйственное единство, как считают петербургские авторы.

Более существенно то, что хозяйство и социальная структура позднезарубинецких и киевских племен по своим параметрам, включающим общий уровень ведущих отраслей, ряд специфических приемов и орудий, особенности планировки поселений и системы заселения территории, хорошо вписывается между соответствующими показателями зарубинецкой культуры и раннеславянских древностей V–VII вв. Это может указывать не только на единую линию социально–экономического развития данных общностей, но и на этническую близость их носителей. Среди синхронных культур наибольшее сходство позднезарубинецко–киевский культурно–хозяйственный комплекс обнаруживает с зубрецкой группой и возникающими на ее основе черняховскими памятниками верховьев Днестра и Западного Буга.

VI. Некоторые итоги комплексного исследования проблемы этногенеза славян

Results of the complex investigation of the ethnogenesis of the Slavs

В настоящее время общепризнано, что проблема происхождения славян должна решаться на основе комплексного подхода, то есть общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других гуманитарных дисциплин. Однако совместное решение этногенетических вопросов возможно лишь при том условии, что выводы каждой отрасли базируются на собственных материалах, а не навеяны данными смежных наук (Седов 1979, 17). Каждой из указанных наук свойственны специфические методы исследования, поэтому перед каждой из них могут быть поставлены определенные задачи. При этом нужно учитывать, что языковеды считают праславянскими этноязыковые общности, пользовавшиеся системой праславянской речи. В то же время археологи под праславянами понимают носителей археологических культур (этнокультурные группы) – предшественников населения, оставившего раннеславянские древности V–VII вв. Некоторые историки критерием славянства считают только самосознание, зафиксированное в письменных источниках начиная с VI в. Разговор же о праславянах на основе свидетельств более древних авторов, по их мнению, беспредметен (Иванов 1991). Ясно, что такие представления отражают различные аспекты этногенеза и не совпадают между собой.

Тем не менее, их корректное использование позволяет полнее представить общую картину. Как принято считать, „*комплекс, составленный общей культурой, самостоятельным языком и самосознанием оказывается... в подавляющем большинстве случаев специфичным для любого народа*" (Алексеев 1986, 33). Славянский культурно–бытовой набор реконструируется прежде всего на основании археологических данных, а также в какой–то степени с использованием этнографических и исторических материалов. Язык, которым пользовались древние славяне, восстанавливается лингвистикой на основании письменных памятников. Наконец, самосознание, которое относится к числу важнейших характеристик этноса, непосредственно связано с существованием самоназвания. Его история может быть прослежена на основе изучения свидетельств древних авторов, зафиксированных в письменных источниках.

Пользуясь ретроспективным методом, при изучении проблемы этногенеза славян с точки зрения археологии следует рассматривать прежде всего памятники, непосредственно предшествующие достоверно славянским древностям V–VII вв. В этом смысле вопрос о генезисе славянских культур и поисках их предшественников среди археологических культур первой половины I тыс. н.э. справедливо расценивается как первостепенный в изучении славянского этногенеза (Седов 1979, 43). Именно выделению таких памятников и были посвящены предыдущие пять глав настоящей работы. Теперь, очевидно, целесообразно проанализировать ряд письменных сообщений и лингвистических данных, которые можно было бы связать с этим временем и территорией Юго–Восточной Европы.

Общеизвестно, что свидетельства древних авторов о славянах крайне скудны и отрывочны. Однако, в отличие от данных других дисциплин, они обладают этнической, а также временной и пространственной определенностью. Необходимо отметить, что в последние годы наметился более строгий подход, переходящий местами в скептицизм, к оценке этих сведений, поколебавший ряд устоявшихся со времен П. Шафарика и Л. Нидерле представлений. Особенно четко это проявляется в комментариях некоторых историков к источникам, вошедшим в „*Свод древнейших письменных известий о славянах*" (том 1).

Как известно, историк готов Иордан (VI в.) утверждал, что венеты, „*произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и склавинов*" (Иордан, 119). Исходя из этого утверждения, многие слависты обычно привлекают в качестве основного источника по древней истории славян сведения, которые сообщают о неких венедах/венетах три автора I–II вв. – Плиний Старший, Тацит и Птолемей. Сведения эти нередко рассматривались суммарно, так как считалось, что все они относятся примерно к одному и тому же периоду. Однако внимательный анализ источников дает более сложную картину, на что обратил внимание Д.А. Мачинский (1976, 83–91). Из текста Иордана следует, что, говоря о „едином корне" венетов, антов и склавинов VI в., он имел в виду вовсе не венедов, упомянутых авторами I–II вв., а тех венетов, с которыми воевал в IV в. король готов Германарих. Именно это сообщение о венетах–славянах времен Германариха, восходящее к готской фольклорной традиции (Иордан, 28, 117–119), и является древнейшим, достаточно достоверным, письменно зафиксированным фактом славянской истории.

Что же касается венедов/венетов Плиния, Тацита и Птолемея, то, как известно, этот этноним встречается еще до рубежа н.э. для обозначения заведомо неславянских племен в Бретани и на северном побережье Адриатики. В качестве топонима корень „вент" или „венд" отмечается начиная с римского времени во многих местах Европы. Кроме того, сведения Плиния, Тацита и Птолемея о венедах/венетах

нельзя рассматривать как нечто единое. Кроме современных им сведений, Плиний и Птолемей широко использовали в своих описаниях данные античной географической традиции. Наименее заметно влияние этой традиции в труде Тацита, отражающем реальность I в. н.э. и дающем развернутую, внутренне последовательную и логичную этническую карту варварской Европы. Венеты при этом обрисованы как крупный этнос, занимающий лежащую вдали от морей область к востоку от лугиев, готов и эстиев, к северу от бастарнов и сарматов, к югу от феннов (Тацит. 46). Территория обитания этих венетов и их характеристика не исключают сопоставления этой группы с основным массивом древнего славянства. При этом существенно, что Тацит, описывая венетов, в отличие от других случаев не указывает к какому из „варварских" языков близка их речь. Этого бы не произошло, если бы венеты говорили на германском или иллирийском языке, но очень вероятно, если они были славяно-язычными, то есть говорили на языке, неизвестном римлянам.

Анализ сведений Тацита приводит Д.А. Мачинского к ряду важных выводов. Основные данные по этногеографии глубинных областей Восточной Европы (в том числе сведения о венетах) были получены римлянами между 50-ми гг. и 98 г. н.э., то есть относятся ко второй половине I в. н.э. Опираясь на общее расположение различных племен, можно очертить территорию венетов следующим образом: от среднего течения Западного Буга на западе, далее к востоку – по верховьям Южного Буга и несколько севернее Роси. Восточная граница венетского ареала по данным письменных источников не фиксируется. Характерно, что согласно сообщению Тацита, жизнь венетов была нестабильной. Они находятся в постоянном передвижении, выступая как воинственные завоеватели („ради грабежа рыщут"). Область, занимаемая венетами, находится в северной части зоны „обоюдного страха", отделяющей Германию Тацита от Сарматии. Венеты, с одной стороны, вероятно, подвергались набегам сарматов, с другой – сами выступали как активная воинственная сила. Тацит подходит к описанию венетов, двигаясь с запада на восток, поэтому сведения, очевидно, в основном относятся к западной части венетской территории: к Западной Волыни и Подолии. Создается впечатление, что эти области во второй половине I в. н.э. были еще не вполне освоены венетами. Их коренная территория, очевидно, лежит к северу или востоку от верховий Припяти и Днестра (Мачинский 1976, 87–91).

Анализ последующих письменных источников позволяет предположить, что зафиксированная Тацитом этническая карта в основных чертах оставалась неизменной до середины II в. и вплоть до этого времени венеты в основном обитали на той территории, где их отмечает Тацит в „Германии". В этой связи обратим внимание на этноним „ставаны", содержащийся в труде Клавдия Птолемея (60-е гг. II в.) и локализуемый между судинами Прибалтики и степняками–аланами (Птолемей, III, 9). Территория ставанов, входивших „в великий народ венетов", таким образом, размещалась где-то в Среднем Поднепровье (Łowmiański 1963, 175–179). По общему мнению, сообщение Птолемея восходит к описанию торгового пути, составленному купцами, торговавшими с Восточной Европой в I – начале II в. Ряд исследователей вслед за П. Шафариком склонны усматривать в имени ставанов искаженное самоназвание славян.

На карте, восходящей к оригиналу, созданному в римское время и, очевидно, отражаещему реальность III в. („Певтингеровы таблицы"), венеты в первый и единственный раз отмечены в Подунавье. Естественнее всего связать их появление здесь с движением на юго-запад каких-то групп венетов Тацита, так как во второй половине II в. наблюдается значительное движение северных варваров в направлении Подунавья. Очевидно, численность венедов Певтингеровой карты была незначительной, поскольку их участие в событиях II–IV вв. не отмечено.

Остановимся теперь на упомянутом выше древнейшем достоверном свидетельстве о славянах-венетах у Иордана. Описывая эпоху расцвета остроготского союза племен, историк рассказывает о войне Германариха с венетами – предками хорошо известных Иордану склавинов, венетов и антов VI в. Из текста (Иордан, 119) следует, что венеты жили в непосредственном соседстве с областью, где доминировали готы, хотя и не были им подчинены до войны с Германарихом; что они обитали между готами и эстами (эстиями Тацита?) – одним из балтских племен; что по характеру вооружения и типу военной организации они принадлежали к иной социо-культурной группе, чем германцы; что они были весьма многочисленны. Не вполне, правда, ясно когда происходила война, в которой венеты потерпели поражение – обычно ее датируют в диапазоне от рубежа III/IV вв. до 50–70-х гг. IV в. (Щукин 1980, 404; Мачинский 1976, 95). Территория, подчиненная остроготам, охватывала по данным ряда источников (Аммиан Марцеллин, Иордан и др.), степные области Северного Причерноморья и большую часть лесостепной зоны между Днепром и Днестром, а также, возможно, в Днепровском Левобережье. Где-то к северу и северо-востоку от этого ареала обитали балтские (колдас, голтаскифа?) и финно-угорские племена (меренс, морданс). Восточнее готов жили аланы, юго-восточнее, у Азовского моря – герулы. К западу от них, за Днестром, обитали везеготы, на Западной Волыни готы сталкивались с гепидами и другими германскими племенами Повисленья. Таким образом, единственным местом для обитания славян-венетов как самостоятельной и своеобразной этнической группы, остается Припятское Полесье с некоторыми примыкающими областями (Мачинский 1976, 96), или, на наш взгляд, вся южная часть лесной зоны Поднепровья вплоть до водораздела Днепра и Дона.

Другой эпизод сочинения Иордана, связанный с историей славян IV–V вв., касается войны потомка

Германариха – Винитария с антами (Иордан, 247–248). Напомним, что Иордану и другим авторам VI в. были достаточно хорошо известны современные славянские группировки, с которыми Византия постоянно враждовала. В частности, Иорданом даны вполне конкретные географические привязки, позволяющие их локализовать в период экспансии на Балканы. В соответствии с ними выходит, что анты жили между Днестром и Днепром; склавины – к востоку от Карпат, от Нижнего Дуная до Днестра, а на севере – до верховьев Вислы (Иордан, 34, 35). Местоположения венетов (в „узком" значении этого термина) Иордан не указывает. Отметим, что кроме Иордана, написавшего свой труд на основе сочинения своего предтественника Кассиодора, другие современники, в том числе Прокопий, впервые давший славянам развернутую характеристику (Прокопий Кесарийский, IV, 21–30), венетов не упоминают. Для локализации славянских группировок важно также сообщение Прокопия о движении с Дуная части герулов, разбитых в войне с лангобардами, через „поочередно все племена склавинов" и „обширную пустынную землю" в сторону варнов и данов (Прокопий Кесарийский, VI, 15). Событие это М. Парчевский относит к 512 г. и, сопоставляя эти сведения с ареалами склавинов по Иордану, приходит к выводу с запустении в начале VI в. земель, лежащих к западу от верховий Вислы (Parczewski 1998) (рис. 90).

Важно также отметить, что по мнению А.Н. Анфертьева, использованные Иорданом данные о расселении славянских племен были получены Кассиодором в течение первого десятилетия VI в. и, следовательно, отражают ситуацию рубежа V/VI вв. (*Свод древнейших письменных известий о славянах* 1991, 134–135).

Прокопий указывает несколько более широкие географические рамки обитания антов – от Нижнего Подунавья до Приазовья (Прокопий Кесарийский, VIII, 4). Трудно, однако, определить ареал антов, о которых идет речь в связи с событиями, имевшими место вскоре после нашествия гуннов в 375 г. Мало того, другие авторы, описывая этот период, антов не упоминают. На наш взгляд, не исключено, что Иордан перенес имя хорошо известных ему антов VI в. на реальность более раннего времени. Об этом, в частности, может свидетельствовать имя предводителя готов Винитария, которое может быть интерпретировано как „победитель венедов" (Трубачев 1991, 89). Таким образом, вполне вероятно, что Боз и 70 старейшин, распятых готами, принадлежали к тому единому народу венетов, которые в этот период или вскоре после описанных событий разделились на венетов, антов и склавинов. При этом территория обитания „антов Боза" остается достаточно неопределенной. Очевидно, она находилась где–то в пределах очерченных выше ареалов венетов IV в. и антов VI в.

Остановимся вкратце на вышеперечисленных этнонимах, используемых древними авторами для описания славян. Среди лингвистов распространено мнение, согласно которому название „венеды/венеты" при обозначении славян как этнического целого употреблялось лишь соседями–неславянами. Предполагается, что первоначально этот термин обозначал другой народ на северо–восточных германских рубежах – древних индоевропейских венедов и лишь вторично был перенесен германцами на славян, занявших частично их место (Иванов, Топоров 1980, 20–23; Трубачев 1991, 89).

Термин анты, напротив, служил для обозначения славян в языках ираноязычных этносов, располагавшихся к юго–востоку от Славии. Впервые он встречается у авторов I в. н.э. Помпония Мелы и Плиния в перечне народов, населяющих Кавказ. Очевидно, и это название было перенесенно позднее на соседнее славянское население. Таким образом, этнонимы венеды/венеты и анты вряд ли являются самоназваниями и скорее всего были даны различным общностям славян их соседями – германцами или балтами и скифо–сарматами.

Совершенно иначе обстоит дело с терминами типа „склавины", „стлавины", „склавы", которые в византийской традиции с начала VI в. служили для обозначения одной из крупнейших славянских групп. Как известно, для греческого и латинского языков сочетание „сл" было неудобопроизносимым, поэтому при передаче названий с корнем „слов-" или „слав-" обычно использовалась вставка „к" или „т". В этом случае, безусловно, имеет место передача самоназвания, близкого к современному „славяне". Именно упоминание Иорданом и Прокопием в одном ряду со склавинами антов и венетов не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о славянских племенах, этнографическое и языковое родство которых для соседей было очевидно.

Считается, что самоназвание „славяне" не было изначальным и на ранних этапах истории этнонима могло сопровождаться частичным изменением фонетики слова, фиксирующем перемены семантических мотивировок и ассоциаций. Наиболее раннее наименование славян могло быть связано с древнеиндоевропейским корнем suobh-, для которого реконструируется значение „свобода", „человек, принадлежащий своему народу" (оппозиция „свои" – „чужие"). „Своих" объединяло в первую очередь взаимопонимание речи, откуда идет более поздняя этимология имени – от „слыть, слову/слыву", в значении „быть понятным", то есть славяне – люди слова – своего языка (Иванов, Топоров 1980, 14–18; Трубачев 1991, 90). В целом сам принцип обозначения самоназвания от слова „свой" достаточно широко известен в разных традициях, в частности, в Центральной и Западной Европе. По другой версии „-л-" в этниконе славян было исконным корневым и форма типа „словены, слованы" была изначальной.

Значительное место в изучении славянского этногенеза принадлежит языкознанию, так как развитие языка неразрывно связано с историей народа – его носителя. Языковеды много сделали для реконструк-

ции праславянского языка, успешно решен вопрос об отношении славянского к другим индоевропейским языкам. В этой связи был предпринят ряд попыток локализации „славянской прародины" на основе интенсивности языковых контактов славян с другими индоевропейскими народами, распространения славянской топонимики и др. Вместе с тем, языковым данным очень часто не хватает пространственной, хронологической и конкретно–исторической определенности. Можно согласиться с В.В. Седовым (1994, 72), считающим, что насущной необходимостью современной науки является привлечение на помощь лингвистике данных археологии и других дисциплин, способных осветить неясные стороны славянского этногенеза.

В славянском языкознании существует множество различных, часто диаметрально противоположных концепций. Так как анализ обширнейшей лингвистической литературы не входит в наши задачи, остановимся лишь на некоторых из них.

Обычно языкознание рассматривает процессы, происходившие задолго и на других территориях, чем те, где застала славян письменная история. Так, О.Н. Трубачев (1991) реконструирует ряд географических перемещений носителей праславянского языка и их связи с различными индоевропейскими группами III тыс. до н.э. В этом случае, очевидно, весьма условно можно говорить о славянах, скорее речь должна идти об их отдаленных языковых предках.

Наиболее активные языковые контакты славян прослеживаются с балтами, в меньшей мере они фиксируются с германцами и иранцами, еще слабее с фракийцами и кельтами. Типологическая близость балтских и славянских языков исключительно велика. Такой степени сходства не наблюдается между другими языками индоевропейской семьи, что дает некоторое основание говорить о периоде балто–славянской общности. Однако понимают и трактуют эту общность лингвисты по–разному: как свидетельство существования балто–славянского праязыка; как независимое развитие близких балтских и славянских диалектов; как вторичное сближение балтского и славянского и др. Так, О.Н. Трубачев считает, что балто–славянское сближение началось только в раннем железном веке, то есть в последних веках до н.э. (Трубачев 1991, 29). В любом случае, рассматривая историю славян в первой половине I тыс. н.э., нельзя не учитывать существования в это время самых тесных контактов между славянами и балтами.

Напомним, что термин „балты" является чисто кабинетным и отражает довольно сложное, динамичное и трудноуловимое языковое состояние. Балтский язык – это древнейшее, дошедшее до нас в живой речи, состояние индоевропейских языков и предок конкретных языков современных литовцев и латышей (а также исчезнувших племен – ятвягов, пруссов, судавов и галиндов); и, как считает ряд языковедов, предок славянского языка, модель которого является результатом „*преобразования модели, установленной для древнейшего балтского состояния*" (Иванов, Топоров 1961, 303). В последнее время гипотеза, согласно которой общеславянский праязык сложился на основе периферийных балтских диалектов, получила широкое распространение (Топоров 1961, 218; Лер–Сплавинский 1964, 136; Хабургаев 1980, 45–51 и др.). При этом особого внимания заслуживают западнобалтские диалекты, принадлежавшие пруссам, ятвягам, голяди и совмещающие как восточнобалтские особенности, так и черты реконструированной праславянской языковой системы. „*Нет сомнения в том, что балто–славянская общность охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки*" (Бернштейн 1961, 34).

Подавляющее большинство специалистов считает, что праславянский язык принадлежит, несомненно, к числу относительно молодых. Так как славянские языки характеризуются значительным однообразием, то это дает возможность довольно точно представить облик праславянского языка в доисторическую эпоху, слабо дифференцированную в диалектном отношении. Очевидно, эта эпоха удалена очень недалеко от времени создания первых письменных источников – древнерусских летописей рубежа I/II тыс. н.э., поэтому конец праславянского или балто–славянского состояния должен быть отнесен к весьма позднему времени (Иванов, Топоров 1961, 307). Очевидно, праславянская языковая общность существовала еще около середины I тыс. н.э. („бессуфиксные" славянские этнонимы, известные в VII в., отражают ее существование накануне распада), а ее начало, то есть выделение из балто–славянской общности праславянского как самостоятельного индоевропейского языка следует искать в первой половине I тыс. н.э. (Лебедев 1982, 47).

По мнению других исследователей, этот процесс охватывал несколько больший период. Так, Ф.П. Филин (1962, 99–100) относит развитие праславянского языка к I тыс. до н.э. – VII в. н.э., причем средний этап датируется от конца I тыс. до н.э. до III–V вв. н.э. В этот период происходят серьезные изменения в фонетике (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменение в сочетании согласных, отпадение гласных в конце слова). Одновременно развивается диалектная дифференциация славянского языка, что приводит к возникновению на позднем этапе, в V–VII вв., условий для зарождения отдельных языковых групп.

Поиски прародины славян тесно связаны с исследованиями восточноевропейской гидронимии. Усилиями нескольких поколений лингвистов (К. Буга, М. Фасмер, Х. Крае, В.П. Шмид, В.И. Абаев, В.П. Петров, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев и др.) создана карта гео-графических названий Восточной Европы различных этноязыковых групп и периодов. Особенное значение имеет анализ взаиморасположения древнеевропейских, балтских и архаичных славянских гидронимов. Балтские и славянские названия входят в древнеевропейский гидронимический ареал, образуя

там единое пространство с широкой переходной зоной.

В пределах южной части лесной и лесостепной зон Восточной Европы массовый характер носит именно балтская и славянская гидронимия. Названия иранского, фракийского, иллирийского, германского происхождения здесь единичны. Согласно этим данным приблизительно очерчивается территория, где, возможно, происходило становление балтской и славянской этноязыковых общностей. Она занимала обширную область между Балтийским морем, Вислой, Росью, Сеймом, Окой и Западной Двиной. Архаические славянские речные названия занимают здесь окраинное юго–восточное положение (Schmid 1984, 4; Зализняк 1987, 152–158). Основная зона архаичной славянской гидронимии находится на Верхнем Днестре, в поречье правых притоков Припяти, Тетерева, а также по обоим берегам Днепра в его среднем течении (Трубачев 1968). Интерпретация полученной картины требует, однако, определенной осторожности. Архаические славянские гидронимы распространяются компактными группами вплоть до Центральной Европы и Балкан, а поэтому, скорее всего, отвечают эпохе широкого расселения славян в VI–VII вв., а не их ареалу накануне этих событий. Предполагется, что место первоначального обитания должно давать не кучность однородных названий, а несколько смазанную ситуацию (Седов 1979, 27–28; Трубачев 1991, 16, 101). Поэтому, например, попытка локализации славянской прародины в небольшом районе Прикарпатья по одной из зон концентрации архаических речных названий, предпринятая Ю. Удольфом, встретила резкую критику (Godłowski 1985, 145–146; Трубачев 1991, 15–16). С другой стороны, гидронимические ареалы, очевидно, включают разновременные названия и лишь отчасти соответствуют реальной ситуации. В частности, предполагется, что пласт гидронимии Верхнего Поднепровья, выделенный О.Н. Трубачевым и В.Н. Топоровым, может отражать не чисто балтское, а балто–славянское состояние до окончательного разрыва между языковыми группами (Birnbaum 1973, 57). Таким образом, исключать верхнеднепровский регион (во всяком случае, его южную часть) из славянской прародины по лингвистическим соображениям нет достаточных оснований.

Обратим внимание на некоторые выводы лингвистической географии. В праславянской лексике особенно широко были распространены разнообразные названия животных, птиц, деревьев и растений умеренной зоны. В то же время общеславянские наименования специфических черт гор, степей и моря отсутствуют. Поэтому утверждают, что прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой этнической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами (Филин 1962, 122–124).

Иногда считают, что общеславянский язык мог существовать где–то между зонами распространения бука, лиственницы и пихты, поскольку сообственых названий для этих деревьев славяне не придумали, то есть в южной части области, лежащей к востоку от линии Калининград–Одесса (Филин 1962, 22).

Таким образом, среди ряда лингвистов распространено мнение, согласно которому становление общеславянского языка происходило в восточной части далекой от гор и морей области, богатой лесами, болотами и озерами, незадолго до появления древнерусских летописей и на основе балтских диалектов.

Очевидно, при рассмотрении проблемы славянского этногенеза, многого можно было бы ожидать и от таких наук как антропология, этнография и фольклористика, однако их возможности наталкиваются на ряд объективных трудностей. Как известно, у славян вплоть до IX–X вв. господствовал обряд кремации умерших, что лишает нас полноценных антропологических данных. Фольклорно–этнографический подход также ограничен сложностью выделения первоначального пласта явлений славянской духовной и материальной культуры из источников, зафиксированных лишь в последние столетия.

В этой связи попытаемся изложить свое видение хода культурно-исторических процессов, происходивших в первой половине I тыс. н.э. в Поднепровье и прилегающих областях, опираясь на вышеприведенные археологические, исторические и лингвистические данные.

В середине – третьей четверти I в. н.э. происходит распад зарубинецкой культуры, вызванный, по всей видимости, комплексом различных причин. Главную роль в этом процессе сыграли вторжения сарматов в Среднее Поднепровье (Щукин 1972; 1987, 107–109) и эколого–демографический кризис. Возникшие в результате кризиса позднезарубинецкие памятники второй половины I–II вв. не были прямым продолжением зарубинецкой культуры, а являлись новой культурно–исторической общностью. Ареал позднезарубинецких памятников расширяется в несколько раз по сравнению с зарубинецкой культурой за счет миграций населения, причем заселяются и ранее неосвоенные районы – Южное Побужье, Подесенье, Днепровское лесостепное Левобережье. Прослеживается тенденция распространения небольших селищ – дворохозяйств одной–двух патриархальных семей, занимающих края первой надпойменной террасы или всхолмления в пойме. Непродолжительный период их существования также указывает на перемены в хозяйственной организации по сравнению с рубежом н.э. Вероятно, подсека на участках коренного берега, использовавшаяся обитателями городищ зарубинецкой культуры, в какойто мере сменяется освоением легких почв речных долин. Истощение подходящих почв в округе поселков за счет экстенсивных форм земледелия вызывало периодические миграции населения. В своих основных чертах эта система хозяйства сохраняется у славян до VII–VIII вв.

Освоение новых территорий потомками зарубинецкого населения приводит к контактам с разли-

чными местными племенами, в результате чего различные позднезарубинецкие группы формируются на смешанной основе. Так, памятники типа Почеп в Подесенье складываются с участием среднеднепровского зарубинецкого и позднеюхновского компонентов. На востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца формируются позднезарубинецкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2, однако в сложении западной группы кроме племен, переселившихся из Среднего Поднепровья, участвует также пшеворское население, а сложение восточной произошло не без воздействия соседей–сарматов. Наиболее плавно шло развитие в Среднем Поднепровье, где памятники типа Лютеж являются продолжением местных зарубинецких древностей. К середине I в. н.э. перестают функционировать зарубинецкие могильники и большинство среднеднепровских городищ. Основная масса оставшегося в Киевском Поднепровье населения переселяется на селища типа возникших несколько ранее Лютежа и Оболони, расположенные преимущественно на дюнах в пойме. Не исключено, что подобные процессы протекали и в Верхнем Поднепровье, где фиксируются две местные зарубинецкие группы – юго–западная (памятники типа Горошков–Чаплин) и северо–восточная (памятники типа Кистени–Чечерск).

Позднезарубинецкие памятники обнаруживают значительное структурное сходство с зубрецкой (волыно–подольской) культурной группой, распространенной на Западной Волыни и в Верхнем Поднестровье. Очевидно, их близость объясняется тем, что основными этнокультурными компонентами обеих групп являлись зарубинецкий и пшеворский, хотя, естественно, доля пшеворских элементов в Западной Украине была значительно выше. Кроме того, позднезарубинецкие памятники складывались преимущественно на среднеднепровской зарубинецкой основе, а зубрецкие – на припятско–полесской. В целом же наблюдается определенная унификация основных компонентов культуры (керамики, домостроительства и др.), что очевидно, может указывать на начальные процессы формирования в лесостепи и на юге лесной зоны единой культурной области, простиравшейся от Сана на западе до Оскола на востоке и от Орели на юге до Судости на севере.

Ситуация несколько меняется во второй половине II в., когда на Волынь проникает население вельбарской культуры, следствием чего является прекращение жизнедеятельности основных зубрецких селищ. Часть местных племен переселяется в Поднестровье, где зубрецкая группа продолжает существовать. Таким образом, миграция носителей вельбарской культуры „разрывает" складывающуюся позднезарубинецко–пшеворскую общность и дальнейшее развитие ее западной и восточной частей протекает практически независимо. В это же время происходит заключительный этап передвижений позднезарубинецких племен – переселение на юг и юго–восток части потомков верхнеднепровского зарубинецкого населения, оставивших памятники типа Грини в Среднем Поднепровье, Нижнем Подесенье и на востоке Левобережья (рис. 26).

Показательно, что миграции потомков зарубинецких племен в середине–конце I в. н.э., кроме других территорий, охватывают Волынь, Верхнее Поднестровье и верховья Южного Буга, то есть именно ту зону, где Д.А. Мачинский помещает венетов Тацита. Они происходят в узкий период времени и сопровождаются активными контактами с населением пшеворской культуры, которых обычно отождествляют с лугиями, одним из наиболее восточных народов тацитовой Германии. Следовательно, в сообщении Тацита о венетах, а также в событиях периода распада зарубинецкой культуры и формирования позднезарубинецкой и зубрецкой культурных групп, наблюдаются минимум три аналогии:

1. Совпадает территория западной части позднезарубинецкой и зарубинецко–пшеворской (зубрецкой) групп с юго–западной частью зоны обитания венетов, на которой они, по мнению Д.А. Мачинского, были „реально" известны Тациту.

2. Венеты во времена Тацита находятся в состоянии передвижения. Они „избороздили все леса и горы" между феннами и бастарнами и многое от последних переняли. В это же время происходят миграции зарубинецких племен, сопровождающиеся появлением позднезарубинецких памятников с участием местного субстрата.

3. Совпадают даты наиболее вероятного получения Тацитом сведений о венетах (вторая половина I в. н.э.), период распада зарубинецкой культуры и начала передвижения зарубинецких племен.

Поскольку сообщение Тацита о венетах соответствует (территориально, хронологически и по сути описанных событий) миграциям позднезарубинецкого населения, то имеются все основания считать, что позднезарубинецкие памятники оставлены венетами (Обломский, Терпиловский 1991, 104–108). Этому не противоречит соотнесение с венетами носителей другой культурной группы – зубрецкой (Козак 1992, 137–140).

По образному выражению М.Б. Щукина (1987, 110), Плиний и Тацит, впервые упомянувшие восточноевропейских венедов/венетов, описали как раз состояние „брожения венедского котла". Венеты – носители позднезарубинецкой и зубрецкой культурных групп, поддерживали активные контакты (очевидно, далеко не всегда мирного характера) с соседними народами. На западе и северо–западе они граничили с германцами – лугиями и готами (племенами пшеворской и вельбарской культур), на юге и юго–востоке – с аланами, на севере и северо–востоке – с балтами и, возможно, „народами между балтами и славянами". Очевидно, все они в какой–то степени участвовали в сложении позднезарубинецких памятников. В свою очередь, позднезарубинецкие элементы проникали далеко за пределы основного ареала, особенно в балтскую среду.

Не исключено, что под ставанами, упоминаемыми Птолемеем в 60-х гг. II в., следует понимать наиболее позднюю позднезарубинецкую группу – памятники типа Грини. Их носители расселяются из Верхнего Поднепровья в различных направлениях, проникая, в частности, на территорию, заселенную среднеднепровскими, деснинскими и лесостепными левобережными позднезарубинецкими племенами. Если последние составляли „великий народ венетов", то, согласно сообщению Птолемея, ставаны размещались непосредственно в их ареале.

Этнокультурная ситуация в Поднепровье меняется на рубеже II/III вв.: разнородные позднезарубинецкие памятники сменяются генетически связанной с ними киевской культурой, характеризующейся гораздо большей монолитностью. Тем не менее, своеобразие отдельных элементов позволяет разделить ее на ряд локальных вариантов, границы и основные черты которых совпадают с типами позднезарубинецких памятников: средне- и верхнеднепровский, деснинский и восточнолевобережный. Ни одна из локальных групп киевской культуры не возникла в результате эволюционного развития местных древностей. В каждом случае формирование нового явления происходит в ходе смешения традиций двух позднезарубинецких групп; в Среднем Поднепровье – памятников типа Лютеж и типа Грини, на востоке Днепровского Левобережья родственных западных (типа Картамышево 2) и восточных (типа Терновка 2) памятников. Подесенье, очевидно, было сначала покинуто носителями памятников типа Почеп, переселившимися в северо–восточном направлении. На рубеже II/III вв. на Десну проникают с юго–востока потомки племен, оставивших памятники типа Картамышево 2, а с севера – верхнеднепровско–посожское население. Верхнеднепровский вариант киевской культуры в свою очередь складывается в ходе синтеза традиций древностей типа Чаплин и типа Грини. За отмеченными процессами можно видеть как движение отдельных этнокультурных групп в пределах освоенного еще на рубеже I/II вв. ареала, так и синтез традиций родственных племен.

Возникшая в результате новая общность сохранила лишь немногие черты зарубинецкой культуры и является специфическим культурно–хронологическим комплексом, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории.

С севера к ареалу киевской культуры примыкают культура штрихованной керамики (Центральная и Западная Белоруссия, Восточная Литва), днепродвинская (междуречье Днепра и Западной Двины, верховья Сожа и Десны) и мощинская (верховья Оки и ее притоков). В мощинской и днепро–двинской культурах заметны определенные позднезарубинецкие черты, возникшие, видимо, под почепским влиянием, хотя весь их комплекс характеризуется своеобразием. Между этими архаичными „лесными" группами, оставленными балтскими племенами, и киевской культурой существует обширная контактная зона в виде памятников типа Заозерье. Последние складываются на основе традиций продвинувшихся на север из Белорусского Поднепровья носителей памятников типа Абидня.

Гораздо больше данных для реконструкции культурно–исторических процессов имеется для южного пограничья киевской культуры. С киевскими памятниками с середины III в. до начала V в., на юге граничила черняховская культура. Киевские и черняховские селища, как правило, занимают различные ландшафты, что свидетельствует об определенных различиях в характере земледелия. Киевские поселения типологически подобны позднезарубинецким, многие из них попрежнему тяготеют к невысоким участкам речных долин, в то время как черняховские поселения нередко достигают крупных размеров и обычно занимают черноземы по балкам коренного берега или на краю второй надпойменной террасы. Тем не менее, киевские племена постепенно начинают использовать новые типы сельскохозяйственных орудий (ручные мельницы и железные наральники), очевидно, заимствуя опыт соседей.

В результате появления черняховских памятников на Среднем Днепре и в Левобережье, вплоть до Северского Донца, происходит образование маргинальной зоны на водоразделе Днепра и Дона. В последнем случае черняховское население расселяется чересполосно с киевским, что приводит к взаимопроникновению элементов обеих культур. В Среднем Поднепровье граница между киевской и черняховской культурами прослеживается более отчетливо, проходя в районе Стугны.

Некоторая часть киевского населения включается в состав черняховских общин, о чем свидетельствуют находки характерной керамики на ряде поселений Среднего Поднепровья (Абашина, Обломский, Терпиловский 1999). Особенно выразительны материалы поселения Журавка. На ранних этапах его существования, около середины – второй половины III в., отчетливо выделяются постройки различной конструкции с киевской и вельбарской посудой. Впоследствии количество лепной керамики сходит на нет, что, вероятно, отражает процесс стабилизации черняховского общества, интегрировавшего ряд этнокультурных групп. Цепочка черняховских поселений с раннеславянской традицией тянется от памятников типа Черепин в верховьях Днестра и Западного Буга через Среднее Поднепровье (Журавка, Жуковцы, Новолиповское и др.) и Левобережье (Великий Бобрик, Песчаное) до водораздела Днепра и Дона, что, впрочем, не дает оснований предполагать массовую миграцию на восток, а объясняется скорее перемещением небольших групп населения (Обломский, 1998). Отдельные памятники типа Каширка–Седелки, сочетающие киевскую лепную керамику с черняховским домостроительством, во второй половине III в. достигают даже Верхнего Дона (рис. 91).

В начале IV в. отдельные группы носителей черняховской культуры с выразительной вельбарской традицией незначительно продвигаются на север, вытесняя население киевской культуры с таких поселений как Глеваха (Терпиловский 1988).

Указанная ситуация наиболее точно соответствует, на наш взгляд, описанным Иорданом войнам готов Германариха с венетами. Здесь также имеет место ряд совпадений археологических и исторических реалий:

1. В настоящее время точка зрения, согласно которой носителей вельбарской культуры связывают с готами или точнее с готским союзом племен, является общепризнанной. Вероятно, черняховские памятники с вельбарской традицией также принадлежали готам, воспринявшим ряд достижений провинциально–римской культуры (Баран, Гороховский, Магомедов 1990, 65–66). Племена киевской культуры вполне могут соответствовать славянам–венетам, поскольку являются прямыми потомками „позднезарубинецких" венетов Тацита и предшественниками славянских группировок VI в. Иордана и Прокопия.

2. Период активных контактов между черняховско–вельбарскими и киевскими племенами в Среднем Поднепровье охватывает начало IV в. Это время в целом не противоречит периоду военных столкновений венетов с готами. Действительно, победа над венетами была одержана в начальный период правления Германариха, умершего, согласно Иордану, около 375 г. 110 лет от роду, то есть в конце III – начале IV в.

3. К концу этого времени черняховско–вельбарское население практически вытесняет из лесостепи киевские племена, что подтверждается тем, что на ряде селищ киевский горизонт перекрыт черняховскими слоями (Обухов 1 и 3, Глеваха, Боромля 2, Гочево 3 и 4). Очевидно, это продвижение сопровождалось военными столкновениями.

Вероятно, в результате описанных событий некоторая часть венетского населения в южной части Среднего Поднепровья и особенно на востоке Левобережья попала в политическую и экономическую зависимость от державы Германариха, следствием чего явилась культурная и этническая ассимиляция этих венетских групп. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что памятники киевской культуры развитого IV в. известны в Днепровском Левобережье исключительно за пределами черняховской территории, к северу и востоку от нее. Вместе с тем, само наличие довольно четкой границы между киевской и черняховской куьтурами в этот период, относительная немногочисленность черняховских импортов в лесной зоне, вероятно, указывают на преувеличение Иорданом значения поражения венетов. Поступление черняховских импортов и ряд технологических новаций лишь в незначительной мере изменили традиционный уклад жизни в лесной зоне. Скорее всего, „северные народы" были лишь номинально зависимы от готского племенного союза.

Очевидно, одновременно часть среднеднепровских киевских племен переселяется в Черниговское Подесенье. На это может указывать рост числа деснинских памятников начиная с середины IV в., некоторое изменение характера местной керамики и домостроительства (на поселении Александровка 1 исследован ряд построек с печами–каминами, аналогичных жилищам Журавки (Терпиловський, Шекун 1996).

В целом на памятниках заключительной стадии киевской культуры число черняховских вещей невелико, однако они встречаются повсеместно, достигая даже отдаленных областей Верхнего Поднепровья. Особенно активные контакты киевского и черняховского населения наблюдаются на поселении Хлопков в Киевском Поднепровье и ряде селищ Черниговского Подесенья (Роище, Верхнестриженское 2, Александровка 1 и др.), относящихся ко второй половине IV – началу V в. В первом случае, очевидно, речь может идти о „варваризации" черняховских племен, оказавшихся на границе между этими двумя общностями. Во втором случае, напротив, фиксируется активное поступление импортов или даже инфильтрация небольших черняховских групп в киевскую среду. Выразительными примерами такого „симбиоза" могут быть попытка наладить производство гребней на поселении Александровка 1 под Черниговом и несколько черняховских погребений второй половины IV – начала V в. на Старокиевской горе в Киеве (Каргер 1958, 83–86). Вообще, в это время происходит значительное усиление местных племен – следы деснинского влияния заметны на севере, в Среднем Поднепровье (Вишенки) и Посеймье (Каменево 2).

Учитывая, что лепная керамика памятников типа Хлопков и Роище характеризуется рядом „протопеньковских" черт, можно с определенной долей вероятности связать описанную археологическую ситуацию с войной „антов Боза" и готов Винитария:

1. Известные события имели место вскоре после нашествия гуннов в 375 г., что совпадает с началом финальной стадии киевской и черняховской культур.

2. Конфликт скорее всего происходил где–то в пограничье готского и венето–антского ареалов. Указанные группы памятников находятся в зоне активных контактов киевской и черняховской культур.

3. Анты, описанные Иорданом и Прокопием в VI в., в научной традиции последних десятилетий связываются с носителями пеньковской культуры (Седов 1979, 124–125; Горюнов 1981, 84–85; Приходнюк 1985, 29–31). Так как ее непосредственными предшественниками являются памятники типа Хлопков и Роище, то не исключено, что именно к оставившим их племенам какими–то скифо–сарматскими группировками в составе „империи" Германариха впервые был применен этноним „анты". Впрочем, возможно, что термин этот был ретроспективно перенесен Иорданом на предков антов VI в., известных на рубеже IV/V вв. под прежним именем венетов.

В первой половине V в. наблюдается угасание черняховской культуры, вызванное господством

гуннов, крахом провинциально–римской системы связей, эколого–демографическим кризисом (Шишкін 1996, 21–22). Везеготы, позднее остроготы и ряд других племен уходит на запад, в пределы Империи. Последние проявления черняховской культуры относятся к середине V в. Вместе с ее распадом происходят изменения и в среде северных племен, в основном сохранивших прежнюю социально–экономическую структуру. Киевская культура также прекращает свое существование, однако в отличие от черняховской не исчезает бесследно. На ее основе формируются раннесредневековые колочинская и пеньковская культуры, что дает основание рассматривать киевскую культуру как ядро сложения славянских древностей (рис. 92). Колочинская культура демонстрирует относительно плавное развитие позднезарубинецко–киевских традиций лесной зоны. Пеньковская культура, очевидно, возникает на основе южных киевских памятников, находившихся в постоянном контакте с различными черняховскими группами. Гуннское нашествие разбило южную стенку „венедского котла", а передел мира после Недао (454 г.) разрушил его полностью. Содержимое выплеснулось на освободившиеся пространства (Щукин 1997, 143).

Тенденция к переселению славянских племен в лесостепь после исчезновения черняхова заметна в расположении некоторых памятников гуннского времени – такие селища как Мотовиловская Слободка 4, Сенча, Курган–Азак расположены южнее коренной киевской территории. Очевидно, в формировании пеньковской культуры кроме северных групп – потомков носителей киевской культуры Киевского Поднепровья и Черниговского Подесенья приняли участие также остатки черняховского населения, в число которых входила и часть лесостепных славянских племен, ранее воспринявших черняховскую культуру. В V в. фиксируется и своеобразный анклав с участием славянского населения на Верхнем Дону (Замятино, ряд комплексов из III Чертовицкого городища и др.), сложившийся, возможно, на основе местного киевско–черняховского субстрата и северных (мощинских, дьяковских) племен.

Наиболее известная раннесредневековая культура – пражская, складывается, вероятно, на основе родственных киевским памятников, находящихся в бассейнах Припяти и Тетерева. Их пока известно крайне мало (Остров и др. в районе Пинска) и предстоит сделать еще очень многое для их поисков. Лучше известны „протопражские" памятники более западных регионов – на Верхнем и Среднем Днестре и в верховьях Прута. Однако, архаичность облика раннесредневековых славянских древностей, их ярко выраженный „лесной" характер указывают, на наш взгляд, что центр их формирования находился в удалении от черняховской периферии.

Таким образом, зона формирования славянских памятников V в. охватывает преимущественно традиционную раннеславянскую территорию – пограничье лесной и лесостепной полос от верховьев Днестра и Западного Буга до верховьев Сейма, Псла и Северского Донца. Вскоре после этого памятники пеньковской и частично пражской культур располагаются уже в глубине лесостепи, занимая большую часть прежнего черняховского ареала. Очевидно, развитие славянской общности происходило весьма динамично – уже к началу VI в. византийские авторы отмечают появление склавинов и антов на левом берегу Дуная. Расселение славянских племен в северном и западном направлениях практически не фиксируется по письменным источникам, зато о нем красноречиво говорят археологические данные. Вряд ли можно согласиться с М. Парчевским, считающим, что население колочинской культуры, в отличие от пражских и пеньковских племен, осталось на своей коренной территории (Parczewski 1998, 42). Напротив, в наиболее изученном регионе, Черниговском Подесенье, отмечается многократное уменьшение числа колочинских памятников по сравнению с киевскими, причем размеры их, как правило, значительно меньше. Очевидно, излишек населения переселяется на новые земли. Исчезают культура штрихованной керамики и днепро–двинская культура, а возникшие на их месте памятники типа верхних слоев Банцеровщины и Тушемли содержат выразительные южные (киевско–колочинские) элементы. Судя по всему, основной тенденцией на территории Верхнего Поднепровья во второй и третьей четвертях I тыс. н.э. были начальные процессы славянизации балтов или „народов между балтами и славянами" (Терпиловський 1994, 74–75).

В движении на запад участвовало в основном население пражской культуры. Еще раньше, в IV–V вв., возможно, имело место проникновение небольших славянских групп на территорию Словакии (памятники прешовского типа) и на юго–восток Паннонии. С некоторым участием местного населения в VI в. на территории Румынии складывается ипотешти–кындештская, а на территории Польши – дзедзицкая культура. Однако их ядром послужили в первом случае пражско–пеньковские, а во втором – пражские памятники (Седов 1995, 40–67, 95–108). Таким образом, экспансия носителей пражской и пеньковской культур была направлена на запад и юго–запад, в Среднюю Европу и Подунавье, а колочинских племен – на север (рис. 93).

Существуют различные точки зрения относительно того, какие археологические общности соответствуют склавинам, антам и венетам Иордана и Прокопия. Практически нет расхождений в том, что две первые группы совпадали с носителями пражской и пеньковской культур (*Славяне Юго–Восточной Европы* 1990, 358–360 и др.). Именно эти народы представляли наиболее реальную опасность для византийских владений на Среднем и Нижнем Дунае в середине VI в. Ареалы пражской и пеньковской культур вполне совпадают с районами обитания склавинов и антов, что наиболее отчетливо показал М. Парчевский (1998). Венетами (в „узком" понимании), терри-

тория которых Иорданом не указана, считают население дзедзицкой (Баран 1998, 74) или колочинской культур (Щукин 1987, 115). Последняя точка зрения представляется более аргументированной, поскольку, как отмечалось выше, данная информация относится к рубежу V/VI вв. К западу от верховий Вислы, где позднее расположились дзедзицкие памятники, герулы, двигаясь от Подунавья вокруг восточных склонов Карпат, согласно Прокопию, пересекли пустынные земли. Анализ археологических данных показывает, что дзедзицкая культура формируется лишь в VI в., не ранее его середины (Parczewski 1998, 33–35, 42).

Колочинская же культура возникает около середины V в.. Прямая генетическая связь с киевской культурой позоляет предположить, что колочинские племена, имевшие глубокие балто–славянские корни, сохранили прежнее имя в отличие от динамично развивавшихся новообразований, использовавших, ранее не зафиксированные применительно к славянам, названия.

Таким образом, принадлежавший сначала небольшой группе этноним, зафиксированный, возможно, во II в. н.э. в форме „ставаны", распространяется со временем на одну из крупнейших раннесредневековых славянских общностей. К началу VII в. имена венетов и антов, под которыми эти племенные союзы были известны соседям, постепенно поглощаются самоназванием „славяне", которое распространяется на весь славянский мир.

Слияние воедино культурно–бытового комплекса (охватывающего формирование достаточно близких славянских археологических культур, единство социально–экономической структуры их носителей, единство религиозных представлений, отраженное в существовании нескольких вариантов погребений с кремацией), общность языка, зафиксированного древними авторами и реконструированного современными лингвистами, а главное – рост самосознания, отраженный в широком использовании самоназвания, позволяет говорить о завершении процесса общеславянского этногенеза в середине I тыс. н.э. Далее речь может идти уже об этногенезе восточных, западных и южных славян, еще позже – об этногенезе украинцев, русских, белоруссов и других современных славянских народов.

Такова в основных чертах наша концепция этногенеза славян, позднейший этап которого (первая половина I тыс. н.э.), на наш взгляд, связан прежде всего с историей населения пограничья лесной и лесостепной зон Поднепровья – носителей позднезарубинецких памятников и киевской культуры. Именно эти группы, а также родственные им племена Северо–Западной Украины, послужили ядром, вокруг которого произошла „кристаллизация" славянских культур в середине I тыс. н.э.

СПИСОК ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКИХ ПАМЯТНИКОВ
The Late Zarubintsi sites

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
			Памятники типа Лютеж			
1	Тетеревка	Укр.Жтм.	Тетерев–Днепр	пойм.	ямы?	Обломский, Терпиловский 1991, 114
2	Мартыновичи	Укр.Квс.	Уж–Припять	пойм.		Балакин, Зализняк, Нужный, *Отчёт* 1978, 4
3	Лютеж	Укр.Квс.	Днепр	пойм	3 жил., 15 горнов, ок. 400 ям	Бидзиля, Пачкова 1969
4	Киев (Оболонь, Луг 4)	Укр.Квс.	Почайна–Днепр	пойм	61 п/зем., св. 900 ям, 3 очага	Обломский, Терпиловский 1991, 114
5	Киев (Никольская Слободка)	Укр.Квс.	Днепр	пойм.		Терпиловский, Абашина 1992, 102
6	Чапаевка (Вита-Литовская)	Укр.Квс.	Вита–Днепр	пойм.	7 ям.	Телегин, *Отчёт* 1954, 15
7	Н.Безрадичи (Митькив Кут)	Укр.Квс.	Стугна–Днепр	пойм.	1 постр.	Терпиловский, Абашина 1992, 79
8	Таценки (1)	Укр.Квс.	Стугна–Днепр	пойм.	неск. ям	Обломский, Терпиловский 1991, 114, 116
9	Бобрица	Укр.Чрк.	Днепр	тер.		Максимов 1991, 5
10	Леськи (3)	Укр.Чрк.	Днепр	пойм.		Куштан, Сиволап, Терпиловський 1999
11	Рудяки	Укр.Квс.	Днепр	пойм.		Максимов 1972, 41
12	Волчков	Укр.Квс.	Трубеж–Днепр	пойм.		Савчук 1969, 86
13	Коржи	Укр.Квс.	Трубеж–Днепр	пойм.		Савчук 1969, 86
14	Пасечная	Укр.Квс.	Трубеж–Днепр	пойм.		Савчук 1969, 85
15	Селище	Укр.Квс.	Трубеж–Днепр	пойм.		Савчук 1969, 85
16	Вишенки (Мыничево)	Укр.Квс.	Днепр	пойм.	1 яма	Телегін, Круц, Степанчук 1983, 93–94
17	Бортничи (Отдельная Дюна)	Укр.Квс.	Днепр	пойм.	т/сож.	Гороховский 1988, 206
18	Жукин	Укр.Квс.	Десна–Днепр	пойм.	1 т/сож.	Корзухина 1978, 71
			Памятники типа Почеп			
19	Почеп	Рос.Брн.	Судость–Десна	пойм.	13 п/зем., част.длин.дома, ямы	Заверняев 1969
20	Синьково-Дмитрово	Рос.Брн.	Судость–Десна	корен.	2 постр., 2 ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 118
21	Синьково	Рос.Брн.	Пес–Судость	тер.	3 п/зем.,16 длин. домов, 8 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 118–124
22	Хотылево	Рос.Брн.	Десна	тер.	1 п/зем.	Обломский, Терпиловский 1991, 124
23	Брянск (Белокаменка)	Рос.Брн.	Десна	тер.	3 п/зем	Обломский, Терпиловский 1991, 124

24	Голяжье (устье р. Гасома)	Рос.Брн.	Гасома–Десна	тер.	1 п/зем. и яма	Обломский, Терпиловский 1991, 124, 126
25	Спартак	Рос.Смл.	Десна	пойм.	1 п/зем. и 7 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 126
26	Партизанское	Рос.Брн.	Навля–Десна	пойм.		Обломский, Терпиловский 1991, 126–127
27	Залужье (Парня 2)	Рос.Брн.	Навля–Десна	корен.	1 назем.постр.,	Обломский, Терпиловский 1991, 127
28	Железное	Рос.Брн.	Навля–Десна	пойм.	12 постр.,	Обломский, Терпиловский 1991, 127–128
29	Лесконоги (Колодезный Бугор)	Укр.Чрн.	Смячь–Десна	корен.	1 яма	Обломский, Терпиловский 1991, 128
30	Чулатово	Укр.Чрн.	Десна	корен.	1 постр., ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 128–129
31	Киселевка (3)	Укр.Чрн.	Замглай–Десна	тер.	2 п/зем., 13 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 129
	Памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2					
32	Приоскольское (1)	Рос.Блг.	Оскол–С.Донец	пойм.	2 п/зем., 1 хоз. постр., 3 ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 129–135
33	Колосково (4)	Рос.Блг.	Оскол–С.Донец	тер.	1 яма	Обломский, Терпиловский 1991, 135–136
34	Приютовка (Шоссейное)	Рос.Блг.	С.Донец–Дон	тер.	1 жил. и яма	Обломский, Терпиловский 1991, 137–138
35	Терновка (2)	Рос.Блг.	Лип.Донец–С.Донец	корен.	1 жил., 8 хоз.постр., 15 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 138
36	Головино (1)	Рос.Блг.	Топлинка–С.Донец	равн.-бал.	2 жил., хоз. сооруж., ямы	Обломский 1991, 150
37	Жерновец (1)	Рос.Крс.	Тускарь–Сейм	пойм.	1 яма	Обломский, Терпиловский 1991, 141–142
38	Комаровка (2)	Рос.Крс.	Снагость–Сейм	пойм.	2 ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 142
39	Шмырёво	Рос.Крс.	Псёл–Днепр	тер.	1 яма	Обломский, Терпиловский 1991, 139–140
40	Картамышево (1)	Рос.Крс.	Псёл–Днепр	тер.	1 яма	Обломский, Терпиловский 1991, 140
41	Картамышево (2)	Рос.Крс.	Псёл–Днепр	пойм.	10 жил., 3 очага, 43 ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 140–141
42	Бобрава (3)	Рос.Крс.	Бобрава–Псёл	пойм.	3 жил., 1 зем. печь, ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 141
43	Богдановка	Рос.Крс.	Суджа–Псёл	пойм.	3 ямы, 2 зем. печи	Обломский, Терпиловский 1991, 141
44	Гочево (3)	Рос.Крс.	Псёл–Днепр	пойм.	1 зем.печь, ямы	Раскопки Горюновой, Щегловой 1989–1991
45	Гочево (7)	Рос.Крс.	Псёл–Днепр	пойм.	1 жил., 1 зм. печь, 7 ям.	Обломский 1991, 231
46	Песчаное	Укр.Смс.	Олешня–Псёл	тер.		Журко, *Отчёт* 1990, 3, 11
47	В.Будки (Хутор)	Укр.Смс.	Терн–Сула	пойм.	1 п/зем. и яма	Горюнова, Родинкова 1999, 204–216
48	Берёзовка (2)	Укр.Смс.	Ворсклица–Ворскла	тер.	6 постр., очаг, 26 ям	Обломский 1992
49	Солдатское (5)	Укр.Смс.	Ворсклица–Ворскла	тер.	1 очаг	Терпиловский 1990, 61–62
50	Поводоновка (1)	Укр.Хрк.	С. Донец–Дон	пойм.	2 очага, 7 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 136–137
51	Родной Край (1)	Укр.Хрк.	Уды–С.Донец	пойм.	2 очага, 7 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 137
52	Бельск	Укр.Плт.	Сух.Грунь–Псёл	равн.-бал.	1 п/зем. и яма	Супруненко, Терпиловський, *Отчет* 1997

53	Черневчина	Укр.Днп.	Орель–Днепр	пойм.	1 п/зем	Юренко, *Отчёт* 1974, 7–8
54	Осиповка (Пляж)	Укр.Днп.	Орель–Днепр	пойм.	3 п/зем., 9 ям	Обломский, Терпиловский 1991, 138–139
55	Осиповка (Лиман)	Укр.Днп.	Орель–Днепр	пойм.	глин. печь	Обломский, Терпиловский 1991, 139
Памятники типа Грини						
56	Грини (1)	Укр.Квс.	Тетерев–Днепр	тер.	1 п/зем.	Обломский, Терпиловский 1991, 142
57	Грини (2)	Укр.Квс.	Тетерев–Днепр	тер.	1 яма	Обломский, Терпиловский 1991, 142–144
58	Обухов (13)	Укр.Квс.	Кобрина–Стугна	тер.	скопл. керамики	Серов, Левада, Максюк, *Отчёт* 1990, 2–6
59	Решетки	Укр.Чрк.	Днепр	тер.		Обломский, Терпиловский 1991, 144
60	Клочков (Змеевка)	Укр.Чрн.	Снов–Десна	тер.	2 ямы	Обломский, Терпиловский 1991, 144
61	Вовки	Укр.Плт.	Грунь–Псёл	тер.	2 постр.	Обломский, Терпиловский 1991, 144–146
62	Рябовка (3)	Укр.Смс.	Ворсклица–Ворскла	тер.	15 ям	Обломский, Терпиловский 1991а
63	Раковка (2а)	Укр.Хрк.	С.Донец–Дон	пойм.	1постр., неск. ям	Любичев 1993

Примечания к приложениям 1, 3:
В настоящий список включены преимущественно те памятники, где проводились раскопки, пусть даже небольшого масштаба. Исключение сделано только для нескольких позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья, давно введенных в научный оборот на основании разведочных материалов и случайных находок. Данные по памятникам, исследованным путем разведок, и подробную библиографию по раскопанным памятникам см. в: Обломский, 1991; Терпиловский, Абашина, 1992.

Рубрикация таблицы: 1 – порядковый номер памятника; 2 – название населённого пункта (урочища); 3 – государство, область; 4 – речная система; 5 – топография; 6 – исследованные объекты; 7 – литература.

Укр. – Украина: Днп. – Днепропетровская, Жтм. – Житомирская, Квс. – Киевская, Плт. – Полтавская, Смс. – Сумская, Хрк. – Харьковская, Чрк. - Черкасская, Чрн. – Черниговская обл.

Рос. – Россия: Блг. – Белгородская, Брн. – Брянская, Крс. – Курская, Смл. – Смоленская обл., Бел. – Белоруссия: Гмл. – Гомельская, Мгл. – Могилёвская обл.

Топография: пойм. – расположение памятника в пределах поймы (участки высокой поймы, дюны, всхолмления, останцы и др.), тер. – расположение памятников на краю первой (реже второй) надпойменной террассы, равн.-бал. – равнинно-балочное расположение памятников, корен. – расположение памятников на краю коренного берега

Постр. – постройка, п/зем. – полуземлянка, т/сож. – трупосожжение, т/полож. – трупоположение, зем.печь – земляная печь

Прямоугольные полуземляночные жилища позднезарубинецких памятников
Rectangular semi-subterranean dwellings of the Late Zarubintsi sites

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
				3. Лютеж			
1	4,0 x 3,8	0,5/0,2	—	—	+	ЮВ угол	
2	3,2 x 2,2	0,4–0,5/0,2	—	+	+	центр	в яме
3	3,8 x 3,6	/0,12	—	—	+	С угол	
				4. Оболонь			
1	4,1 x 3,9	0,55/	—	—	+	СЗ угол	печь?
2	3,8 x 2,4	0,4/	—	—			
3	4,9 x 3,5	0,4/	—	—	+	СЗ угол	пятно обож.глины
4	4,4 x 3,35	0,2/	—	—	+	В часть	— „ —
7	4,4 x 2,65	0,3/	—	—			
9	3,85 x 3,2	0,4/	—	—	+	СЗ часть	— „ —
11	4,6 x 3,3	0,3-0,4/	—	+	+	В часть	глинобитный под
12	4,9 x 3,3	0,4/	—	+	+	В часть	— „ —
13	4,8 x 3,1	0,35/	—	—	+	центр	— „ —
14	4,1 x 2,85	0,7/	—	—	+	СЗ часть	пятно обож.глины
15	4,2 x 3,0	0,45/	+	+	+	?	
16	4,5 x 2,9	0,5/	—	+	+	ЮЗ часть	
17	4,5 x 3,2	0,35/	—	+	+	ЮЗ угол	
18	4,55 x 3,7	0,45/	—	+	+	ЮЗ угол	
19	4,85 x 3,5	0,45/	—	—			
20	4,2 x 3,65	0,45/	—	+	+	ЮЗ часть	
21	4,45 x 3,9	0,4/	—	—	+	СВ угол	
22	5,2 x 2,9	0,35/	+	+		СЗ угол	
23	4,7 x 2,65	0,4/	—	+	+	— „ —	
24	5,1 x 2,7	0,4/	—	—			
25	5,0 x 3,2	0,3/	—	—			
27	4,9 x 3–3,5	0,4/	—	+	+		у одной из стен скопление камней и обож. глины
28	4,5 x 4,4	0,35/	—	+	+	С часть	ямка с золой
29	4,2 x 3–3,15	0,4/	+	+		у З стены	— „ —
30	4,2 x 3,85	0,3/	—	+	+	ЮЗ часть	— „ —
32	4,1 x 3,6	0,7/	—	+			
33	3,5 x 2,9	0,65/	—	—			
34	4,2 x 3,5	0,45/	—	+	+	ЮВ угол	
35	3,9 x 3,45	0,5/	—	—	+	СЗ угол	
39	4,6 x 3,4	0,35/	—	+	+	— „ —	глинобитный под
40	5,85 x 3,1	0,4/	—	+	+	ЮВ угол	— „ —
41	3,7 x 2,8	0,5/	—	—	+	у С стены	— „ —
42	4,35 x 2,6	0,35/	+	+	+	у С стены	

43	4,3 x 3,5	0,6/	—	—			
44	5,4 x 3,9	0,45/	—	—	+	СВ угол	
45	4,2 x 3,9	0,4/	—	—	+	СВ часть	
46	4,3 x 3,4	0,35/	—	—	+	центр	вымостка из обож.глины и кер.
47	4,7 x 4,5	0,55/	—	—	+	ЮЗ часть	
48	4,7 x 4,1	0,45/	—	—	+	у Ю стены	
49	4,5 x 3,35	0,45/	—	—	+	центр	
50	4,6 x 4,2	0,5/	—	—	+	ЮВ угол	
51	4,9 x 3,8	0,5/	—	—	+	СВ часть	
52	4,6 x 3,3	0,4/	—	—	+	СВ угол	— „ —
53	4,8 x 3,5	0,4/	—	—	+	— „ —	
54	4,55 x 3,6	0,7/	—	—	+	СВ часть	
55	3,8 x 2,9	0,5/	—	—	+	— „ —	
56	4,2 x 4,0	0,5/	—	—	+	СВ угол	
57	4,6 x 4,2	0,5/	—	—	+	СЗ угол	
58	4,9 x 3,6	0,5/	—	—	+	— „ —	
59	4,3 x 2,8	0,35/	—	+	+	— „ —	
60	4,0 x 3,7	0,4–0,6/	—	—	+	СЗ часть	глин. очаг из камней и черепков
61	4,3 x 3,4	0,45/	—	—	+	ЮВ угол	
62	4,6 x 3,6	0,45/	—	—	+	СВ часть	вымостка из камней и керамики
63	4,8 x 3,2	0,5/	—	—			
64	4,7 x 3,4	0,45/	—	—			
19. Почеп							
2 р.1	4,7 x 3,8	/1	+	—			
1 р.3	5,0 x 3,5	/0,9	+	—			
1 р.9	7,0 x 3,4–4,4	/0,3	—	—	+	центр	
2 р.9	3,2 x 2,8	/0,5	—	—			
1 р.5	3,9 x 3,3	/0,9	+	+	+	— „ —	под?
2 р.5	3,0 x 3,0	/0,6	+	+			
1 р.7	3,6 x 2,9	/0,95	+	+			
8 р.8	3,0 x 2,5	/0,4	+	—			
1 р.4	4,25 x 3,85	/0,9	+	+			
1 р.6	3,5 x 3,5	/0,4	—	—			
3 р.2	4,0 x 3,6	/0,7–0,8	+	+			
1 р.2	3,7 x 3,2	/0,8	+	+			
21. Синьково							
2	5,5 x 4,6	/0,64	+	—			
18	4,4 x 4,2	/0,6–0,7	+	—			
19	5,6 x 4,4–5,5	/0,6	+	—	+	центр	
28. Железное							
5	4,0 x 4,0	/0,4–0,5	+	+			
31. Киселевка 3							
2	4,8 x 4,0	/0,1–0,25	+	—			

32. Приоскольское 1							
1	3,8 x 3,2	/0,8–0,9	+	+			
2	5,2 x 3,4	/0,8–1,0	+	—			
34. Шоссейное							
1	5,5 x 4,5	/0,5	—	—	+	— " —	
41. Картамышево 2							
2	4,2 x 3,8	/0,35–0,4	—	—			
3	4,2 x 3,9	/0,4–0,6	—	—			
4	4,0 x 3,7	/0,5–0,6	—	—			
5	5,4 x 4,6	/0,5	—	—	+	центр	
6	4,5 x 4,2	/0,2–0,25	—	—	+	СВ угол	
7	4,5 x 3,8	/0,3–0,55	—	—	+	центр	в ямке
8	4,9 x 3,9	/0,3–0,5	+	—	+	у СВ стены	
9	2,8 x 2,6	0,8–1/0,3–0,5	—	—	+	центр	— „ —
10	3,65 x 3,6	/0,6	—	—			
45. Гочево 7							
1	3,7 x 3,45	/1,0	—	—			
48. Березовка 2							
2	3,6–3,7 x 2,5–3,6	/0,34–0,46	—	—	+	— „ —	в ямке
53. Чернеччина							
4	5,1 x 3,7	/0,6	—	—	+	В угол	
56. Грини1							
1	3,2 x 3,1	/0,3	+	—	+	СВ угол	вымостка из обож. глины и керамики с бортиком
57. Вовки							
6	3,4 x 2,6	/0,3	+	—	+	ЮВ угол	— „ —

Примечание к приложениям 2, 4.

В настоящий список включены жилища, о параметрах которых имеется достаточно полная информация. Кроме сохранившихся частично жилищ или сооружений, сведения о которых оказались недоступны, сюда также не включены хозяйственные постройки /неправильные в плане, изрытые многочисленными ямами-погребами и др./ и наземные или слабоуглублённые жилища, стены которых возведены вокруг углублённой части. В отличие от жилищ, стены которых опущены в котлован, их размеры установить трудно. Подробные сведения о всех типах построек киевской культуры см. в: Обломский 1991; Терпиловский, Абашина 1992.

Рубрикация таблицы:

1 — номер жилища
2 — размеры /в м/
3 — глубина в м от уровня современной поверхности/от материка
4 — наличие центрального опорного столба
5 — наличие регулярных столбов вдоль стен
6 — наличие очага
7 — расположение очага
8 — конструкция отопительного сооружения

Приложение 3.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

The Kiev culture sites

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
Среднеднепровский вариант						
1	Казаровичи	Укр.Квс.	Ирпень-Днепр	тер.	6 постр., 15 т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 99–100
2	Савенки	Укр.Квс.	Здвиж-Тетерев	пойм.	1 п/зем.	Терпиловский, Абашина 1992, 100
3	Игнатовка	Укр.Квс.	Ирпень-Днепр	тер.	несколько ям	Кухарская 1991
4	Белогородка	Укр.Квс.	Ирпень-Днепр	равн.-бал.	1 постр.,	Терпиловский, Абашина 1992, 102
5	Киев (Смородинский Спуск)	Укр.Квс.	Днепр	корен.		Терпиловский, Абашина 1992, 102
6	Глеваха	Укр.Квс.	Бобрица-Ирпень	равн.-бал.	4 постр.,очаг, 45ям, уг.яма	Терпиловский, Абашина 1992, 103–106
7	Ходосовка	Укр.Квс	Вита-Днепр	тер	3 жил. 1 хоз.постр.,6 ям	Абашина 1999
8	Новые Безрадичи (Митькив Кут)	Укр.Квс.	Стугна-Днепр	пойм.	1 жил., неск. ям, 14 т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 108–109
9	Хлепча	Укр.Квс.	Стугна-Днепр	тер.	1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 109
10	Васильков (1 а)	Укр.Квс.	Стугна-Днепр	равн.-бал.	жел. горн	Терпиловский, Абашина 1992, 109
11	Обухов (2)	Укр.Квс.	Кобрина-Стугна	равн.-бал.	3 постр.,3 очага, 1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 110–111
12	Обухов (3)	Укр.Квс.	Кобрина-Стугна	равн.-бал.	3 очага и яма	Терпиловский, Абашина 1992, 111–112
13	Обухов (7)	Укр.Квс.	Кобрина-Стугна	равн.-бал.	1жил., 2х.постр.,4очага, 6ям	Терпиловский, Абашина 1992, 114–118
14	Юшки	Укр.Квс.	Днепр	равн.-бал.	1 очаг	Терпиловский, Абашина 1992, 118
15	Григоровка	Укр.Чрк.	Днепр	тер.	неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 118–119
16	Сушки (2)	Укр.Чрк.	Днепр	пойм.	8 п/зем., 179 ям, 1 очаг	Терпиловский, Абашина 1992, 119
17	Вишенки	Укр.Квс.	Днепр	пойм.	2 п/зем., 18ям	Терпиловский, Абашина 1992, 120–122
18	Бортничи	Укр.Квс.	Днепр	пойм.	2 жил., неск. т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 122
19	Погребы	Укр.Квс.	Десна-Днепр	пойм.	1 жил., неск. ям.	Терпиловский, Абашина 1992, 122–123
Деснинский вариант						
20	Кези (3)	Укр.Чрн.	Свишень-Белоус	равн.-бал.	1 хоз. постр.	Терпиловский, Абашина 1992, 124
21	Малый Листвен	Укр.Чрн.	Белоус-Десна	тер.	1 жил., 2 постр.	Терпиловский, Абашина 1992, 124
22	Сибереж (Верхнестриженское 2)	Укр.Чрн.	Стрижень-Десна	равн.-бал.	4 постр., неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 127

23	Роище	Укр.Чрн.	Стрижень-Десна	равн.-бал.	5 жил.,6 хоз.постр.,ок. 230 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 128–132
24	Смычин	Укр.Чрн.	Крюкова-Снов	тер.	неск. ям	Валькова, *Отчет* 1989, 1–7
25	Деснянка (Титова Речка)	Укр.Чрн.	Титова Речка-Белоус	равн.-бал.	4 жил.,2 хоз.постр.,ряд ям	Терпиловский, Абашина 1992, 132–133
26	Чернигов (Яловщина)	Укр.Чрн.	Стрижень-Десна	тер.	1 п/зем, 8 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 135
27	Александровка 1	Укр.Чрн.	Стрижень-Десна	равн.-бал.	17 жил., 18 постр., ок.700 ям	Терпиловський, Шекун 1996
28	Березанка	Укр.Чрн.	Замглай-Десна	равн.-бал.	1 постр.	Терпиловский, Абашина 1992, 135
29	Ульяновка	Укр.Чрн.	Десна	тер.	7 постр., очаг, ряд ям	Терпиловский, Абашина 1992, 135–136
30	Киселевка (1)	Укр.Чрн.	Замглай-Десна	тер.	4 ямы	Терпиловский, Абашина 1992, 136–138
31	Киселевка (2)	Укр.Чрн.	Замглай-Десна	тер.	4 жил., 12 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 138–139
32	Клочков	Укр.Чрн.	Снов-Десна	тер.	2 ямы	Терпиловский, Абашина 1992, 139
33	Гребля	Укр.Чрн.	Десна	пойм.	неск. десятков ям	Валькова, *Отчеты* 1989–1992
34	Куковичи (3)	Укр.Чрн.	Десна	тер.	2 постр. (част.)	Терпиловский, Абашина 1992, 140–141
35	Киреевка (1)	Укр.Чрн.	Убедь-Десна	пойм.	1 п/зем., ок. 60 ям, 5 т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 142–143
36	Киреевка (2)	Укр.Чрн.	Убедь-Десна	пойм.	1 жил., неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 142
37	Спасское	Укр.Чрн.	Десна	тер.	1 п/зем.	Терпиловский, Абашина 1992, 143
38	Вишенки	Укр.Чрн.	Десна	тер.	14 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 143
39	Радичев	Укр.Чрн.	Десна	корен.	2 п/зем. (част.)	Терпиловский, Абашина 1992, 143–144
40	Мезин (Хоромки)	Укр.Чрн.	Десна	корен.	1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 144
41	Дегтяревка (Лавриков Лес)	Укр.Чрн.	Малотечка-Десна	тер.	4 жил., 1 хоз. постр, 24 ямы	Третьяков 1974, 102–110
42	Форостовичи	Укр.Чрн.	Рома-Десна	тер.	3 п/зем., неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 146–148
43	Долинское	Укр.Чрн.	Сейм-Десна	тер.	1 постр.	Терпиловский, Абашина 1992, 149–150
44	Выбли	Укр.Чрн.	Десна	тер.	1 постр. и неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 151
45	Пересыпки (1)	Укр.Смс.	Сейм	пойм.	1 яма,	Обломский и др., *Отчет* 1991, 14–18
46	Чаплищи (3)	Укр.Смс.	Сейм	пойм.	2 постр., 4 ямы	Обломский и др., *Отчет* 1991, 18–22
47	Октябрьское (2)	Укр.Смс.	Сейм	тер.	1 постр.	Терпиловский, *Отчет* 1993
48	Кветунь	Рос.Брн.	Десна	пойм.	неск. ям	Гавритухин, Обломский 1996, 106–108
49	Хотылево	Рос.Брн.	Десна	тер.		Раскопки Гаврилова 1995
50	Касилово (2)	Рос.Брн.	Ветьма-Десна	пойм.	1 жил. неск. ям	Раскопки Деснинской эксп. ИА РАН 1991
51	Попово-Лежачи (4)	Рос.Крс.	Сейм	пойм.	6 постр., неск. десятков ям	Обломский, Терпиловский 1998
52	10-ый Октябрь	Рос.Крс.	Мужица-Снагость	тер.	1 постр.	Обломский, *Отчет* 1993, 20–21

Восточнолевобережный вариант						
53	Авдеево	Рос.Крс.	Сейм-Десна	корен.	1 очаг, 2 ямы	Обломский 1991, 243–248
54	Колосовка	Рос.Крс.	Рогозна-Сейм	тер.	3 постр., неск. очагов и ям	Терпиловский, Абашина 1992, 160–161
55	Воробьевка (2)	Рос.Крс.	Снова-Тускарь	тер.	1 очаг, 4 ямы	Терпиловский, Абашина 1992, 46
56	Тазово	Рос.Крс.	Тускарь-Сейм	пойм.	5 постр., 2 очага, неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 153
57	Букреевка (2)	Рос.Крс.	Виногробля-Тускарь	тер.	9 постр., около 50 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 153–157
58	Каменево (2)	Рос.Крс.	Тускарь-Сейм	тер.	7 постр., 1 очаг, около 70 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 157–160
59	Шмырево	Рос.Крс.	Псел-Днепр	тер.	2 п/зем., 10 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 161
60	Песчаное (Кулига)	Рос.Блг.	Псел-Днепр	пойм.	6 т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 161–162
61	Гочево (1)	Рос.Крс.	Псел-Днепр	пойм.	4 п/зем.,3 зем.печи,29 ям,1 т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 162–163
62	Гочево (2)	Рос.Крс.	Псел-Днепр	пойм.	2 постр., 1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 163–166
63	Гочево (3)	Рос.Крс.	Псел-Днепр	тер.	5 постр., серия ям	Горюнова и др., *Отчеты* 1987–1989
64	Гочево (4)	Рос.Крс.	Псел-Днепр	тер.	2 п/зем., несколько ям	Горюнова и др., *Отчеты* 1987–1989
65	Приоскольское (2)	Рос.Блг.	Оскол-С.Донец	пойм.	5 ям, 1 очаг, 9 т/сож., 1 т/пол.	Обломский 1991, 208–216
66	Шмарное (Дачное 2)	Рос.Блг.	Оскол-С.Донец	тер.	1 п/зем., яма, очаг,	Обломский 1991, 207
67	Приютовка (Шоссейное)	Рос.Блг.	С.Донец-Дон	тер.	1 постр.	Обломский 1991, 222–226
68	Шишино (5)	Рос.Блг.	С.Донец-Дон	пойм.	20 постр., 63 ямы, 5 т/сож., 1 т/пол.	Обломский 1991, 152–203
69	Шишино (1)	Рос.Блг.	С.Донец-Дон	пойм.	1 постр.,5 ям	Обломский 1991, 151–152
70	Цепляво Второе	Рос.Блг.	Короча-Нежеголь	тер.	3 постр., неск. ям	Обломский 1991, 220–222
71	Родной Край (3)	Укр.Хрк.	Уды-С.Донец	пойм.	2 п/зем., неск. ям	Терпиловский, Абашина 1992, 171–172
72	Новодоновка (2)	Укр.Хрк.	С.Донец-Дон	тер.	1 яма	Обломский 1991, 251
73	Рябовка (1)	Укр.Смс.	Ворсклица-Ворскла	пойм.	8 ям, следы неск. т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 172
74	Пожня (1)	Укр.Смс.	Ворсклица-Ворскла	тер.	неск. ям	Обломский, Терпиловский, Отчет 1989, 38–43
75	Боромля (2)	Укр.Смс.	Боромля-Ворсклица	корен.	4 постр.	Некрасова,Терпиловский, Отчеты 1989–1991
76	Курган (Курган-Азак)	Укр.Смс.	Псёл-Днепр	тер.	1 постр., 3 очага	Терпиловский, Абашина 1992, 173
77	Беседовка	Укр.Смс.	Ворсклица-Ворскла	тер.	постр?	Терпиловский, Абашина 1992, 172–173
78	Щуровка (1)	Укр.Чрн.	Смош-Удай	равн.-бал		Шекун, *Отчет* 1992, 8–11
Верхнеднепровский вариант						
79	Щатково	Бел. Мгл.	Березина-Днепр	тер.	2 п/зем., следы назем. домов	Терпиловский, Абашина 1992, 174
80	Новый Быхов	Бел. Мгл.	Адаменка-Днепр	корен.	неск. т/сож?	Терпиловский, Абашина 1992, 174
81	Адаменка (Абидня)	Бел. Мгл.	Адаменка-Днепр	тер.	29 п/зем., назем.дома?,12 т/сож.	Терпиловский, Абашина 1992, 174–175

82	Гайманово	Бел. Мгл.	Белоличка-Днепр	пойм.	назем.дома? п/зем., т/сож	Терпиловский,Абашина 1992, 175–177
83	Барсуки	Бел. Мгл.	Сож-Днепр	корен.		Терпиловский, Абашина 1992, 177
84	Гудок	Бел. Гмл.	Покоть-Сож	тер.	1 п/зем..	Терпиловский, Абашина 1992, 177–178
85	Шепотовичи	Бел. Гмл.	Сож-Днепр	тер.	1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 178–179
86	Однополье	Бел.Гмл.	Сож-Днепр	пойм.	1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 180
87	Шерстин	Бел.Гмл.	Сож-Днепр	пойм.	1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 180
88	Носовичи	Бер.Гмл.	Уть-Сож	тер.	1 яма	Терпиловский, Абашина 1992, 180–181
89	Юрковичи	Бер.Гмл.	Сож-Днепр	тер.	2 постр.	Раскопки Макушникова, Терпиловского 1992
90	Демьянки	Бер.Гмл.	Ипуть-Сож	тер.	1 т/сож	Терпиловский, Абашина 1992, 181
91	Сибереж (Верхнестриженское 3)	Укр.Чрн.	Стрижень–Десна	оавн.-бал.	1 постр., 15 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 125
92	Мена (5)	Укр.Чрн.	Мена-Десна	тер.	1 постр., 11 ям	Терпиловский, Абашина 1992, 140

См. примечания к приложению 1.

Прямоугольные полуземляночные жилища киевской культуры
Rectangular sami-subterranean dwellings of the Kiev culture

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.
1. Казаровичи							
6	4,5x4,3	1,1/	—	—	+	Ю угол	скопление обож. глины
2. Савенки							
1	4,0x4,0	0,62/	—	—	+	центр	в ямке
6. Глеваха							
1	4,5x4,0	0,25-0,85/	—	—			
3	4,0x3,4	0,9-1,1/	+	—	+	— „ —	
9	4,2x3,4	0,96-1,2/	—	—	+	С угол	глинобит. под 0,5—0,75
7. Ходосовка							
8	4,5x4,0	0,3/	+	—	+	центр	
11. Обухов 2							
2	4,0x4,0	0,4/	—	—	+	СВ часть	— „ —
13. Обухов 7							
17	4,2x4,0	0,6/0,3	—	—			
25	4,3x2,6	0,4/	—	—	+	Ю угол	в ямке
16. Сушки 2							
1	4,4 x 3,8	0,7/	—	—	+	центр	— „ —
3	3,9 x 2,7	0,7/	+	—			
4	4,0 x 2,6	0,6/	—	—			
5	4,7 x 4,2	0,5/	—	—			
6	4,6 x 3,7	0,2–0,4/	—	—			
7	3,8 x 3,15	0,4–1,0/	+	—			
8	3,6 x 3,5	0,5/	—	—			
17. Вишенки							
1	6,45 x 3,85	1,15/	—	—	+	С часть	в ямке
2	4,0 x 3,5		—	—	+	ЮЗ угол	
18. Бортничи							
2	4,0 x 3,5	0,3/	—	—	+	ЮВ часть	
21. Малый Листвен							
57	3,4 x 3,2	/0,6	+	—	+	центр	— „ —
22. Верхнестриженское 2							
1	3,4 x 3,0–3,3	/0,15–0,2	+	+	+	ЮЗ часть	— „ —
23. Роище							
3	4,1 x 3,9	0,55–0,65/	+	—	+	центр	— „ —
4	3,8 x 3,4	0,8–0,85/	+	—			
12	4,1 x 3,7	0,6–0,7/	+	+			
25. Титова Речка							
6	5,4 x 4,8	/0,75–0,8	—	—			

7	3,7 x 3,4	0,5/	+	—	+	центр	
9	4,0 x 3,8	0,6/	+	—			
10	4.6 x 4,2	/0,7	+	—	+	центр и СЗ часть	2 зольных пятна
26. Яловщина							
1	4,4 x 4,2	0,7/0,4	+	+			
27. Александровка 1							
5	3,8 x 2,8	/0,5	—	—	+	центр	
8	4,8 x 4.2–4,6	/0,2–0,35	+	—			
9	4,8 x 4,6	/0,4	+	—			
13	4,8 x 4,4	/0,3	+	+			
17	3,6 x 3,4	/0,3–0,35	+	—			
22	3–3,6 x 3–3,3	/0,15–0,2	+	—			
33	5 x 4,6	/0,2–0,4	—	+			
37	4,5 x 4,5	/0,1	+	—	+	С часть	обож. пятно
41	4,4 x 4,2	/0,3	+	—			
28. Березанка							
6	3,8 x 3,4	/0,15–0,2	—	—			
29. Ульяновка							
1	4,25 x 3,9	1,0–1,1/	+	—	+	— „ —	в ямке
4	4,5 x 4,0	0,6–0,9/	+	+	+	— „ —	невысокие глиняные бортики
6(1)	4,15 x 3,75	/0,25	+	+			
31. Киселёвка 2							
1	4,4 x 4,3	0,55/	+	—	+	центр	в ямке
3	4,0 x 3,6	0,6/	+	—			
36. Киреевка 2							
1	6,8 x 4,2	/0,6	—	+			
41. Лавриков Лес							
1	4,1 x 4,0	/0,63–0,75	+	+	+	— „ —	
2	4.0 x 3,8	/0,6	+	—			
3	3,8 x 3,65	/0,9–1,0	+	—		— „ —	— „ —
4	3,3 x 2,9	/0,5	+	—			
5	2,4 x 2,0	/0,5	+	—			
42. Форостовичи							
1	4,0 x 3,3	/0,15–0,2	+	—	+	СЗ часть	— „ —
2	4,1 x 3,7	/0,5	+	—	+	СВ угол	
3	3,3 x 3,0	/0,4–0,5	+	—	+	центр	
51. Попово-Лежачи 4							
1 р.2	4,2 x 2,5–3,2	/0,1–0,16	—	—			
4 р.2	3,9 x 3,7	/0,1	—	—	+	СЗ угол	в яме с кам.обкладкой
1 р.3	4,0 x 2,9	/0,3–0,4	+	—			
56. Тазово							
4	5,4 x 3,6	0,55/0,3	+	+	+	центр	2 глинобит.пода
57. Букреевка 2							
2(вост.)	4,2 x 3,7	/0,45	+	+			

8	5,5 x 2,8	/0,5	—	—	+	— „ —	
9	5,5 x 3,7	/0,7	—	—			
58. Каменево 2							
2	5,45 x 5,1	0,95/0,3–0,4	+	—	+	— „ —	
6	2,8 x 2,65	0,85/0,3	—	+	+	— „ —	
7	5,0 x 4,4	/0,3–0,4	+	+			
59. Шмырёво							
3	3,8 x 3,6	/0,4–0,5	—	—	+	З угол	
61. Гочево 1							
1	4,0 x 3,9	0,7–0,75/	—	+			
2	3,8 x 3,0	0,5/	+	—			
3	3,9 x 3,0	0,6/	+	+	+	С угол	глинобит.под
4	5,2 x 2,8–3,9	1,06/0,64	—	+			
64. Гочево 4							
3	3,6 x 3,2	/0,4–0,5	—	—			
71. Родной Край 3							
1	4,7 x 3,6	1,2–1,3/	—	—	+	у СЗ и ЮВ стен	2 очага,в т.ч.глинобит. под с керамич. вымосткой
2	4,3 x 4,0	1,2/0,9	—	+	+	центр и у В стены	2 очага в ямке
75. Боромля 2							
1	3,5 x 2,5	1–1,4/0,5–1,0	—	—			
3	5,0 x 4,0	1,1–1,45/0,4–0,5	+	+			
79. Щатково							
1	3,7 x 3,3	0,19/	—	—	+	В угол	печь-каменка
2	3,55 x 3,2	0,8/0,5	—	—	+	СЗ часть	каменная вымостка
84. Гудок							
1	3,9 x 3,4	/0,65	+	—	+	у Ю стены	печь-каменка
89. Юрковичи							
2	4,0 x 4,0	/0,4	+	—	+	центр	

См. примечания к приложению 2.

Топография позднезарубинецких поселений.
Topography of the Late Zarubintsi settlements

Тип рельефа	*Типа Лютеж*	*Типа Почеп*	*Типа Картамышево-2-Терновка-2*	*Типа Грини*	*Всего*
пойменный	15	5	14	1	35/57,3%
террасный	1	5	7	7	20/32,8%
коренной берег	—	3	1	—	4//6,6%
равинино-балочный	—	—	2	—	2/3,3%
Всего	16	13	24	8	*61/100%*

Топография поселений киевской культуры.
Topography of the Kiev culture settlements

Тип рельефа	*Среднеднепровский вариант*	*Деснинский вариант*	*Восточно-левобережный вариант*	*Верхнеднепровский вариант*	*Всего*
пойменный	6	8	10	3	27/30%
террасный	5	17	13	7	42/46,7%
коренной берег	1	2	2	1	6/6,7%
равинино-балочный	7	6	1	1	15/16,6%
Всего	19	33	26	12	*90/100%*

Приложение 6.

ВИДОВОЙ СОСТАВ КУЛЬТУРНЫХ ЗЛАКОВ ИЗ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКИХ И КИЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Sort sof cereals from the Late Zarubintsi and kiev sites

(определения Г.А. Пашкевич и З.Я. Янушевич)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Пшеница однозернянка							2x									
"-" двузернянка	14						43x		1		2		1			1
"-" спельта		5	1		1									2		
"-" мягкая	2			1		1	4x					6x				
"-" карликовая	1			1		2	3x			1						
Ячмень голозерный	16						3x				1					
"-" обыкновенный	17	2		6		1	24x	1	1	1	2	38x			3	
Рожь посевная	6			2		2	5x	2	5	1		3x	18		2	
Овёс посевной	8					1	3x	1	2	3		15x				
Просо посевное	87	18	1	31	1	8	199x	31	11	4	33	3x	13		12	
"-" итальянское	4															
Горох посевной	3	2					1x							1	1	
Конопля посевная		3						1							1	

Рубрикация таблицы:

1 — Оболонь
2 — Лютеж
3 — Грини 1
4 — Сушки 2
5 — Казаровичи
6 — Хлепча
7 — Глеваха
8 — Обухов 2
9 — Обухов 3
10 — Обухов 7
11 — Вишенки
12 — Григоровка
13 — Роище
14 — Ульяновка
15 — Киселевка 2
16 — Выбли

Приложение 7.

ВИДОВОЙ СОСТАВ ЖИВОТНЫХ ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКИХ И КИЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Kinds of animals (by osteological materials) from the Late Zarubintsi and Kiev sites

(определения Н.Г. Белан, В.П. Данильченко, Н.М. Ермоловой, О.П. Журавлева).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Крупный рогатый скот	188/25	229/19	71/	209/	139/12	315/15	205/11	136/6	116/4	853/51
Мелкий рогатый скот	19,8	66,8	21/	41/	9/3	26/9	26/5	9/3	8/2	52/14
Свинья	19,9	58/11	73/	28/	8/5	48/13	47/10	21/4	15/3	100/30
Лошадь	42/12	38,5	19/	13/	7/2	54,6	20/3	26/2	5/1	120/18
Собака	—	1/1	—	—	2/1	Mh./4	7/3	—	—	286/8
Птица домашняя	—	—	—	—	—	2/1	—	—	—	—
Медведь	—	2/1	1/	—	—	—	—	—	1/1	5/4
Зубр	—	1/1	—	—	—	1/1	—	—	—	—
Тур	—	1/1	—	—	10/1	—	—	—	—	3/2
Лось	—	9/2	1/	—	1/1	3/2	3/2	1/1	—	17/10
Олень благородный	—	5/3	—	—	1/1	4/2	3/1	9/2	—	19/12
Косуля	—	1/1	1/	—	—	3/2	1/1	1/1	—	4/3
Кабан	3/1	6/3	2/	—	—	1/1	—	—	1/1	11/7
Лисица	—	—	—	—	—	2/1	1/1	—	—	1/1
Заяц	—	—	6/	—	1/1	2/1	—	—	—	—
Сурок	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—	1/1
Бобер	—	1/1	14/	—	—	—	—	—	—	3/2
Выдра	—	1/1	—	—	—	—	—	—	—	1/1
Птицы	—	—	14/	—	—	6/	1/	—	2/	—
Рыбы	—	622/	—	—	—	5/2	36/2	9/1	1/1	—

Примечание: число костей/число особей

Рубрикация таблицы:

1 — Терновка 2; 2 — Оболонь; 3 — Почеп; 4 — Боромля 2; 5 — Глеваха; 6 — Роище; 7 — Ульяновка ; 8 — Киселевка 2; 9 — Выбли ; 10 – Александровка 1.

ЛИТЕРАТУРА
References

Абашина Н.С.

1986 *Население Среднего Поднепровья в III–V вв. н.э. (по материалам киевской культуры)*, Автореф. дис. канд. ист. наук, Киев.

1986а *Ранньослов'янське поселення Обухів VII на р. Стугні*, Археологія 53, 72–86.

1999 *Поселення середини I тис. н.е. поблизу с. Ходосівка на Київщині*, [в:] Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е., Київ–Львів, 8–20.

Абашина Н.С., Гороховський Є.Л.

1975 *Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III*, Археологія 18, 61–71.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В.

1999 *К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепро-вья*, РА 4, 78–98.

Алексеев В.П.

1986 *Этногенез*, Москва.

Алихова А.Е.

1963 *Авдеевское селище и могильник*, МИА 108, 68–84.

Амброз А.К.

1964 *К истории Верхнего Подесенья в I тыс.н.э.*, СА 1, 56–70.

1978 *Длинные дома Полужского городища IV–III вв. до н.э.*, [в:] Древняя Русь и славяне, Москва, 30–40.

Артамонов М.И.

1990 *Первые страницы русской истории в археологическом освещении*, СА 3, 271–290.

Артеменко І.І., Смирнов О.С.

1977 *Партизанське – багатошарова пам'ятка на Брянщині*, Археологія 23, 48–60.

Археология Украинской ССР

1986 *Том 3*, Киев.

Баран В.Д.

1978 *Славяне в середине I тысячелетия н.э.*, [в:] Проблемы этногенеза славян, Киев, 5–38.

1981 *Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу*, Київ.

1983 *Сложение славянской средневековой культуры и проблема расселения славян*, [в:] Славяне на Днестре и Дунае, Киев, 5–48.

1988 *Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков)*, Киев.

1988а *Проблемы изучения раннеславянских древностей Юго-Восточной Европы*, [в:] X Международный съезд славистов (история, культура, фольклор и этнография славянских народов), Киев, 104–125.

1998 *Давні слов'яни*, Київ.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В.

1990 *Черняховская культура и готская проблема*, [в:] Славяне и Русь (в зарубежной историографии), Киев, 30–78.

Баран Я.В.

1997 *Слов'янська община (за матеріалами поселення Рашків I)*, [в:] Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян, Київ–Львів, 176–193.

Белан Н.Г.

1977 *До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тис.н.е.*, Археологія 24, 29–37.

Беранова М.

1980 *Сельское хозяйство в I тыс. н.э. и в первой половине II тыс. н.э.*, [в:] Материалы III Международного конгресса славянской археологии, Братислава, 43–49.

Березовец Д.Т.

1970 *Черняховская культура и культуры славянских племен VI–VIII вв.*, КСИА 121, 15–17.

Бернштейн С.Б.

1961 *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва.

Бессуднов А.Н., Обломский А.М.

1996 *Изучение археологических памятников на реке Семенек*, [в:] Археологические исследования высшей педагогической школы, Воронеж, 21–48.

Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.Т., Паньков С.В.

1983 *История черной металлургии и металлобработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.)*, Киев.

Бидзиля В.И., Пачкова С.П.

1969 *Зарубинецкое поселение у с. Лютеж*, МИА 160, 51–74.

Бобринский А.А.

1978 *Гончарство Восточной Европы*, Москва.

Брайчевський М.Ю.

1964 *Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен)*, Київ.

1968 *Походження Русі*, Київ.

Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М.

1984 *Славянские поселения I тыс. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре*, Киев.

Вернер И.

1972 *К происхождению и распространению антов и склавинов*, СА 4, 116–130.

Винокур І.С. [Винокур И.С.]

1972 *Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н.е.*, Київ.

1983 *Черняховские племена на Днестре и Дунае*, [в:] Славяне на Днестре и Дунае, Киев, 105–135.

1988 *Славяне Лесостепи (от рубежа до третьей четверти I тыс. н.э.)*, [в:] Труды V Международного конгресса археологов–славистов, т. 4, 18–22.

Вознесенская Т.А.

1972 *Техника обработки железа и стали*, МИА 187, 8–49.

Гавритухин И.О.

1989 *Кодынские фибулы (Типы и некоторые проблемы интепретации)*, [в:] Археология и история западных балтов, Клайпеда, 78–85.

1997 *Хронология пражской культуры*, [в:] Труды VI Меж-дународного конгресса славянской археологии, т. 3, Москва, 39–52.

Гавритухин И.О., Обломский А.М.
1996 *Гапоновский клад и его культурно–исторический контекст,* Москва.

Гопак В.Д.
1976 *Кузнечное ремесло славян Днепровско–Днестровского лесостепного междуречья в VI–VIII вв. н.э.,* Автореф. дис. канд. ист. наук, Киев.
1989 *Кузнечное ремесло позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья и Побужья,* СА 1, 190–198.

Гопак В.Д., Заверняев Ф.М.
1981 *Железные изделия Почепского селища,* СА 1, 181–191.

Гопак В.Д., Шовкопляс А.М.
1983 *Черный металл зарубинецкого поселения Оболонь в Киеве,* СА 4, 154–160.

Горюнов Е.А.
1971 *Поселение у с. Чулатово,* КСИА 125, 41–45.
1972 *Селище Целиков Бугор на Средней Десне,* КСИА 129, 42–46.
1981 *Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья,* Ленинград.
1982 *Славянское поселение середины I тыс. н.э. у с. Песчаное Белгородской области,* КСИА 171, 61–65.
1983 *Памятники колочинского типа,* [в:] Древнерусское государство и славяне, Москва, 24–26.

Горюнова В.М.
1985 *Раскопки у с. Бобрава,* АО 1983 г., Москва, 52.

Горюнова В.М., Родинкова В.Е.
1999 *Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор),* Stratum plus 4, 167–219.

Горюнова В.М., Романова Г.А., Щеглова О.А.
1989 *Поселения Верхнестриженское 2 и 3 у с. Сибереж Черниговской обл.,* [в:] Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению (тез.докл.), Гомель, 81–82.

Гудкова А.В.
1990 *Группа венедов в низовьях Дуная,* [в:] VI Международный конгресс славянской археологии (тез. докл. сов. делегации), Москва, 20–23.

Гурин М.Ф.
1982 *Древнее железо Белорусского Поднепровья,* Минск.

Даниленко В.М.
1976 *Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу,* Археологія 19, 65–92.

Даниленко В.Н.
1955 *Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра,* КСИА АН УССР 4, 27–29.

Даниленко В.Н, Дудкин В.П., Круц В.А.
1967 *Археолого-магнитная разведка в Киевской обл.,* АИУ в 1965–1966 гг., 209–215.

Деопик В.Д., Круг О.А.
1972 *Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками,* СА 3, 100–115.

Довженок В.И.
1965 *Черты хозяйства и общественной организации у славян Поднепровья в период заселения Балкан,* ААН XVIII, 29–35.

Дубицкая Н.Н.
1998 *Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь,* [в:] Старажытнасці Бабруйшчыны, Бобруйск, 5–17.

Дубынин А.Ф.
1974 *Щербинское городище,* [в:] Дьяковская культура, Москва, 198–281.

Дьяченко А.Г., Приходнюк О.М., Петренко Е.Н.
1991 *Комплексы I тыс. н.э. из селища Замки (по раскопкам 1976 года),* [в:] Археология славянского Юго-Востока, Воронеж, 26–33.

Егорейченко А.А.
1988 *Племена культуры штрихованной керамики и славянский мир (к вопросу об этнической принадлежности носителей культуры,* [в:] Труды V Международного конгресса археологов–славистов, т. 4, Киев, 61–66.
1991 *Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской обл.,* Archaeoslavica 1, 61–82.

Железняк І.П.
1987 *Рось і лінгвістичні процеси Середньонаддніпрянського Правобережжя,* Київ.

Заверняев Ф.М.
1969 *Почепское селище,* МИА 160, 88–118.
1974 *Селище в устье р. Гасомы,* [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 126–131.

Зеленецька І.Б.
1980 *Нове поселення зарубинецького типу в Подесенні,* Археологія 33, 80–87.

Зиньковская И.В.
2000 *Готы и анты в Днепро–Донской лесостепи,* Воронеж.

Иванов В.В., Топоров В.Н.
1961 *К постановке вопроса о древнейших отошениях балтийских и славянских языков,* [в:] Исследования по славянскому языкознанию, Москва, 298–310.
1980 *О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы),* [в:] Славянские древности, Киев, 11–45.

Иванов С.А.
1991 *Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей),* СС 5, 3–13.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И.
1955 *Новая находка блях с эмалями на Киевщине,* КСИИМК 60, 145–149.

Каменецкий И.С.
1969 *Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса,* МИА 154, 136–172.

Каспарова К.В.
1986 *Поздняя фаза зарубинецких могильников,* [в:] Культуры Восточной Европы I тыс. н.э., Куйбышев, 5–25.
1989 *Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур Припятского Полесья,* [в:] Kultura wielbarska w młod-szym okresie rzymskim, t. II, Lublin, 263–282.

Каргер М.К.
1958 *Древний Киев,* т. 1, Москва–Ленинград.

Козак Д.Н.
1982 *Пшеворська і черняхівська культури у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі,* Археологія 37, 31–48.
1984 *Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі,* Київ.
1992 *Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.),* Київ.

Козак Д.Н., Терпиловський Р.В.

1986 *Про культурно–історичний процес на території України в першій чверті I тис. н.е.*, Археологія 56, 32–46.

Корзухина Г.Ф.

1978 *Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье*, САИ, вып. Е1-43.

Кравченко Н.М.

1979 *Исследование славянских памятников на Стугне*, [в:] Славяне и Русь, Киев, 74–92.

1994 *Черняхівське поселення Обухів та його київське оточення*, [в:] Старожитності Русі–України, Київ, 37–43.

Кравченко Н.М., Абашина Н.С., Гороховський Є.Л.

1975 *Нові пам'ятки I тис. н.е. в Київському Подніпров'ї*, Археологія 15, 87–98.

Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л.

1979 *О некоторых особенностях развития местной культуры населения Среднего Приднепровья в первой половине I тыс. н.э.*, СА 2, 51–69.

Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А.

1985 *Некоторые проблемы методики палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н.э.)*, [в:] Археология и методы исторических реконструкций, Киев, 177–190.

Краснов Ю.А.

1971 *Раннее земледелие и скотоводство в лесной полосе Восточной Европы*, МИА 174.

1978 *Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий*, СА 4, 98–113.

Кропоткин В.В.

1961 *Клады римских монет на территории СССР*, САИ, вып. Г4-4.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В.

1988 *Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе*, [в:] Могильники черняховской культуры, Москва, 168–184.

Кропоткін А.В., Обломський А.М.

1991 *Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–IV ст. н.е.*, Археологія 1, 75–89.

Куза А.В.

1964 *Зарубинецкие памятники около Житомира*, КСИА 102, 34–36.

Кузнєцов Г.О.

1977 *Дослідження пам'яток раннього залізного віку на Чернігівщині*, Археологія 21, 107–109.

Кухаренко Ю.В.

1961 *Средневековые памятники Полесья*, САИ, вып. Е1-57.

1964 *Зарубинецкая культура*, САИ, вып. Д1-19.

1978 *О так называемых зарубинецких памятниках Подолии*, [в:] Проблемы советской археологии, Москва, 142–146.

Кухарская Е.Н.

1981 *Поселение середины I тыс. н.э. у с. Савенки на р. Здвиж*, [в:] Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР (тез. докл. республиканской конференции молодых ученых), Киев, 98.

1991 *Охранные исследования раннеславянских памятников у с. Игнатовка*, АДУ в 1990 р., 36–37.

Кухарська О.М., Обломський А.М.

1988 *Матеріали перших століть нашої ери на поселенні Мена 5 у Середньому Подесенні*, Археологія 62, 41–51.

Кушптан Д.П., Сиволап М.П., Терпиловський Р.В.

1999 *Пізньозарубинецьке поселення на Черкащині*, Археологічний літопис Лівобережної України 2, 34–36.

Лебедев Г.С.

1982 *Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финноугры, славяне)*, [в:] Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо–Востока, Сыктывкар, 41–55.

1989 *Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза*, [в:] Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования), Ленинград, 105–115.

Левченко Д.І.

1993 *Про вплив кліматичних змін на формування та поширення пеньківської культури*, НАЗ 1, 30–36.

Лер-Сплавинский Т.

1964 *О северо-восточных окраинах праславянского языка*, ВЯ 1, 132–144.

Липкинг Ю.А.

1974 *Могильники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посеймье*, [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 136–152.

Лопатин Н.В.

1991 *Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и Северной Белоруссии в первой половине I тыс. н.э.*, [в:] Археология и история юго–востока Руси (тез.докл.конф.), Курск, 50–53.

1997 *Днепро–двинская культура как компонент культуры длинных курганов*, [в:] Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т. 3, Москва, 166–176.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.

1995 *О роли памятников III–V вв. н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины*, ПАВ 9, 136–142.

Любичев М.В.

1993 *Раннеславянское селище на Северском Донце*, Вестник Харьковского университета 374 (история, вып 27), 30–35.

Магомедов Б.В.

1992 *Велика Снітинка 2 – поселення гребінників III–IV ст. н.е.*, [в:] Стародавнє виробництво на території України, Київ, 94–116.

Максимов Е.В. [Максимов Є.В.]

1969 *Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье*, МИА 160, 39–45.

1972 *Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры*, Киев.

1982 *Зарубинецкая культура на территории УССР*, Киев.

1991 *Актуальні питання вивчення зарубинецької культури*, Археологія 4, 3–10.

Максимов Е.В., Орлов Р.С.

1974 *Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева*, [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 11–21.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В.

1978 *Поселения киевского типа близ Чернигова*, [в:] Проблемы этногенеза славян, Киев, 91–108.

1993 *Киевская культура*, [в:] Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (Архе-

ология СССР), 106–122.

Макушников О.В.

1987 *Нижнее Посожье во второй половине I тыс. н.э.*, Автореф. дис. канд. ист. наук, Киев.

Массалитина Г.А.

1993 *Лепная керамика городища и селища Мощино*, КСИА 208, 46–52.

Матвеева Г.И.

1981 *О происхождении именьковской культуры*, [в:] Древние и средневековые культуры Поволжья, Куйбышев, 52–73.

1986 *Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э.*, [в:] Культуры Восточной Европы I тыс. н.э., Куйбышев, 158–171.

1997 *Некоторые итоги изучения именьковской культуры*, [в:] Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т. 3, Москва, 206–217.

Махно Є.В.

1955 *Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. в верхній течії р. Сули*, АП 5, 79–85.

Мачинский Д.А.

1976 *К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках*, АСГЭ 17, 82–100.

1981 *Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии)*, [в:] Формирование раннесредневековых славянских народностей, Москва, 31–52.

Медведев А.П.

1998 *Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н.э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития)*, Археология восточноевропейской лесостепи, вып. 12, 4–18.

1998а *III Чертовицкое городище (материалы первой половины I тыс. н.э.)*, Археология восточноевропейской лесостепи, вып. 12, 42–84.

Мельниківська О.М.

1977 *Могильник юхнівської культури та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині*, Археологія 24, 60–68.

Минасян Р.С.

1978 *Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э.)*, СА 3, 101–112.

1978а *Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья*, АСГЭ 19, 74–85.

Митрофанов А.Г.

1978 *Железный век Средней Белоруссии*, Минск.

1986 *Рец. на: Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. – Минск, 1983*, СА 1, 296–293.

Митрофанова В.І.

1965 *Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці*, Археологія XVIII, 190–195.

Моця О.П., Терпиловський Р.В.

1987 *Соціально–економічний аспект вивчення слов'янських культур півдня Східної Європи*, Археологія 57, 56–57.

Некрасова Г.М. [Некрасова А.Н.]

1988 *Поселення черняхівської культури Хлопків 1 на Київщині*, Археологія 62, 7–82.

1990 *О хронологических различиях черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье*, [в:] VI Международный конгресс славянской археологии (тез. докл. сов. делегации), Москва, 62–64.

Неприна В.І., Корпусова В.М.

1972 *Розвідки по Десні та Сейму*, АДУ в 1969 р., Київ, 347–352.

Никитина Г.Ф.

1974 *Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.*, [в:] Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., Москва, 5–132.

Обломский А.М.

1983 *О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры*, СА 1, 103–120.

1986 *Культурно–типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом киевской культуры*, [в:] Культуры Восточной Европы I тыс. н.э., Куйбышев, 39–67.

1987 *О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры*, СА 3, 68–85.

1990 *Позднезарубинецкое поселение Терновка 2*, [в:] Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 5–42.

1991 *Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э.*, Москва–Сумы.

1992 *Березовка 2 (позднезарубинецкое поселение на Сумщине)*, ПАВ 2, 83–99.

1992а *О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья*, РА 1, 34–47.

1996 *Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры*, РА 4, 51–70.

1998 *Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно–хронологического анализа материалов)*, ГАЗ 13, 59–87.

1998а *Находки позднеримского времени на поселении Писарево*, Археология восточноевропейской лесостепи, 12, 110–123.

1999 *О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время*, [в:] Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий, Липецк, 127–133.

Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н.

1987 *Материалы I тыс. н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.)*, СА 4, 174–186.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В.

1991 *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры*, Москва.

1991а *Материалы киевской культуры с поселения Рябовка 3 на Сумщине*, [в:] Археология и история юго-востока Руси (тез. докл. конф.), Курск, 59–61.

1994 *Посейм'я у латенський час*, Археологія 3, 41–51.

1998 *Поселение Попово–Лежачи 4 и его место среди памятников киевской культуры*, Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica 32, 53–89.

1998а *Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья*, [в:] Археология восточноевропейской лесостепи, 12, 124–156.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В.

1991 *Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины*, Препр., Киев.

Падин В.А.

1974 *Древности VI–VII вв. н.э. в окрестностях Трубчевска,* [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 132–135.

Паньков С.В.

1986 *Черная металлургия племен лесостепной зоны Восточной Европы в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.,* Автореф. дис. канд. ист. наук, Киев.

Пачкова С.П.

1974 *Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери,* Київ.

1988 *Могильник Вишенки и его место среди могильников зарубинецкой культуры,* [в:] Труды V Международного конгресса археологов–славистов, т. 4, Киев, 165–168.

Пачкова С.П., Кубишев А.І.

1992 *Хронологія Пирогівського могильника,* Археологія 4, 75–90.

Пачкова С.П., Терпиловський Р.В.

1988 *Поселення київської культури поблизу с. Вишеньки біля Києва,* Археологія 62, 33–41.

Пашкевич Г.А.

1988 *Палеоботанические исследования в области славянской археологии,* [в:] Труды V Международного конгресса археологов–славистов 4, Киев, 169–174.

1991 *Палеоботанические находки на территории Украины. Каталог I,* Препр., Киев.

Петраускас О.В.

1993 *Історія обряду кремації на території Середнього Подніпров'я у I тис. н.е.,* Автореф. дис. канд. іст. наук, Київ.

Петраускас О.В., Шишкін Р.Г.

1992 *Деякі підсумки археологічних досліджень, проведених на території Правобережної Київщини у 1985–1990 роках (за матеріалами пам'яток пізньоримського часу),* [в:] Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80–х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки, Київ, 96–111.

1999 *Про черняхівські пам'ятки „змішаного” типу на Правобережжі Київського Подніпров'я,* [в:] Етнокультурні процеси в Південно–Східній Європі в I тис. н.е., Київ–Львів, 217–229.

Петров В.П.

1965 *Про зміну археологічних культур на території УРСР у V ст. н.е.,* Археологія XVIII, 3–13.

Поболь Л.Д.

1967 *Поселение железного века около деревни Щатково Бобруйского р–на,* [в:] Древности Белоруссии, Минск, 182–242.

1969 *Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья,* [в:] Древности Белоруссии: Докл. конф. по археологии БССР, Минск, 89–117.

1970 *Поздний этап зарубинецкой культуры,* [в:] Очерки по археологии Белоруссии, т. 1, Минск, 168–183.

1971 *Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры),* Минск.

1973 *О новых археологических памятниках БССР VI–IX вв.,* [в:] Славяните и средиземноморският свят в VI–IX век: Международен симпозиум по славянска археология, София, 273–230.

1974 *Древности середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Поднепровье,* [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 160–172.

1983 *Археологические памятники Белоруссии. Железный век,* Минск.

Попко О.О.

1971 *Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни,* [в:] Середні віки на Україні, Київ, 129–140.

Приходнюк О.М.

1980 *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е.,* Київ.

1985 *Славянское население Юго–Восточной Европы VI–VII вв. (пеньковская культура),* Автореф. дис. докт. ист. наук, Киев.

1988 *О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья,* КСИА 194, 68–75.

1991 *Пеньковские древности Днепровского лесостепного Левобережья,* [в:] Археология и история юго–востока Руси (тез. докл. конф.), Курск, 66–67.

1991a *О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры,* [в:] Древности Юго–Запада СССР (I – середина II тыс. н.э.), Кишинев, 106–124.

1998 *Пеньковская культура,* Воронеж.

Русанова И.П.

1973 *Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом,* САИ, вып. Е1-25.

1976 *Славянские древности VI–VII вв.,* Москва.

1990 *Этнический состав носителей пшеворской культуры,* [в:] Раннеславянский мир, Москва, 119–150.

Русанова И.П., Тимощук Б.А.

1984 *Кодын – славянские поселения V–VII вв. н.э. на р. Прут,* Москва.

Савчук А.П.

1969 *Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж,* МИА 160, 82–87.

Свод древнейших письменных известий о славянах.

1991 *Том I (I–VI вв.),* Москва.

Седов В.В.

1970 *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья,* МИА 163.

1978 *Анты,* [в:] Проблемы советской археологии, Москва, 164–173.

1979 *Происхождение и ранняя история славян,* Москва.

1982 *Восточные славяне в VI–XIII вв.,* Археология СССР, Москва.

1994 *Славяне в древности,* Москва.

1995 *Славяне в раннем средневековье,* Москва.

Серебрянная Т.А.

1982 *О динамике лесостепной зоны Русской равнины в голоцене,* [в:] Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене, Москва, 176–189.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.

1990 Киев.

Сміленко А.Т.

1975 *Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.),* Київ.

Старостин П.Н.

1986 *Именьковские могильники,* [в:] Культуры Восточной Европы I тыс. н.э., Куйбышев, 90–104.

Сухобоков О.В.
1975 *Славяне Днепровского Левобережья*, Киев.

Сымонович Э.А.
1974 *Поселение Воробьевка 2 в Курской области*, КСИА 140, 76–83.
1975 *Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин–Акатово) и ее место в славянском этногенезе*, Slavia Antiqua 22, 17–28.
1983 *Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов*, СА 1, 91–102.
1986 *Раннесредневековое поселение Тазово под Курском*, СА 4, 183–193.
1990 *Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска*, [в:] Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 78–110.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М.
1983 *Погребальные обряды черняховских племен*, САИ, вып. Д1-22.

Телегін Д.Я., Бєляєва С.О.
1975 *Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі*, Археологія 18, 95–107.

Телегін Д.Я., Круц В.О., Степанчук В.М.
1983 *Із робіт експедиції "Славутич" у 1979 р.*, Археологія 42, 90–95.

Терпиловский Р.В.
1981 *К сложению памятников киевского типа*, [в:] Актуальные проблемы археологический исследований в Украинской ССР (тез. докл. Республиканской конференции молодых ученых), Киев, 94–95.
1984 *Ранние славяне Подесенья III–V вв.*, Киев.
1988 *Новые исследования памятников III–IV вв. в Среднем Поднепровье*, [в:] Труды V Международного конгресса археологов–славистов, т. 4, Киев, 208–212.
1989 *К методике сравнительного анализа памятников Поднепровья римского и раннесредневекового времени*, [в:] Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР (тези доповідей), Київ, 224–226.
1989a *К проблеме контактов киевской и вельбарской культур*, [в:] J. Gurba, A. Kokowski (red.) Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim, t. 2, Lublin, 231–247.
1990 *Новые исследования памятников первой половины I тыс. н.э. на Сумщине*, [в:] Питання археології Сумщини, Суми, 60–64.
1994 *Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку*, [в:] Старожитності Русі–України, Київ, 73–79.
1999 *Населення лісової зони Подніпров'я I тис. н.е. – балти чи слов'яни?*, [в:] Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е., Київ–Львів, 291–298.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.
1992 *Памятники киевской культуры. Свод археологических источников*, Киев.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В.
1996 *Олександрівка I – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова*, Чернігів.

Тимощук Б.А.
1990 *Восточнославянская община VI–IX вв. н.э.*, Москва.

Тихомиров Н.А.
1990 *Княжинский и Лебяжинский могильники*, [в:] Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 134–161.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В.
1990 *Поселения Гочево I и Гочево 2 на р. Псел*, [в:] Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 43–77.

Топоров В.Н.
1961 *К проблеме балто–славянских языковых отношений*, [в:] Актуальные проблемы славяноведения (КСИС 33–34), Москва, 217–221.

Третьяков П.Н.
1966 *Финно–угры, балты и славяне на Днепре и Волге*, Москва–Ленинград.
1970 *У истоков древнерусской народности*, МИА 179.
1974 *Древности второй и третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье*, [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 113–116.
1982 *По следам древних славянских племен*, Ленинград.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А.
1963 *Древние городища Смоленщины*, Москва–Ленинград.

Трубачев О.Н.
1991 *Этногенез и культура древнейших славян*, Москва.

Филин Ф.П.
1962 *Образование языка восточных славян*, Москва–Ленинград.

Фокєєв М.М.
1998 *Населення Буджакського степу у I ст. до н.е. – IV ст. н.е.*, Автореф. дис. канд. іст. наук, Одеса.

Фролов И.К.
1979 *О домостроительстве первой половины I тыс. н.э. на территории Подесенья и Поочья*, СА 1, 63–72.

Хабургаев Г.А.
1980 *Становление русского языка*, Москва.

Хавлюк П.И. [Хавлюк П.І.]
1974 *Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга*, [в:] Раннесредневековые восточнославянские древности, Ленинград, 40–118.
1975 *Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра*, [в:] Археологія 18, 7–19.

Хреков А.А.
1997 *Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной интерпретации)*, [в:] Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т. 3, Москва, 325–336.

Циндровська Л.О.
1982 *Про деякі типи фібул перших століть нашої ери на Середньому Подніпров'ї*, Археологія 37, 86–94.

Шадыро В.И.
1992 *К истории населения Северной Беларуси в I тыс. н.э.*, [в:] Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза (тез. докл. конф.), Менск, 107–109.

Шекун А.В., Терпиловский Р.В.
1993 *Памятники I в. до н.э. – VII в. н.э. у с. Деснянка близ Чернигова*, Чернигов.

Шелов Д.Б.
1978 *Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры*, КСИА 156, 16–21.

Шишкін Р.Г.

1996 *Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I–V ст. н.е.*, Автореф. дис. канд. іст. наук, Київ.

Шмидт Е.А.

1975 *Днепро-двинские племена в I тысячелетии н.э.*, Автореф. дис. докт. ист. наук, Москва.

1992 *Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства*, Москва.

Шовкопляс А.М.

1988 *Древние и раннесредневековые славянские памятники на территории Киева*, [в:] Труды V Международного конгресса археологов–славистов 4, Киев, 235–240.

Щербакова Т.А.

1991 *Памятники типа Этулия (истоки и пути формирования, направления хозяйственной деятельности)*, [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (материалы конф.), Киев, 237–238.

Щербакова Т.А., Кашуба М.Т.

1990 *Два новых культурно–хронологических горизонта на посаде древнерусского городища Алчедар (МССР)*, [в:] Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья (тез. докладов), Белгород–Днестровский, 117–119.

Щукин М.Б.

1972 *Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой*, АСГЭ 14, 43–52.

1976 *Археологические данные о славянах II–IV вв. Перспективы ретроспективного метода*, АСГЭ 17, 67–81.

1979 *К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций*, АСГЭ 20, 66–89.

1980 *Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян*, [в:] Материалы III Международного конгресса славянской археологии, т. 2, Братислава, 399–411.

1981 *Горизонт Рахны–Почеп: причины и условия образования*, [в:] Культуры Восточной Европы I тыс. н.э., Куйбышев, 26–38.

1987 *О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути*, АСГЭ 28, 103–118.

1988 *Керамика киевского типа с поселения Лепесовка*, СА 3, 207–214.

1989 *Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян*, [в:] Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исслед.), Ленинград, 56–62.

1990 *Раскопки у х. Кулига в верховьях Псла*, [в:] Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 50–53.

1994 *На рубеже эр*, Санкт–Петербург.

1997 *Рождение славян*, [в:] Стратум: структуры и катастрофы, Санкт–Петербург, 110–147.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.

1985 Киев.

Юркова Н.В., Коваленко В.П.

1975 *Пізньозарубинецькі поселення на Чернігівщині*, Археологія 18, 71–75.

Birnbaum H.

1973 *O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrzej i metody porównawczej*, [w:] American contributions to the Seventh International congress of Slavists, v. 1, Warszawa, 33–58.

Godłowski K.

1970 *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe*, PA 11.

1979 *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Sło-wian w V–VII w. n.e.*, Kraków.

1985 *Wschodnia koncepcja pierwotnych siedzib Słowian*, ZOW LI/3–4, 143–154.

Liana T.

1970 *Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim*, WA XXXV/1, 429–490.

Łowmiański H.

1963 *Początki Polski*, t. 1, Warszawa.

Navickaite-Kunciene O.

1968 *Reketes kapininas*, LAP, Vilnius, 161–183.

Parczewski M.

1988 *Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce*, Rozprawy habilitacyjne 141, Kraków.

1998 *U źródeł Słowiańszczyzny*, [w:] Słowianie w Europie wcześniejszego średniowiecza, Warszawa, 33–51.

Prahistoria ziem polskich.

1981 *Prahistoria ziem polskich. Późny okres lateński i okres rzymski*, t. V, J. Wielowiejski (red.), Wrocław–Warszawa.

Schmid W.-P.

1984 *Alteuropa und das Balticum*, Baltica XX (1), Vilnius, 115–122

Szczukin M.

1981 *Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska*, [w:] Problemy kultury wielbarskiej, Słupsk, 143–160.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Балакин С.А., Зализняк Л.Л., Нужный Д.Ю.

1978 *Отчет о полевых работах Полесского мезолитического отряда в Киевском Полесье в 1978 г.*, НА ИА НАНУ.

Валькова Т.П.

1989 *Отчет об археологических исследованиях в Черниговском, Городнянском, Менском районах Черниговской области в 1989 г.*, НА ИА НАНУ.

1990 *Отчет об охранных археологических раскопках на поселении у с. Гребля Менского района Черниговской обл. в 1990 г.*, НА ИА НАНУ.

1991 *Отчет об археологических раскопках на поселении у с. Гребля Менского района Черниговской обл. в 1991 г.*, НА ИА НАНУ.

1992 *Отчет об охранных археологических исследованиях многослойного поселения у с. Гребля Менского района Черниговской обл. в 1992 г.*, НА ИА НАНУ.

Гороховский Е.Л.

1988 *Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*, Дис. канд. ист. наук, НА ИА НАНУ.

Горюнова В.М., Романова Г.А., Щеглова О.А.

1987 *Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1987 г.*, НА ИИМК РАН.

Горюнова В.М.

1988 *Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г.*, НА ИИМК РАН.

1989 *Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г.*, НА ИИМК РАН.

Жаров Г.В., Майборода Т.Н.

1992 *Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г. (Городнянский и Щорский р-ны)*, НА ИА НАНУ.

Журко А.И.

1990 *Отчет об археологических исследованиях поселения черняховской культуры у с. Песчаное Сумского р-на Сумской области в 1990 г.*, НА ИА НАНУ.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В.

1989 *Отчет о разведывательных работах Белгородской раннеславянской экседиции на территории Белгородской и Сумской областей в 1989 г.*, НА ИА НАНУ.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Приймак В.В.

1991 *Отчет о работах Левобережной раннеславянской экспедиции в 1991 г.*, НА ИА НАНУ.

Некрасова А.Н., Терпиловский Р.В.

1989 *Отчет о раскопках на поселении и могильнике черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого р–на Сумской обл. в 1989 г.*, НА ИА НАНУ.

1990 *Отчет о работах на поселении и могильнике черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого р–на Сумской обл. в 1990 г.*, НА ИА НАНУ.

1991 *Отчет о раскопках памятников у с. Боромля Тростянецкого р–на Сумской обл. в 1991 г.*, НА ИА НАНУ.

Серов О.В., Левада М.Е., Максюк К.И.

1990 *Отчет об археологических исследованиях на Киевщине экспедиции Киевского областного управления культуры в 1990 г.*, НА ИА НАНУ.

Супруненко О.Б., Терпиловський Р.В.

1997 *Звіт про охоронні дослідження поселення пізньозарубинецького часу в ур. Озеро (Перемірки) біля с. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. в 1997 р.*, НА ИА НАНУ.

Телегин Д.Я.

1954 *Исследования неолитических стоянок в окрестностях г. Киева.*, НА ИА НАНУ.

Терпиловский Р.В.

1993 *Отчет об охранных раскопках поселения Октябрьское 2 (Путивльский р–н, Сумская обл.) в 1993 г.*, НА ИА НАНУ.

Шекун А.В.

1992 *Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г.*, НА ИА НАНУ.

Юренко С.П.

1974 *Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции „Днепр–Донбасс" в 1974 г.*, НА ИА НАНУ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Abbreviations

АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АИУ – Археологические исследования на Украине
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АП – Археологічні пам'ятки УРСР
АО – Археологические открытия
ВЯ – Вестник языкознания
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины
НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры Российской АН
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПАЗ – Полтавський археологічний збірник
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СС – Советское славяноведение
AAH – Acta Archaeologica Hungarica
ZOW – Z otchłani wieków
LAP – Lietuvos archeologiniai paminklai
PA – Prace Archeologiczne
WA – Wiadomości Archeologiczne

Slavonic tribes in the Dnieper region in the first half of the first millennium A.D.

Introduction

The complicated history of the Slavonic peoples, their considerable contribution to the formation of the map of the modern Europe explains the interest in the life of the early Slavs that was not covered by written history until the 6th century. The problem of the origin of the Slavs belongs to the group of "eternal" problems of science. The processes that had led to the emergence of one of the largest European ethnos on the historical stage are still not sufficiently investigated. This may be explained by the complexity of the ethno-genetics processes and the lack of reliable written documents on the remote regions – the ancient homeland of the Slavs before their extensive spread. In this connection, the origin of the Slavs is being studied primarily on the basis of linguistic and archaeological sources.

Contrary to the linguistic data which are very often devoid of clarity in spatial and chronological terms, the archaeological materials are very concrete historically, and geographically localized. Archaeologists' approach to the problem of the origin of the Slavs presupposed mainly a search for archaeological predecessors of the early Slavs.

In the last 50 years, the archaeological specialists in the history of the Slavs have obtained significant results by studying the artefacts of the first millennium A.D. In particular, a number of archaeological cultures of the Roman period similar to the Slavonic sites dated to the 5th–7th centuries A.D. in typological terms have been found. The most attractive, among them, are the sites of the Middle, Upper and Left Bank of the Dnieper Region from the first half of the first millennium A.D. They may be divided into two successive groups: the Late Zarubintsi sites from the 1st–2nd centuries A.D., and the Kiev culture from the 3rd–5th centuries. Though the role of these artefacts in the formation of the early medieval Slavonic cultures is recognized by almost all leading archaeologists, there is still a number of problems to be solved.

This work focuses on a comprehensive study of the history of the Late Zarubintsi and the Kiev tribes within the 1st–5th centuries and their relation to the Slavs from the 5th–7th centuries. For this purpose, such tasks of studying the historical sources, as defining the archaeological complex of cultural groups, their territorial bounds and chronological frame, the local peculiarities, etc. should be undertaken. This opens up the possibilities of cultural and historical interpretations that would clarify the peculiarities of the social-economic development, and the ethnic origin of the Late Zarubintsi and Kiev sites, as well as their relationship to the other synchronous and diachronous ethnic-cultural communities.

The work presents a comparative analysis of the Zarubintsi culture, the sites of the Zubra (Volyn/Podillia) group, the north-western group of the Cherniakhov culture, and of the Kolochino, Penkovka and Prague cultures.

The territory of the Late Zarubintsi and Kiev sites covers the larger part of the Dnieper basin (mostly the Left Bank of the basin in its middle and upper flow), including rivers such as the Sozh, Desna, Seim, Psiol, Vorskla, Teteriv, Irpin, Stugna, etc., as well as the riverhead of the Seversky Donets and the river Oskol. Thus, the work discusses the forest-steppe zone and the forest zone of Ukraine, and also the adjoining regions of Russia and Belarus.

Archaeological material from the 1st–5th centuries A.D., discovered by archaeologists from Kiev, Cherniakhov, Sumy, Kharkiv, Moscow, Saint-Peterburg, Kursk, Minsk, Gomel, and others, are the main source of the research. The research is based on about 80 of the Late Zarubintsi sites, dated to the 1st–2nd centuries, and approximately 300 Kiev sites, dated to the 3rd–5th centuries. Approximately 50 of the Late Zarubintsi sites and 92 of the Kiev culture sites have been excavated. Of particular interest are the thoroughly explored sites be-longing to the Late Zarubintsi culture, such as Lyutezh, Pochep, Sinkovo, Kartamyshevo 2, Ternovka and others; the sites of the Kiev culture, such as Obukhov 3, Glevakha, Lavrikov Les, Roische, Ulianovka, Popovo-Lezhachi 2, Gochevo 1, Shishino 5, Bukreevka 2, Kamenevo 2 and others, as well as the burial grounds, such as Kazarovichi, Novie Bezradichi, Prioskolskoe 2 and others. As a result of the excavations of the aforementioned sites and the processing of several unpublished complexes, the information about 360 constructions, dated to the 1st–5th centuries, and 70 burial grounds, dated to the 1st–5th centuries has been obtained. Materials from the funds of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev), Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Russian Federation (Moscow), the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the Hermitage (Saint-Petersburg), the Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus (Minsk), Chernigov and Kharkov Historical Museums, Sumy, Kursk, Gomel and Mogilev Regional Museums have been extensively used as well.

The methodology of this research is based on the following principles:

- The interrelation between ethnos and the nature of the material culture;
- The application of a retrospective principle in order to define generically related cultures;

Defining the typological and chronological characterristics of cultural groups according to reliable complexes, followed by the subsequent application of mass material;

Comparing sites which are maximally similar using a comparative analysis for obtaining the appropriate results;

- The generic nature of diachronic cultures, determined not only by means of their typological similarity, but also by a specific character of their socio-economic structure.

Historiography

1. The problem of identification of Slavonic sites of the Roman period and their interpretation

It has become clear during the last decades that the formation of the Slavonic cultures, dated back to the 5th–7th centuries, is related to the Cherniakhov culture only indirectly. These cultures belong to different structural models and have no direct generic relations with each other.

The hypothesis that the Slavonic sites from the third quarter of the first millennium A.D. evolved from the artefacts of the forest zone and forest-steppe zone – the successors of the Zarubintsi culture – has gained wide popularity since the fifties. V.N. Danilenko, P.N. Tretiakov and their followers have properly identified the structural similarity of these cultural groups and the Slavonic materials. They also determined the new prospects of field investigations. However a comprehensive system to prove this was not developed.

Some authors are looking for compromise settlements, trying to identify the Slavonic elements in the Przeworsk and Cherniakhov cultures. In particular, I.P. Rusanova and V.V. Sedov are the followers of this concept, but the characteristics which they identified do not form the same structure that is typical of the early medieval Slavonic cultures.

Since the 1970s, a new conception has been formed. The followers of this conception are trying to consider all, the constructive conclusions of the previous hypo-theses. More and more attention is being paid to the investigations aimed at solving a number of a source study problems, namely, the search for new sites, their thorough investigation and interpretation (V.D. Baran, E.A. Goriunov, D.N. Kozak, A.M. Oblomsky and others).

The importance of the Late Zarubintsi and Kiev sites among the artefacts of the first millennium A.D. has caused the appearance of various conceptions related to their origin and their role in forming the early medieval cultures. For example, V.N. Danilenko, P.N. Tretiakov, L.D. Pobol considered the sites of the Kiev type as a direct continuation of the Zarubintsi culture, or a final phase of its development. Yu.V. Kukharenko did not acknowledge the existence of the Late Zarubintsi sites at all. V.V. Sedov and I.P. Rusanova consider the representatives of the culture of the south part of a forest-zone as the Balts. E.A. Symonovich was trying to demonstrate the typological similarity of the Kiev and Cherniakhov cultures that, in his opinion, were equally typical of the Slavs. V.D. Baran and D.N. Kozak, ac-knowledge the presence of the "Zarubintsi" line in the ethno genesis of the Slavs, but pay much of their atten-tion to the ethnic-cultural processes in the north-western regions of Ukraine, distinguishing here the Zubra (Volyn/Podillia) group and specific Cherniakhov sites. In other words, the researchers associate the origin of the Prague culture with them. M.B. Shchukin, D.A. Machinskiy identify the search of the predecessors of the Prague culture with the zone called "a blank spot of Polissia"; at the same time, they do not deny the importance of the Late Zarubintsi and Kiev sites in the cultural formation of the Left-Bank Slavs. O.M. Prikhodniuk proposes to date the beginning of the Kolochino and Penkovka cultures to the 3rd–4th centuries A.D., denying the existence of an independent Kiev culture. There are certain discrepancies between different researchers regarding the definition of typological relations, chronology, territory of the above mentioned cultural groups and separate sites.

2. The history of field investigations

The development of the aforementioned conceptions was stimulated by the results of field investigations. In the late 40s and early 50s, V.N. Danilenko identified the Kiev type sites by means of analysis of some materials for the Kiev neighbourhood. A number of basic sites of the Kiev type, such as Novie Besradichi, Khodosovka, Bortnichi (excavated by V.N. Danilenko), Kazarovichi (excavated by E.V. Maksimov), Obukhov 2, 3, and 7 (excavated by N.M. Kravchenko, N.S. Abashina, E.L. Gorokhovskiy), Sushky 2 (excavated by O.M. Prikhodniuk), Glevakha (excavated by R.V. Terpilovsky) and others, were further studied in this region. At the same time, investigations of the Late Zarubintsi sites, such as Lyutezh (V.I. Bidzilia, S.P. Pachkova) and Obolon (A.M. Shovkoplias) were conducted.

The main materials in the Desna basin were discovered during the excavations of the sites Pochep (F.M. Zaver-niaev) and Sinkovo on the river Sudosti (A.K. Ambroz). The sites of the Kiev culture have been invest-tigated near Novgorod-Siverskiy and Sosnitsa-Lavrykiv Les, Forostovichi, Kireevka 1 (P.N. Tretiakov, E.A. Goriunov), as well as the sites near Chernigov – Ulianovka, Roische (E.V. Maksimov, R.V. Terpilovsky), Titova Rechka, Aleksandrovka 1 (A.V. Shekun), Verkhnestrizhenskoye 2, 3 (G.A. Romanova, O.A. Shcheglova), Greblia (T.P. Valkova). The sites Popovo-Lezhachi 4 and others have been excavated on the Seim River by A.M. Oblomsky and the author of this study.

The Late Zarubintsi sites, such as Vovky, Kartamyshevo 2 (E.A. Goriunov), Bobrava 3, Gochevo 7 (V.M. Goriunova), Ternovka 2, Beriozovka 2 (A.M. Oblomsky) and others, have been investigated to the east of the Left Bank Dnieper Region. The sites such as Vorobiovka 2, Tazovo, Bukreevka 2, Kamenevo 2 (E.A. Symonovich), Kurgan-Azak (O.V. Sukhobokov), Shmyrievo (E.A. Goriunov), Shishino 5 (A.M. Oblomsky), Gochevo 1, 2

(N.A. Tikhomirov, R.V. Terpilovsky), Boromlia 2 (A.N. Nekrasova and the author), can be regarded as the sites of the Kiev culture. The burial grounds Kuliga (M.B. Shchukin) and Prioskolskoe 2 (A.M. Oblomsky) have been investigated as well.

Abidnia and Taimanovo (L.D. Pobol) can be regarded as the main sites and burial-grounds of the Kiev culture of the Upper Dnieper Region. However, there are only general data about them in scientific literature. O.A. Makushnikov and A.I. Drobushevsky have investigated several sites in the Gomel region.

The results of the investigation of the Late Zarubintsi and Kiev sites were summed up in the monographs of the following authors: R.V. Terpilovsky (1984), A.M. Oblomsky, R.V. Terpilovsky (1991), R.V. Terpilovsky, N.S. Abashina (1992).

3. The problems with the investigation of ceramic complexes

The problems with the identification of the materials under consideration are connected with the interprettation of the most numerous categories of archaeological materials – modelled ceramics. In other words, the problems concerned the development of the typological schemes. The typology we use here is based on the principle of the hierarchy, and envisages a classification according to: the maximum widening of the body, types of the general vessels' curvature, and variations with aspect to the upper part of a vessel (Fig. 1). Rounded and slightly profiled vessels constitute class I: type 1 – vessels with convex curvature of the upper part, type 2 – less slightly profiled vessels with an even curvature of the upper part, type 3 – tulip-shaped vessels with a wide neck, type 4 – vessels with turned-in rims.

Vessels with a ribbed body constitute class II: type 1 – vessels with bended upper part, type 2 – biconical vessels, type 3 – cylinder-conic vessels. The main types of the Late Zarubintsi and Kiev ceramics may have some individual forms.

Tableware is mainly represented by the bowls of the Late Zarubinsti period. As a rule, comparatively innumerous polished vessels of the Kiev type differ from the Late Zarubintsi bowls by more elongated proportions. According to our typology, the bowls with convex curvature belong to class I, and different kinds of ribbed bowls, that are more numerous, constitute class II. Disks or frying pans with a small skirting and conical earthen saucers or lids expand the ceramic complex. The specific character of the ceramic complexes can be defined, first of all, by the correlation of the leading types of pots, some changes in their curvature, and by their proportions

The Late Zarubintsi sites of the Dnieper Region of the 1st–2nd centuries A.D.

1. Disintegration of the Zarubintsi culture and its consequences

At the turn of the new era, the La Téne traditions disintegrated, which led to the disappearance of such cultures as Poyaneshty-Lukashovka, Jastorf and others, as well as to a significant transformation of the Przeworsk and Oksyv cultures. The crisis enveloped the Zarubintsi culture of the Upper Dnieper region, too. The culture did not disappear completely, though some discontinuity in the development of the Zarubintsi materials was obvious.

The main indicators of the crisis, in our opinion, are the following: disappearance of the Zarubintsi sites of the Pripiat Polessie region within a comparatively short period of time, suspension of the functioning of all Zarubintsi burial-grounds and a number of sites of the Dnieper Region, mass migration of the population from their native lands in different directions right up to the South and West Bug in the west, and to the upper reaches of the Desna, Psiol, and Seversky Donets in the north-east and the east, alterations of the sites' topography (intensive emergence of sites on the low by-flood lands or on the flood-lands).

Disintegration of the Zarubintsi culture gave a powerful incentive for the development of a new cultural phenomenon in the new historical conditions of the early Roman times. The unification of the Late Zarubintsi sites into a certain community and their setting apart from the proper Zarubintsi sites is based on the conception of a decline of the Zarubintsi culture. The earliest date of the Late Zarubintsi sites is determined by the period of the Zarubintsi culture disintegration. Most likely, it was not a one-time event, but a number of the consecutive events of middle- third quarter of the first century A.D. On the whole, the latest date of the Late Zarubintsi sites is restricted to the Kiev culture that replaced the Zarubintsi culture at the end of the 2nd – beginning of the 3rd centuries A.D.

The reasons behind the disintegration of the Zarubintsi culture are still not clarified. According to Yu.V. Kukharenko, the Zarubintsi population was forced out from the Pripiat Polessie Region by the Goths. However, after the more precise chronological definition of the burial grounds of Brest-Trishin type was achieved, it became clear that there was a chronological gap between the final stage of the Zarubintsi sites and the arrival of the Goths to the Polesie Region. The Zarubintsi burial grounds ceased to function at the turn of the Late La Téne and B_1 period, and the earliest Wielbark complexes could be referred to the stage C_1.

M.B. Shchukin has proposed the conception of the Sarmatian invasion into the territory of the Middle Dnieper Region. However, in our opinion, the conception of the Sarmatian invasions does not explain all the phenomena related to the disintegration of the Zarubintsi community. The Sarmatian invasion could hardly have led to a withdrawal of the Zarubintsi community from a forest-zone: sufficiently isolated communities of Polessie

and the Upper Dnieper Regions could have existed even after the devastation of the Middle Dnieper Region.

It seems that the reasons behind the disintegration of the Zarubintsi culture could not have been of local origin (the invasion of the Goths or Sarmatians), but of global origin as well; these reasons should have been equally applicable throughout the territory of the Zarubintsi culture. In addition to the migration, they would have caused changes in the household's methods as well as in the social life of the population. In our opinion, a complex of different reasons caused the disintegration of the Zarubintsi culture, enough which, the ecological processes were very important factors. It cannot be excluded that climatic fluctuations were the general cause of the eastern – European migrations of the 1st–2nd centuries A.D.

The Late Zarubintsi sites formed in these conditions are characterized by a considerable variety, which was stipulated by the degree of preservation of the classical Zarubintsi traditions, availability of other ethno-cultural components, etc. Taking into consideration the dissemination of the Zarubintsi sites, combined with a comparatively small number of similar features throughout a vast area, M.B. Shchukin prefers to determine this phenomenon "as the Rakhny-Pochep horizon." This determination is conceptually very close to a definition "cultural group", used by D.N. Kozak concerning the concurrent Volyn-Podillia (Zubra) sites. It is implied that cultural group is an independent archaeological phenolmenon typical of the initial stage of an archaeological culture formation.

2. The sites of the Lyutezh type

Sites of the Lyutezh type appeared in the eastern part of the Middle Dnieper Region, at the border of a forest and forest-steppe zone. The following seven sites were excavated: Lyutezh, Obolon, Tatsenki, Teterevka, Chapaevka, Novie Bezradichi, Vishenki. Two burials with cremation are known in Bortnichi and Zhukin. According to the exploration data, there are other nine sites (Appendix 1, Fig. 2).

Dated archaeological findings are divided into two groups. Fibulae of variant M (Tatsenki 1), (Obolon) and P/R (Volchkov) make up the first group. Bronze and iron spurs from Obolon, which were typical of the late La Téne period and existed only within this period, belong to this group as well.

To the second group belong findings, dated to a later period: eye fibula from Lyutezh (type IV of series B according to R. Jamka), a fragment of an enamelled horseshoe-shaped fibula from Obolon, buckles of Bezradichi-Krispinuv and Tarnuv types, as well as spurs of group 1 according to K. Godłowski (Novie-Bezradichi). All these findings are typical of the 2nd century A.D.

The "Venedish" fibula (Bortnichi) and the well-known complex of ornaments from Zhukin are related to two cremations near Kiev. Several more dozens of different artefacts originated from the Middle Dnieper Region. Some of them are probably related to the Late Zarubintsi sites (Fig. 3).

Thus, one might assume that the main sites on the right bank, dated back to no later than the third quarter of the first century A.D., were abandoned, but the sites on the flood-lands (the landscape type) continued to exist even later. Although Lyutezh and Obolon emerged in the final stage of the Zarubintsi culture, the main period of their existence is related to the 1st–2nd centuries A.D.

Specific features of the Lyutezh type-sites can be illustrated most expressively by the ceramics of the eponym site, since the Obolon materials are not published. The share of polished ceramics from Lyutezh amounts to 17,2%. Rounded pots of I-1 and I-2 types of variant *b*, as well as ribbed vessels of II-1 type of variants *a*, *b*, and II-2b are represented at the site. Among polished bowls, the most typical forms are those of variant I-1 a, II-1a, II-2a and II-3b. The ceramic complex is supplemented by discs and conical lids with a hollow handle (Fig. 4-6).

Lyutezh ceramics by its shape and proportions is very similar to the pottery from the classical Zarubintsi sites (Pilipenkova Gora, Babina Gora, Khodosovka) and from the burial grounds of the Middle Dnieper Region (Dedov Shpil, Korchevatoe, Pirogov).

The type of dwellings at "flood-lands" sites is well studied on the basis of the materials of Obolon, where 55 well preserved dwellings were investigated. Three dwellings were excavated in Lyutezh and one – in Novie Bezradichi. These are small, rectangular semi-subterranean huts, with an average wall length of 3,5–4,5 m heated by an open oven (Appendix 2, fig. 7:1). An ordinary oven and clay hearths were preserved. The oven was usually placed either in the corner of a dwelling, or near one of its walls. Timber construction was apparently more often used than the frame one.

Beside the dwellings on the sites of the Middle Dnieper Region, dated to the 1st–2nd centuries A.D., numerous household pits were found. Their diameter and depth vary from 0,6-0,7 m to 1,5 m. The most numerous household pits (more than 900) have been found on the Obolon.

3. The sites of the Pochep type

The sites of the Pochep type were located on the banks of the Desna (mainly the upper stream) and the nearest tributaries (Sudost', Navlia). 13 sites have been excavated, namely: Pochep, Sinkovo, Sinkovo-Dmitrovo, Zheleznoe, Belokamenka, Kiselevka 3 and others (Appendix 3, fig. 2). The share of polished ceramics amounts from 4-5% to 11%. The non-polished vessels of type I-1 of variant *b*, somewhat rarely – vessels of type I-1 of variant *a* and I-2*b* are the most frequent fin-dings. Other vessels have unique shapes. The essential dominance of rounded vessels over the ribbed ones is typical of the ceramic complex of the Pochep type. Rounded vessels with a high vertical neck represent the specific polished form. The most typical forms of bowls are forms with vertical rims of type II-3 of variant *a*. Other forms are rare (Fig. 8-10). Disc-lids are missing.

The Pochep dwellings of the sites Sinkovo and Pochep are the most intensively investigated. These dwellings can

be divided into two parts: typical small semi-subterranean dwellings and ground dwellings of about 18 m in length and 2,5-4,5 m in width. The construction of the walls consists of a double-row of vertical pillars. The dwelling is divided into three parts: "cold inner porch", living quarters with an oven in its centre, "warm" part with a sub-rectangular pit.

Information about two dozens of semi-subterranean dwellings is available (most of them were investigated on the Pochep site). The semi-subterranean dwellings are usually rectangular. The availability of a central rod post is very typical – it is noted in 16 cases out of 20. The ovens were rarely traced (Appendix 2, fig. 7:*3-5*).

The chronology of the Pochep type-sites can be determined by the findings of middle-European, antique and local origin. Three fibulae of variant P/R, the iron buckle of type I – variant *c* according to R. Madyda (Pochep), the eye fibula of type VII series A according to R. Jamka, and fragmented fibula of variant P/R from Sinkovo belong to the first group.

The group of antique-imported materials consists of a plaque made of the Egyptian faience and dated to the 1st–2nd A.D., a crossbow fibula with inverted foot of series I – variant 2 (ac. Ambroz – dated to the second half of 1st and 2nd century A.D.), and grey-polished jug with a cylindrical neck (2nd–3rd centuries A.D.).

Dated findings of the local origin are represented by the tendril fibula of variant F according to Yu.V. Kukharenko (Pochep), a series of seven fibulae of the "Pochep type" from Pochep, Sinkovo and Zheleznoe (Fig. 11). Fibulae of variant F are similar to variant P/R. Pochep fibulae are dated to the second half of 1st and 2nd centuries A.D. On the whole, the chronological limits of the Pochep type sites can be restricted to the middle – third quarter of 1st and 2nd centuries A.D.

4. The sites of Kartamyshevo 2 and Ternovka 2 type

Sites of Kartamyshevo 2 and Ternovka 2 type are located in the forest-steppe zone in the east of the Dnieper Left Bank Region (the upper reaches of Seim, Psiol and Vorskla) and in the Severskiy Donets basin. Complexes and materials from this period are investigated in 24 sites (Kartamyshevo 2, Bobrava, Gochevo 7, Ternovka 2, Beriozovka 2 and others). According to the exploration data, there are 50 sites in total (Appendix 1, Fig. 2).

Collection of crude clay ware consists of rounded vessels of type I-1, tulip-shaped vessels of type I-3 – variant *a*, as well as ribbed vessels of types II-1b and II-2b. Discs (Fig. 12-17) are found on the sites in Severskiy Donets Basin and, more rarely, in the Dnieper Basin (Beriozovka 2).

The share of polished pottery in both cases is insignificant: in Prioskolskoe 1 and Ternovka 2 it amounts to 5-8%, in Beriozovka – to 2-4%. However, bowls, similar to type II-3 variant *a*, as well as bowls of type I-2, unknown in the east of the Left Bank Region, dominate on the sites of the Donets Basin (Fig. 18). Bowl-shaped vessels with a zigzag profile of type II-2 variant *b*, which are sometimes ornamented with meander-and-gammadion compositions (Fig. 15:*1, 2, 5*, 19), are prevalent on the sites of the Kartamyshevo 2 type.

More than 20 dwellings have been investigated on these sites, and ten of them – on Kartamyshevo 2. They are mostly ordinary rectangular semi-subterranean with a timber-wall construction and an open oven (Appendix 2, Fig. 7:2). Two dwellings are ground dwellings. Dwelling 1 of Kartamyshevo was of a rectangular form, which could be traced by pillar pits. Its dimensions are 5,8 x 3,4 – 3,6 m.

Household constructions, storage-pits and outer ovens were also investigated on these sites. Pit-like hearths paved with stones, ceramic and clay-mudded sherds are specific for the sites of the upper reaches of the Psiol River. The dating artefacts are represented by fragments of an early Roman amphorae dated to the second third of the 1st and 3rd centuries. The eye fibula of series B according to R. Jamka, similar to that from Lyutezh was found in dwelling 7 of Kartamyshevo 2. A series of the hollow-enamel-related ornaments, such as lunula, trapezoidal pendants and others was found at Kartamyshevo 2, Bobrava 3, Zhernovets, and Ternovka 2. The T-shaped fibula with enamel and a fragment of bronze torque (Fig. 20) is related to the Late Zarubintsi horizon of the Golovino 1 site. According to the Baltic analogues, the latter is related to the period B_2/C_1 and C_{1a}, that is approximately dated to the second half of the 2nd century A.D. – first third of the 3rd century A.D. Thus, the first adornments with the hollow enamel appeared in the Middle Dnieper Region and in the east of the Left-Bank Region no later than in the 2nd century A.D.

5. The sites of the Grini type

The sites of the Grini type do not form any compact group, which was typical of other Late Zarubintsi cultural groups. Only 8 of them are known: Grini 1 & 2 at the mouth of the Teterev River, Obukhov 13, Reshetki on the left bank of the Dnieper near Kanev, Zmeevka at the lower part of the River Snov, a number of complexes in Vovky and Riabovka 3 in the Vorskla river basin, and in Rakovka 2 on the Severskiy Donets River as well (Appendix 1, Fig. 2).

Wide-necked vessels of type 1-2 variant *b* are frequently found on Grini type sites; this type is very rarely found at the rest of the Late Zarubintsi sites. Other forms of pots and sherds of the polished vessels are not numerous. The specificity of the ceramics' decoration from Grini lies in the tradition to cover pots with combers drawn in different directions by comb or splinter over raw clay (Fig. 21-24).

The remains of dwellings on the sites of the Grini type are represented by dwelling 1 from Grini 1, dwelling 6, and a ceramic floor paving of another dwelling from Vovkov (Appendix 2, fig. 7:*6*.). Both dwellings were semi-subterranean (0,3 m deep). Their dimensions were 3,1 x 3,2 m and 3,4 x 2,6 m respectively, both dwellings have the pits of central rod post in their centre. Constructions like hearths with skirting paved by shreds were located somewhat apart in comparison to the semi-subterranean dwellings of the other Late Zarubintsi sites.

The Grini-type sites are distinguished from the other Late Zarubintsi groups of sites by a relatively "young" age". Based on the finding of the "Danube" strongly profiled fibula of type 84 (according to Almgren typology), and the fragment of a red-varnished cup, they are dated within the limits of the second half of the 2nd century A.D.

6. The origin and contacts of the Late Zarubintsi sites

The chronological analysis shows that the sites of Pochep, Kartamyshevo 2 and Ternovka 2 types emerged in the same and rather narrowed period; in terms of a relative chronology the period coincided with the final stage of the third phase of the Late La Téne and phase B_1. Within the periods of B_1 and probably B_2 the sites synchronized with the sites of the Lyutezh type, although the latter emerged somewhat earlier. The Lyutezh-type sites continued developing the local classical Zarubintsi traditions. The similarity of the ceramic forms and the construction of semi-subterranean dwellings of the Desna region, eastern part of the Dnieper Left Bank regions and the basin of the Seversky Donets River with dwellings of the Lyutezh type shows that the new cultural groups emerged on the basis of the traditions of the population in the Middle Dnieper Region (Fig. 7, 25).

At the same time, the Zarubintsi Middle Dnieper traditions fail to explain the peculiarities of the sites of the Desna region and the Dnieper Left Bank regions. One can explain the specific features of the Pochep-type sites by a synthesis of the cultural traditions of the newly arrived population of the Middle Dnieper region and the local tribes of the Late stage of the Yukhnovo culture represented by the sites of the Upper Horizon of the Poluzhie hill fort. It is quite possible that the bowl-type vessels with the Z-type ornament (type II-1, variant b) decorated with compositions in forms of meanders and swastikas appeared as a result of resettlement of a small group of population of the Przeworsk culture.

In some cases, the Late Zarubintsli tribes migrated to the regions far from their main territories. For example, the sites of the Iniasevo type emerged in the Khoper River basin. Simultaneously, the Zarubintsi tribes reset-tled westward to the Upper Dniestr and Western Volyn. As a result, a special cultural community was formed there – the sites of the Zubra (Volyn-Podolie) group. The group synthesized the features of the Przeworsk, Zarubintsi and Lipitsa cultures.

Geographically and typologically, the South Bug group of sites (represented by the sites of Marianovka, Rakhny, Nosovtsy and the Pakhny burial grounds) take an interim place between western "Przeworsk-Zarubintsi" materials and eastern Late Zarubintsi materials. The above mentioned peculiarities open up the possibility of separating the sites of the Grini type from the artefacts which were formed on the basis of the Middle Dnieper Zarubintsi. According to A.M. Oblomsky, the sites of the Grini type are to a great extent close to one of two Upper Dnieper groups of the Zarubintsi culture – the sites of the Kisteni-Chechersk type that were spread at the territory from the Middle Berezina River to the Middle Sozh River. The sites of the Grini type are likely to have formed the next stage of the development of these antiquities.

Thus, the migrations of the Zarubintsi population that started in the middle of the 1st century A.D. led to the formation of a number of new cultural groups from the San River in the west to the Khoper River in the east and from the Sob and Orel Rivers in the south to the Sudost River in the north. These processes occurred almost simultaneously, and hence, we have some reasons to talk about the "Zarubintsi explosion."

The second wave of migration in the Dnieper region, dated to the middle of the second century A.D. was a migration of the descendants of the Zarubintsi population of the Sozh River region to the south and south-east. As a result, the new cultural group – the sites of the Grini type – emerged in the Low Desna region, the Middle Dnieper region and the Left Bank forest-steppe regions. They were not numerous, nor did they occupy a compact territory. However, given its "territory scope," the migration of the population of the northern part of the Zarubintsi culture to the south had a wide range (Fig. 26).

Despite a significant heterogeneity of the above mentioned cultural communities, one can see certain trends in the unification of the main elements within a vast cultural area that covered the western part of the forest-steppe and the neighbouring regions of the forest zone of Eastern Europe. The process of formation of a single community was apparently interrupted by invasion of the tribes of the Wielbark culture through Volyn to the South Bug and Dnieper Rivers. The southern and western regions of the developing Zarubintsi-Przeworsk community were included into the area of the Cherniakhov culture in the process of formation of this culture. The development of this community, more or less clearly, continued in the north-east part of the above mentioned territory and was connected with the Kiev culture.

III. The Kiev culture of the 3rd–5th centuries A.D.

1. The territory of the culture and the margins of its local variants

The sites of the Kiev culture are disseminated at a significant territory forming four local variants: Middle Dnieper, Upper Dnieper, Desna and East Left Bank. Thus, the area of the Kiev culture to a large extent coincides with the area of the Late Zarubintsi culture.

Nineteen sites were investigated by excavations of different scope within the Middle Dnieper variant, 33 were investigated within the Desna variant, and 26 were investigated within the East Left Bank variant (the Seim and Donets Rivers according to A. Oblomsky). We have information about 12 sites at the territory of the Upper Dnieper River and two sites of the Upper Dnieper variant

are located in the Desna Region (Appendix 3, Fig. 27). Generally, there are some 40 core sites, on the basis of which we can comprehensively characterize the Kiev culture. Local peculiarities manifest themselves to a largest extent in the comparative analysis of housing construction, burial rite and ceramics.

2. The characteristics of material culture

2.1. Dwellings, household and production construction

The predominant type of dwellings is a square semi-subterranean dwelling with a side of 3,3 – 5 m in length (see Appendix 4, Fig. 28). The remnants of constructions with charred wooden details testify to the fact that there was a pillar or frame construction of the walls: Savenki, Bortnichi (dwelling 2); Desniankaia (dwelling 10); Yalovschina, and Gudok. The frame-pillar construction was utilised on a smaller scale.

Beside the semi-subterranean dwellings, about 20 of other dwellings were investigated on the settlements of the Kiev culture. It is possible to suggest that these dwellings were surrounded by walls up to the level of subsoil or to the level of the deepened part. The subsoil-curved hearths of the clay-made stoves were found within such dwellings. A relatively large share of dwellings of this type was investigated only at the Aleksandrovka settlement (see Fig. 29).

A square timber semi-subterranean dwelling with central pillar and an open oven nearby was the main type of dwelling in the Desna region. Semi-subterranean dwellings with a central pillar as well as the constructions with an oven in a corner were found in the Middle Dnieper Region. Besides the timbers, some clay-mudded dwellings of the frame construction were found in the Kiev oblast. The semi-subterranean dwellings of the timber or frame construction (often of an elongated form) were typical of the eastern part of the Dnieper Left Bank Region. The surface dwellings with the clay-mudded walls were relatively widespread as well. It is likely that the surface pillar dwellings were built in the Upper Dnieper Region along with semi-subterranean dwellings of the timber type. In a number of cases a central pillar and the stone-paved hearths were used in dwellings. Sometimes, the stone-stoves were used (Schatkovo, Gudok).

2.2. The burial rites

Until now, some 170 burials of the Kiev culture were discovered. The following burial-grounds were investigated – in the Middle Dnieper Region: Kozarovichi and Novie Bezradichi (about 30 burials); Desna Region: Kireevka (5 burials); the Upper Dnieper Region: Abidnia (12 burials), Taimanovo (about 100 burials); the watershed of the Dnieper River and the Don River: Shishino-5 (5 burials), Kuliga (6 burials), and Prioskolskoe-2 (10 burials).

Burial-grounds without external sign and cremation beside a burial are typical of the Kiev culture. The majority of cremations were arranged in burial-pits. A few calcinated bones in the pit is typical of such a burial, i.e. only a portion of ashes from a burial fire was placed in the burial-pit.

Some burials are characterized by numerous grave-goods. It should be noted that, except for several well-known burial urns, ceramic vessels were placed in graves in sherds. This fact is probably a result of rituals of the *trizna*-type with a ritual of breaking vessels.

Numerous sherds of vessels with traces of repeated burning is typical of the burials from the Middle Dnieper Region. The Upper Psiol Region witnesses some burial-cremations in urns. Beside the rounded burial-pits, also some burials in large oblong pits were investigated at the territory of Belarus (see Fig. 30).

The origin of the burial-customs of the Kiev culture is not quite clear because the Late Zarubintsy burial-grounds in the Dnieper Region are almost unknown. Nonetheless, a description of the Iniasevo burial-ground in the Khoper River Region that contains ceramics of the Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 type (probably dated to the 2nd century A.D.) is very similar to the burials of the Kiev culture. The same feature one can observe in the burial-grounds of the Upper Dnieper group of the Zarubintsy culture (dated to the turn of A.D.) and, to a lesser extent, in the burial-grounds of the Przeworsk culture.

2.3. The ceramics

The ceramics of the earliest sites of the Middle Dnieper Region (Kazarovichi, Sushki 2) and the Upper Dnieper Region (Abidnia), the Desna Region (Popovo-Lezhachi 4, Greblia) and the east of the Left Dnieper Bank (Gochevo 1, Shishino 5) is characterized by a considerable preservation of the Late Zarubintsi features. Its main distinction from the Late Zarubintsi pottery collection lies in the replacement of the highly profiled rounded pots of type I-1 by vessels of I-2 and I-3 types (Fig. 31-42). The former traditions are also preserved in the high necks, ornamented rims and separate archaic forms (Popovo-Lezhachi 4, Gochevo 1, Abidnia).

The flowering of the Kiev ceramic complex falls on the middle stage of culture development. Spreading of some specific forms should be noted for different regions: for the Middle Dnieper Region (Obukhov 3, Glevakha) – large earthenware pots and pots with narrow neck and high steep shoulder of type I-2b and I-1b, for the Desna Region (Titova Rechka, Lavrikov Les, Kireevka 1, 2) – tulip-shaped vessels of type I-3, for the eastern part of the Left Dnieper Bank (Bukreevka 2, Tazovo, Rodnoi Krai 3) – rounded vessels of type I-1a, for the Upper Dnieper Region (Abidnia, Taimanovo) – of can-shaped vessels (Fig. 40-52).

Wide spreading of squat vessels, in comparison with the more early biconical vessels of type II-2b and more rarely, rounded vessels of type I-3 and I-1 became typical for the final phase of culture development. At the same time appeared single cylinder-conic vessels of type II-2a. Especially numerous are biconical forms of type II-2b, g on the Chernigov sites (Roische, Verkhnestrizhenskoe 2, Aleksandrovka 1). On the most sites of the Desna Region predominate can-shaped and tulip-shaped vessels (Ulianovka, Vybli and others). Rounded, can-shaped and biconical vessels predominate in the Middle Dnieper Region (Obukhov 2, Vishenki, Pogreby). On the sites of the

eastern part of the Left Dnieper Bank (Kamenevo 2, Kurgan-Azak) predominate can-shaped and tulip-shaped vessels of type I-2 and I-3; biconical and cylinder-conic forms are very rare, that makes the ceramic of this region very close to the Desna River ceramics (Fig. 42, 53-59).

Generally speaking, polished pottery, and mainly, ribbed bowls of simple forms, is very typical, most of all, for the early ceramic complex of the Kiev culture. That were the Late Zarubintsi traditions, which containned a number of Przeworsk elements. Later on, findings of the modelled tableware became very rare. Apparently, polished pottery was displaced at this time by the Cherniakhov imported pottery.

3. The chronology and periodization

The chronology of the Kiev culture can be determined on the basis of imported or local findings of the late Roman type. The Kiev culture period can be determined within the limits of the turn of the 2nd–3rd centuries – first half of the 5th century; here we can distinguish three periods, which are overlapping to a certain extent (Fig. 60).

A number of sites of the Middle Dnieper Region (Kazarovichi, Novie Bezradichi, Sushki 2, Khlepcha and others) and of the Upper Dnieper Region (Abidnia), sites of the Desna Region (Popovo-Lezhachi 4, Greblia, Oktiabrskoe 2) and the east of the Left Dnieper Bank (Gochevo 1, Shishino 5, Riabovka 1, Shmyriovo and others) belong to the early period. Spurs and buckles of the Middle European type, as well as hollow-enamel-related adornments represent the Late Zarubintsi tradition here.

At that time, the provincial Roman import – pottery, including amphorae of D-type, glass and paste beads, fibulae-brooches and others – was relatively rare. Novelties like tendril fibulae of series A and, more rarely B, according to E.L. Gorokhovskiy, are typical in the early sites of the Kiev culture. The chronology of this early stage can be determined within the limits of the end of 2nd–3rd centuries A.D.; most of the sites are probably from the first half and the middle of the 3rd century A.D.

In the next stage, the bearers of the Kiev culture get in touch with the Cherniakhov tribes; this resulted in the expansion of import even to those sites, which were located outside the Cherniakhov area (Glevakha, Bukreevka 2, Kolosovka, Tazovo, Vorobiovka 2). The mass explosion of Kiev sites in the Desna Region (Lavrikov Les, Kireevka 1 and 2, Forostovichi, Titova Rechka, Smychin) occurs in this period as well. It cannot be excluded, that at the same time the natives of the Upper Dnieper Region, who had abandoned sites such as Verkhnestrizhenskoe 3 and Mena 5, invaded the Desna Region.

The tendril fibulae of series A and B, martial fibulae, buckles and other items can be regarded as the chronological indicator of the second period. The Cherniakhov fibulae of group VII according to Almgren, amphorae of type D and F, horn combs mainly of type I, are very typical in this period as well. Co-existence of these artefacts points to the fact that the peak of the Kiev culture occurred in the second half of the 3rd–4th centuries A.D.

The late stage is characterized by the final contacts with the Cherniakhov culture. In addition to various Cherniakhov artefacts found on sites, such as Roische, Aleksandrovka 1, Kamenevo 2 and others, the final stage of the development of the Kiev culture can be dated on the basis of the amphorae of type E, glass beads and vessel's fragments, bracelets with thickened ends, looking glass with central loop and the fibulae with a spade-like foot. The final stage of the Kiev culture is dated to the second half of the 4th – first half of the 5th centuries A.D. (Fig. 61-63).

4. The formation of the Kiev culture

The origin of the Kiev culture can be determined by comparison of the Late Zarubintsi sites with the earliest Kiev complexes of different regions. As it proved to be, not a single local variant of the Kiev culture appeared as a consequence of the evolution of the local Late Zarubintsi antiquities. They all appeared as a result of a synthesis of the two types of the Late Zarubintsi sites. The Kiev culture of the Middle Dnieper Region was formed owing to the merge of traditions, typical of this region, that resulted in the Lyutezh-type sites, with the Upper-Sozh elements. As proved by A.M. Oblomsky, on the watershed of the Dnieper and Don, a new phenomenon arose from a synthesis of the two related Late Zarubintsi groups - "western" of the Kartamyshevo 2 type and "eastern" of the Ternovka 2 type. It is very likely, that within the 2nd century A.D. the Pochep tribes abandoned the Desna Region, which was afterwards invaded by the descendants of the culture bearers of the Kartamyshevo 2 type from the southwest, and by the Upper-Dnieper groups from the north. Probably, the Desna variant of the Kiev culture appeared as a result of their integration. It is very likely that the Upper Dnieper variant arose as a result of a synthesis of the traditions of the two Late Zarubintsi groups, going back to the sites of Chaplin and Grini types.

Thus, the formation of the Kiev culture led to a reshaping of the traditions of the various Late Zarubintsi groups. The new community only preserved some features of the classical Zarubintsi culture. This is a specific cultural and chronological complex, the main elements of which differ significantly not only from the neighbouring cultures, but from the former and the subsequent materials in the same territory as well; i.e. an independent archaeological culture.

5. The Kiev culture and some concurrent materials of Eastern Europe

At the same time, the Kiev materials bear considerable structural resemblance to the cultural groups scattered far to the west, north and east of the Kiev massif: sites of the Zaozerie type in the Upper Dnieper region and West Dvina region; sites of the Lbische type in the Middle Volga Region and others (Fig. 65-69). Special attention should be devoted to the sites of Kashirka-Sedelki and Chertowitskoe-Zamiatino types in the Upper Don Region, where the Kiev and Cherniakhov elements

are combined with the late Scythian and the Moschino ones. Among other neighbouring cultures, the Kiev culture was strongly influenced by the highly developed Cherniakhov culture of the south regions. The most active were the contacts between the bearers of the Kiev and Cherniakhov cultures in the watershed of the Dnieper and Don rivers at the period of existence of the sites Boromlia 2, Rodnoi Krai 3, Bukreevka 2 and others.

These two cultures came into contact within the comparatively narrow Kiev region; at the beginning of the 4th century A.D. The boundary between them was slightly shifted to the north, and after the middle of the 4th century A.D. – to the south. Only individual Cherniakhov artefacts are found on the following sites of this region (Bortnichi, Obukhov 3, Pogreby), except for the Glevakha site, where the Cherniakhov import is very numerous.

Small quantities of the Kiev type ceramics were also found on some typical Cherniakhov sites of the Middle Dnieper region (Zhukovtsy, Cherniakhov, Novolipovskoe, Maksimovka, Lomovatoe 1 and 2, and others). Being part of the Cherniakhov communities, which were represented both by the Germans and Scythian-Sarmatians, "the Kievers" penetrated the area up to the south boundaries of a forest-steppe zone (Stetsovka 2, Radutskovka), exceeding the bounds of the traditional Late Zarubintsi – Kiev area (Fig. 65).

Especially distinctive are the materials of a very intensively investigated site Zhuravka Olshanskaia. Judging by the number of the dated findings, the site was functioning for quite a long period of time – from the second quarter of the 3rd century up to the beginning of the 5th century A.D. The modelled ceramics is of the Wielbark and Kiev origin; the latter is outnumbering the former (Fig. 70). Different ethnic-cultural groups were located first in different parts of the site; in the course of time the distinction between them became eliminated.

The materials of the Khlopkov 1 site on the Trubezh River should be considered here as well. A.N. Nekrasova – the site researcher – regards it as the Cherniakhov one. In spite of the numerous Cherniakhov fin-dings, the modelled ceramic complex of Khlopkov is characterized by prevalence of the Kiev type pottery (Fig. 71). The site needs further investigation because of its unique origin and correlation with the Kiev and Cherniakhov cultures. It cannot be excluded, that the bearers of the Cherniakhov culture founded the site – it is well indicated by the number of the "pure" Cherniakhov objects. Later on, after the middle of the 4th century A.D. this region was invaded by the Kiev tribes; this resulted in the increased number of specifically modelled ceramics. As a result, the complex has acqui-red mixed Kiev-Cherniakhov character.

Direct contacts between the Desna tribes of Kiev culture and the Cherniakhov population were more limited and date back mainly to the second half of the 4th – beginning of the 5th centuries A.D. The existence of those contacts could be confirmed to by the appearance of a number of imported artefacts at the end of the Late-Roman period – at the beginning of the Hunn period; the most numerous pottery artefacts, adornments and others were found on the following sites: Aleksandrovka 1, Roische, Verkhnestrizhenskoe 2, located in the Strizhen' River Basin (Fig. 53-55). It is important to mention a certain difference concerning these sites in comparison with the Desna materials of the previous period, which were almost unknown in Chernigov Region. There is an impression that the number of sites sharply increases here within the 4th century A.D.

On the other hand, a number of common features, such as topography (including the plain-and-gorge location of the sites), various types of dwellings (including those with the hearths), remote hearths of different design, more complicated ceramic complexes and others, makes the late Kiev sites of the Chernigov Desna Region and the Middle Dnieper sites related. Therefore, a migration of some population from the Kiev Dnieper Region to the northwest cannot be excluded; this migration resulted in certain changes within the Kiev culture. It is very likely that the movement of the Cherniakhov and Wielbark tribes to the north of the Stugna River at the beginning of the 4th century A.D. stimulated this migration. Apparently, a part of the population of the sites like Obukhov 3, Glevakha and Novie Bezradichi, which had a certain experience of co-existence with the Cherniakhov population, became a factor that changed the course of cultural-historical process in the Chernigov Desna Region.

The Kiev-Cherniakhov contacts became stronger at the turn of the 4th–5th centuries A.D., in the period of the Cherniakhov culture crisis. Most probably, at this time small groups of the southern population moved further to the Desna Region and became part of the Kiev communities, represented by the sites like Aleksandrovka 1 and Roische.

The ceramics similar to the Kiev one, was found in small quantities to the west of the Dnieper River – in Lepesovka, located in the upper reaches of Goryn. A certain similarity is observed between the Kiev culture and the peculiar Cherniakhov sites of the upper flow of the Dniestr River and West Bug River (Cherepin, Demianov, Ripnev II, Bovshyv and others). This could be explained, in the first place, by the similarity of the substratum of both cultural groups, where the Late Zarubintsi and some of the Przeworsk elements predominated. Besides, the micro-migration of the small groups along the east-west line was permanent. It is precisely this fact that explains the similarity of the dwellings with the hearths-ovens and fibulae of group VII in both regions. It should be noted that the sites of the Cherepin and Boromlia 2 type, which were formed on a similar substratum and were strongly affected by the Cherniakhov culture of the middle – second half of the 3rd century A.D., which is at present a phenomenon of the same origin. Together with the located between them such as the Middle Dnieper Region, like the Kiev type complexes Glevakha, Zhuravka and others, they marked the south boundaries of Pre-Slavonic settling. The later fate of these groups was different: the west group pres-served its originality even during the 4th – beginning of the 5th centuries A.D., while the central and the eastern parts were partially forced out and assimilated by the Cherniakhov tribes (the beginning of the 4th cen. A.D.)

IV. The formation of the Early Slavonic cultures

1. The formation of the Kolochin culture

By using the comparative analysis of the latest Kiev complexes and the earliest culture sites of the 5th–8th centuries A.D we could obtain details confirming the role of the Kiev culture in the formation of the antiquities of the early Slavs. The fairly relative boundaries between them cover the turning point of the Late Roman and the Early Medieval Periods, i.e. the Migration Period.

The close connection between the Kiev and Kolochino cultures, noted already by V.N. Danilenko, P.N. Tretiakov and E.A. Goriunov, is beyond any doubt. It is confirmed by the almost complete coincidence of their areas, considerable proximity of the elements of the material culture elements and, finally, by the availability of transitional sites in all the regions of the prevalence of these cultures. For this reason, a comparison of the Late Kiev sites with the Early Kolochin sites of the same territory would be justified from the methodological standpoint.

This similarity is especially apparent on the Desna River (Vygori 2 near Chernigov, Zayarie, Smiach, a number of complexes of Kolodezny Bugor and Zelikov Bugor near Novgorod-Severskiy), as well as on the Seim River (Krasnoe 4, Litvinovichi 3, Komarovka), and the Psiol River (Peschanoe) (Fig. 72-75). Some other sites are known of the territory of the Dnieper forest-steppe Region; the sites like Kurgan-Azak on the Psiol River and Sencha on the Sula River (see the detailed description below) date back to the turn of the Kiev and Kolochin cultures.

In the Middle Dnieper Region, "classical" sites of the Kolochin culture are unknown; however, there is a site in the Dibrova tract near the village of Khodosovka, the materials from which were used by V.N. Danilenko to "shift" the dating of the origin of the Kolochin culture from the 6th to the 4th–5th centuries A.D. It is well known that two horizons of this site – the lower horizon of the late stage of the Kiev culture, and the upper horizon, date back to the second quarter or the middle of the first millennium A.D.

Most likely, the Dibrova site originated from the late sites of the Kiev culture of the Middle Dnieper Region, which, along with the Kiev Dibrova objects, included Vishenki and a number of complexes of the Obukhov 2, characterized by definite Kolochin features.

The latest Kiev sites differ from the archaic Kolochin complexes only in terms of some details of the ceramics design and the degree of the dissemination degree of one or another pottery type. The utilization of the provincial Rome-type artefacts related to the Cherniakhov culture (first of all, the pottery) was gradually disappearing. Findings of several adornments make it possible to date the earliest sites of the Kolochin culture to the middle-second half of the 5th century A.D.

2. The formation of the Penkovka culture

If the Kolochin culture could be considered as a direct continuation of the Kiev culture, the origin of the Penkovka culture is less clear. V.V. Sedov associates its origin with the Cherniakhov culture, and P.N. Tretiakov – with the migration of the bearers of the Late Zarubintsi sites of the forest-zone to the south. E.A. Goriunov believes that the local, forest-steppe zone materials of the Kiev culture are the main sources of the origin of the Penkovka culture. However, earlier then that, the Kiev sites are almost unknown in the forest-steppe and steppe zones between Moldavia and Severskiy Donets, where in the third quarter of the first millennium A.D. the Penkovka culture was spread. The Penkovka sites of the Left Dnieper Region like Khitsy in the creek of the Udai River and Riabovka 3 on the Vorsklitsa (Fig. 76), which are very close in territory and chronology to the Kiev sites, are the most suitable examples for comparison with the Late Kiev sites.

Materials of the other sites of the Left Dnieper Region are not numerous or too much removed from the region under consideration.

Sites with distinctive Penkovka features of the Right Bank of the Kiev region, like dwelling 4 of the site Obukhov 2, dwelling 20 of the site Obukhov 7 or dwelling Motovilovskaia Slobodka 4 near Fastov, make up the other group, which in territory and chronology is the closest to the Kiev materials.

Given that the main features of the Late Kiev sites and the Penkovka culture are similar or very close, especially at the early stages of the Penkovka culture development, maximal similarity is observed between the Desna sites of Roische type and sites of the Middle Dnieper Region of the Khlopkov type. These materials could, with good reason, be considered as the proto-Penkovka findings, because some distinctive features of pottery type, its proportion and design, etc. bear strong resemblance to the respective Penkovka elements. First of all, the matter concerns the biconical, relatively squat pots and large earthenware pots with a modelled strip under the rim.

In addition to the "northern" features, the Penkovka culture involves some other cultural components, like the modelled bowls, pots with turn-in rims or spherical body, which are difficult to relate to the Desna Region or the Middle Dnieper Region. In search of the possible prototypes, A.M. Oblomsky came to the conclusion that they could be found in the eastern (Seim and Donets) group of the Kiev culture of the Left Bank Region, which, in particular, is characterized by highly-profiled rounded squat pots. However, these features are typical of the sites of 3rd – the beginning of the 4th centuries A.D. Complexes preceding the Penkovka ones, were unknown in that area.

3. The problems of the formation of the Prague culture

The origin of the best known Early Medieval culture – the Prague culture – is rather mysterious. Problems of its origin are thoroughly investigated by V.D. Baran on the basis of the materials from the Upper Dnieper Region and Western Bug. The researcher proves that, first of all, the

sites of the North-western Cherniakhov periphery of the Cherepin type are related to the formation of Prague culture. Does the Kiev culture bear any relation to the Prague culture? Are these two cultures generically related?

Comparative analysis of the main elements of these cultures shows that Kiev sites could have influenced the formation of the Prague culture only indirectly. On the other hand, it can not be excluded that the Prague culture was forming in Pripiat' basin on the basis of sites related to the Kiev ones. For the present, only few of them are known (Ostrov and others near Pinsk); a great deal of investigation is still required. In our opinion, the archaic nature of the early Prague materials – their distinctive "forest" character – points to the fact that the centre of their origin was located not within the bounds of the Cherniakhov periphery, but in a forest zone.

4. The role of the Kiev culture in the formation of the Slavonic cultures of the 5th–7th centuries A.D.

It should be noted that elements of the above-mentioned cultures of the 5th–7th centuries A.D. appear in various combinations on different sites of the Kiev type. Thus, the sites of the Upper Dnieper local variant formed the basis of the Kolochin sites. The local Kolochin sites appear to be based on the materials of the Desna Region and the forest-steppe Left Dnieper region; the most southern groups became the substratum of the Penkovka culture. Finally, the sites of the local Middle Dnieper Region, which contributed to the formation of the Kolochin, Penkovka and, probably, the Prague cultures, are characterized by a variety of peculiarities (Fig. 77).

The fact that the Kolochino and Penkovka sites have originated from the Kiev culture is proved, in particular, by the data which we obtained during the intensive excavations of the Sencha site on the Sula River. Numerous sherds of rounded pots, pots of the jar-type, biconical, cylinder-conical and tulip-shaped pots, as well as lids, bowls and fragments of some of modelled Cherniakhov vessels were found there (Fig. 78, 79). As a whole, the features of the Kiev, Kolochin and Penkovka cultures are combined in equal measure in the materials of the Sencha site; this is reflected in the initial stages of the Penkovka culture forming on the basis of the traditions of the population of the far northern territories (probably, the Desna Region), which migrated to the forest-steppe zone.

There is no principled difference between the Kolochin and Penkovka artefacts and the Prague culture. They related to each other by topography, the sites' dimensions, availability of the subterranean features, whose shapes are very similar to a square, the ceramic complexes, which consist mainly of non-ornamented modelled pots and frying pans, cremation burials, sets of implements of production and adornments. When we break up each of the mentioned cultures of the 5th–7th centuries A.D., it becomes clear that the overwhelming majority of the features of the Prague, Penkovka and Kolochin cultures are similar; distinctions are observed only in degrees of the predominance of separate specific forms of pottery in the ceramic complexes and the availability of stone-made hearths in most of the subterranean of the Prague culture, which are missing in the early Kolochin and Penkovka dwellings. Rarity of such culture-differentiating indicators can obviously show a certain similarity of the Early Medieval cultures.

The considerable resemblance of the Prague, Penkovka and Kolochin cultures with some minor distinctions is especially visible at the early stages of their development. This allows us to assume that during the directly preceding period there existed a more or less common cultural-typological sub-structure, on the basis of which these cultures were formed. It is only natural that during the Hunnish Period, at the turn of the Late Roman and Early Medieval Periods, certain regrouping of the traditional ethnic-cultural elements took place; this resulted in the formation of a new cultural phenolmenon. But the main tendency of the Early-Medieval culture formation was related, first of all, to the two congeneric cultural groups – Kiev and Cherniakhov, and the Cherniakhov sites in the Upper Dnieper region.

All these factors make it possible to assume that the Slavonic cultures of the 5th–7th centuries A.D. did not emerge from different ethnic – cultural components while moving from the Upper Dnieper region further to the south-west (according to K. Godłowski), but originnated from their predecessor – the Kiev culture. That is the latter should be considered as the basis of the formation of the Early Slavonic culture. At the present stage of the investigation one could claim that the final sites of the Late Roman culture, which were the basis for the appearance of the Slavonic materials (the Kiev culture and some others sites of the Cherniakhov type), as well as the archaic sites of the Early Medieval cultures, are located on a rather vast area at the boundary of the forest-steppe zone and forest zone from the Upper Reaches of the Desna, Prut and West Bug Rivers in the west – to the Upper Reaches of the Seim, Psiol and Donets Rivers in the east. This area is very likely, to coincide with the territory of the formation of the Early Medieval Slavonic ethnic community.

V. The formation of the Slavonic social and economic complex

It is suggested that the above indicators of material culture should coincide with the close level of social and economic relations and a specific structure of the cultural and economic complex.

1. The main trends in economic development

1.1. Farming and cattle-breeding

The climate had not remained unchanged over the period from the turn of the first millennium A.D. to the mid-first millennium A.D. Paleogeographers mention the

increase in temperature and the decrease in humidity in the southern part of Eastern Europe in the 1st and the 2nd centuries. It was exactly the period of the Sarmatian invasion far to the north along the Dnieper and Don Rivers. It is suggested that the new climate cycle began at the beginning of the 3rd century when the dry and warm period was over, and the forests began to expand outside steppe regions. The colder and humid period is likely to have reached its peak at the turn of the 5th century, and the warmer climate have dominated within the 5th through 7th (8th) centuries.

It is not unlikely that the changes in the topographic location of settlements followed the changes in climate. In the Middle Dnieper Region, some 87% of settlements of the Zarubintsy culture were situated at the rugged terrain of the Dnieper Hills. However, in the 1st and 2nd century the landscape conditions of the Late Zarubintsi settlements differed. Some 57,3% of settlements were situated in flood-lands and 32,8% – on the first terrace over the flood-lands (see Appendix 5). Settlements of the Kiev culture were set mainly in landscapes of a valley type showing preference to the first and (from time to time) the second terraces over the flood-lands (30% of settlements were set within the flood-lands and 46,7% – along the edge of lower terraces). At the same time, one can observe a trend to set the settlements in landscapes of the ravine/plane type (15 sites) in Kiev and Chernigov regions. A significant concentration of sites is observed especially within the loess "islands" of Kiev, Chernigov, and Novgorod-Seversky Woodlands that are renowned their relatively fertile black soils.

The necessity to change the topography of the Late Zarubintsi site was probably caused by the decrease in humidity. Under such conditions, the household system turned out to be inefficient. Hence, the necessity arose to explore and search for new territories with more fertile and easy to cultivate soils. This was accomplished through mass migration in the 1st–2nd centuries A.D. and the resettlements to the humid areas. As a result, the Late Zarubintsi tribes succeeded in elaborating the optimal household system, based on a vast cultivation of the moist sections of valleys for farming and agricultural purposes; it opened up a possibility to minimize consequences of the climate fluctuations. It should be noted that such a system of household remained up until the 7th–8th centuries A.D. The agriculture was most likely to be extensive, i.e. hewn farming or long-term fallow on the soils of the first terraces over the flood-lands which were less fertile than the black soils, but easier to cultivate. At the same time, the rich flood-lands served as a good forage reserve for farming; pine-forests and leaf-bearing woods, that surrounded the terraces over the flood-lands and spurs made hunting possible all year round. According to the data of the paleobotanists G.A. Pashkevich and Z.V. Yanushevich, mainly millet, and some sorts of wheat and barley were cultivated (Appendix 6).

The appearance of the special production tools, their design and types, spreading of the arable agriculture made the agriculture of the south part of a forest zone similar to the agriculture of a forest-steppe zone. In particular, the agricultural tools of the Late Zarubintsi and Kiev groups combine a number of forms typical of the La Téne-type cultures, materials of the forest zone of Eastern Europe and the Cherniakhov culture (Fig. 80-82:*1*). At the end of the period under consideration, one can observe certain progress in the agricultural development, related to the appearance of sickles of larger sizes and more elaborate design, application of new production tools for cultivation and harvest processing (iron heads for arable tools and hand-mills), as well as the increase of the role of such cereal as rye.

According to such paleozoologists as N.G. Belan, O.P. Zhuravliov, and V.P. Danilchenko, herd composition seems to be rather stable. The distribution of farm animals in both the Late Zarubintsi sites and Kiev culture is approximately the same: the live-stock (45% and 42,7% heads respectively), pigs (21% and 28%), small cattle (16% and 15,5%), and horses (18% and 13,8%) (see Appendix 7). During the first half of the first millennium A.D., the cattle-breeding of the bearers of the given communities was likely to be settled and domestic; supporting this thesis is the high specific share of bones of pigs – animals incapable of moving at long distances.

1.2 Ferrous metallurgy and black smith's work

During the 1st–4th centuries A.D., the most developped branch of production alongside the ferrous metallurgy – the black smith's work – was constantly improving. Metal was produced on specialized sites like the Lyutezh site (15 refinery fires and hundreds of holes for burning wooden coal were investigated here). A number of the disseminated remnants of the ferrous metallurgy is known among the Late Zarubintsi and Kiev sites.

G.A. Voznesenskaia, V.D. Gopak, G.F. Gurin have analysed the metallographic of 127 artefacts from the Late Zarubintsi sites and 181 artefacts from the Kiev sites. Despite the accidental character of the samples, general tendency is rather distinctive – traditional technological patterns are supplemented further by welding on an iron blade; welding, pseudo-package and thermo-processing were used more frequently. Steel that was likely to be produced at the sites was used more intensively than the imported one. It can not be excluded that some technological schemes were borrowed by Kiev black smiths from the Cherniakhov ones. The main features of the Late Zarubintsi and Kiev ferrous processing were analogues to the subsequent archaeological cultures of the same territory, inhabited by the early medieval Slavs.

1.3. Other crafts and works, and the relations of exchange

The black smiths who produced decorations and accessories of clothes from non-ferrous metals are likely to be the same as those who worked mainly with iron and steel. Raw materials (bronze, brass, and (more rarely) silver and alloys of lead and tin) were imported in the forms of scrap, coins, and small bars. Various delicate bronze artefacts with the hollowed enamel represent masterpieces of the local jewellery production. Significant

part of fibulas and other accessories of clothes were iron-made.

Other kinds of craft of the population of the Late Zarubintsi and Kiev communities were mainly of house-hold character (Fig. 82). The masters preserved to a large extent their relations with agriculture. Despite the fact that the pottery was made without a potter's wheel, the specialists-potters are likely to be given a higher status. With respect to community craft, the tribes of the Late Zarubintsi and Kiev cultures were engaged in weaving, processing of wood, stone, leather, bones and horns.

The complex of artefacts from one workshop at the Aleksandrovka-1 settlement. At the lower levels the processed pieces of horns of deer and elks including 30 details of combs were found. It is not improbable that this workshop produced only half-finished products while the more complicated work that required high skills and special tools were conducted in another place, probably in one of the settlements of the Cherniakhov culture situated on the left bank of the Desna River not far from the given settlement.

Although the natural economy prevailed, barter transactions played a certain role in the life of the tribes of these cultural groups. The barter-trade operations with tribes of the Cherniakhov culture had especially been developed. Numerous artefacts imported from the Cherniakhov culture included the potters-wheel pottery, decorations and production tools including the tuff-made rotary millstones. It is quite possible that the amphorae with wine and other vessels, and silver coins (Fig. 83) come to the north regions through the mediation of the tribes of the Cherniakhov culture.

Exchange operations with other regions were limited. In this connection, one can list several artefacts of the Diakovo culture (Pochep, Titova Rechka) and Wielbark culture (Taimanovo), and rare Balt fibulae (Taimanovo, Kamenevo-2). Artefacts of the Late Sarmatian or Hunnish origin (fragment of a mirror, three-blade arrowheads, and bronze hand-bell) were found on the settlements of Ulianovka, Gochevo-1, Kamenevo-2, and Tazovo.

2. Social relationship

The plans of settlements and geographical distribution of sites provide the main source for modelling the social relations of tribes of given ethnic/cultural groups. In this connection it should be noted that there were large settlements consisting of several dozens of dwellings at the territory (Pochep, Obolon, Abidnia, and Taimanovo). They followed the traditions of a number of centres of the Zarubintsi culture of the Pilipenkova Gora type; however they are rare in occurrence in the first half of the first millennium A.D. The overwhelming bulk of settlements was represented by small settlements with thin layers that testify to their short-term functioning. Among the settlements, one can observe the following types of planning: 1) compact group of dwellings with household pits and other constructions situated separately (Popovo–Lezhachi-4, Bukreevka, Boromlia-2, and Lavrikov Les); 2) a less compact group of dwellings with household pits and other constructions situated among them and around (Lyutezh, Kartamyshevo-2, Gochevo-1, Sushki-2, and Poische); 3) separate farmsteads consisting of one to two dwellings and household constructions situated far from each other (Glevakha, Shishino-5, Ulianovka) (Fig. 84-87).

One can note the elements of the linear attachment system in the planning of several settlements of the Late Zarubintsi and Kiev cultures (Pochep, Kartamyshevo-2, Boromlia-2, and Bukreevka-2); Ya.V. Baran pioneered the discovery of this system on several Slavonic settlements dated to the first half of the first millennium A.D. (Fig. 88, 89).

Probably, a group (unit, cluster) of several settlements each belonging to one big family constituted the same social unit as a big settlement of Pochep or Obolon type, i.e. the initial neighbouring community or clan.

Conical clan, in its turn, provides a basis of a more significant phenomenon determined in the modern ethnography as a chiefdom. More significant zones of site concentration should probably correspond to this conical clan or tribe (taking into consideration not only social, but also ethnic functions).

According to their parameters, including both the general level of leading branches and a number of specific skills and tools, household and social organization of the bearers of the Late Zarubintsi and Kiev groups fall perfectly between the Zarubintsi culture and the Early Slavonic artefacts of the 5th–7th centuries A.D. It testifies not only to the unified line of social-economic development of these communities, but also to the ethnic relationship of their bearers. Among the synchronous cultures, the Late Zarubintsi-Kiev cultural and house-hold complex is the most similar to the Zubritsia group and Cherniakhov sites of the upper-reaches and the Dniestr River and the West Bug River that were formed on their basis.

VI. Results of the complex investigation of the ethnogenesis of the Slavs

It has become clear that the problem of the origin of the Slavs should be resolved on the complex approach basis, i.e. through combining the efforts of historians, linguists, archaeologists, and representatives of other humanity disciplines. Each of the above mentioned disciplines has its specific investigation methodologies; therefore, definite tasks should be set for each discipline. At the same time, it should be noted that for linguists, the pre-Slavonic ethnic communities are those, which used the pre-Slavonic language system. However, archaeologists associate the bearers of the archaeological cultures (ethnic groups) – predecessors of the population represented by the Early Slavonic artefacts of the 5th–7th centuries A.D. – with the pre-Slavonic tribes. In determining the origin of the Slavs, some scholars consider the self-consciousness indicated in the written sources

beginning from the 6th century. A.D. as a criterion of the Slavdom. It is clear that such concepts reflect different aspects of the ethnogenesis and do not coincide with each other. Nevertheless, the proper application of these concepts helps us to establish a comprehensive picture of the origin of Slavs.

It is generally known that the information of the ancient authors about the Slavs is scarce and fragmentary. However, contrary to the data obtained from other disciplines, they are characterized by ethnic, temporal and spatial certainty. Special attention should be paid to the East European *Vents* of the end of the 1st century A.D., mentioned by Tacitus. The territory inhabited by them and their characteristics do not exclude the comparison of this group with the main pre-Slavonic massif. However, Jordan presented the earliest true piece of information about the Slavs-*Vents*. Describing the epoch of flowering of the Ost-Goth alliance, the historian writes about a war of the Hermanaric with the *Vents* – the predecessors of the Sclavines, Vents and Ants in the 6th century A.D. – which is well known to Jordan (Fig. 90).

Linguistics plays an important role in studying the ethnogenesis of the Slavs since language is an integral part of people's history. Linguists have contributed greatly to the modelling of the pre-Slavonic language; the problem of the Slavonic language relationship to other Indo-Europeans languages has been successfully solved.

Language contacts of the Slavs with the Balts were the most intensive, while the contacts with the Germans and Iranians were less intensive, and the contacts with Tracians and Celts were limited. Recently, the hypothesis according to which the common Slavonic pre-language was formed on the basis of the peripheral dialects of Balts has become very popular. The separation of the pre-Slavonic dialects from the proto-Balts (Balts/Slavs) massif is very often referred to as a considerably late phenomenon. According to the linguistic data, the Balts and Slavonic ethnic/linguistic communities were formed at the territory between the Baltic Sea, the Vistula, Ros, Seim, Oka, and West Dvina Rivers. It is not excluded that the layers of hydronimy of the Upper Dnieper Region described by O.N. Trubachiov and V.N. Toporov can reflect not purely of Balts origin, but Balts/Slavonic phenomenon before the final separation between the two language groups.

The use of the archaeological, historical, and linguistic sources opens up the possibility for modelling a number of key elements of the cultural-historical process that took place in the Dnieper Region during the first half of the first millennium A.D. For example, while analysing Tacitus' information about the Vents it should be noted that:

1) The territory of the western part of the Late Zarubintsi, Zarubintsi-Przeworsk (Zubra) groups coincide with the south-western part of the zone inhabited by the Vents where they were (really) known to Tacitus, according to D.A. Machinsky.
2) The Vents of the Tacitus time were constantly moving. They have "ploughed" all forests and mountings between the Fenns and Bastarns. At the same time the migration of the Zarubintsi tribes resulted in the appearance of the Late Zarubintsi sites with the participation of local substratum.
3) The most plausible time when the information about the Vents has obtained by Tacitus (the second half of the 1st century A.D.), the period of the disintegration of the Zarubintsi culture and a beginning of the Zarubintsi tribes migration.

Since Tacitus' information about the Vents corresponds to the migration of the Late Zarubintsi population (in terms of territory, chronology, and essence of the events described), there is reason to believe that the appropriate sites (as well as the Zubritsia cultural group) are the results of activity of the Vents.

It would be worthwhile to consider the wars between the Goths of Hermanaric with the Vents described by Jordan. The archaeological and historical realities are very often coinciding here as well:

1) At present, the point of view according to which the bearers of the Wielbark culture are associated with the Goth alliance has gained wide recognition. Probably, the Cherniakhov sites with the Wielbark traditions also belonged to the Goths who adopted the achievements of the Roman civilization. Since the tribes of the Kiev culture are the direct successors of the "Late Zarubintsi" Vents described by Tacitus and the predecessors of the Slavonic groups of the 6th century mentioned by Jordan and Procopii can be related to the Slavs-Vents.
2) The period of active contacts between the Cherniakhov-Wielbark and Kiev tribes in the Middle Dnieper Region covers the beginning of the 5th century A.D. This time, on the whole, does not contradict the period of wars between the Goths and Vents, mentioned by Jordan.
3) By the end of this period the Kiev tribes were pushed out of the forest-steppe zone by the Cherniakhov-Wielbark population. Support for this thesis is provided by overlap between the Kiev horizons on a number of sites with the Cherniakhov layers (Obukhov-1 and 3, Glevakha, Boromlia-2, Gochevo-4). These migrations are likely to be accompanied by war conflicts.

As a result of the events described bove, some Slavonic population in the south part of the Middle Dnieper Region, especially in the western part of the Left Bank Dnieper Region, got into political and economic dependence from the Hermanaric "empire"; this probably led to the cultural and ethnic assimilation of these Vents groups (Fig. 91). At the same time, there is a rather strict boundary between the Kiev and Cherniakhov cultures of this period, small amount of the Cherniakhov imports in the forest zone show that the importance of the defeat of the Vents was overestimated by Jordan. The Cherniakhov imports and a number of technological innovations changed the traditional life-style only slightly. Most probably, "the northern peoples" depended on the Goths alliance only nominally.

The last fragment focuses on the war between "the Ants of Boz" and the Goths of Vinnitar described by

Jordan:

1. These events took place right after the Hunn invasion in 375, that coincided with the beginning of the final stage of the Kiev and Cherniakhov cultures.
2. The conflict most probably occurred somewhere at the boundary between the Goths and Vents-Ants areas. Groups of sites of the Kiev Dnieper Region and the Chernigov-Desna Region are located within the zone of intensive contacts of the Kiev and Cherniakhov cultures.
3. The Ants described by Jordan and Procopii in the 6th century, according to the scientific tradition of the last decades, are associated with the bearers of the Penkovka culture. Sites of the Khlopkov and Roische types can be considered as direct predecessors of the Penkovka culture; therefore, it is not excluded that the ethnonim "Ants" was first applied by some of the Scythian-Sarmatian groups within the Hermanaric "empire" with respect to the tribes which inhabited those sites. But it is not improbable that this term was retrospectively transferred by Jordan to the predecessors of the "Ants" of the 6th century A.D., traditionally known at the turn of the 5th century as the Vents.

In the first half of the 5th century one can observe a decline of the Cherniakhov culture caused by the Hunnish domination, collapse of the provincial Roman system of relations, and an ecological-demographical crisis. The last manifestations of the Cherniakhov culture date back to the middle of the 5th century The Kiev culture had also declined, but did not disappear by contrast to the Cherniakhov one. The early medieval Kolochin and Penkovka cultures were formed on its basis; it is possible to consider the Kiev culture as a core of the Slavonic artefacts which were then forming (Fig. 92). The subsequent expansion of the bearers of the Prague and Penkovka cultures was directed to the west and south-west, to the Central Europe and the Danube region, and the Kolochin tribes – to the north (Fig. 93).

The Kolochin culture represents a relatively smooth development of the Kiev traditions. It is this outlying Slavonic group that could have preserved the old name of the Vents for a long time, while the Slavonic tribes of the Central and Eastern Europe, which were developing more dynamically, used the new ethnonims – the Sclavines (Slavs) and Ants. Later on, the names of the Vents and Ants, named by their neighbours as such, were replaced by the self-name "Slavs."

The merger of the cultural and household complexes (which covers the formation of closely related Slavonic archaeological cultures, the unified social and economical structure of their bearers, the unity of religious beliefs reflected in some variants of burials with cremations), the common character of language mentioned by ancient authors and modelled by modern linguists, and above all, the increase of the self-consciousness, reflected in a wide use of the self-name, enables us to speak of a completion of the process of the all-Slavonic ethnogenesis in the middle of the first millennium A.D. Further, we may deal with the ethnogenesis of the eastern, western and southern Slavs, even later – with the ethnogenesis of the Ukrainians, Russians, Belarussians and the other contemporary Slavonic nations.

Translated by Yu.Olivnyk

ИЛЛЮСТРАЦИИ
Plates

Рис. 1. Типология позднезарубинецкой и киевской керамики
Fig. 1. Typology of ceramics of the Late Zarubintsi and Kiev cultures

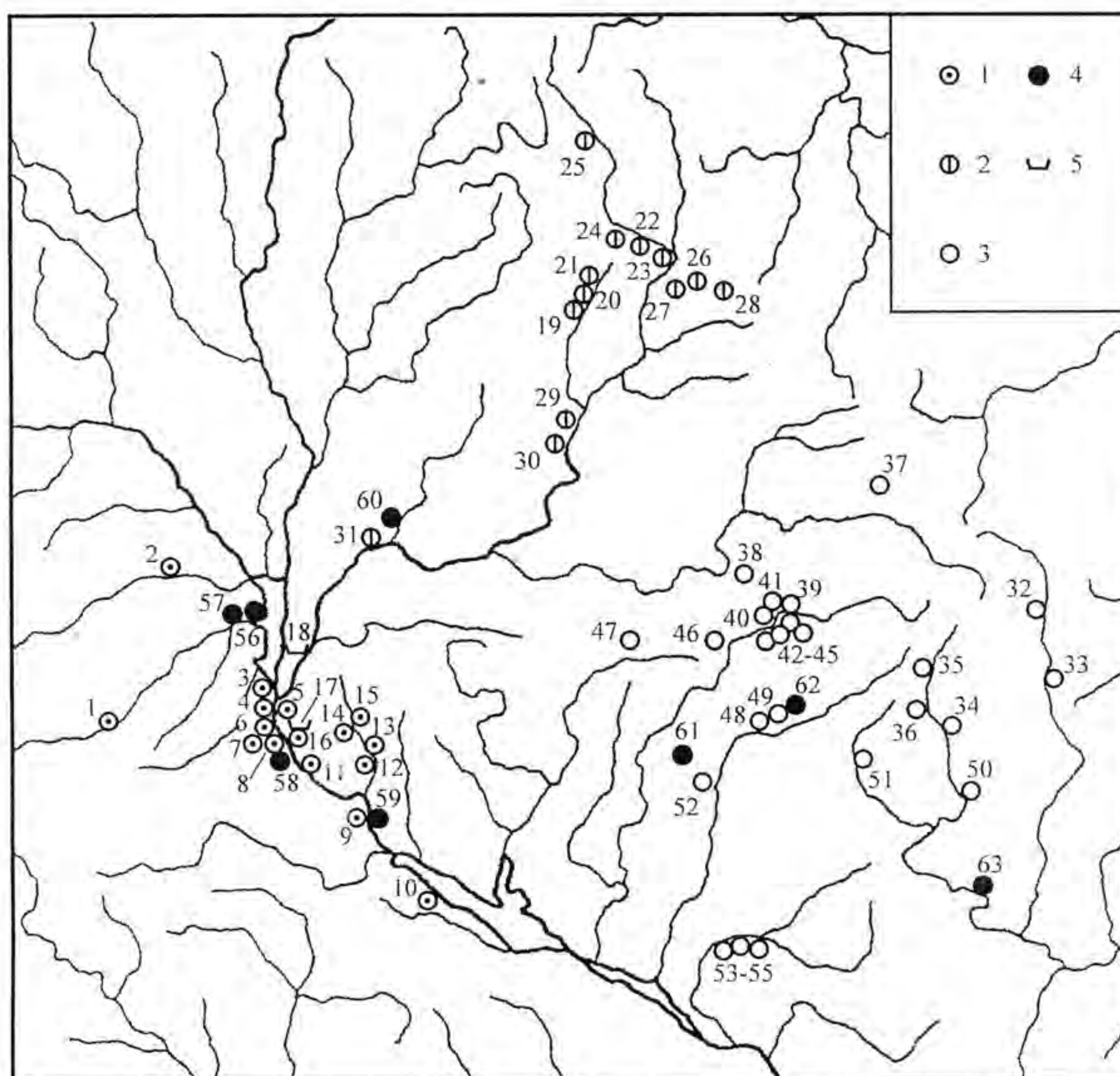

Рис. 2. Распространение позднезарубинецких памятников I–II вв.: *1* – селища типа Лютеж, *2* – типа Почеп, *3* – типа Картамышево 2 – Терновка 2, *4* – типа Грини, *5* – погребения (нумерация памятников соответствует приложению 1)

Fig. 2. Location of the Late Zarubintsi sites of the 1st-2nd centuries AD; *1* – settlements of the Lyutezh type; *2* – settlements of the Pochep type; *3* – settlements of the Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 type; *4* – settlements of the Grini type; *5* – burials. (Numbers of the sites are the same as the numbers in Appendix 1)

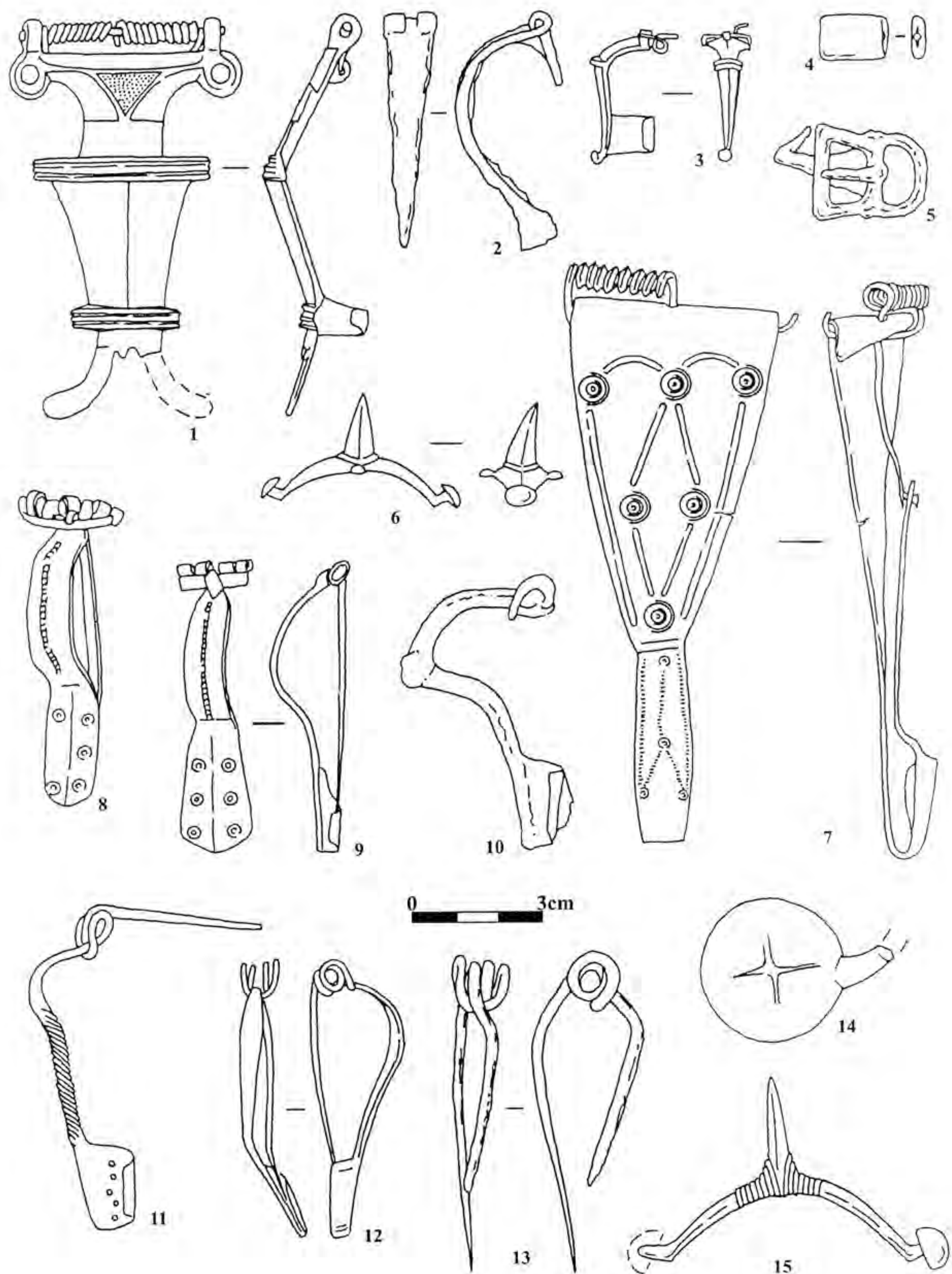

Рис. 3. Датирующие вещи из позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья: *1, 2, 4, 5* – Леськи 3; *3* – Пасечная; *6, 7* – Бобрица; *8* – Таценки; *9* – Лютеж; *10* – Волчков; *11* – Коржи; *12-15* – Оболонь (*1, 3, 6-9, 11, 12, 14, 15* – бронза, *2, 5, 10, 13* – железо, *4* – стекло)

Fig. 3. Dating materials from the Late Zarubintsi sites of the Middle Dnieper Region: *1, 2, 4, 5* – Leski-3; *3* – Pasechnaia; *6,7* – Bobritsia; *8* – Tatsenki; *9* – Lyutezh; *10* – Volchkov; *11* – Korzhi; *12-15* – Obolon (*1, 3, 6-9, 11, 12, 14, 15* – bronze, *2, 5, 10, 13* – iron, *4* – glass)

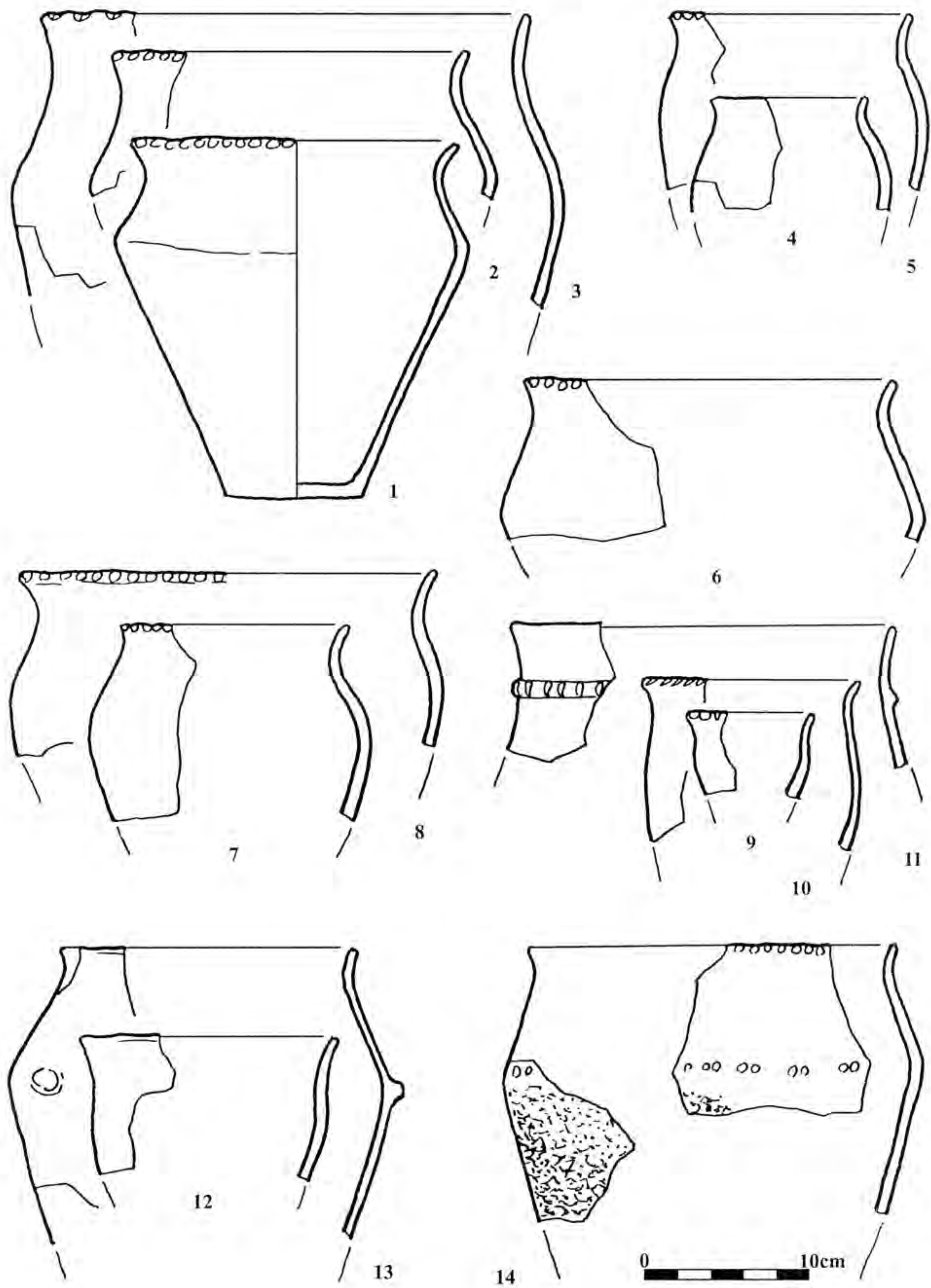

Рис. 4. Лютеж. Нелощеные горшки
Fig. 4. Lyutezh. Coarse pots

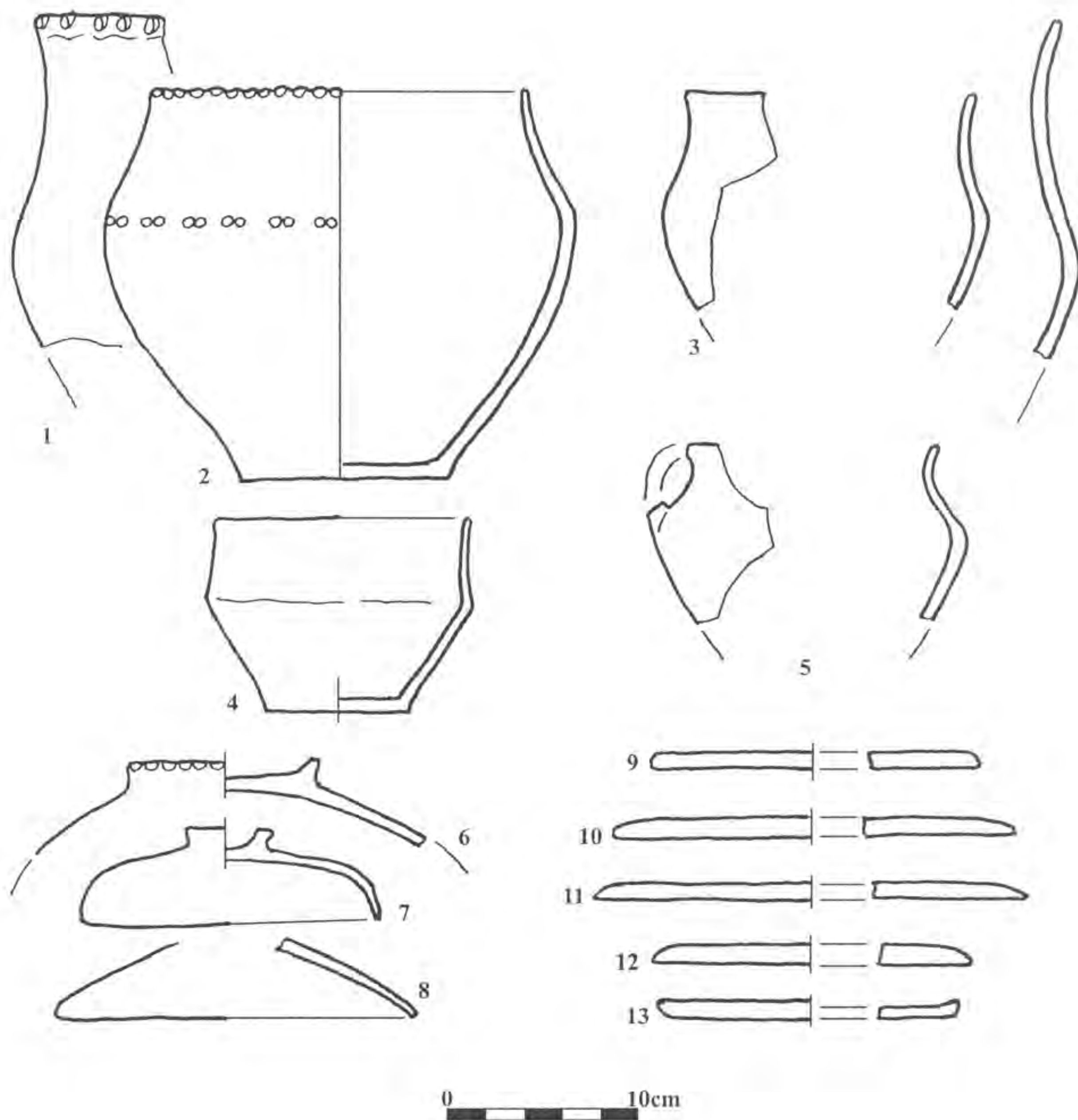

Рис. 5. Лютеж. Ребристые горшки, кружка, крышки и диски (*1, 2, 6-13* – нелощеные, *3-5* – лощеные)
Fig. 5. Lyutezh. Ribbed pots, mugs, lids, and disks: (*1, 2, 6-13* – coarse, *3-5* – polished)

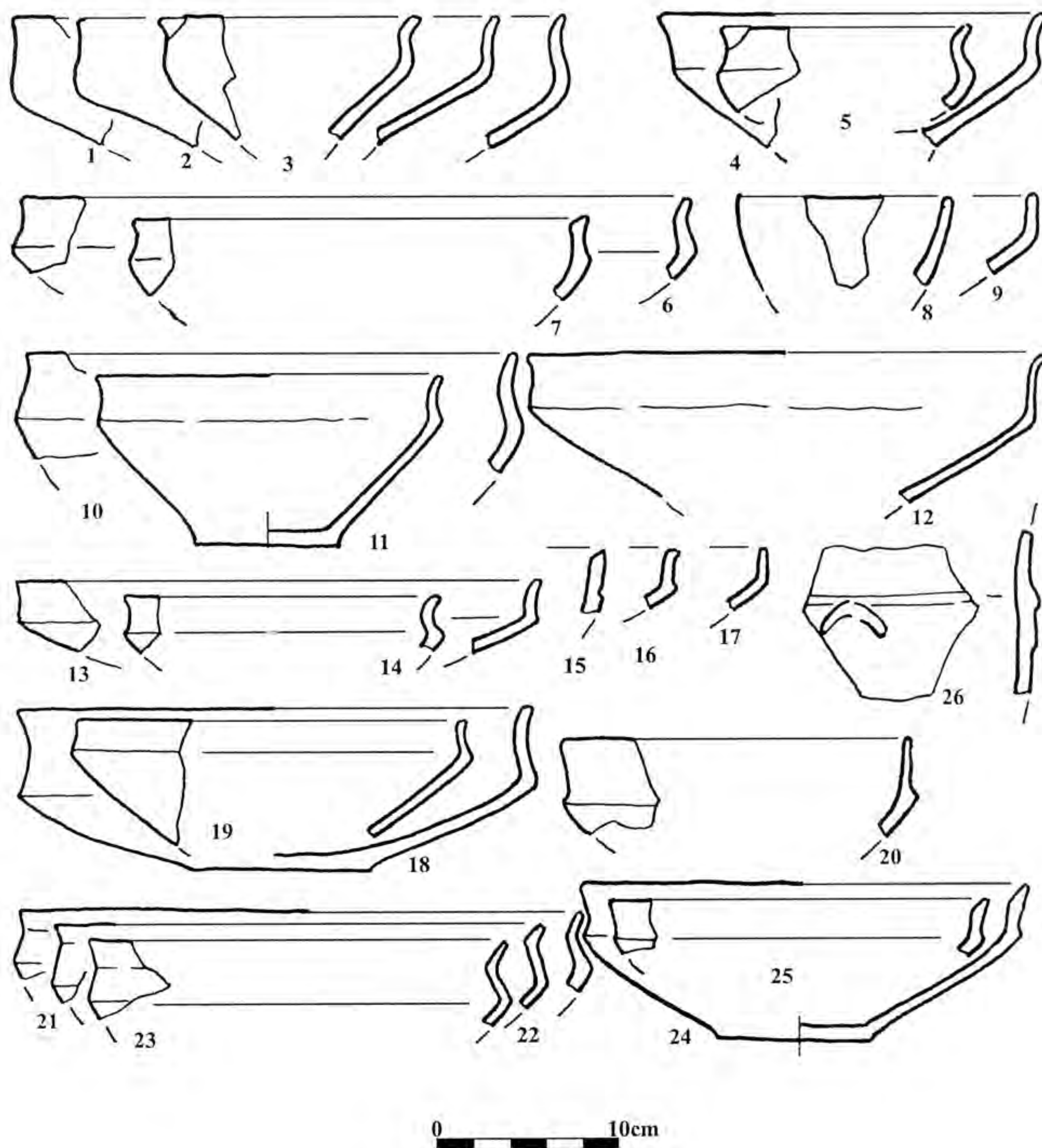

Рис. 6. Лютеж. Лощеные миски
Fig. 6. Lyutezh. Polished bowls

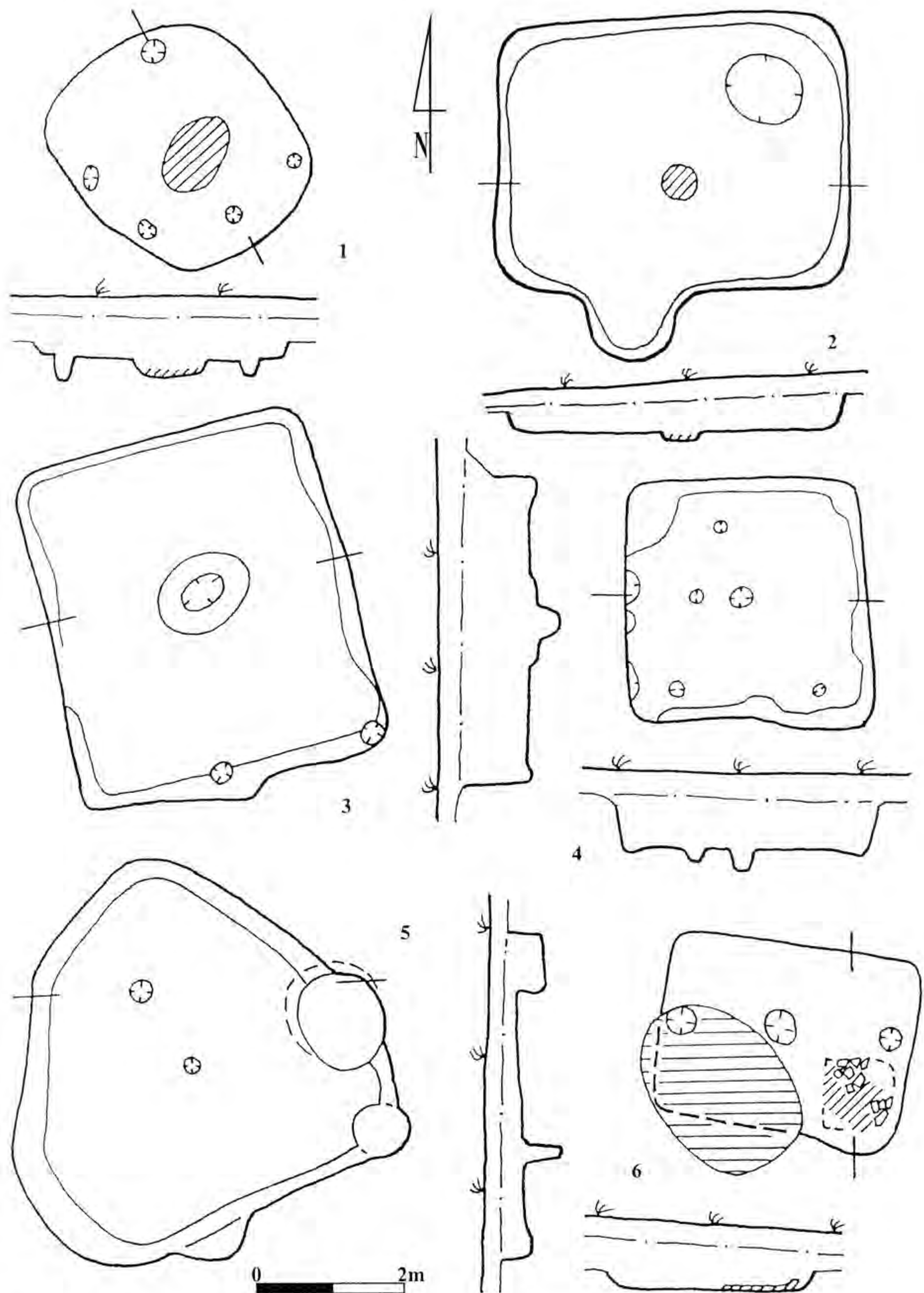

Рис. 7. Позднезарубинецкие жилища: *1* – Лютеж, жилище 2; *2* – Картамышево 2, жилище 7; *3* – Почеп, землянка 2 в раскопе I; *4* – Почеп, землянка 2 в раскопе V; *5* – Киселевка 3, жилище 1; *6* – Вовки, жилище 6

Fig. 7. Late Zarubintsi dwellings: *1* – Lyutezh, dwelling 2; *2* – Kartamyshevo-2, dwelling 7; *3* – Pochep, subterranean dwelling 2 in Excavation I; *4* – Pochep, subterranean dwelling 2 in Excavation V; *5* – Kiselevka-3, dwelling 1; *6* – Vovky, dwelling 6

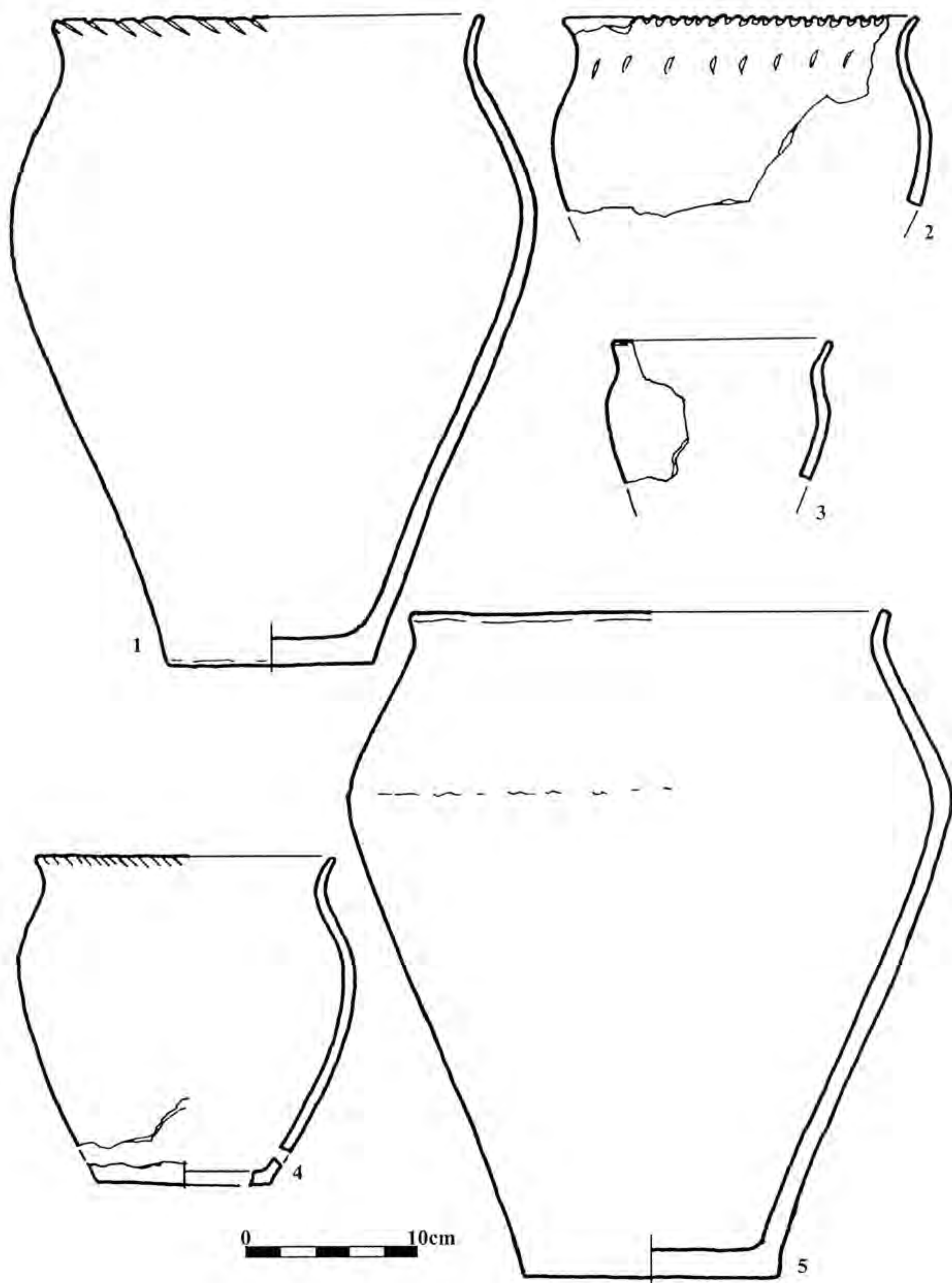

Рис. 8. Нелощеные горшки памятников типа Почеп: *1* – Партизанское, 2 – Чулатово, *3* – Киселевка 3; *4* – Парня 2; 5 – Почеп

Fig. 8. Coarse pots from sites of the Pochep type: *1* – Partizanskoe, 2 – Chulatovo, *3* – Kiselevka-3; *4* – Parnia-2; *5* – Pochep

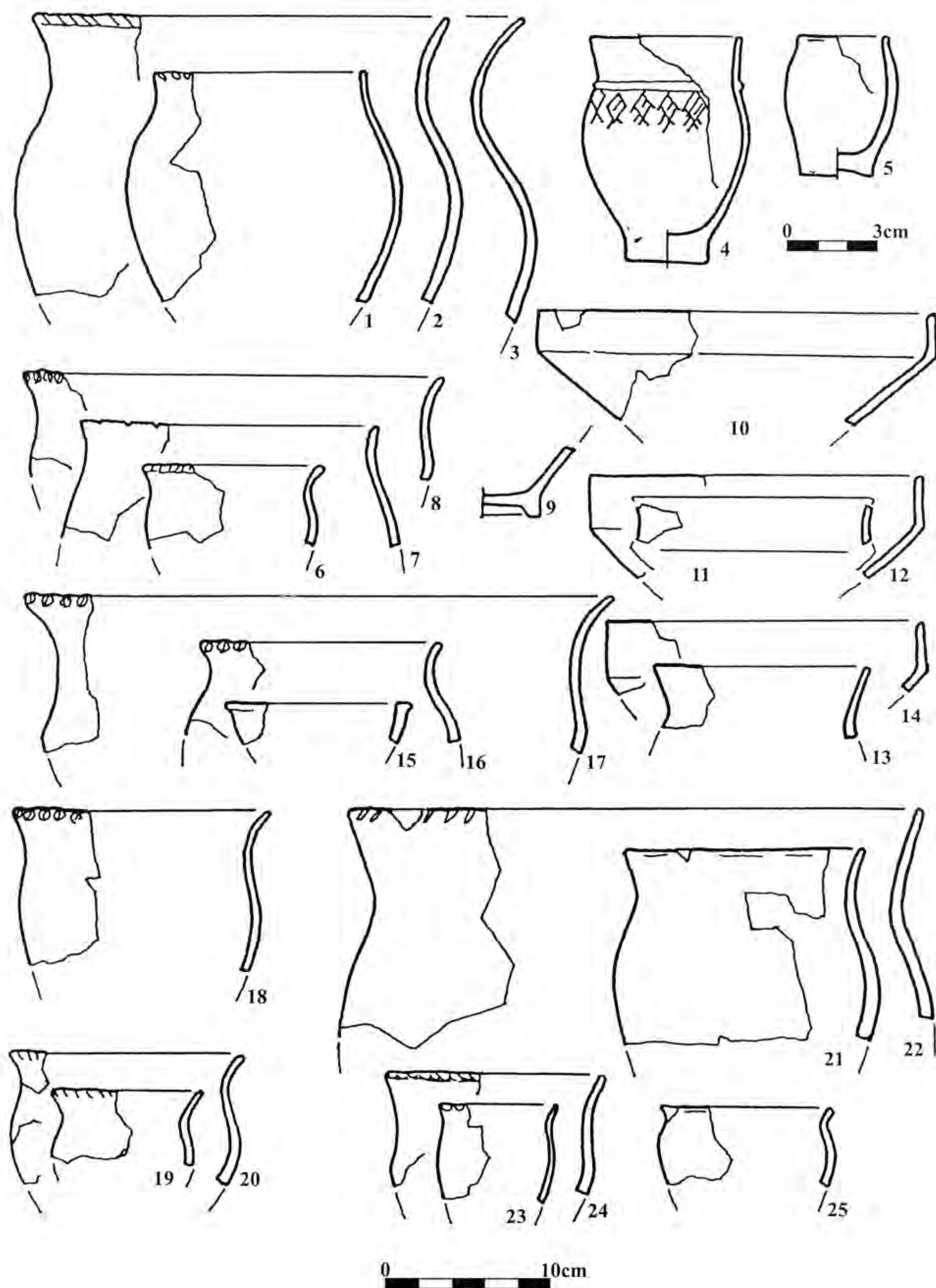

Рис. 9. Синьково. Груболепная (*1-3, 5-8, 16-25*) и лощеная керамика (*4, 9-15*)
Fig. 9. Sinkovo. Roughly-modelled (*1-3, 5-8, 16-25*) and polished ceramics (*4, 9-15*)

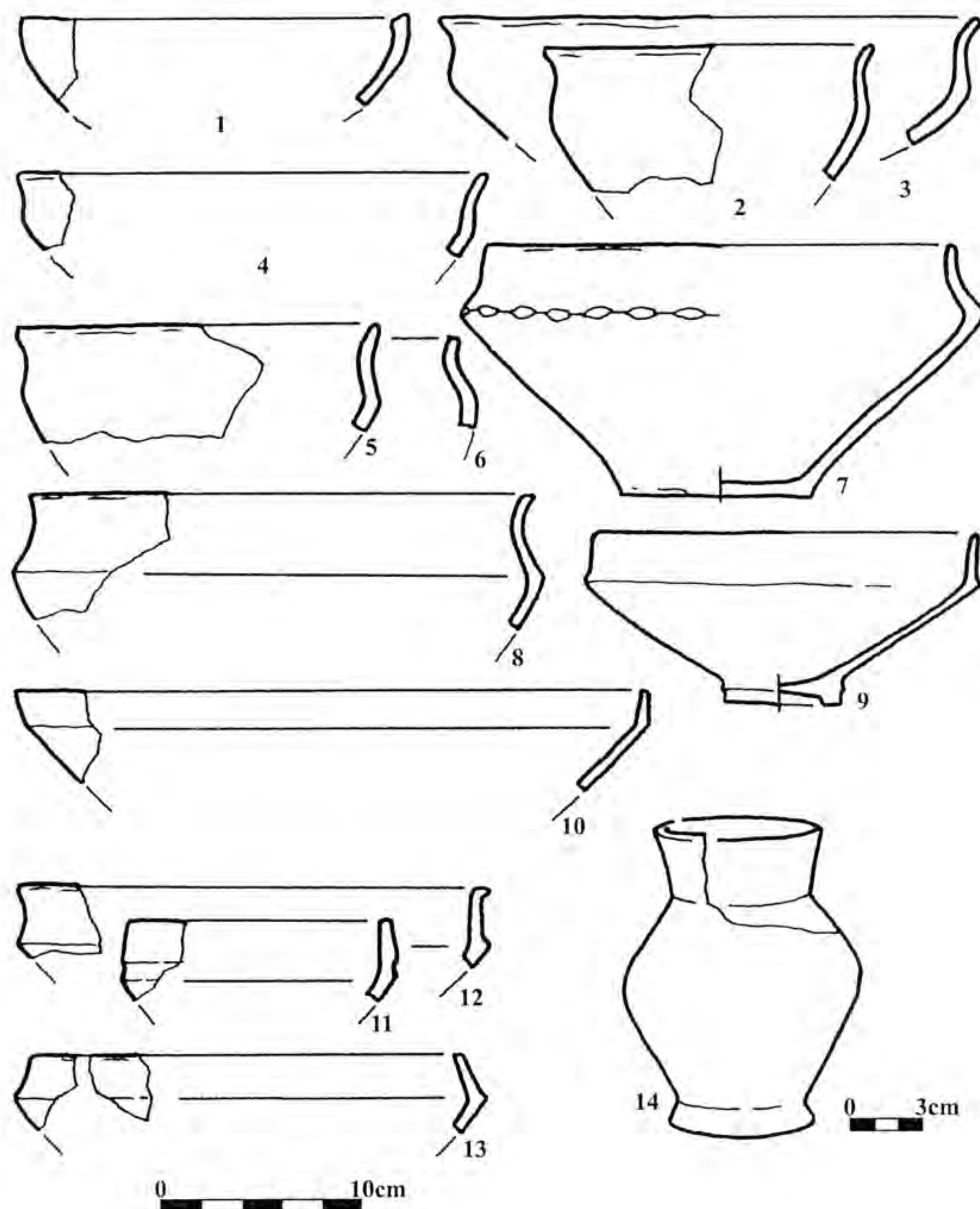

Рис. 10. Лощеная посуда памятников типа Почеп: *1* – Синьково; *2, 5, 7, 9, 11, 14* – Почеп; *3-4, 6, 8, 10* –Киселевка 3; *12* – Чулатово; *13* – Колодезный Бугор

Fig. 10. Polished pottery from sites of the Pochep type: *1* – Sinkovo; *2, 5, 7, 9, 11, 14* – Pochep; *3, 4, 6, 8, 10* – Kiselevka-3; *12* – Chulatovo; *13* – Kolodezny Bugor

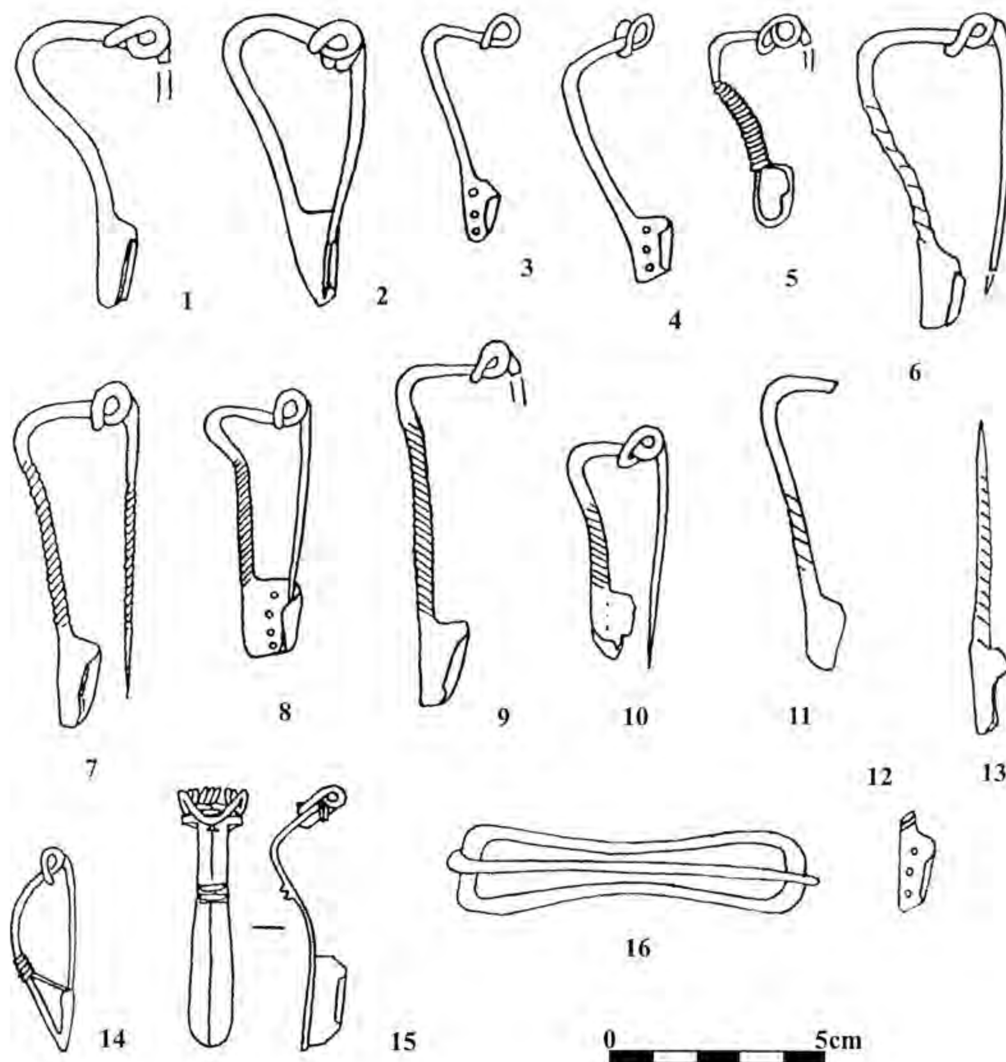

Рис. 11. Датирующие вещи из памятников типа Почеп: *1-10, 13-14, 16* – Почеп; *11* – Железное; *12, 15* – Синьково (*1-2, 6-7, 9, 11, 13, 16* – железо, *3-5, 8, 12, 14-15* – бронза)

Fig. 11. Dating artefacts from sites of the Pochep type: *1-10, 13, 14, 16* – Pochep; *11* – Zheleznoe; *12, 15* - Sinkovo (*1, 2, 6, 7, 9, 11, 13, 16* – iron, *3-5, 8, 12, 14, 15* – bronze)

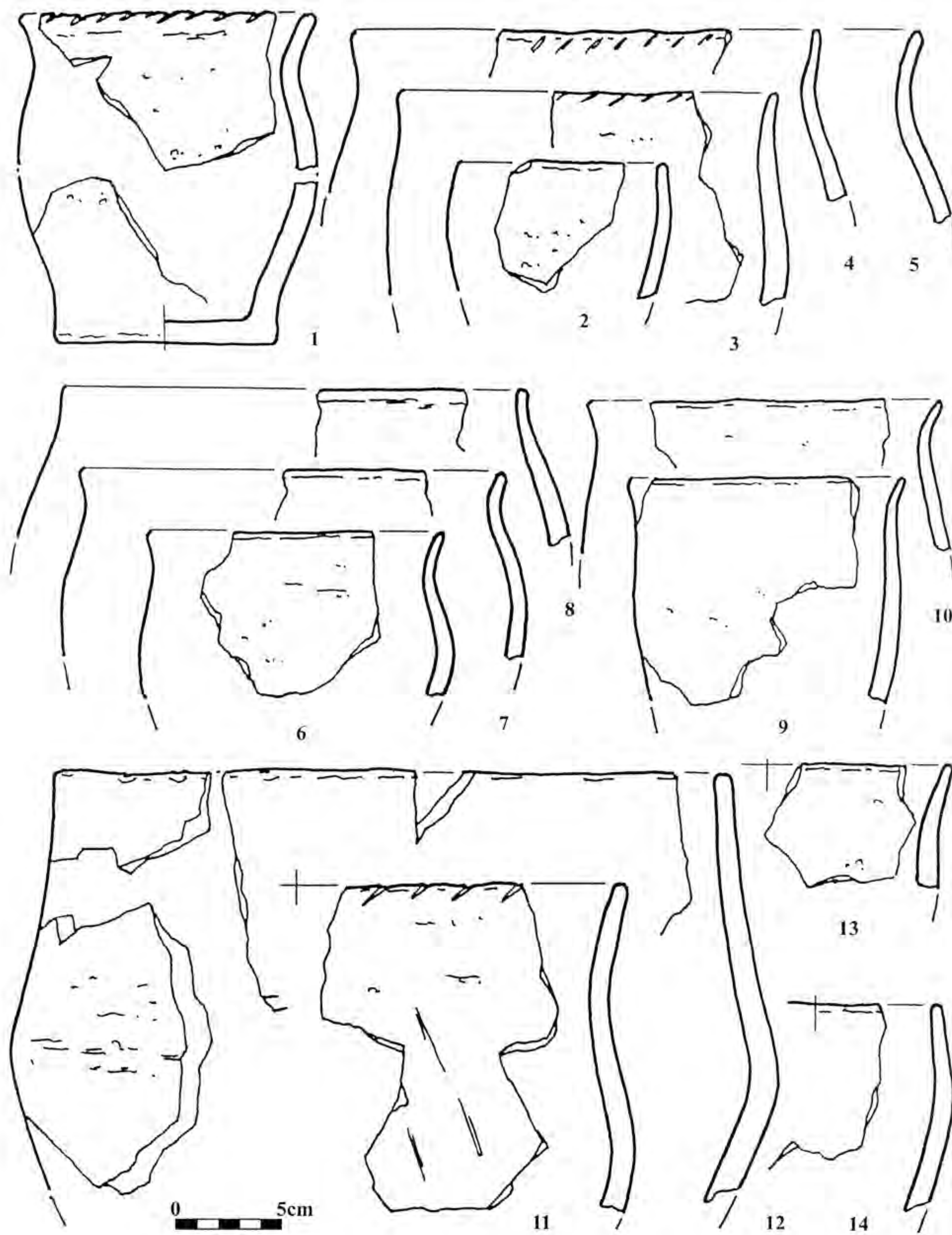

Рис. 12. Бельск. Груболепная керамика
Fig. 12. Belsk. Roughly-modelled ceramics

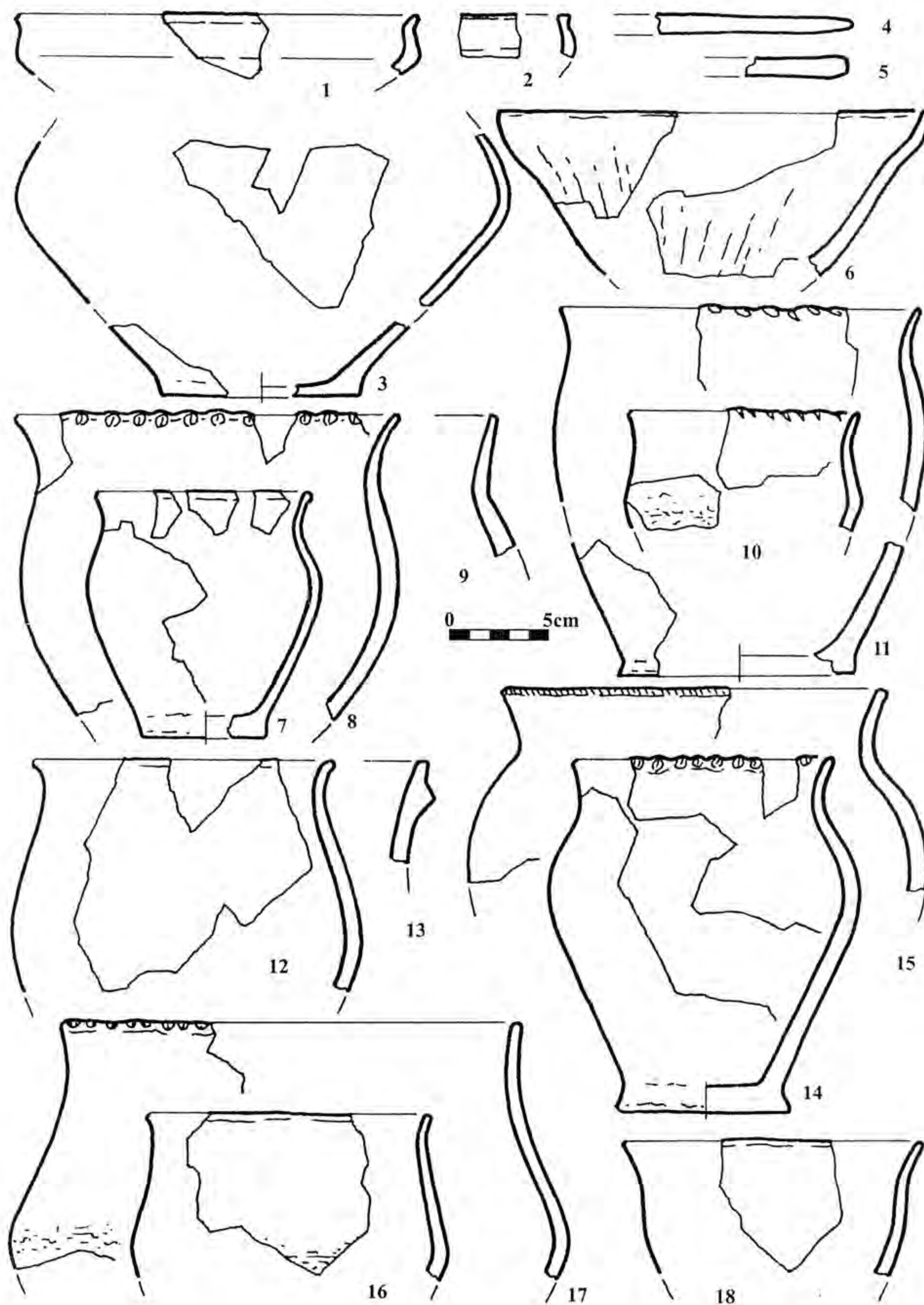

Рис. 13. Березовка 2. Лощеная (*1-3, 13*) и груболепная керамика (*4-12, 14-18*)
Fig. 13. Berezovka-2. Polished (*1-3, 13*) and roughly-modelled ceramics (*4-12, 14-18*)

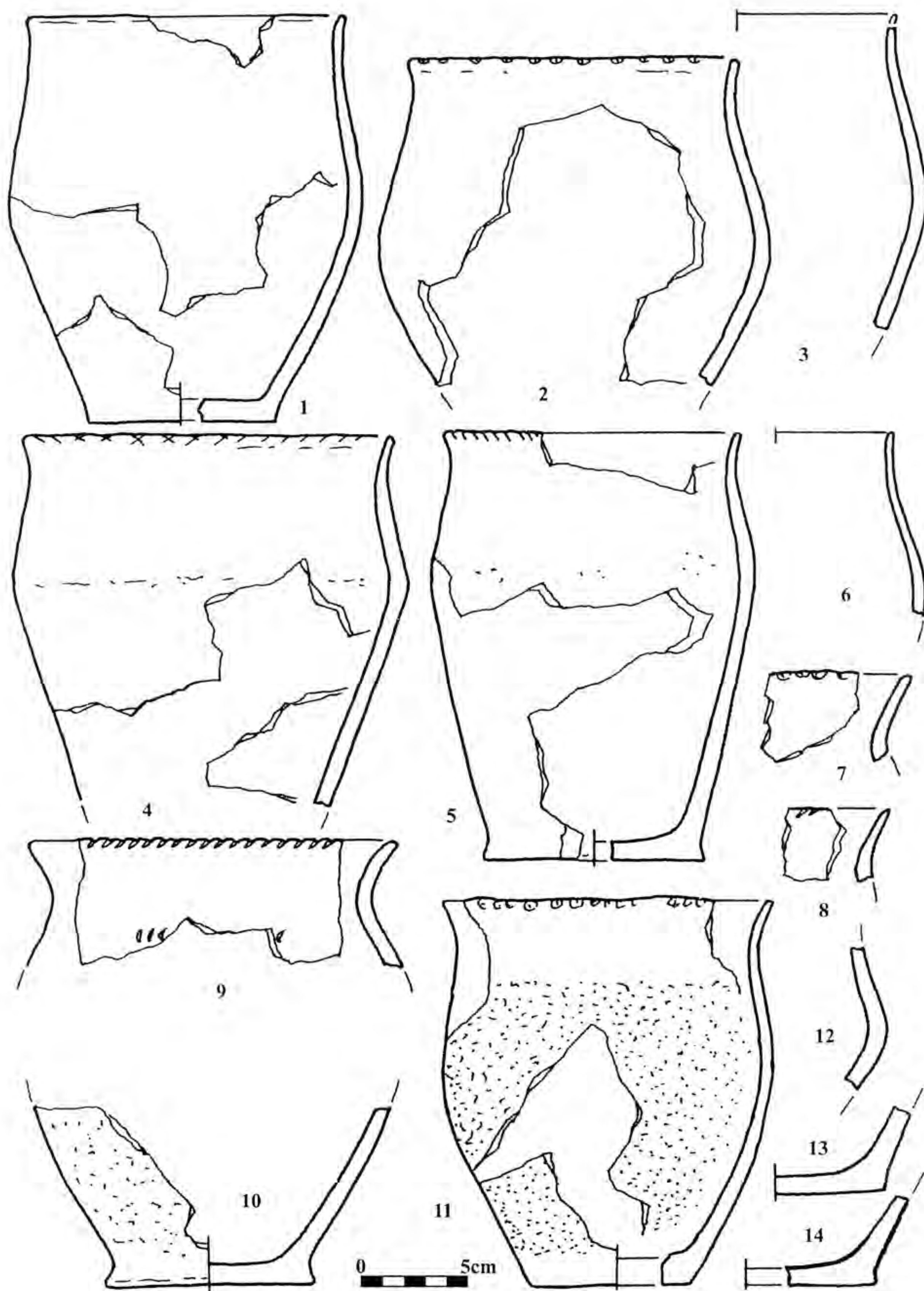

Рис. 14. Солдатское 5. Грубо лепная керамика из вымостки пода очага
Fig. 14. Soldatskoe-5. Roughly-modelled ceramics from the paving of the hearth

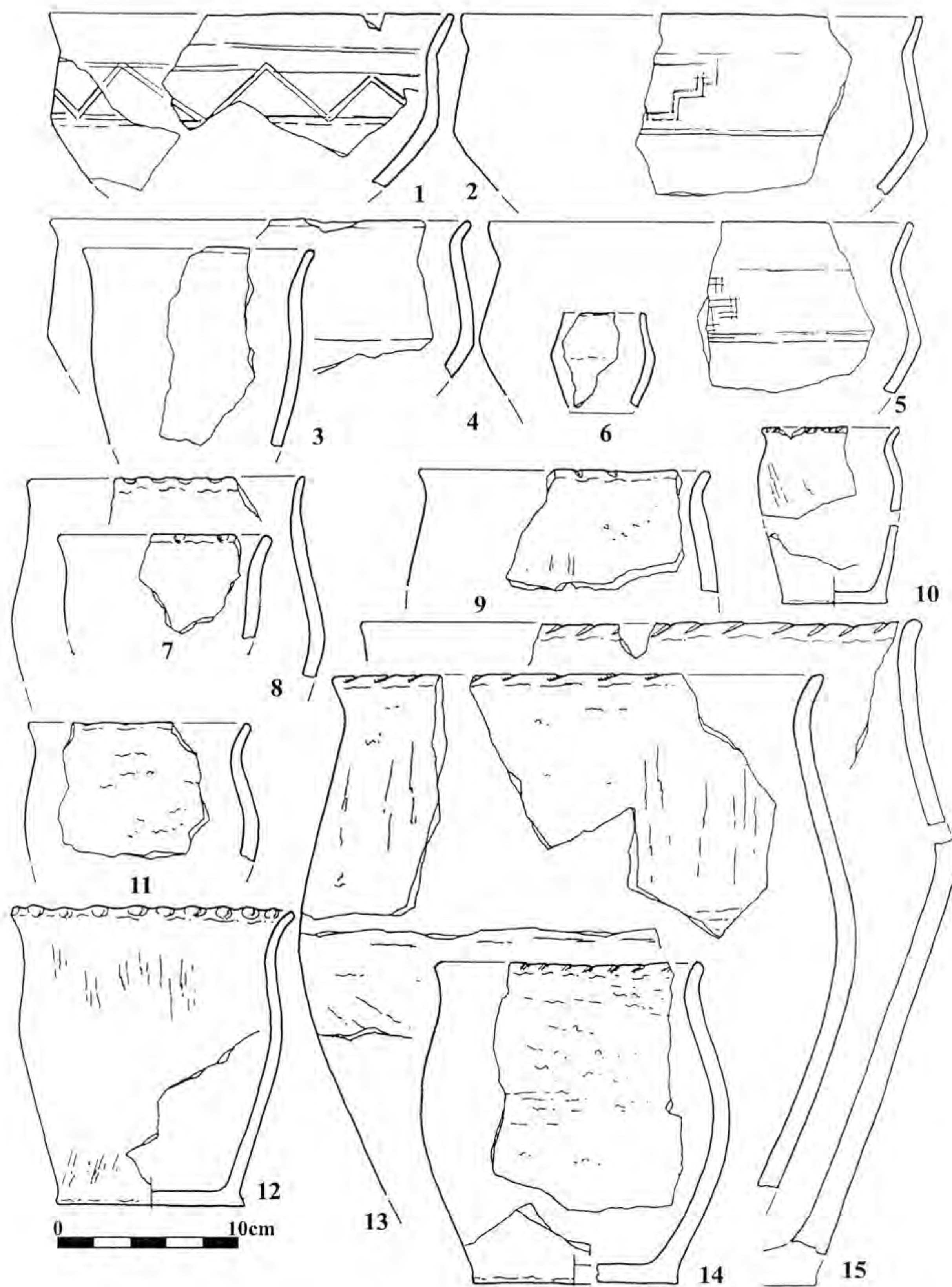

Рис. 15. Картамышево 2. Лощеная (*1-5*) и груболепная керамика (*6-15*)
Fig. 15. Kartamyshevo-2. Polished (*1-5*) and roughly-modelled ceramics (*6-15*)

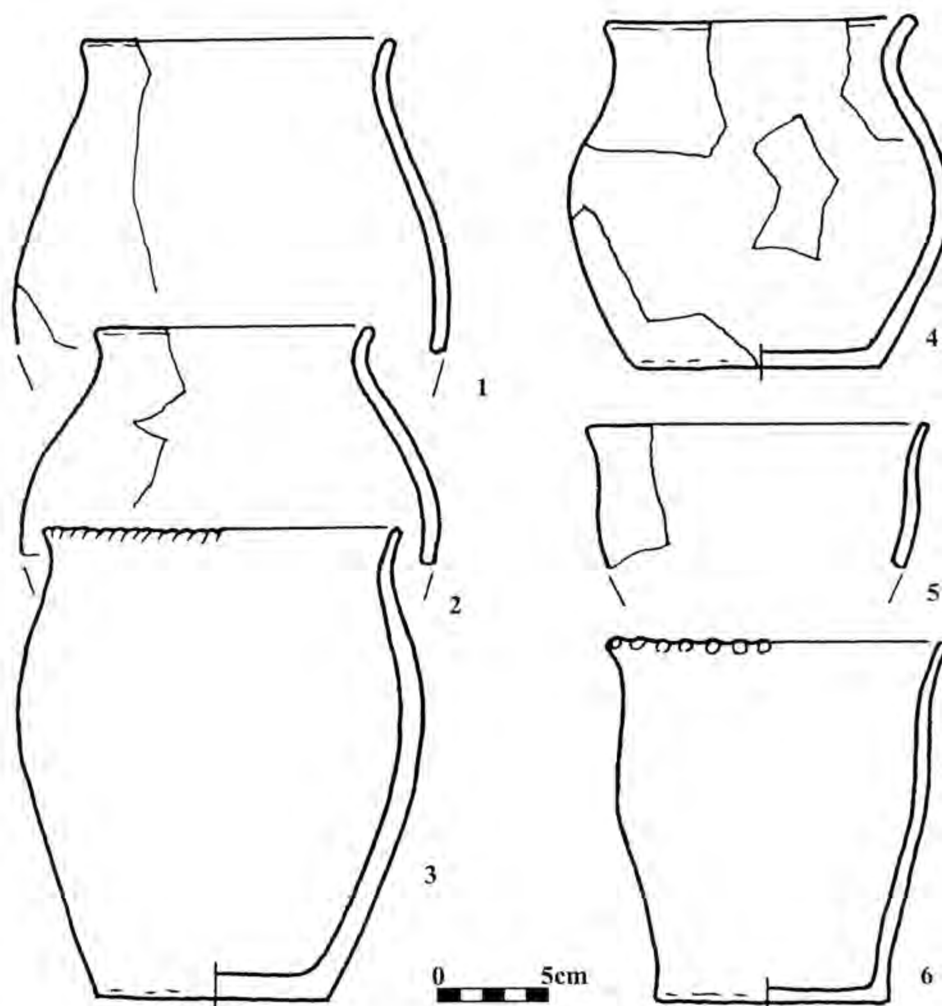

Рис. 16. Округлобокие нелощеные горшки памятников типа Картамышево 2-Терновка 2: *1*, *4-5* – Терновка 2; *2* – Приоскольское 1; *3* – Жерновец; *6* – Картамышево 2

Fig. 16. Coarse pots with rounded profiles from sites of the Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 type: *1*, *4*, *5* – Ternovka-2; *2* – Prioskolnoe-1; *3* – Zhernovets; *6* – Kartamyshevo-2

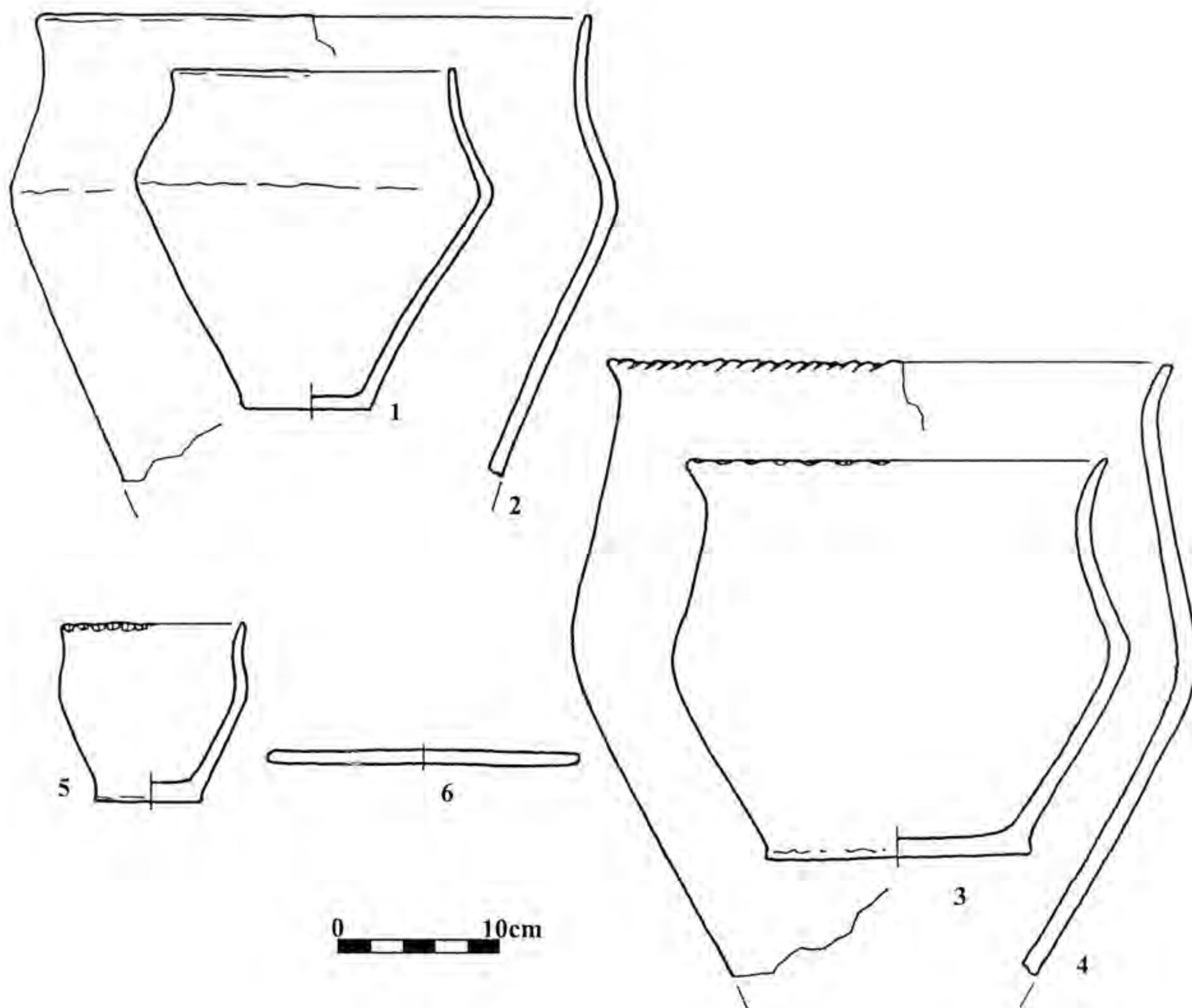

Рис. 17. Ребристые нелощеные горшки и диск из памятников типа Картамышево 2-Терновка 2: *1-2* – Осиповка (Пляж), *3* – Шоссейное, *4* – Жерновец, *5* – Осиповка (Лиман), *6* – Приоскольское 1

Fig. 17. Ribbed coarse pots and disks from sites of the Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 type: *1, 2* – Osipovka (Pliazh), *3* – Shosseinoe, *4* – Zhernovets, *5* – Osipovka (Liman), *6* – Prioskolsknoe-1

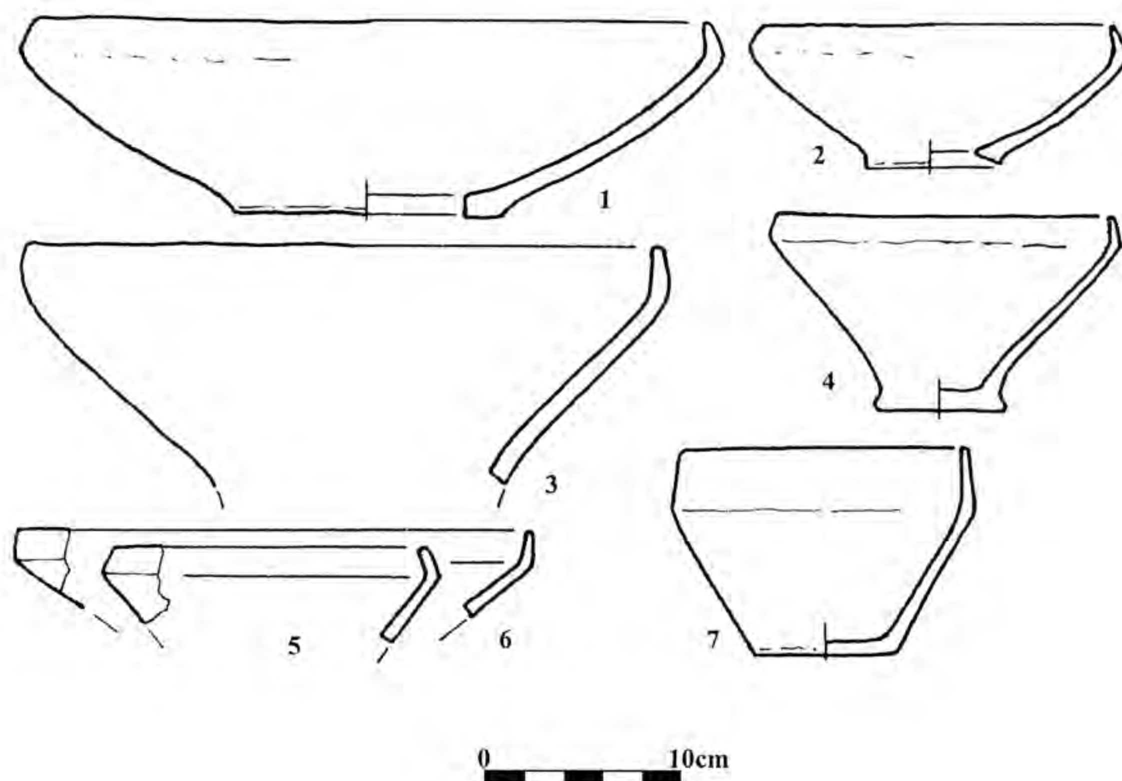

Рис. 18. Лощеные миски позднезарубинецких памятников бассейна Северского Донца: *1, 3, 5-6* – Терновка 2; *2* – Приоскольское 1; *4* – Новодоновка 1; *7* – Шоссейное

Fig. 18. Polished bowls from the Late Zarubintsi sites in the Seversky Donets basin: *1, 3, 5, 6* – Ternovka-2; *2* – Prioskolskoe-1; *4* – Novodonovka-1; *7* – Shosseinoe

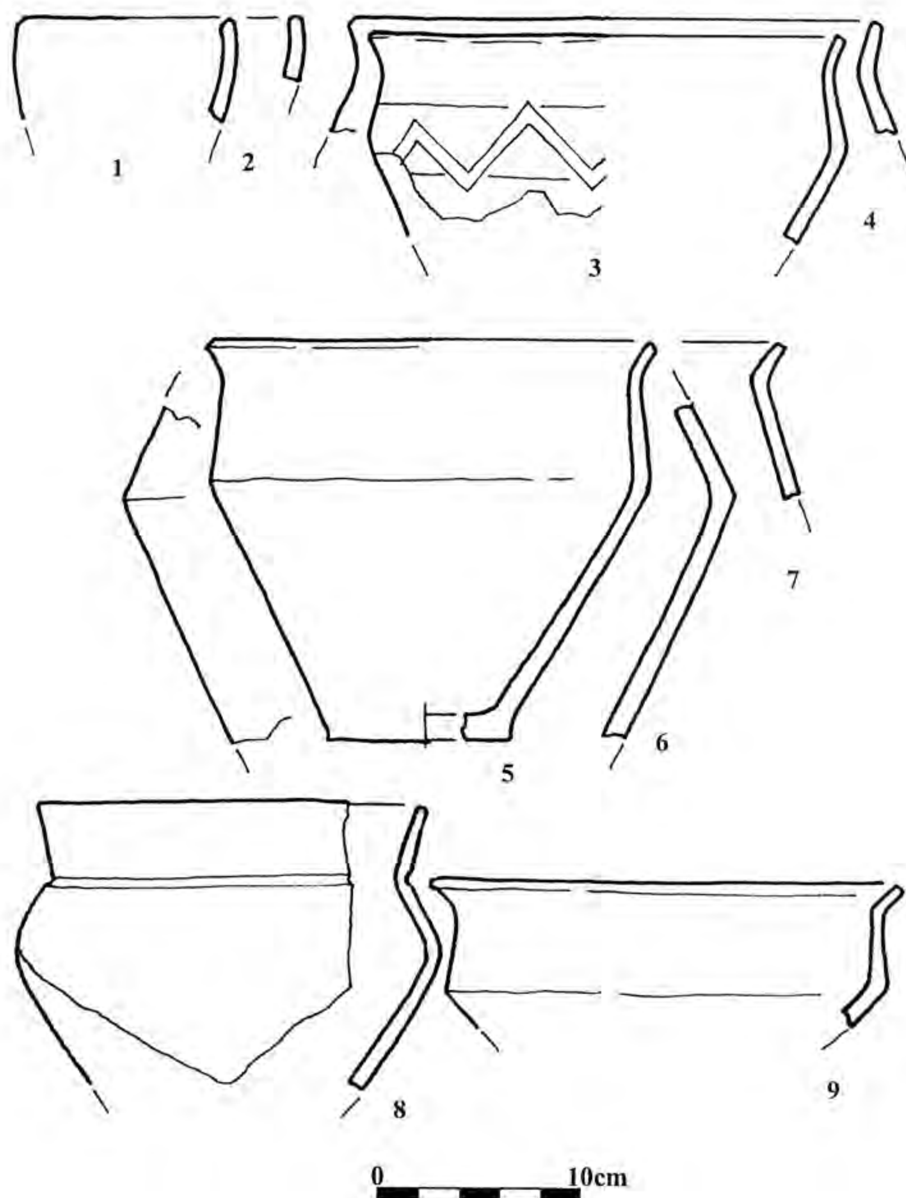

Рис. 19. Лощеная посуда позднезарубинецких памятников востока Днепровского Левобережья: *1, 4* – Картамышево 2; *2-3, 6-8* – Осиповка (Пляж), *5* – Картамышево 1; *9* – Жерновец

Fig. 19. Polished pottery from the Late Zarubintsi sites in eastern region of the Dnieper Left Bank Region: *1, 4* – Kartamyshevo-2; *2, 3, 6-8* – Osipovka (Pliazh), *5* – Kartamyshevo-1; *9* – Zhernovets

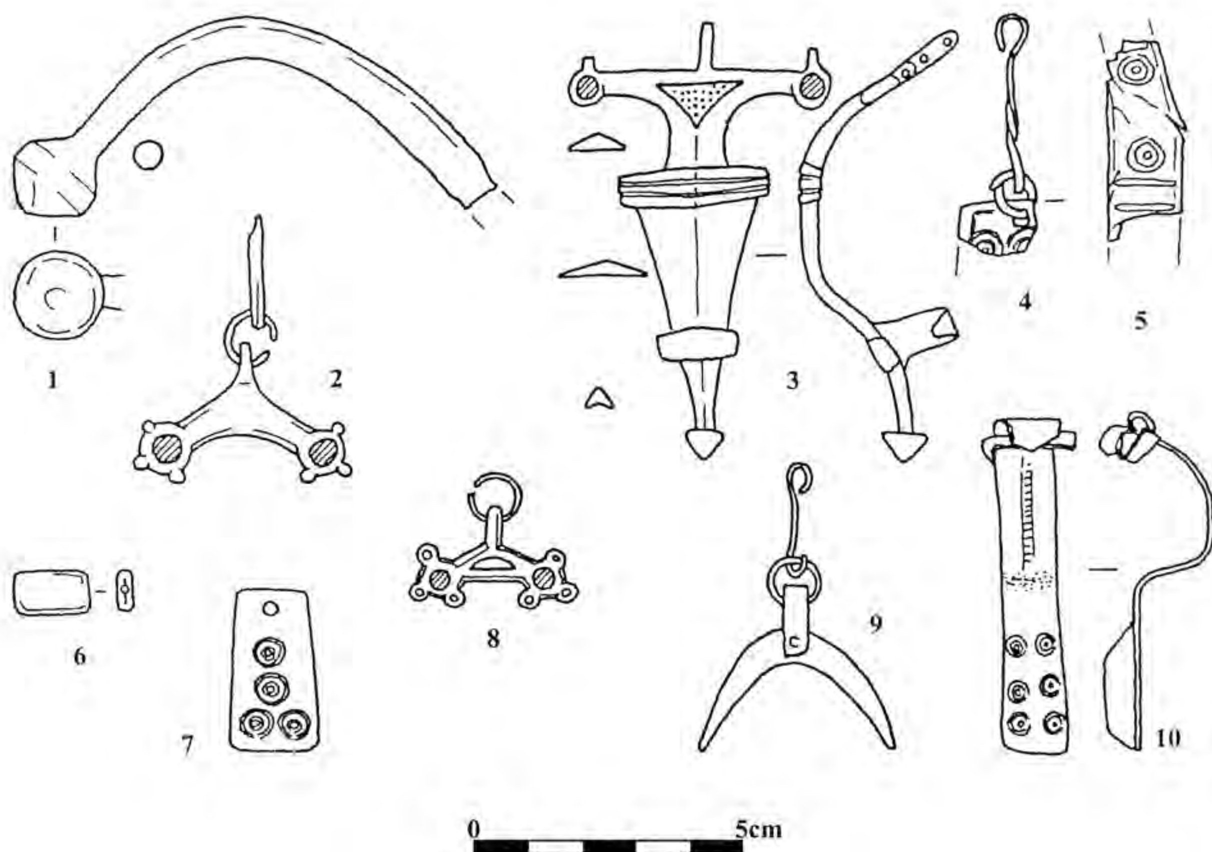

Рис. 20. Датирующие вещи из памятников типа Картамышево 2-Терновка 2: *1, 3* – Головино 1; *2, 4, 6-7, 9-10* – Картамышево 2; *5* – Терновка 2; *8* – Бобрава 3 (*1-5, 7-10* – бронза, *6* – стекло)

Fig. 20. Dating artefacts from sites of the Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 type: *1, 3* – Golovino-1; *2, 4, 6, 7, 9, 10* – Kartamyshevo-2; *5* – Ternovka-2; *8* – Bobrava-3 (*1-5, 7-10* – bronze, *6* – glass)

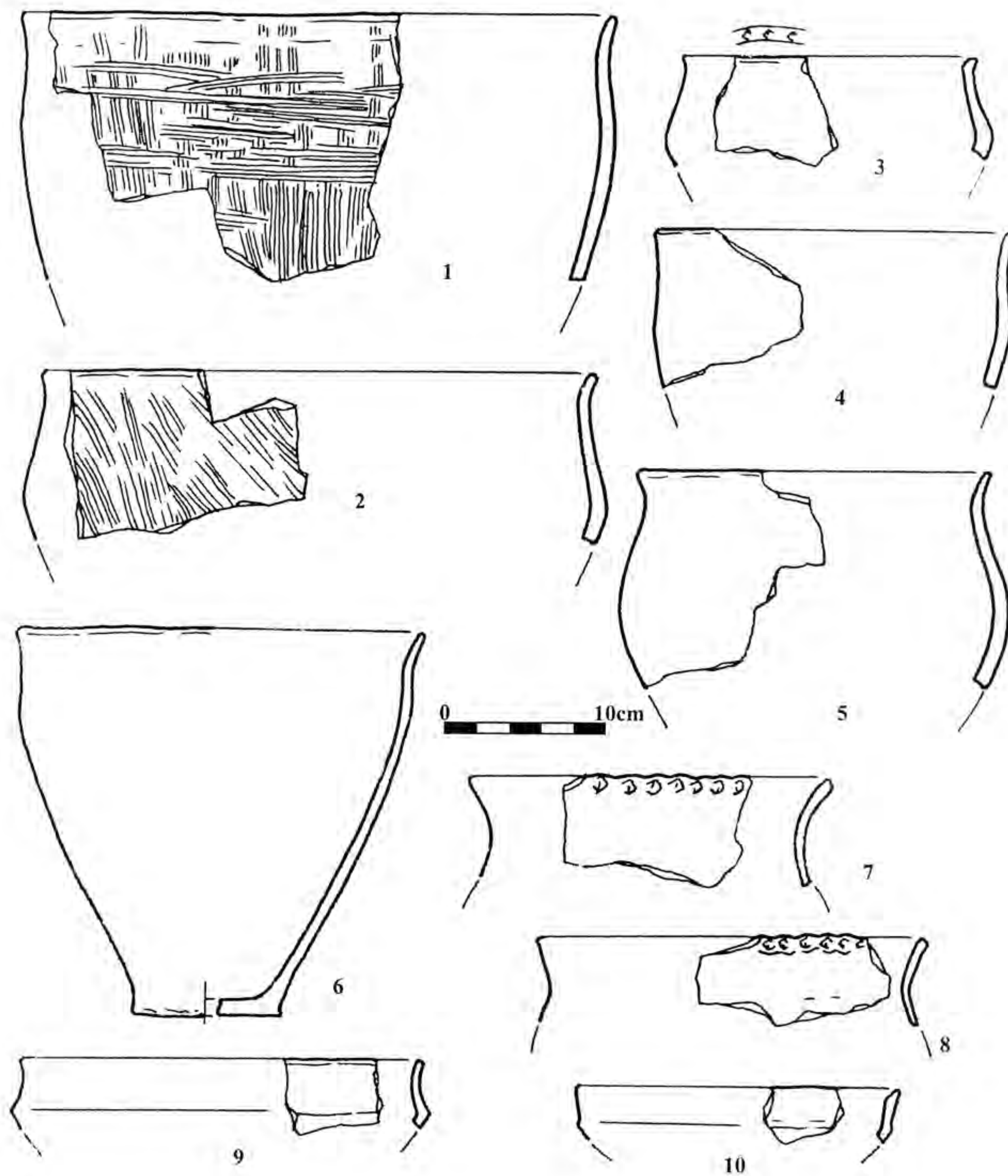

Рис. 21. Грини 1. Груболепная (*1-8*) и лощеная керамика (*9, 10*)
Fig. 21. Grini-1. Roughly-modelled (*1-8*) and polished ceramics (*9, 10*)

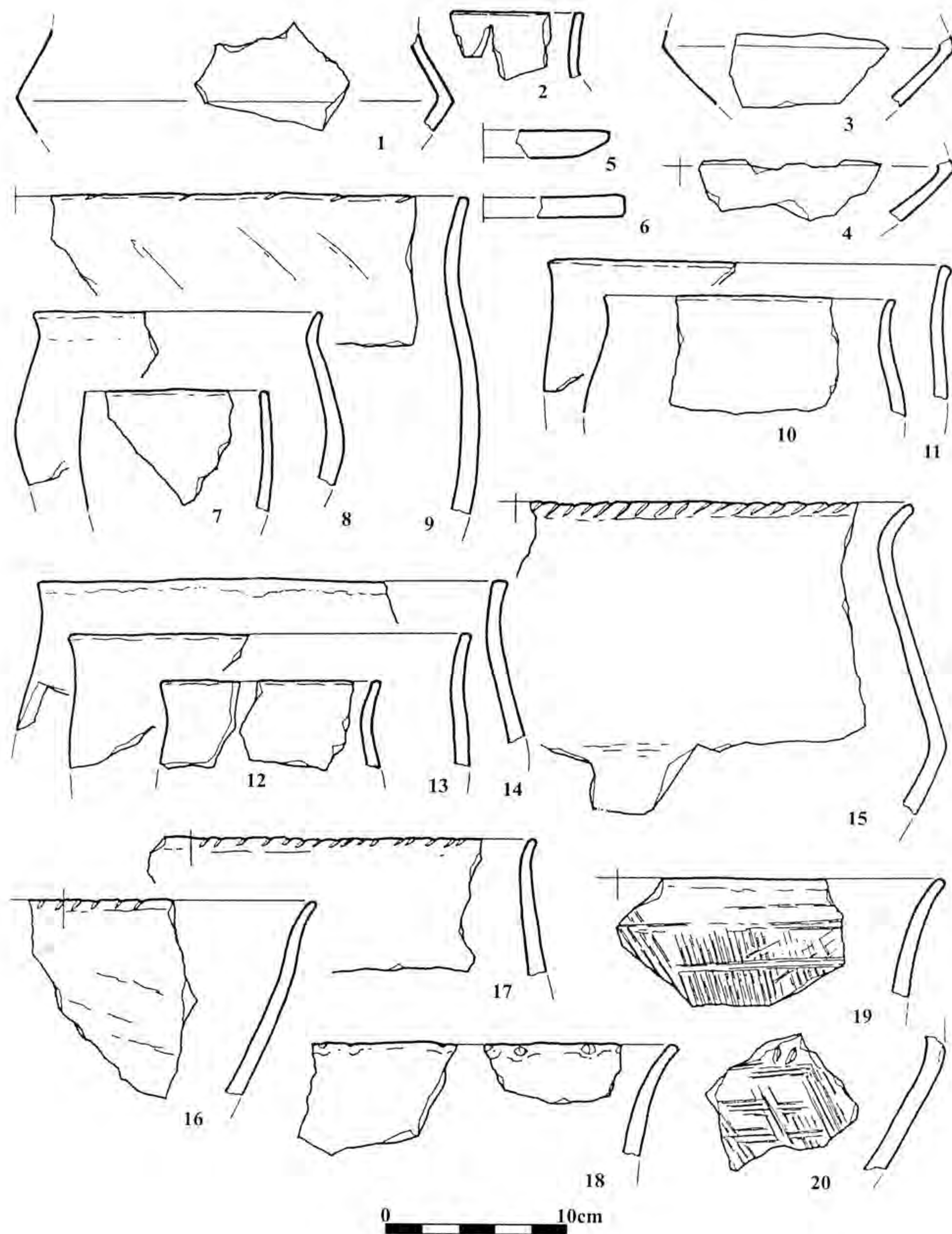

Рис. 22. Обухов 13. Лощеная (*1-4*) и груболепная керамика (*5-20*)
Fig. 22. Obukhov-13. Polished (*1-4*) and roughly-modelled ceramics (*5-20*)

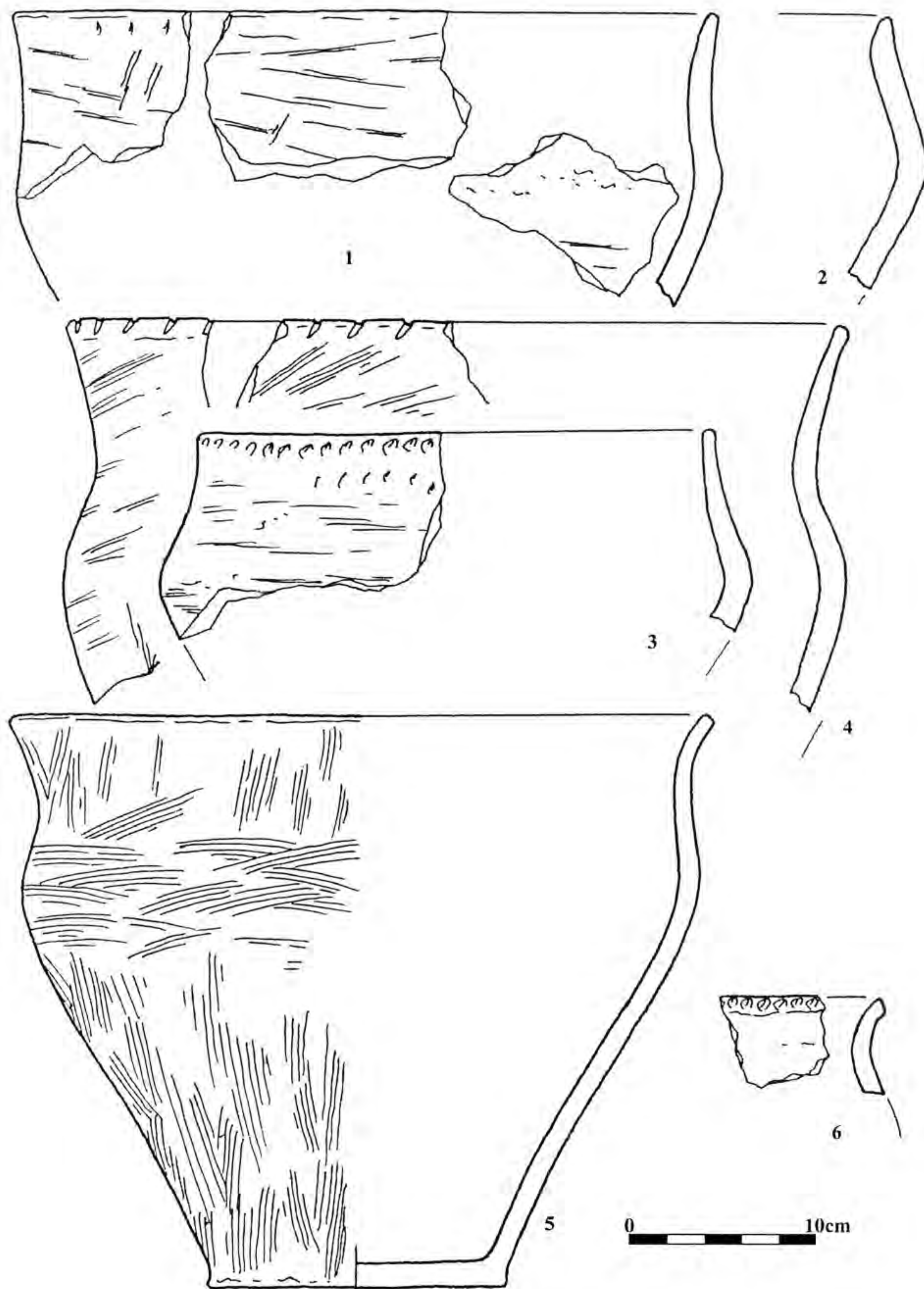

Рис. 23. Вовки. Груболепная керамика из позднезарубинецкого горизонта поселения
Fig. 23. Vovki. Roughly-modelled ceramics from the Late Zarubintsi horizon of the settlement

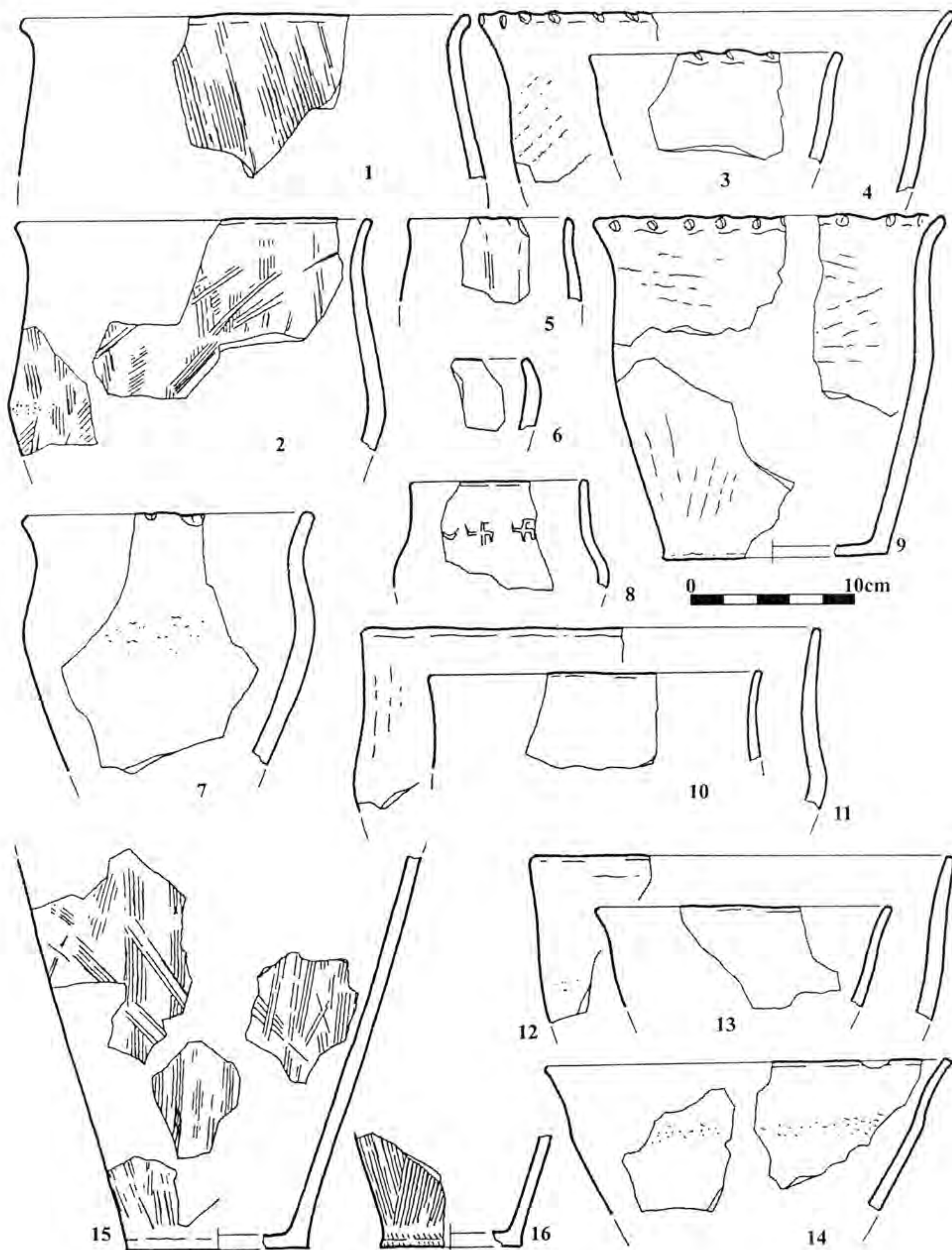

Рис. 24. Рябовка 3. Груболепная керамика из позднезарубинецкого горизонта поселения
Fig. 24. Riabovka-3. Roughly-modelled ceramics from the Late Zarubintsi horizon of the settlement

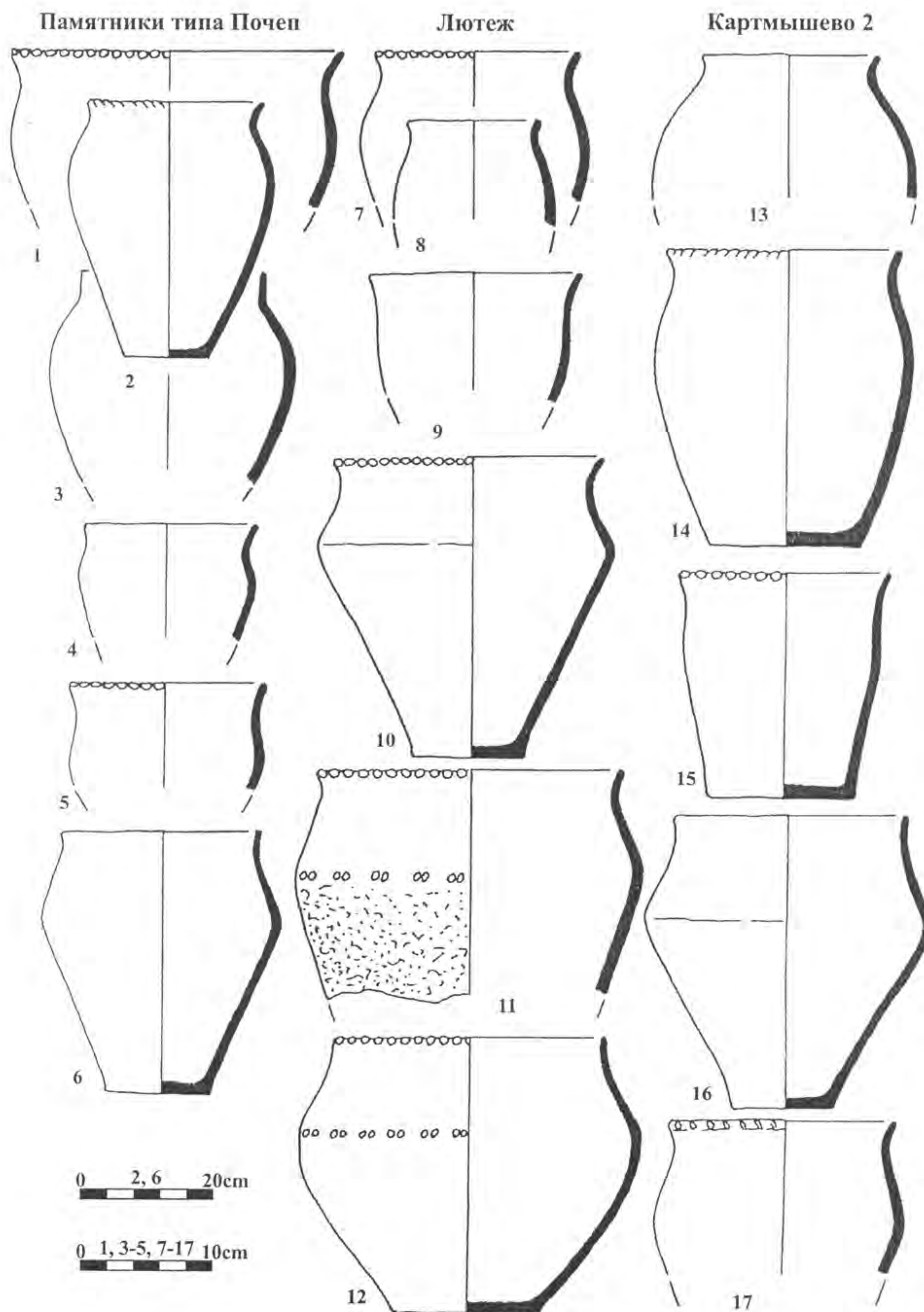

Рис. 25. Сопоставление форм горшков различных групп позднезарубинецких памятников
Fig. 25. The correlation between the forms of pots affiliated with the different groups of the Late Zarubintsi sites

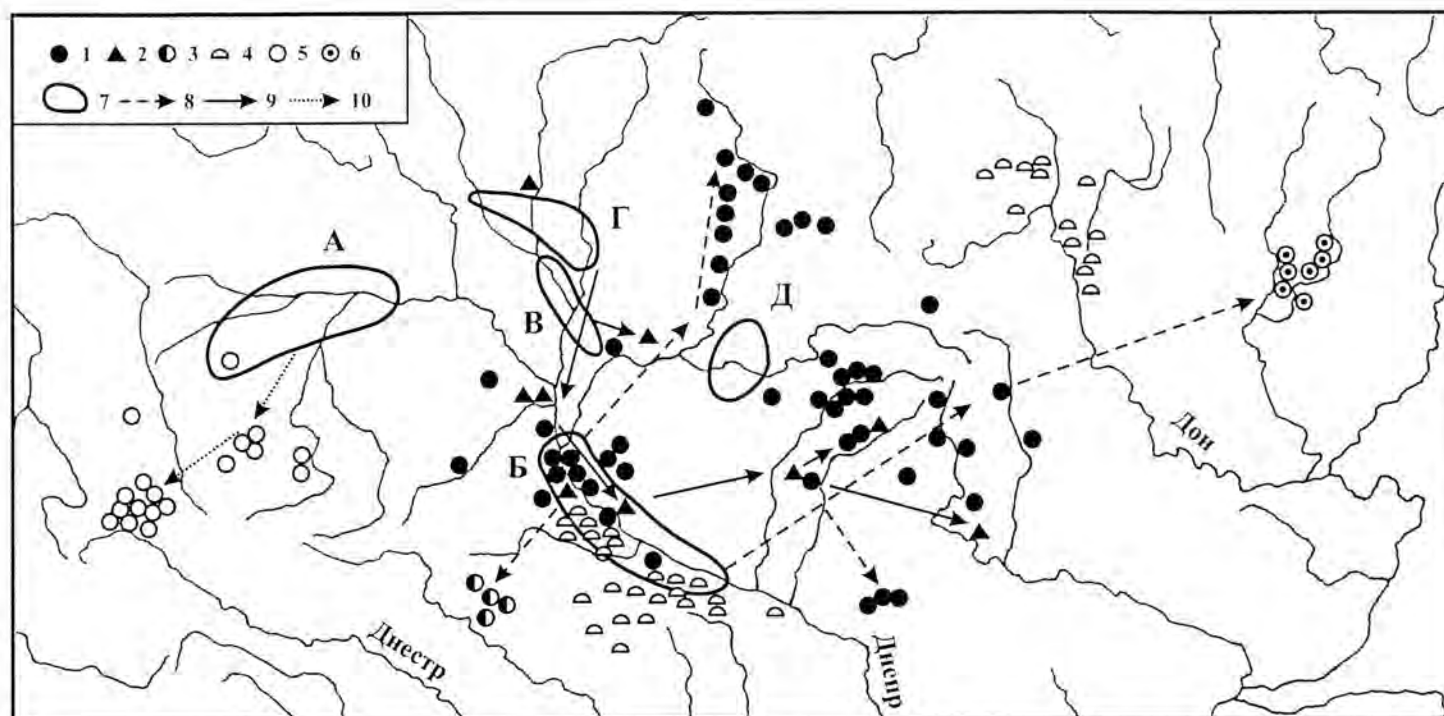

Рис. 26. Этнокультурная ситуация I-II вв. в лесостепи и на юге лесной зоны Восточной Европы: *1* – позднезарубинецкие памятники типа Лютеж, Почеп, Картамышево 2-Терновка 2; *2* – памятники типа Грини; *3* – памятники типа Рахны; *4* – сарматские памятники Среднего Поднепровья и Верхнего Подонья; *5* – памятники зубрецкой группы; *6* – памятники инясевской группы; *7* – границы локальных групп зарубинецкой культуры (*А* – полесского варианта, *Б* – среднеднепровского варианта, *В* – памятников типа Горошков-Чаплин, *Г* – памятников типа Кистени-Чечерск, *Д* – памятников типа Харьевка); *8* – миграция населения среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры, *9* – миграция населения группы типа Кистени-Чечерск; *10* – миграция населения полесского варианта зарубинецкой культуры

Fig. 26. Ethnic-cultural situation in the forest-steppe zone and in the southern region of the forest zone of Eastern Europe in 1-2 cent. A.D.: *1* – Late Zarubintsi sites of the Lyutezh, Pochep, Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 types; 2 – Sites of the Grini type; *3* – Sites of the Rakhny type; *4* – Sarmatian sites of the Middle Dnieper and Upper Don regions; 5 – Sites of the Zubretsia group; *6* – Sites of the Iniasevo group; *7* – Boundaries of local group of the Zarubintsi culture (*А* - Polissie variant, *Б* - Middle Dnieper variant, *В* – sites of the Goroshkov-Chaplin type, *Г* – sites of the Kisteni-Chechersk type, *Д* – sites of the Kharievka type). *8* – migration of the population representing the Middle Dnieper variant of the Zarubintsi culture, *9* – migration of the population representing the Kisteni-Chechersk type; *10* – migration of the population representing the Polesie variant of the Zarubintsi culture

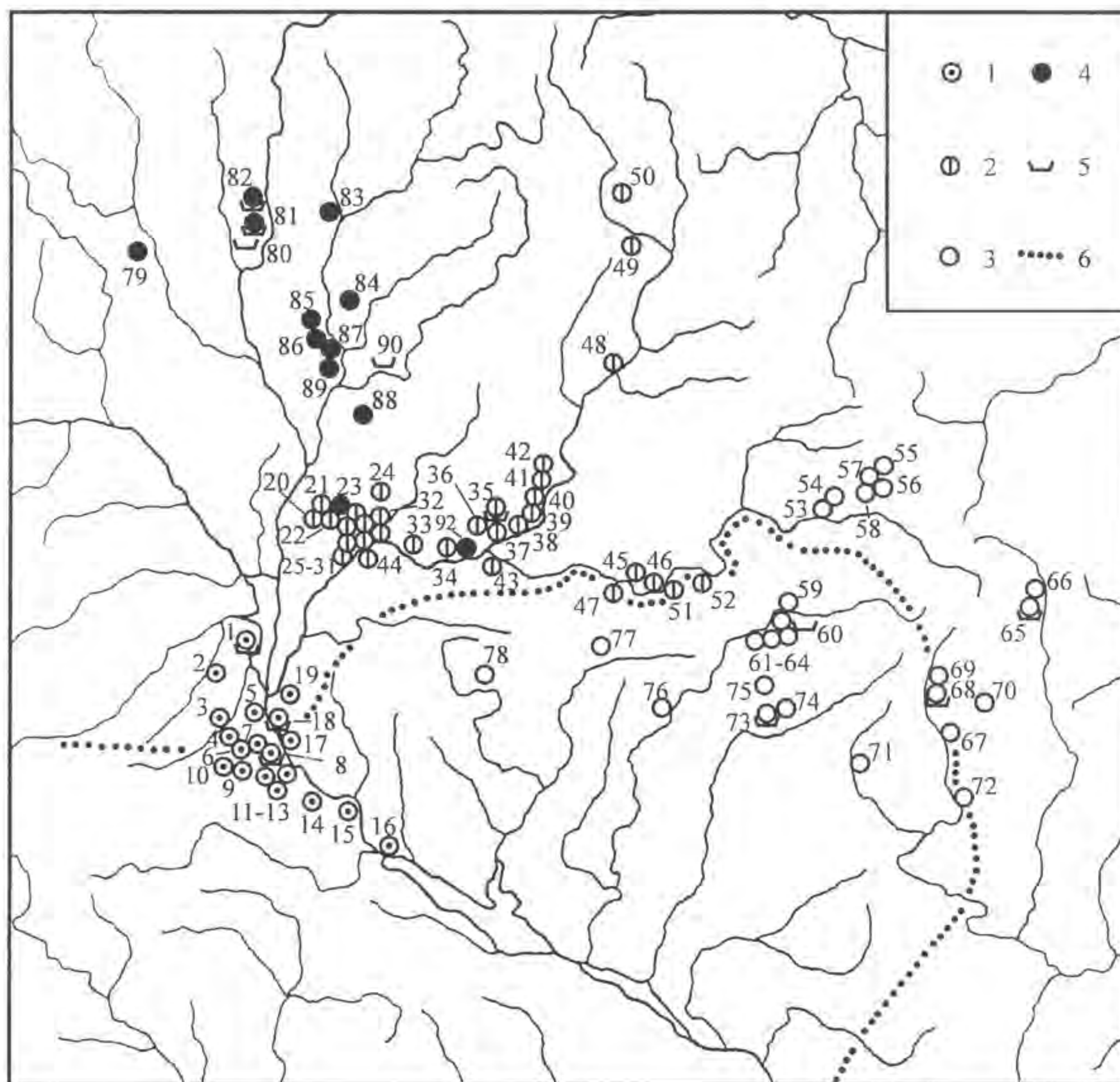

Рис. 27. Распространение памятников киевской культуры III–V вв.: *1* – поселения среднеднепровского, 2 – деснинского, *3* – восточнолевобережного и *4* – верхнеднепровского локальных вариантов, *5* – могильники, *6* – северо–восточная граница черняховской культуры (нумерация памятников соответствует приложению 3)

Fig. 27. Geographical distribution of sites of the Kiev culture of 3rd-4th cent. A.D.: *1* – Settlements of the Middle Dnieper local variant, 2 – Settlements of the Desna local variant, *3* – Settlements of the eastern Dnieper Left Bank local variant; *4* – Settlements of the Upper Dnieper local variant, *5* – Burial-grounds, *6* – North-eastern boundary of the Cherniakhov culture (numeration of the sites is the same as in the Appendix 3)

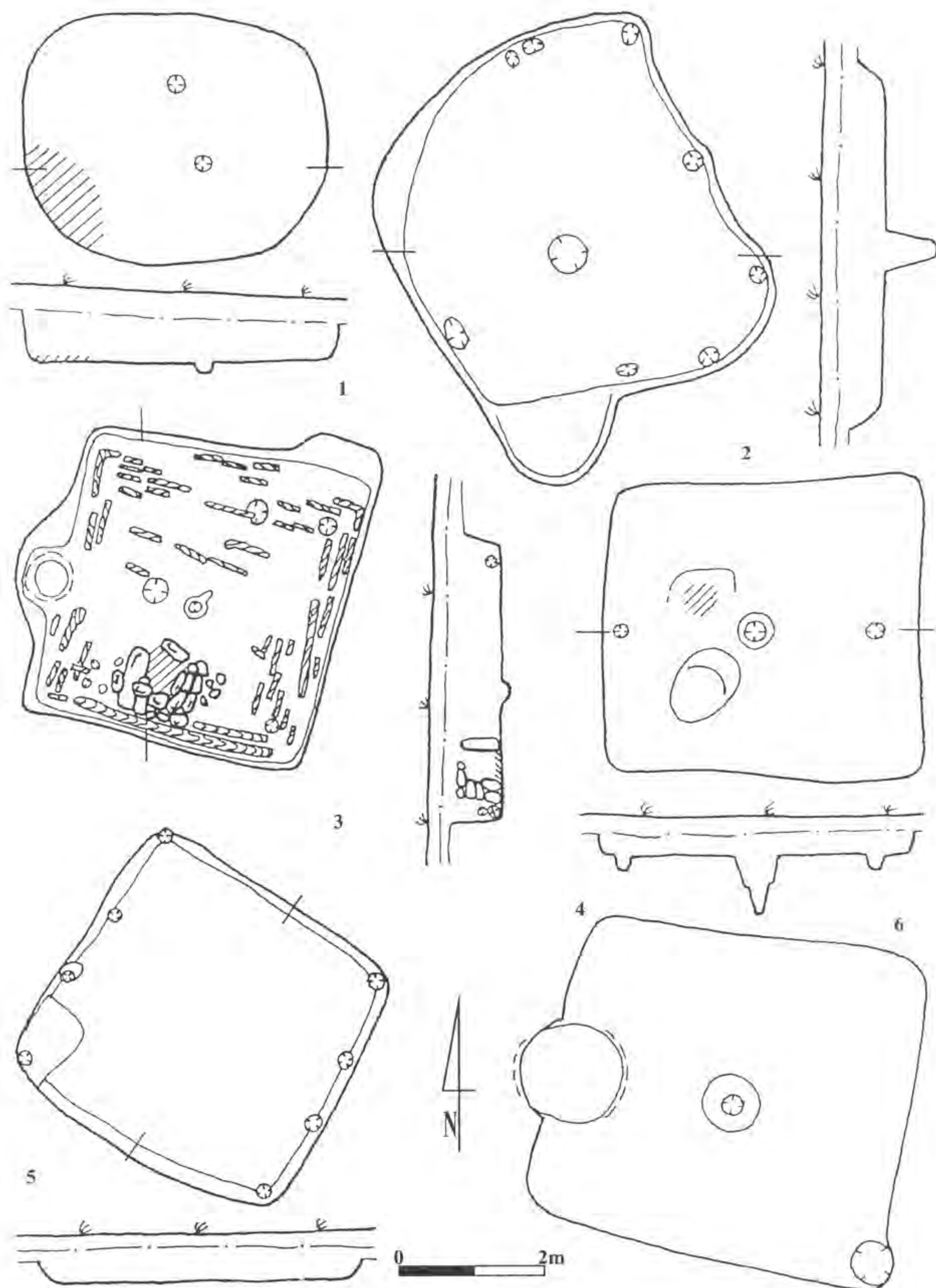

Рис. 28. Полуземляночные жилища киевской культуры: *1* – Вишенки, постройка 2; *2* – Каменево 2, постройка 7; *3* – Гудок; *4* – Киселевка 2, жилище 1; *5* – Гочево 1, постройка 1; *6* – Александровка 1, постройка 8

Fig. 28. Semi-subterranean dwellings of the Kiev culture: *1* – Vishenki, construction 2; *2* – Kamenevo-2, construction 7; *3* – Gudok; *4* – Kiselevka-2, dwelling 1; *5* – Gochevo-1, construction 1; *6* – Aleksandrovka-1, construction 8

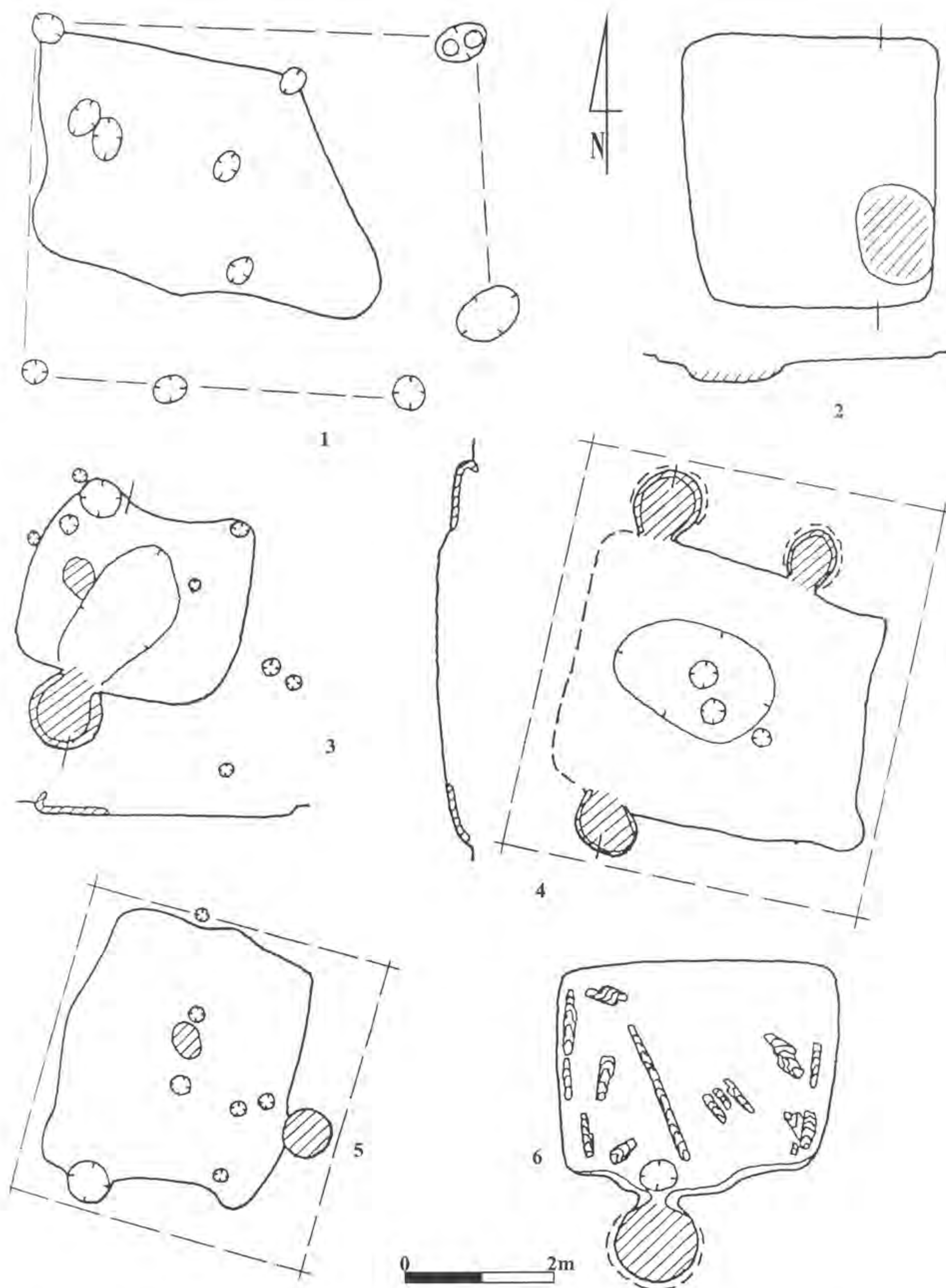

Рис. 29. Наземные жилища киевской культуры: *1-2* – Попово–Лежачи 4, постройка 5 в раскопе I и постройка 4 в раскопе II; *3-5* – Александровка 1, постройки 6, 24, 2; *6* – Гочево 2, постройка 2

Fig. 29. Overground dwellings of the Kiev culture: *1, 2* – Popovo-Lezhachi-4, construction 5 in Excavation I and construction 4 in Excavation II; *3-5* – Aleksandrovka-1, constructions 6, 24, 2; *6* – Gochevo-2, construction 2

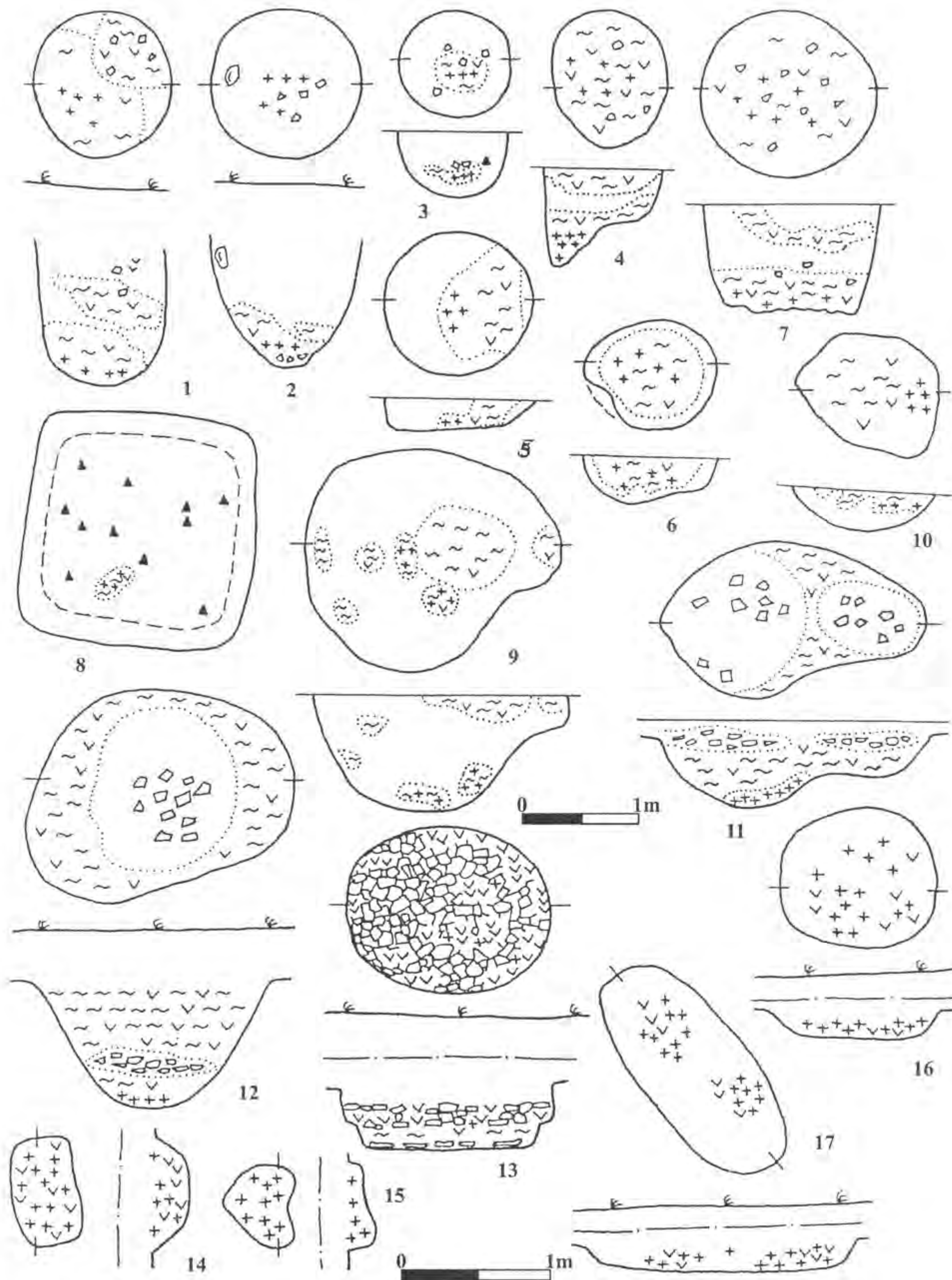

Рис 30. Погребения киевской культуры: *1-10* – Новые Безрадичи, погребения 3-4, 6-10, 12-14; *11, 12* – Бортничи, погребения 3, 4; *13* – Казаровичи, погребение 4; *14-15* – Киреевка 1, погребения 1, 3; *16-17* – Абидня

Fig. 30. Burials of the Kiev culture: *1-10* - Novie Bezradichi, burials 3, 4, 6-10, 12-14; *11, 12* - Bortnichi, burials 3, 4; *13* - Kazarovichi, burial 4; *14, 15* - Kireevka-1, burials 1, 3; *16, 17* - Abidnia

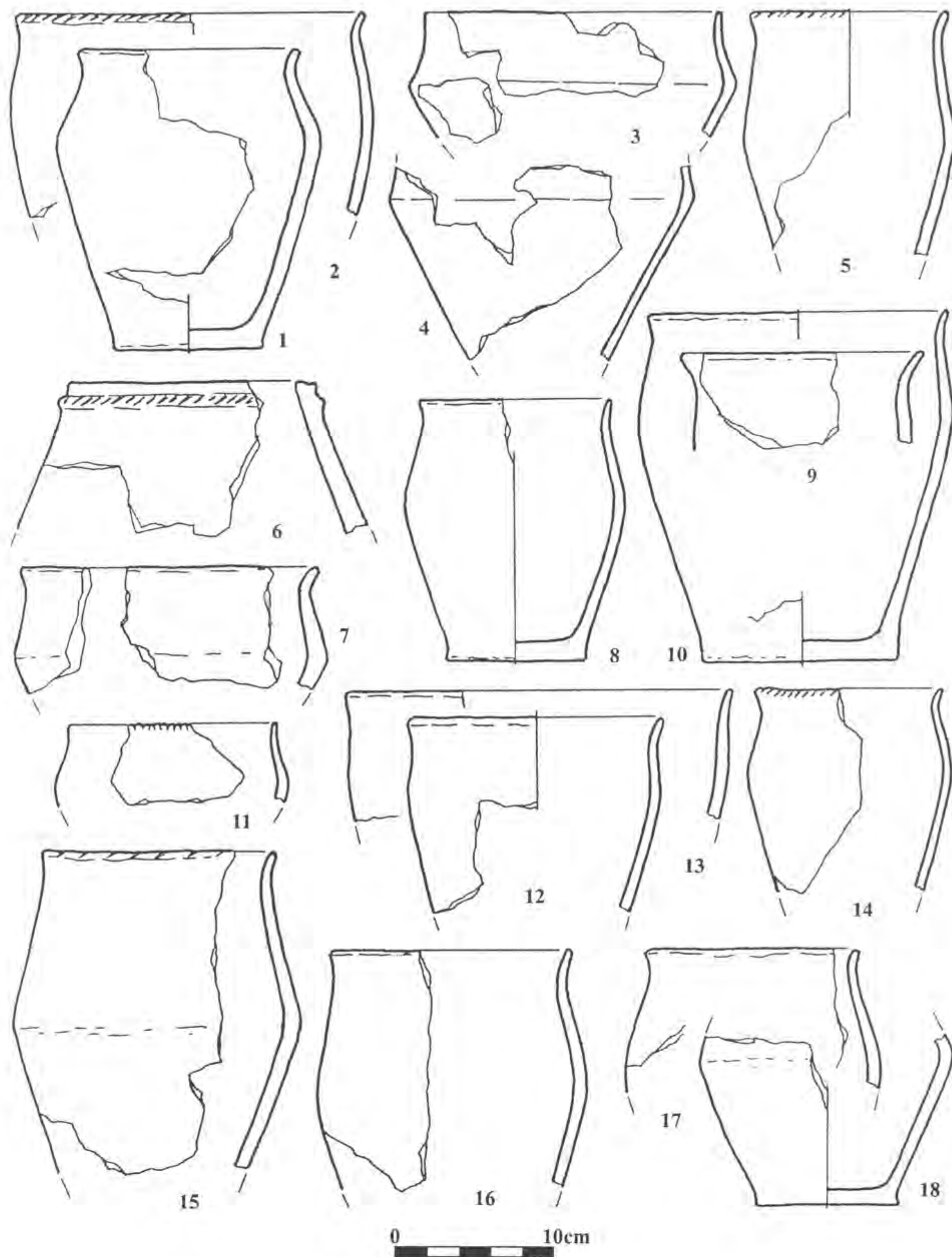

Рис. 31. Казаровичи. Груболепная (*1, 2, 5-18*) и лощеная керамика (*3, 4*)
Fig. 31. Kazarovichi. Roughly-modelled (*1, 2, 5-18*) and polished ceramics (*3, 4*)

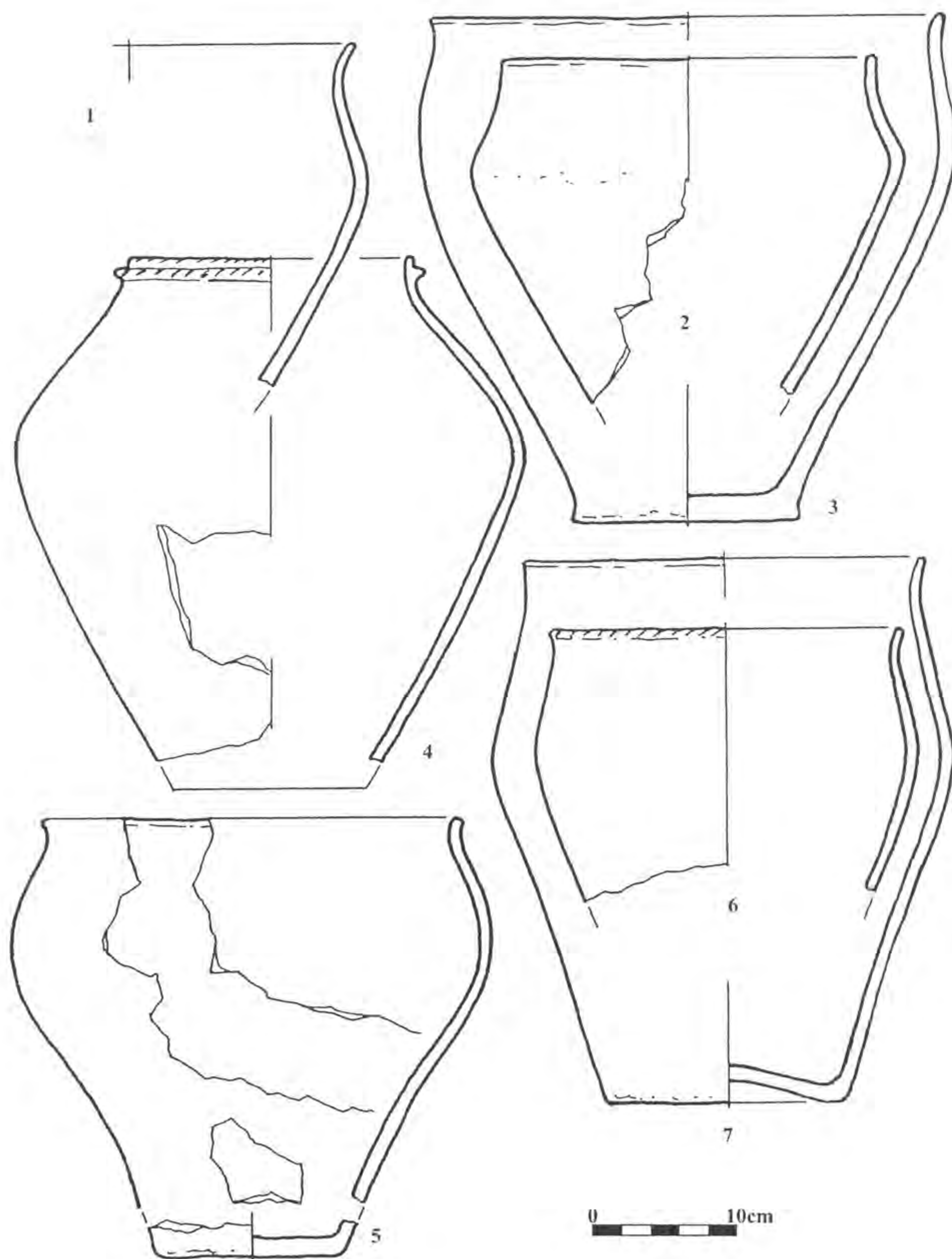

Рис. 32. Казаровичи. Груболепная керамика
Fig. 32. Kazarovichi. Roughly-modelled ceramics

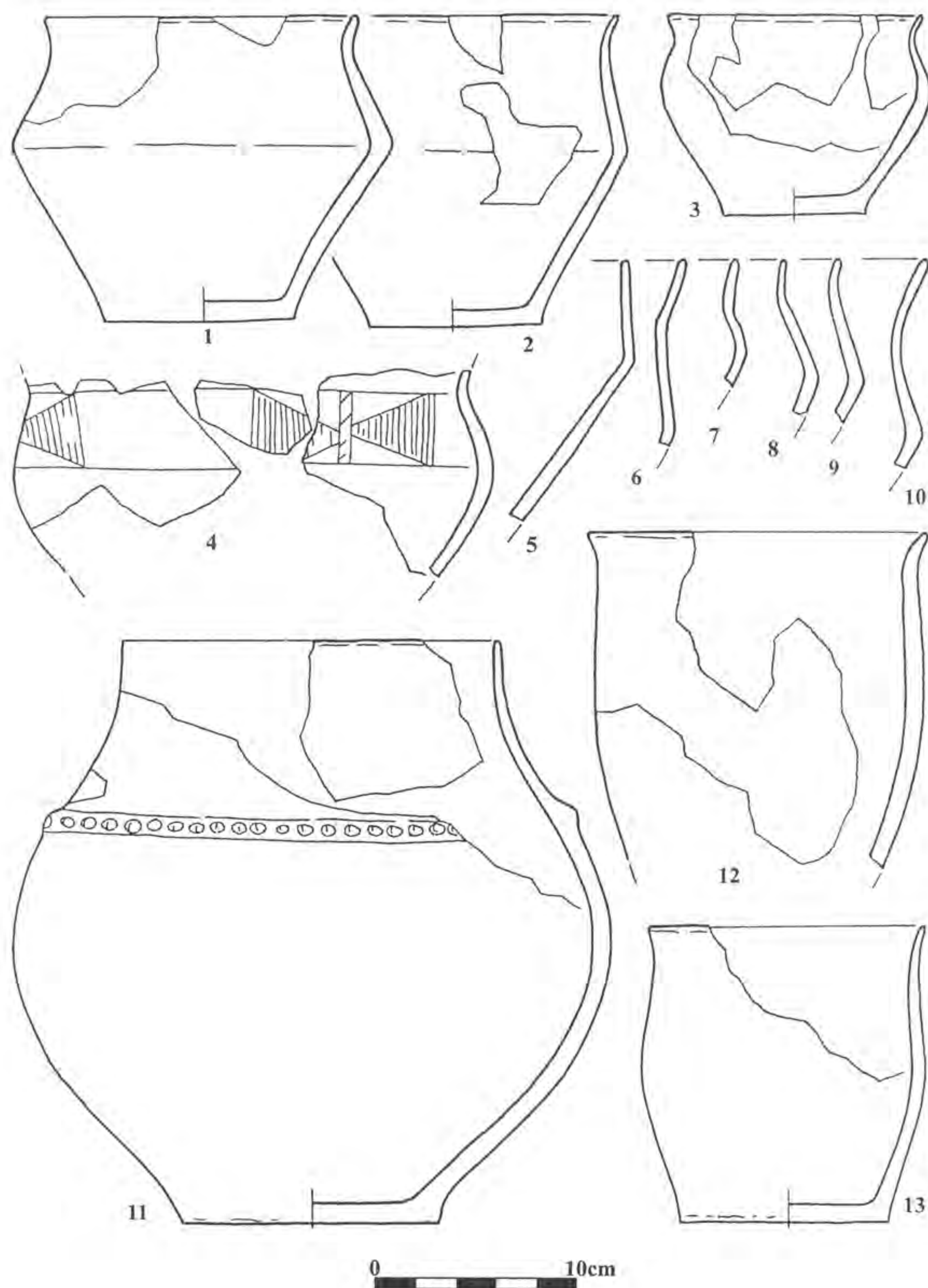

Рис. 33. Попово–Лежачи 4. Лощеная (*1-10*) и груболепная керамика (*11-13*)
Fig. 33. Popovo-Lezhachi-4. Polished (*1-10*) and roughly-modelled ceramics (*11-13*)

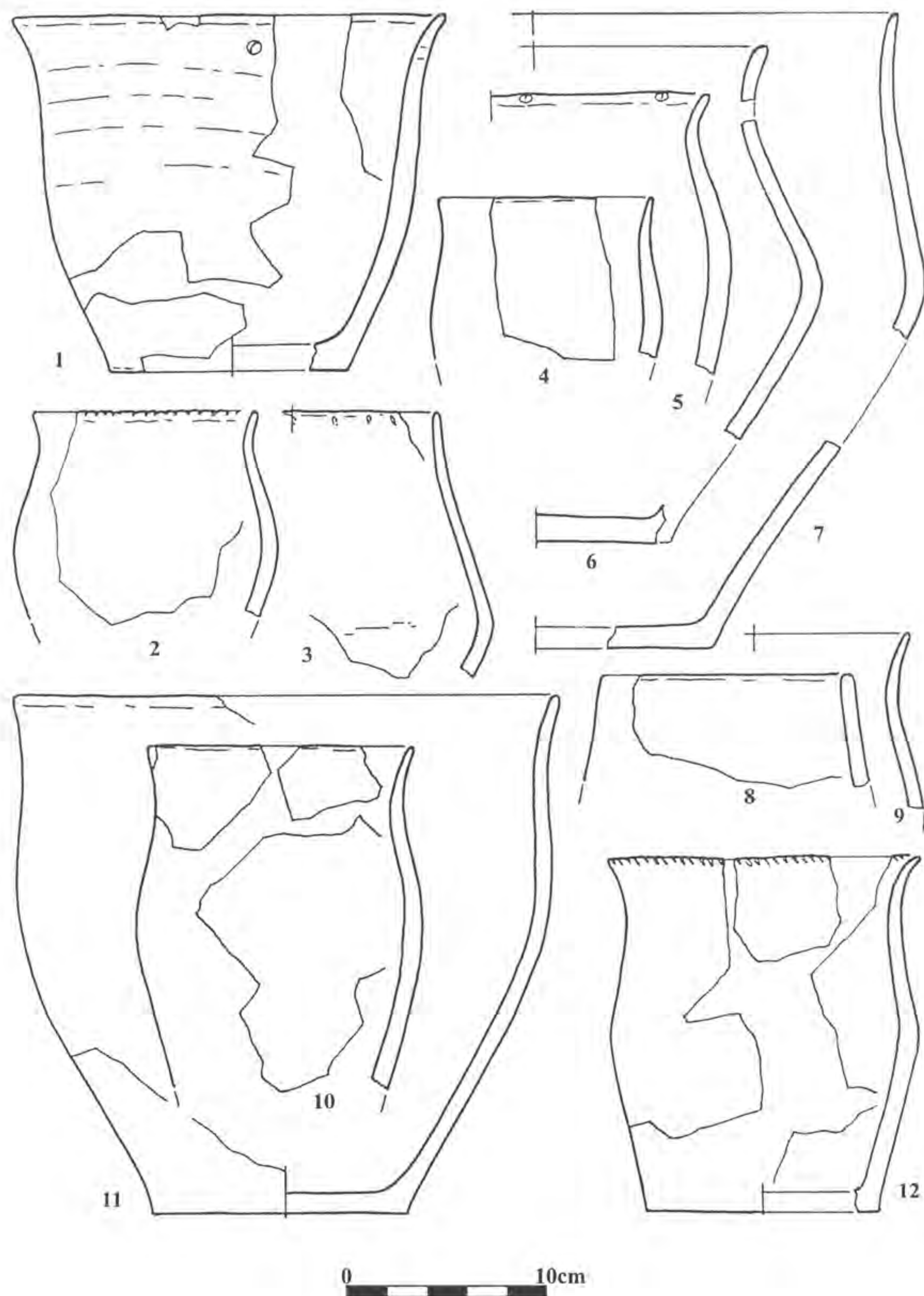

Рис. 34. Попово–Лежачи 4. Груболепная керамика
Fig. 34. Popovo-Lezhachi-4. Roughly-modelled ceramics

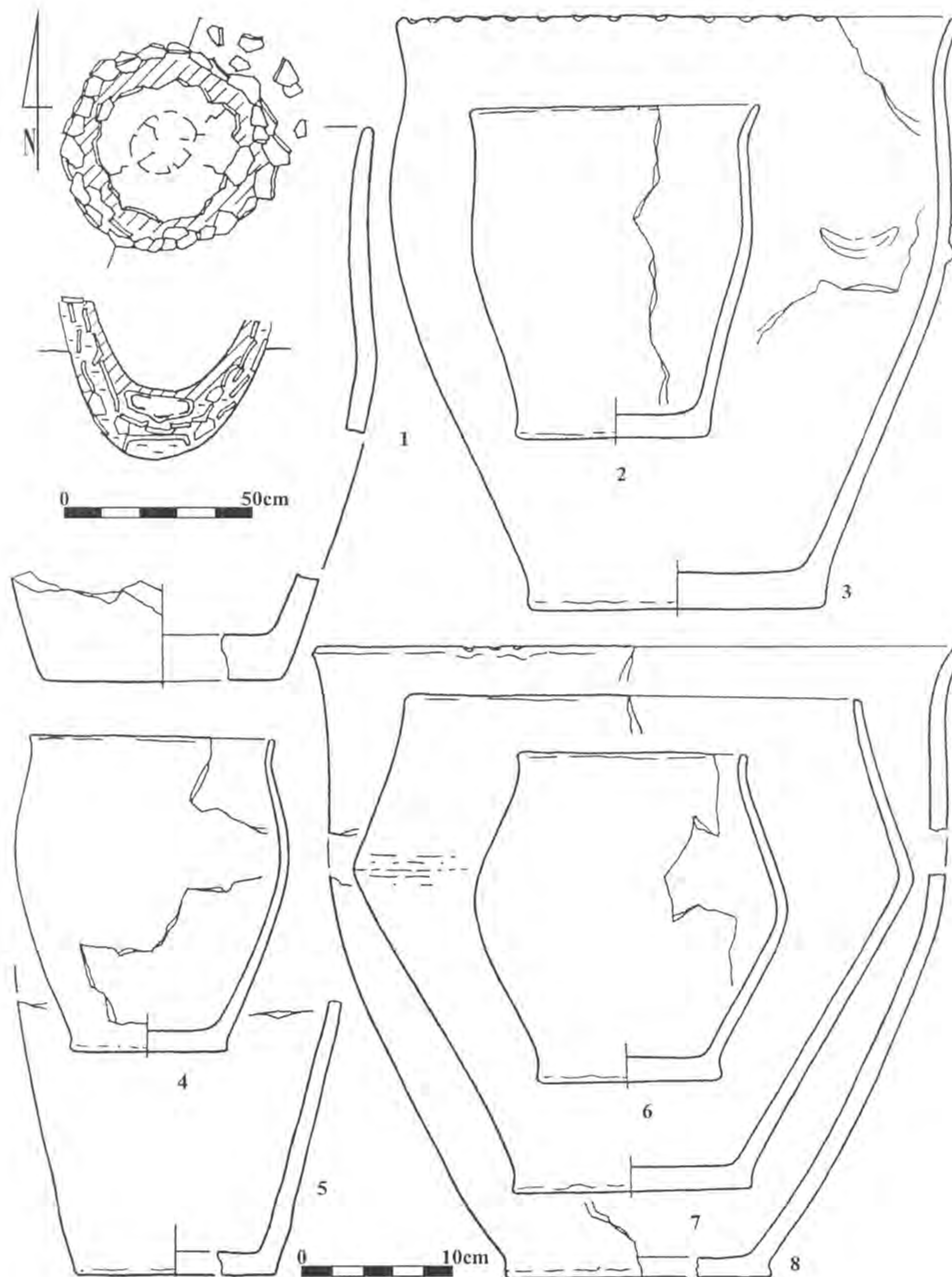

Рис. 35. Гочево 1. Груболепная керамика из вымостки „горна" 2
Fig. 35. Gochevo-1. Roughly-modelled ceramics from the paving of the "forge" 2

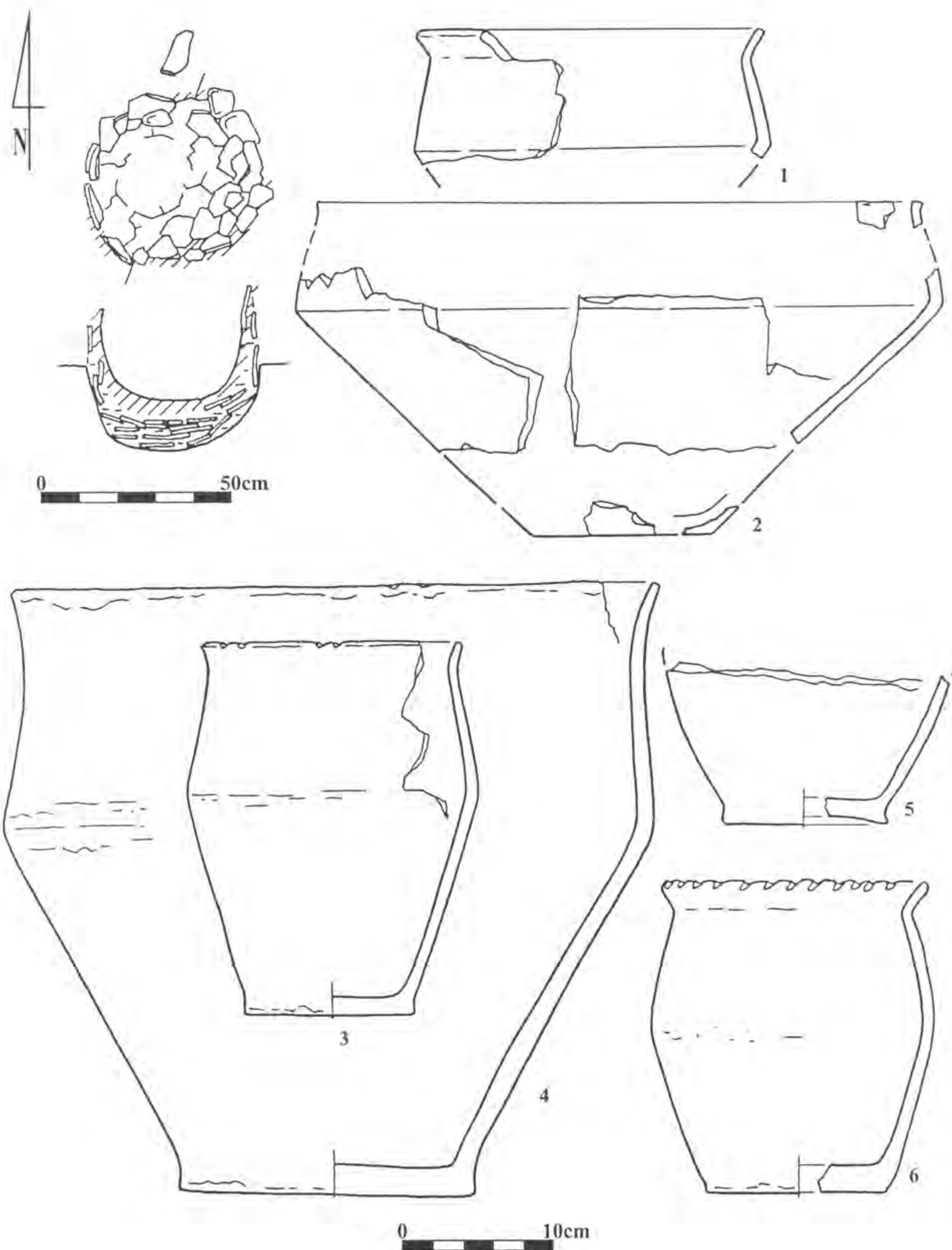

Рис. 36. Гочево 1. Лощеная (*1, 2*) и груболепная керамика (*3-6*) из вымостки „горна" 3
Fig. 36. Gochevo-1. Polished (*1, 2*) and roughly-modelled ceramics (*3-6*) from the paving of the "forge" 3

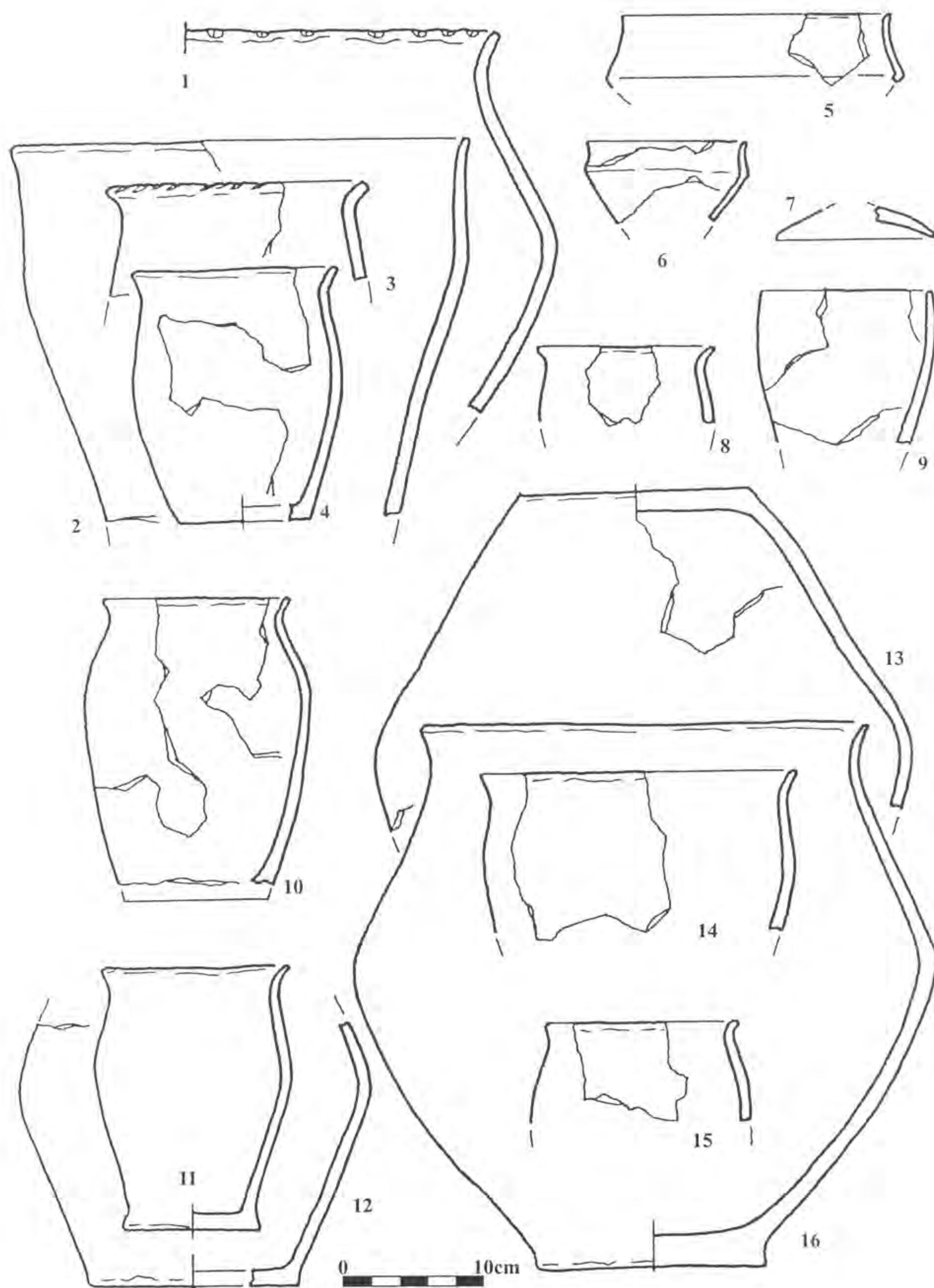

Рис. 37. Гочево 1. Груболепная (*1-4, 7-16*) и лощеная керамика (*5, 6*) из объектов и культурного слоя
Fig. 37. Gochevo-1. Roughly-modelled (*1-4, 7-16*) and polished ceramics (*5, 6*) from the features and cultural layer

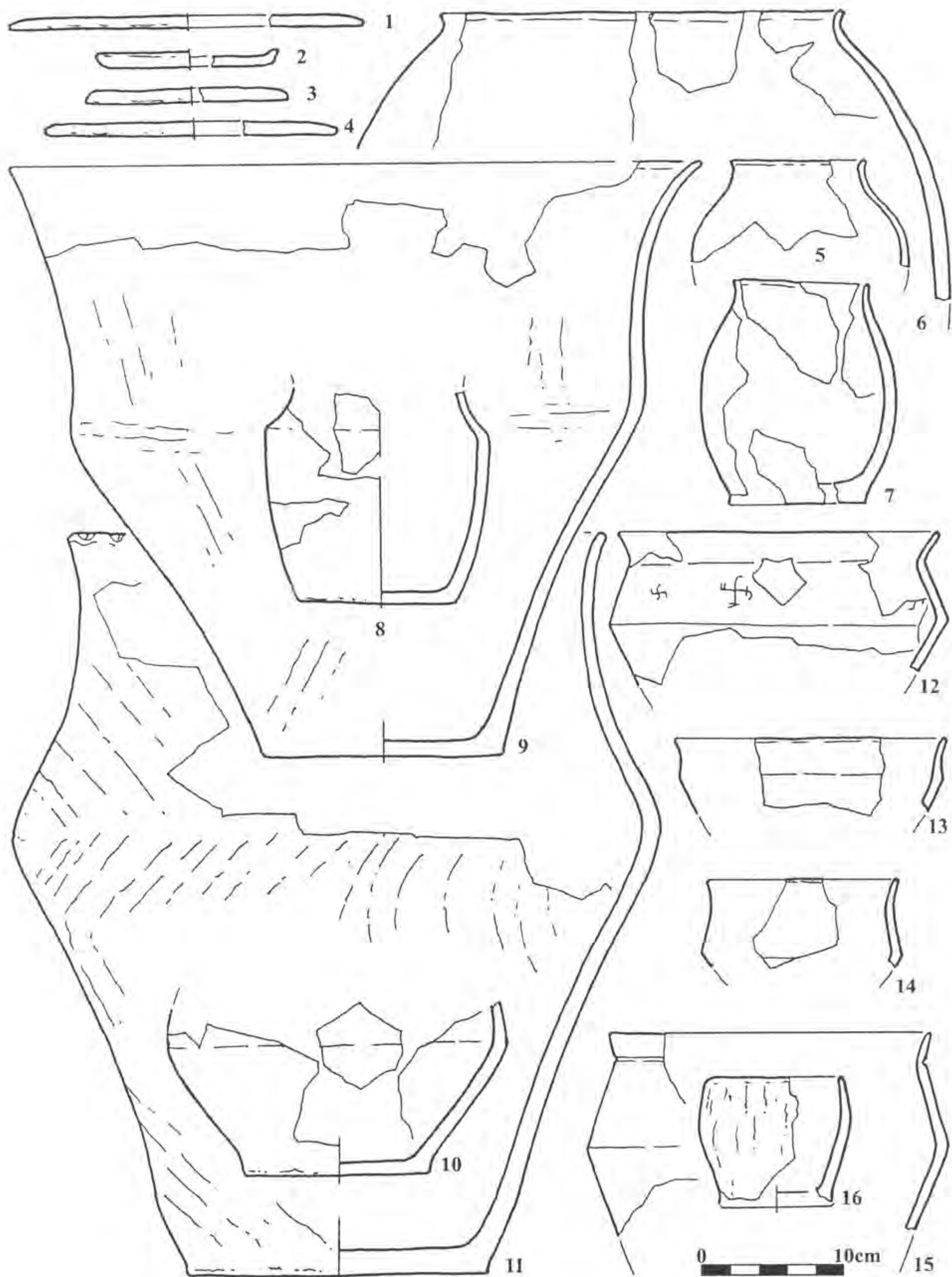

Рис. 38. Шишино 5. Груболепная (*1-11, 16*) и лощеная керамика (*12-15*)
Fig. 38. Shishino-5. Roughly-modelled (*1-11, 16*) and polished ceramics (*12-15*)

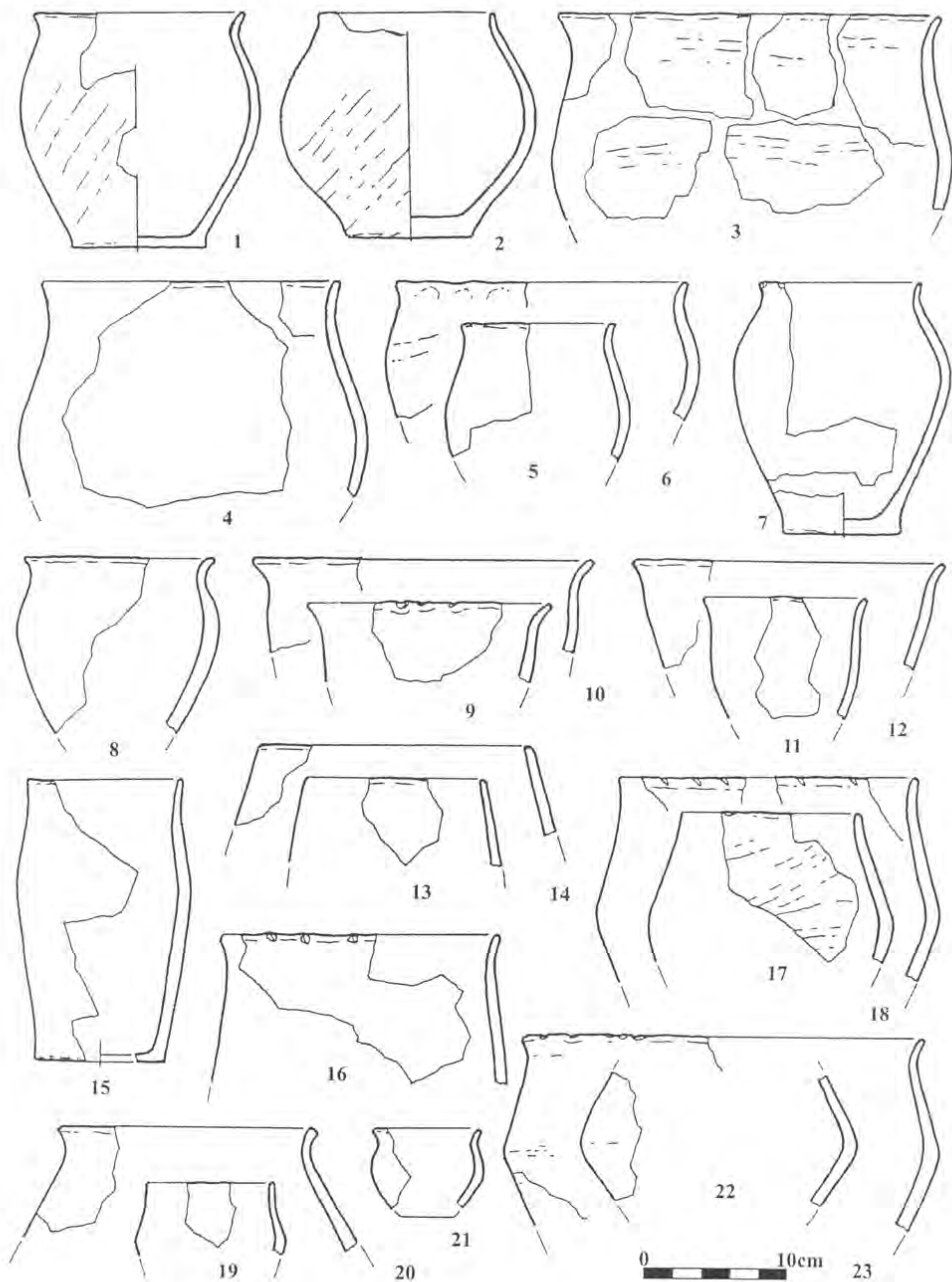

Рис. 39. Шишино 5. Груболепная керамика
Fig. 39. Shishino-5. Roughly-modelled ceramics

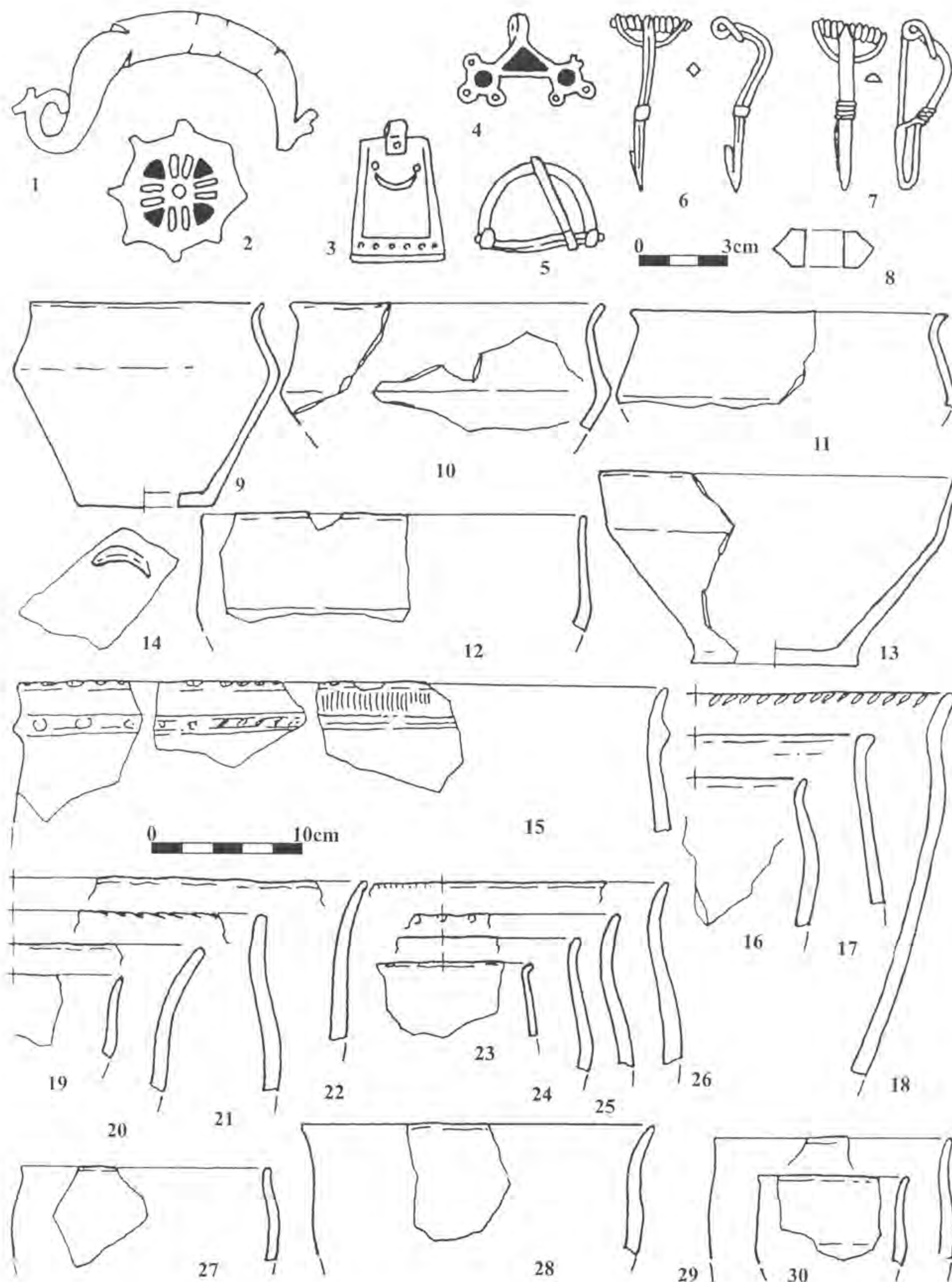

Рис. 40. Абидня. *1-4* – бронза, *5-7* – железо, *8* – глина, *9-13* – лощеная и *14-30* – груболепная керамика
Fig. 40. Abidnia. *1-4* – bronze, *5-7* – iron, *8* – clay, *9-13* – polished and *14-30* – roughly-modelled ceramics

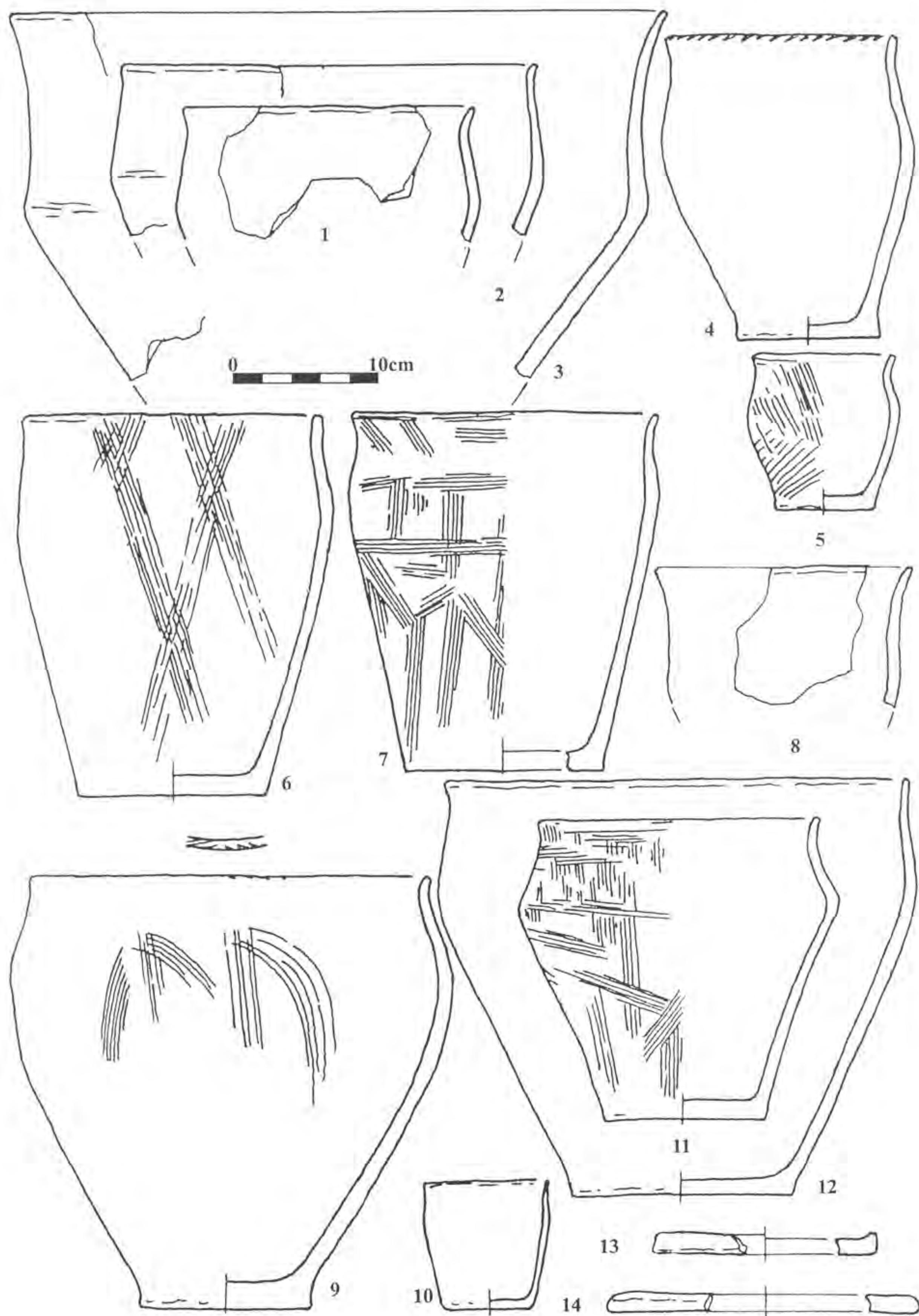
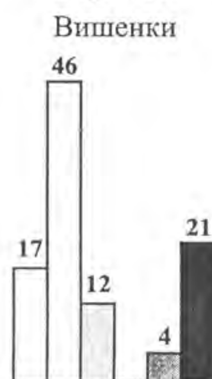
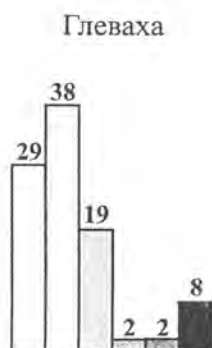
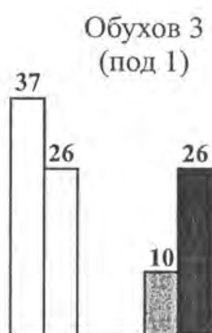

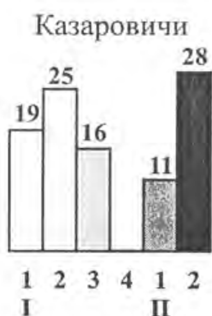
Рис. 41. Абидня. Груболепная керамика
Fig. 41. Abidnia. Roughly-modelled ceramics

Среднеднепровский вариант

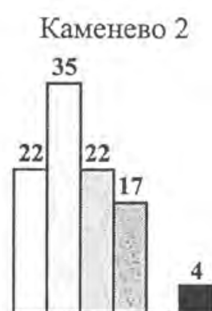

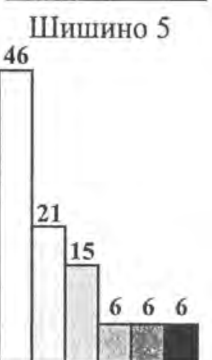

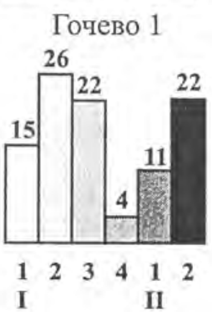
Восточнолевобережный вариант

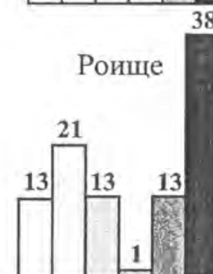

Деснинский вариант

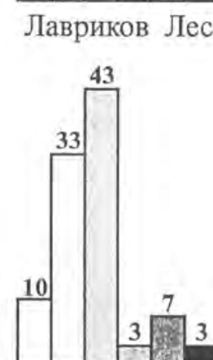

Рис. 42. Процентное распределение типов горшков на некоторых памятниках киевской культуры
Fig. 42. Percentage of the types of pots from a number of sites of the Kiev culture

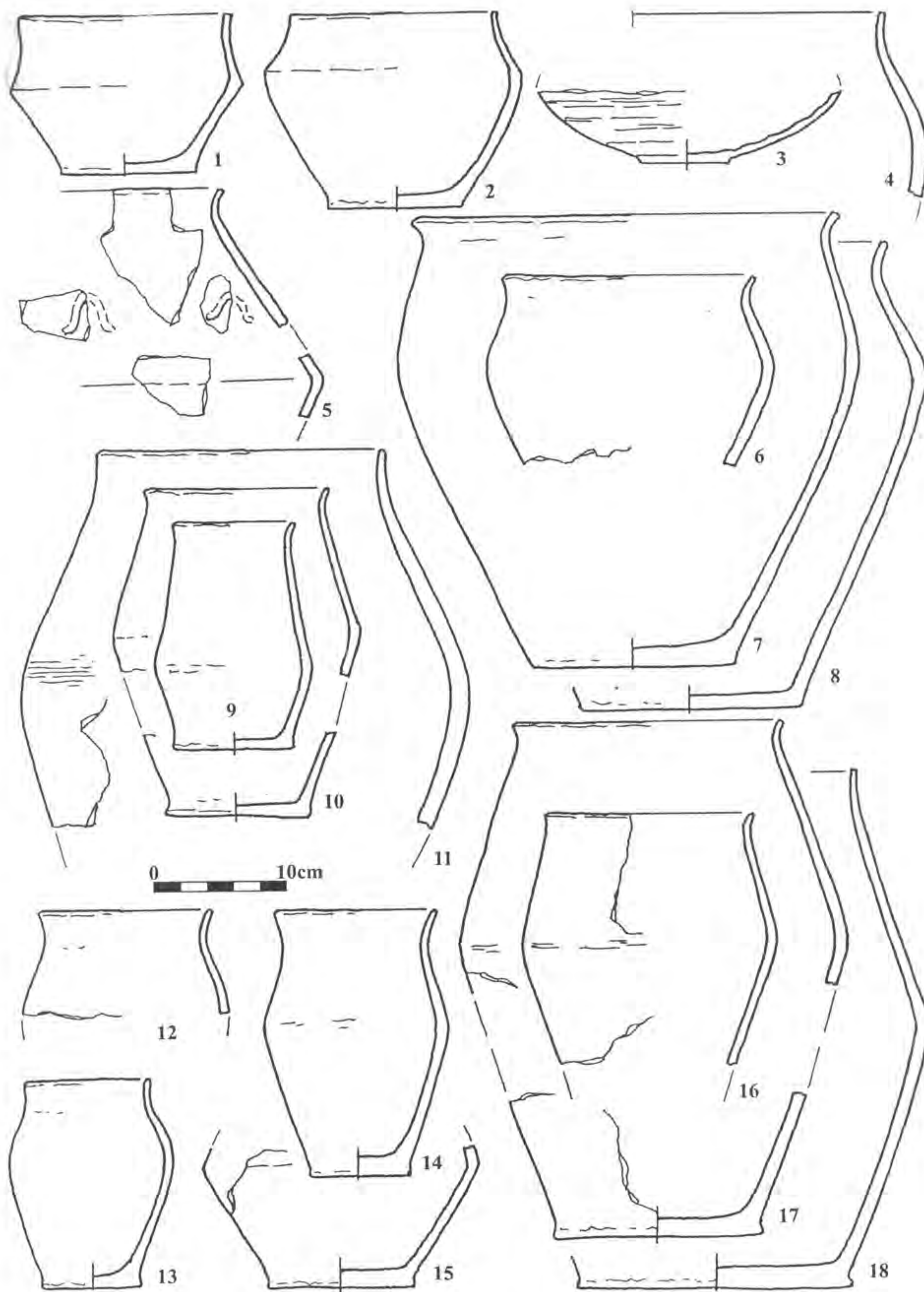

Рис. 43. Обухов 3. Керамика из вымостки пода 1: *1-2* – лощеная, *3* – гончарная, *4-18* – груболепная
Fig. 43. Obukhov-3. Ceramics from the paving of the hearth 1: *1,2* – polished, *3* – wheel-made, *4-18* – roughly-modelled

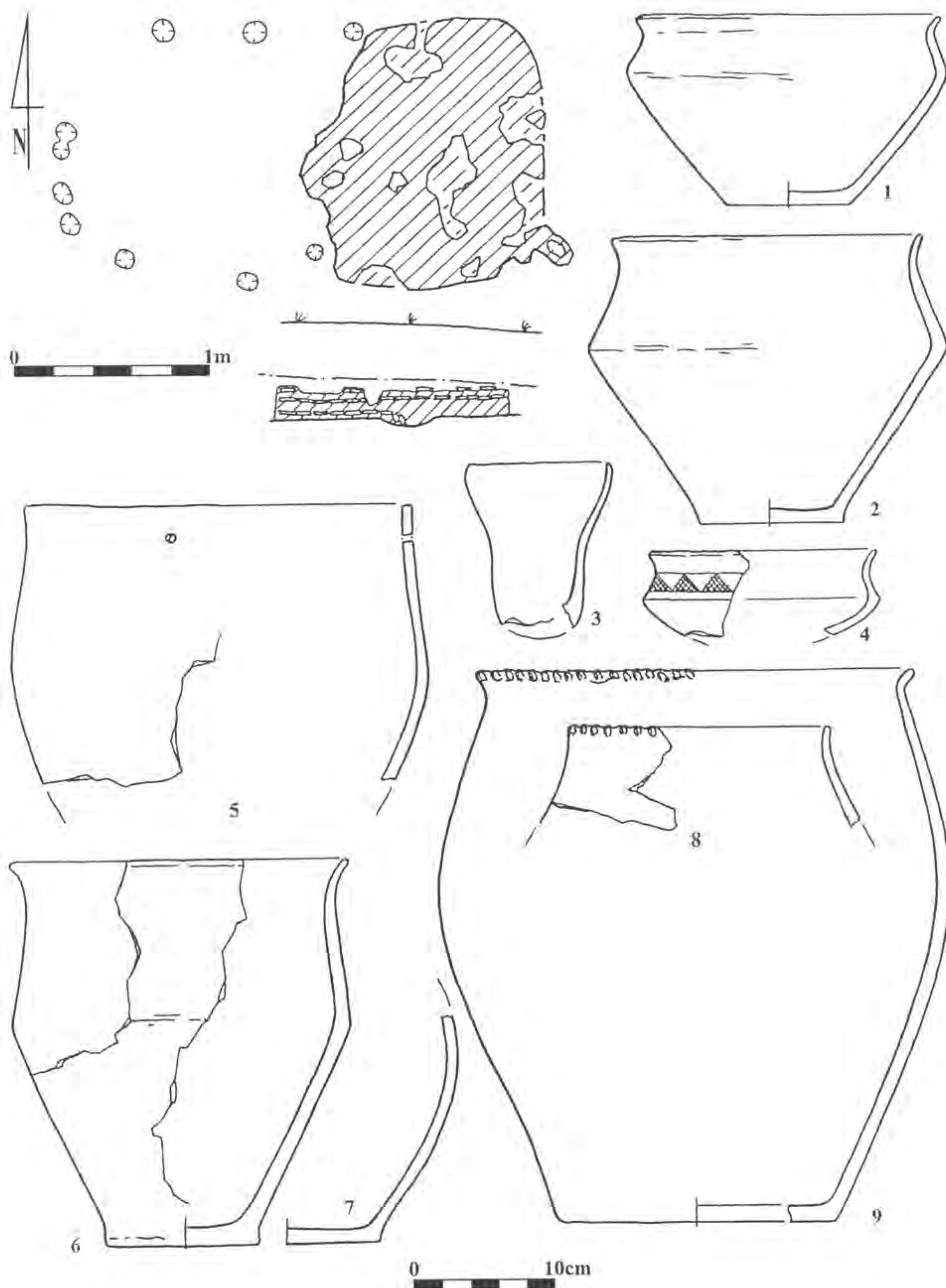

Рис. 44. Обухов 3. Керамика из вымостки пода 2: *1-2, 4* – лощеная, *3, 5-9* – груболепная
Fig. 44. Obukhov-3. Ceramics from the paving of the hearth 2: *1, 2, 4* – polished, *3, 5-9* – roughly-modelled

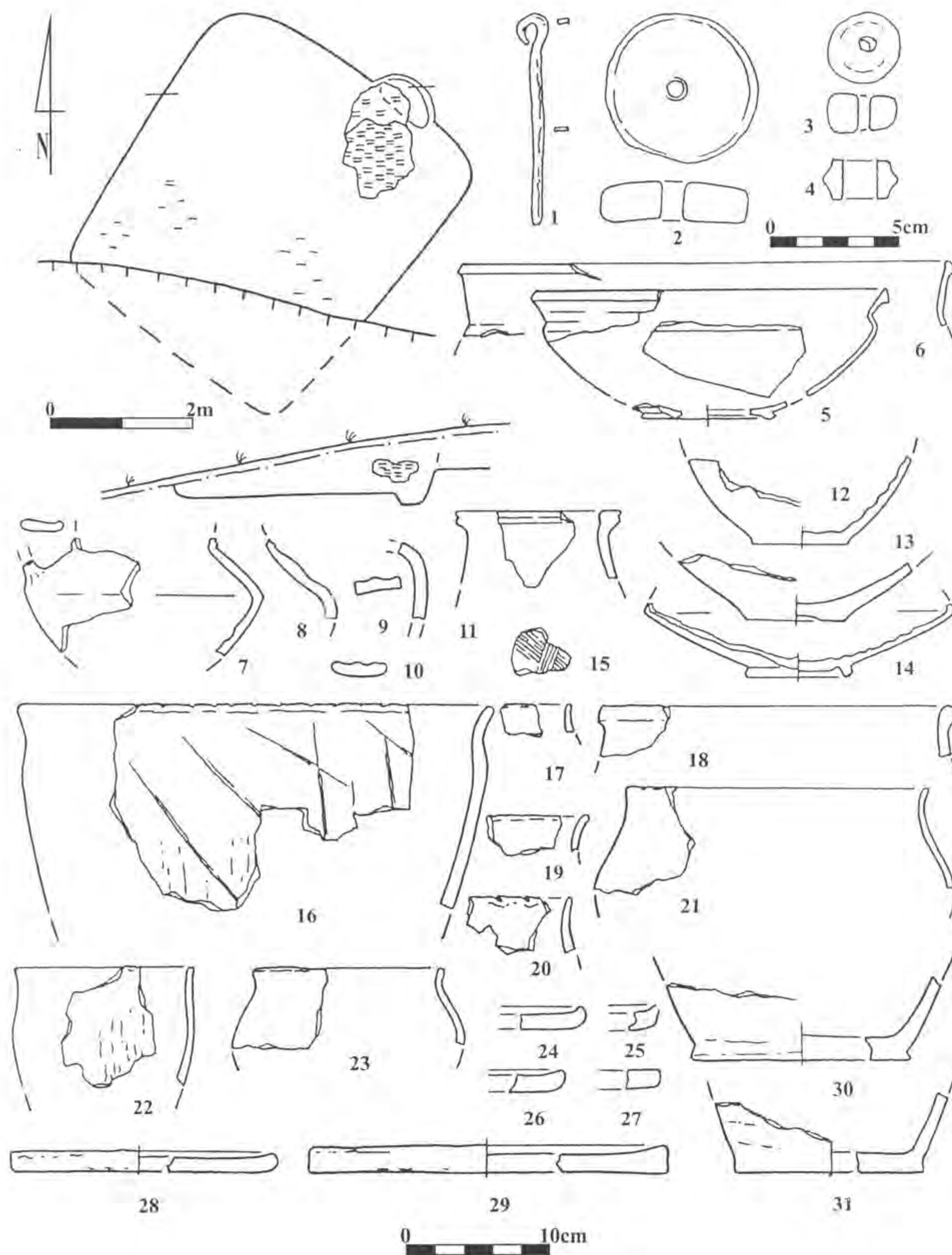

Рис. 45. Глеваха. Комплекс постройки 1: *1* – железо, *2-4* – глина, *5-14* – гончарная, *15-31* – груболепная керамика

Fig. 45. Glevakha. Complex of construction 1: *1* – iron, *2-4* – clay, *5-14* – wheel-made ceramics, *15-31* – roughly-modelled ceramics

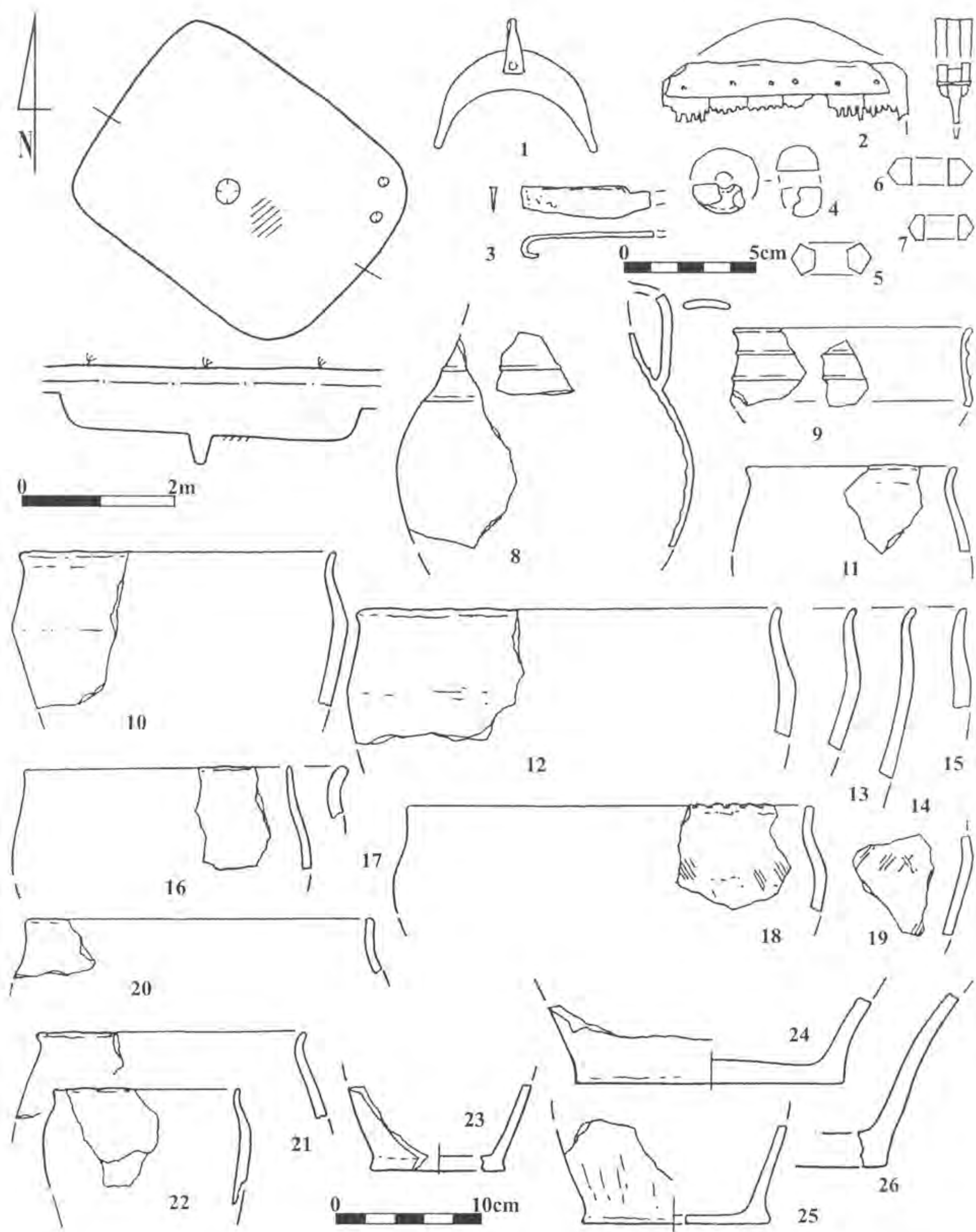

Рис. 46. Глеваха. Комплекс постройки 3: *1* – бронза, *2* – кость, *3* – железо, *4* – стекло, *5-7* – глина, *8, 9* – гончарная, *10-26* – груболепная керамика

Fig. 46. Glevakha. Complex of construction 3: *1* – bronze, *2* – bone, *3* – iron, *4* – glass, *5-7* – clay, *8, 9* – wheel-made ceramics, *10-26* – roughly-modelled ceramics

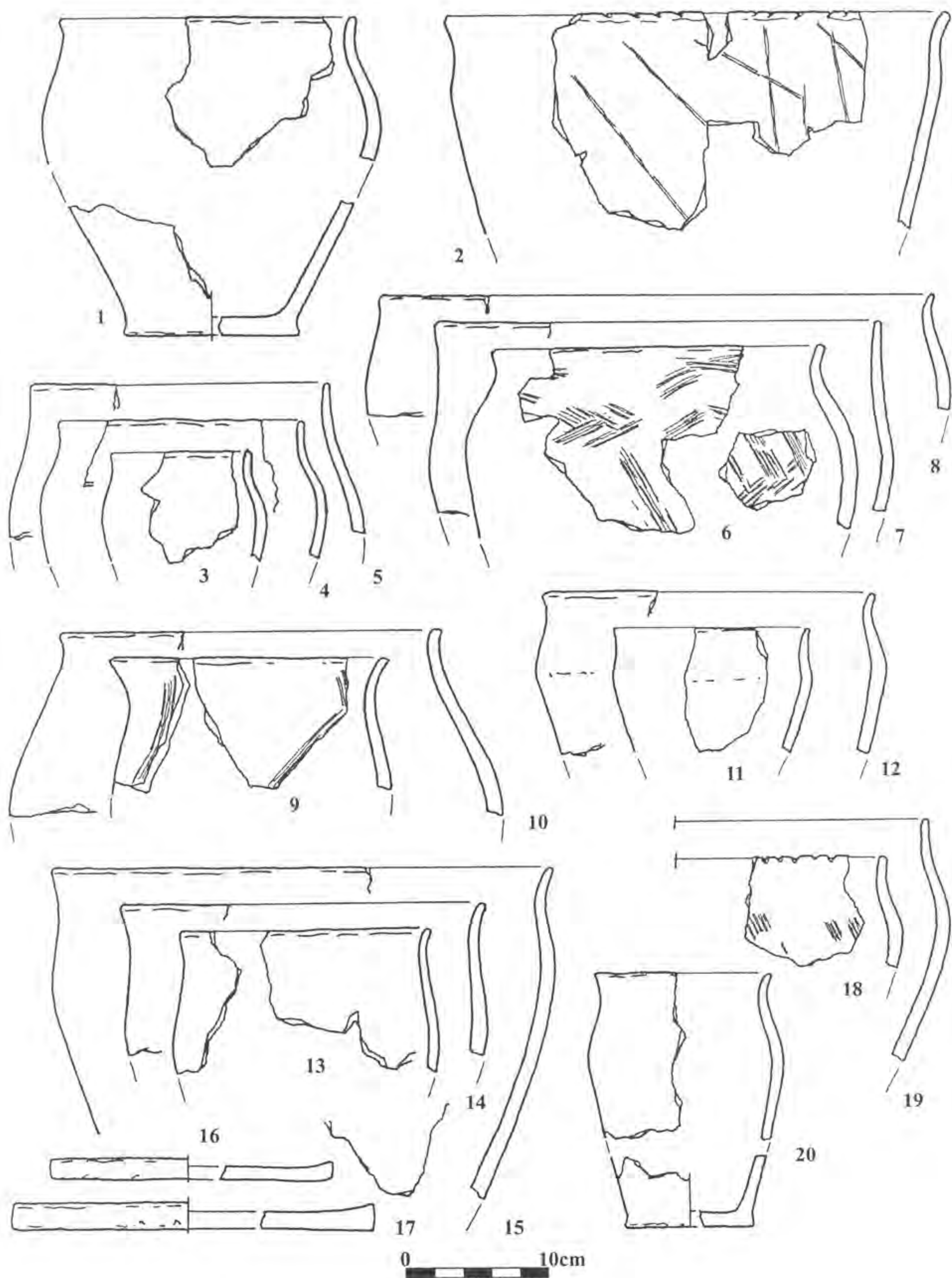

Рис. 47. Глеваха. Груболепная керамика из киевского горизонта поселения
Fig. 47. Glevakha. Roughly-modelled ceramics from the Kiev horizon of the settlement

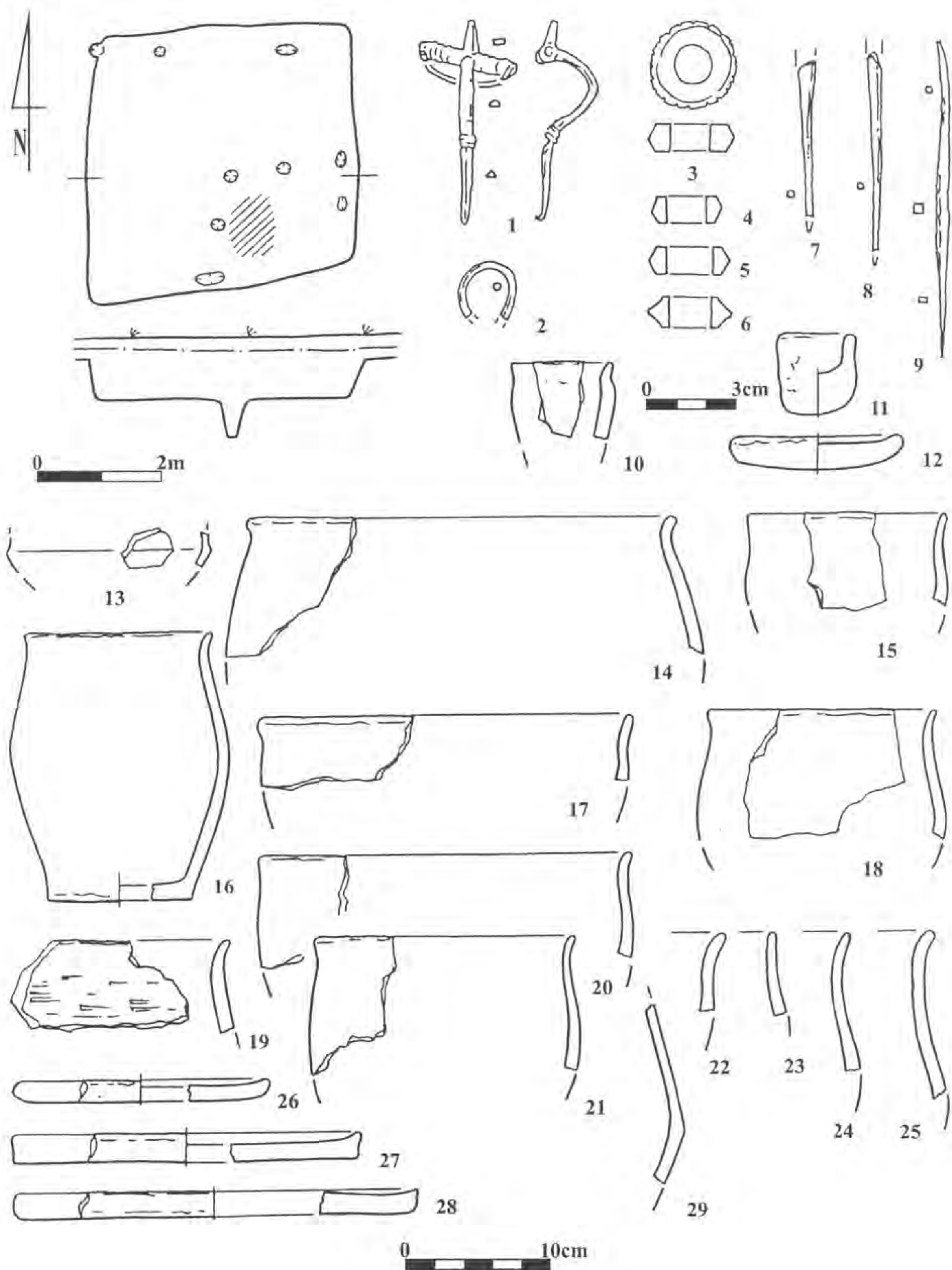

Рис. 48. Лавриков Лес. Комплекс постройки 1: *1, 9* – железо, *2* – бронза, *3* – камень, *4-6* – глина, *7-8* – кость, *10-12, 14-29* – груболепная, *13* – лощеная керамика

Fig. 48. Lavrikov Les. Complex of construction 1: *1, 9* – iron, *2* – bronze, *3* – stone, *4-6* – clay, *7,8* – bone, *10-12, 14-29* – roughly-modelled, *13* – polished ceramics

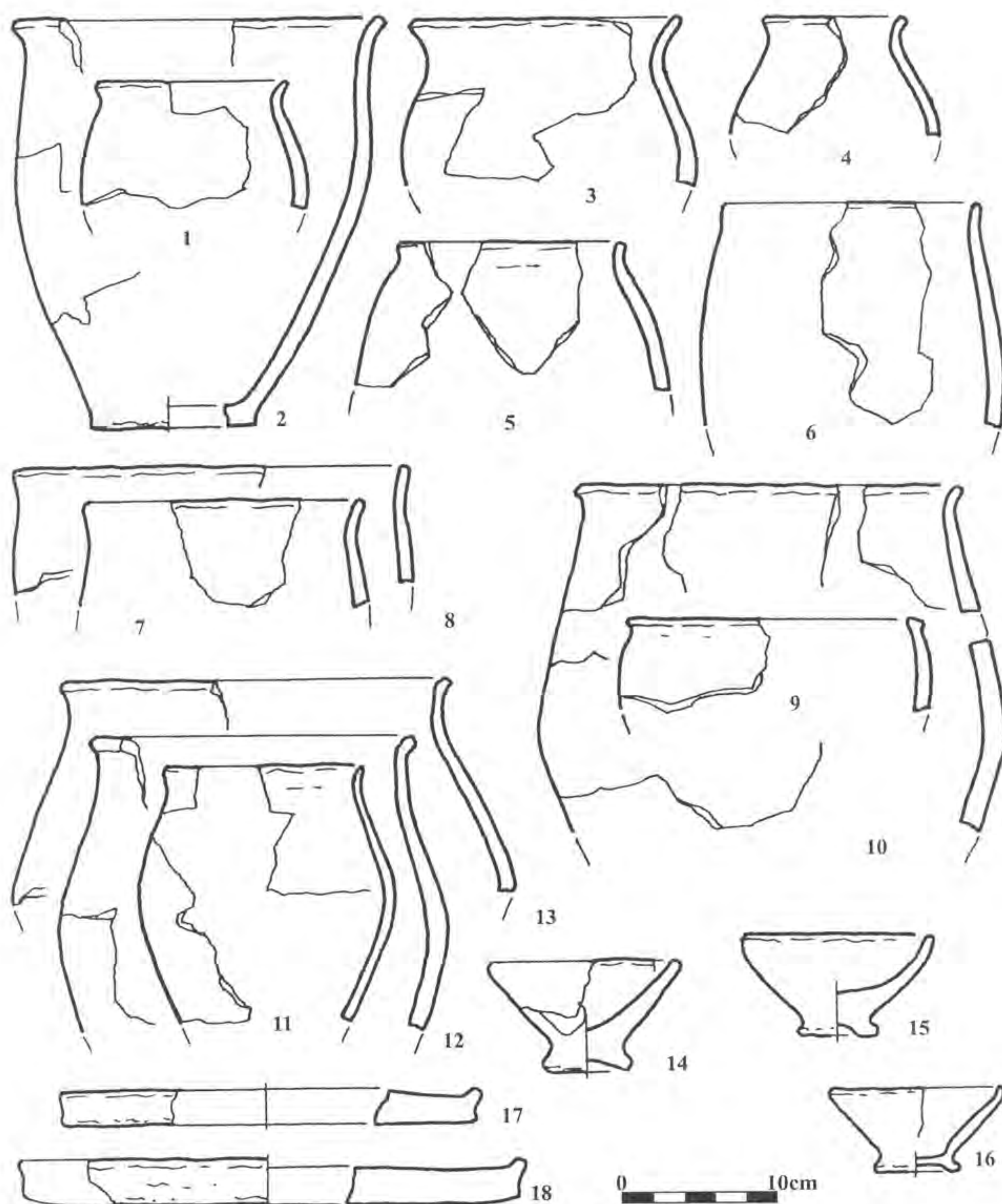

Рис. 49. Боромля 2. Груболепная керамика из киевского горизонта поселения
Fig. 49. Boromlia-2. Roughly-modelled ceramics from the Kiev horizon of the settlement

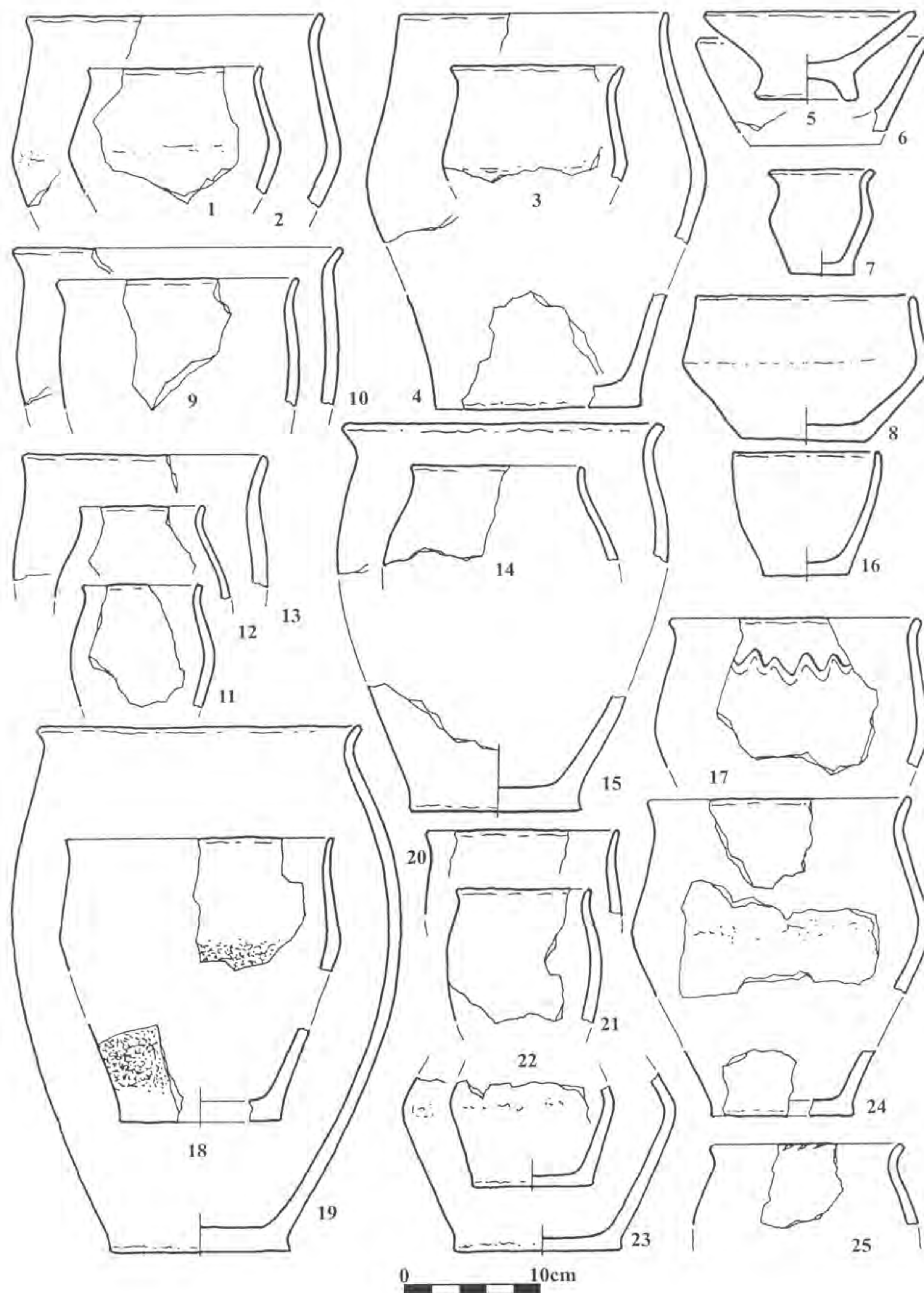

Рис. 50. Букреевка 2. Груболепная керамика
Fig. 50. Bukreevka-2. Roughly-modelled ceramics

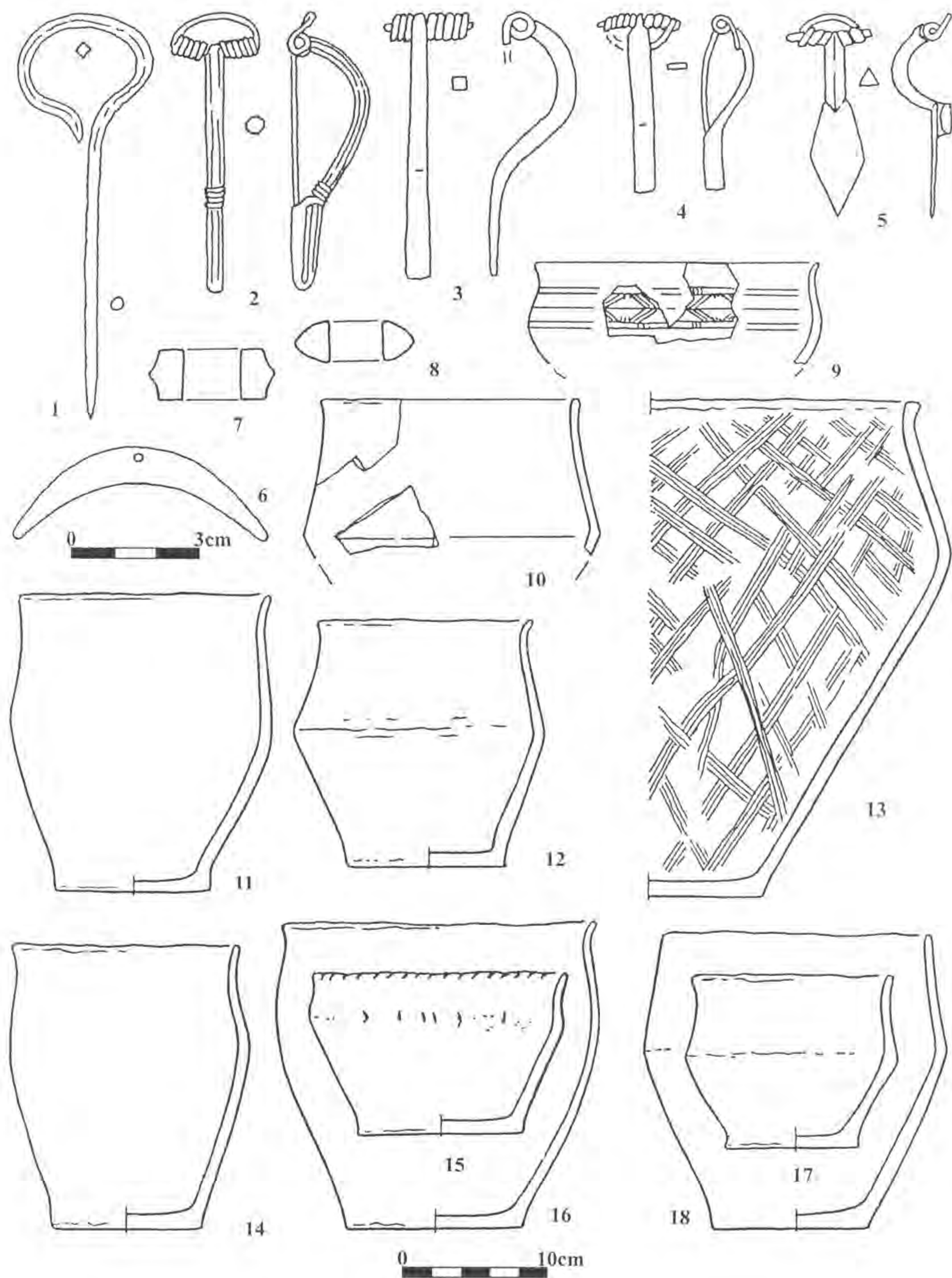

Рис. 51. Тайманово: *1, 3, 4* – железо, *2, 5, 6* – бронза, *7, 8* – глина, *9, 10* – лощеная и *11-18* – грубоцепная керамика
Fig. 51. Taymanovo: *1, 3, 4* – iron, *2, 5, 6* – bronze, *7, 8* – clay, *9, 10* – polished and *11-18* – roughly-modelled ceramics

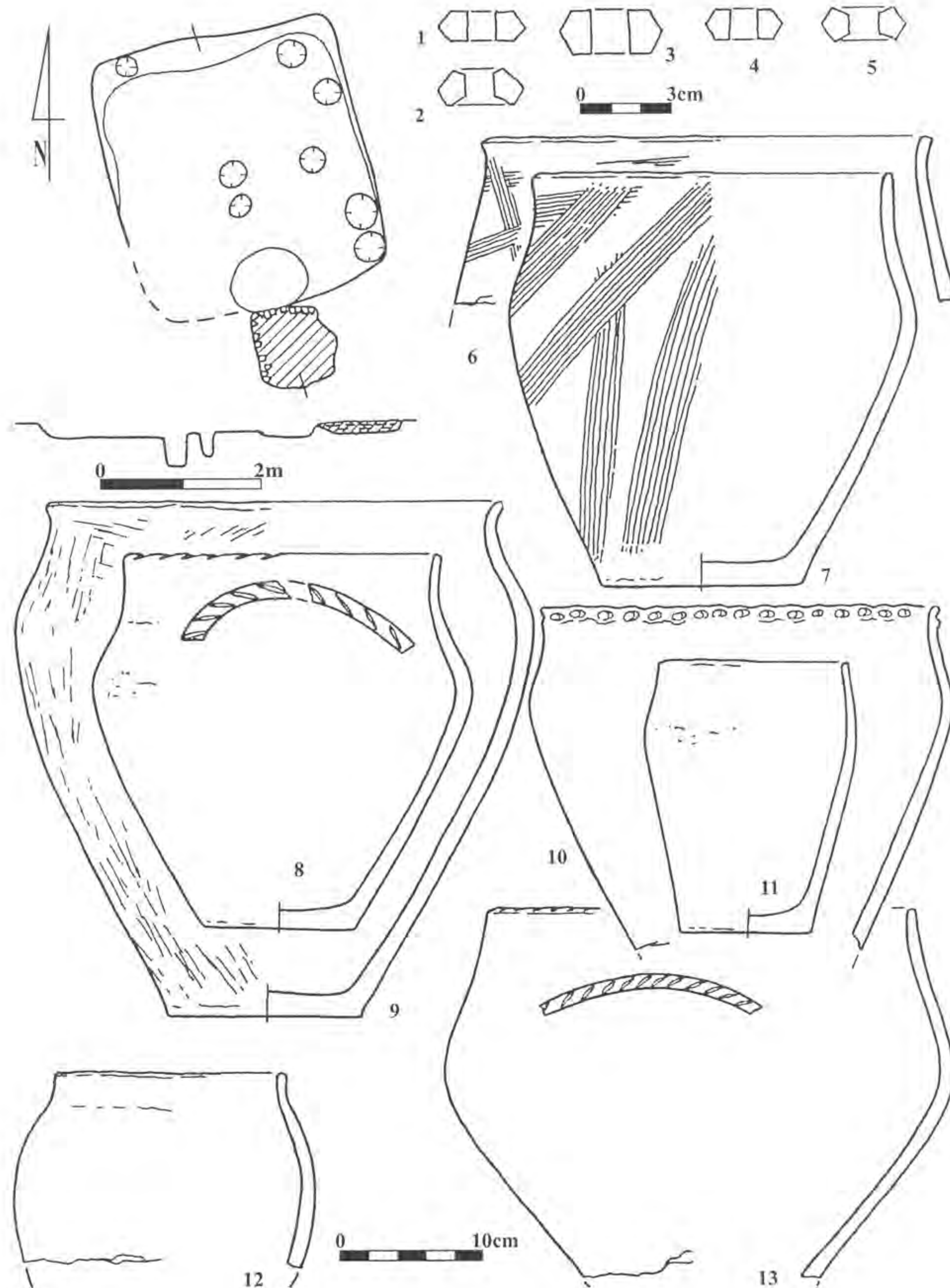

Рис. 52. Верхнестриженское 3. Комплекс постройки 1: *1-5* – глина, *6-13* – груболепная керамика
Fig. 52. Vierkhnestrizhenskoe-3. Complex of construction 1: *1-5* – clay spindle whorls, *6-13* – roughly-modelled ceramics

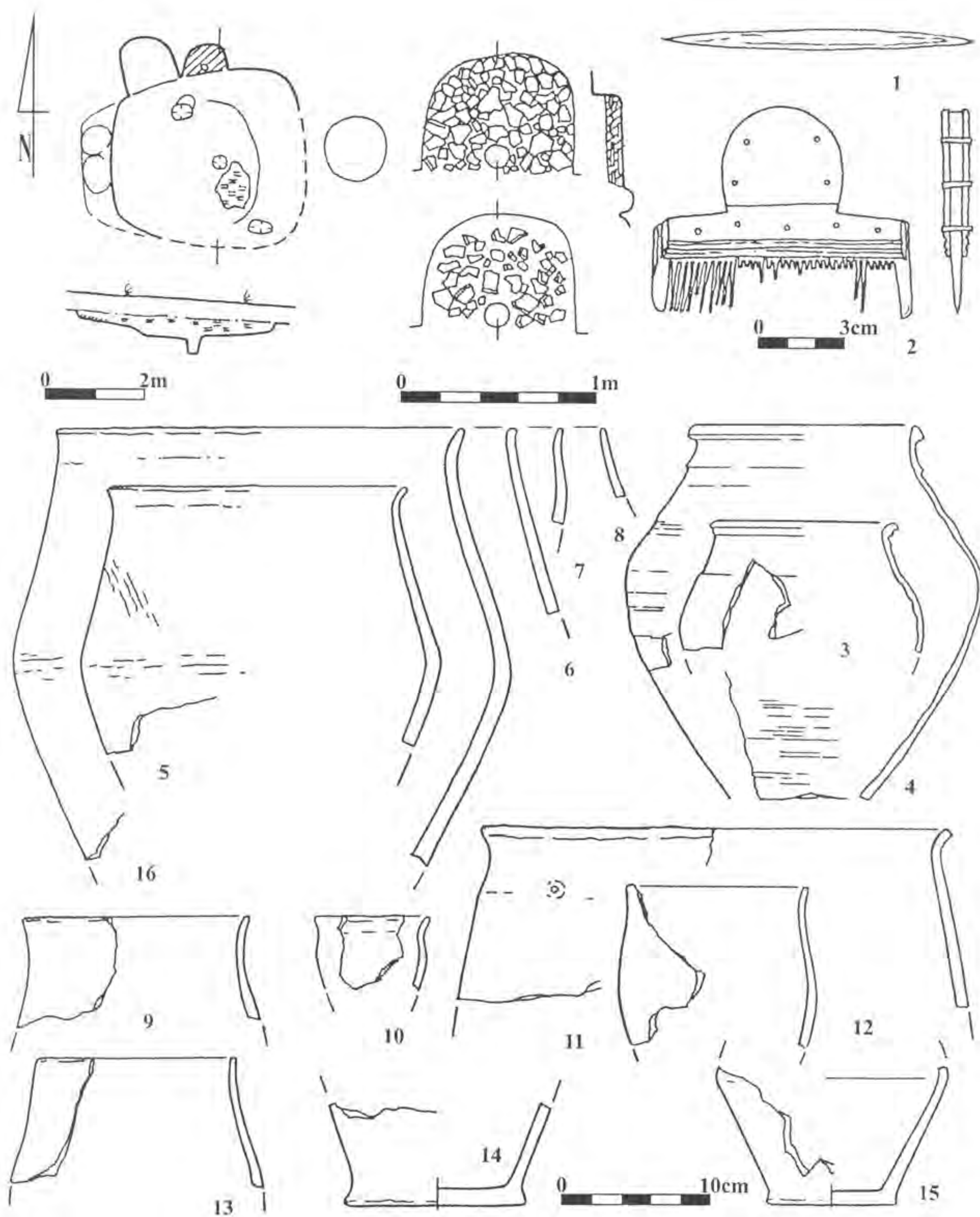

Рис. 53. Роище. Комплекс постройки 14: *1-2* – кость, *3-4* – гончарная, *5-16* – груболепная керамика
Fig. 53. Roische. Complex of construction 14: *1, 2* – bone, *3, 4* – wheel-made ceramics, *5-16* – roughly-modelled ceramics

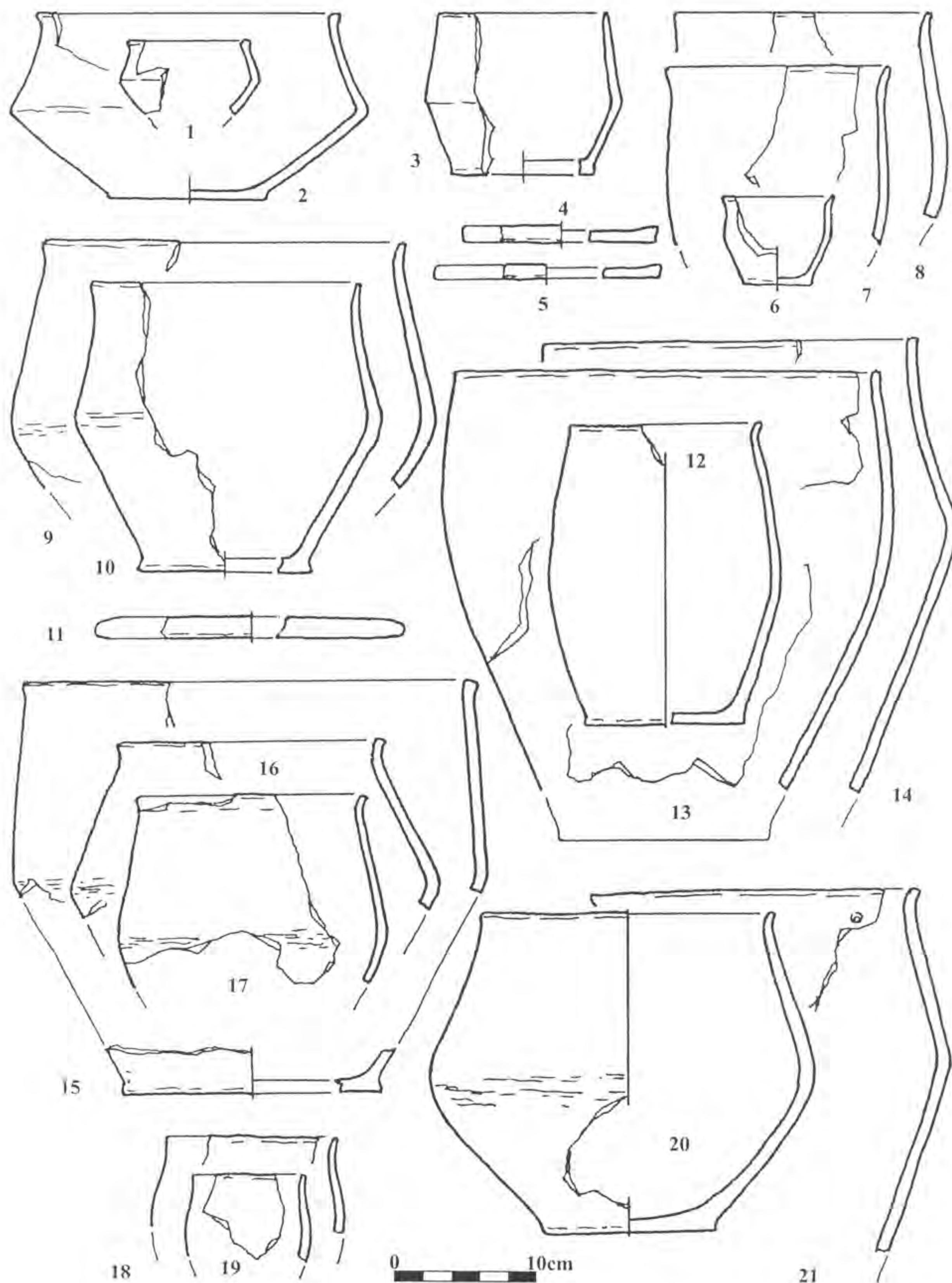

Рис. 54. Роище. Подлощенная (*1-3*) и груболепная керамика (*4-21*) из киевского горизонта поселения
Fig. 54. Roische. Semi-polished (*1-3*) and roughly-modelled ceramics (*4-21*) from the Kiev horizon of the settlement

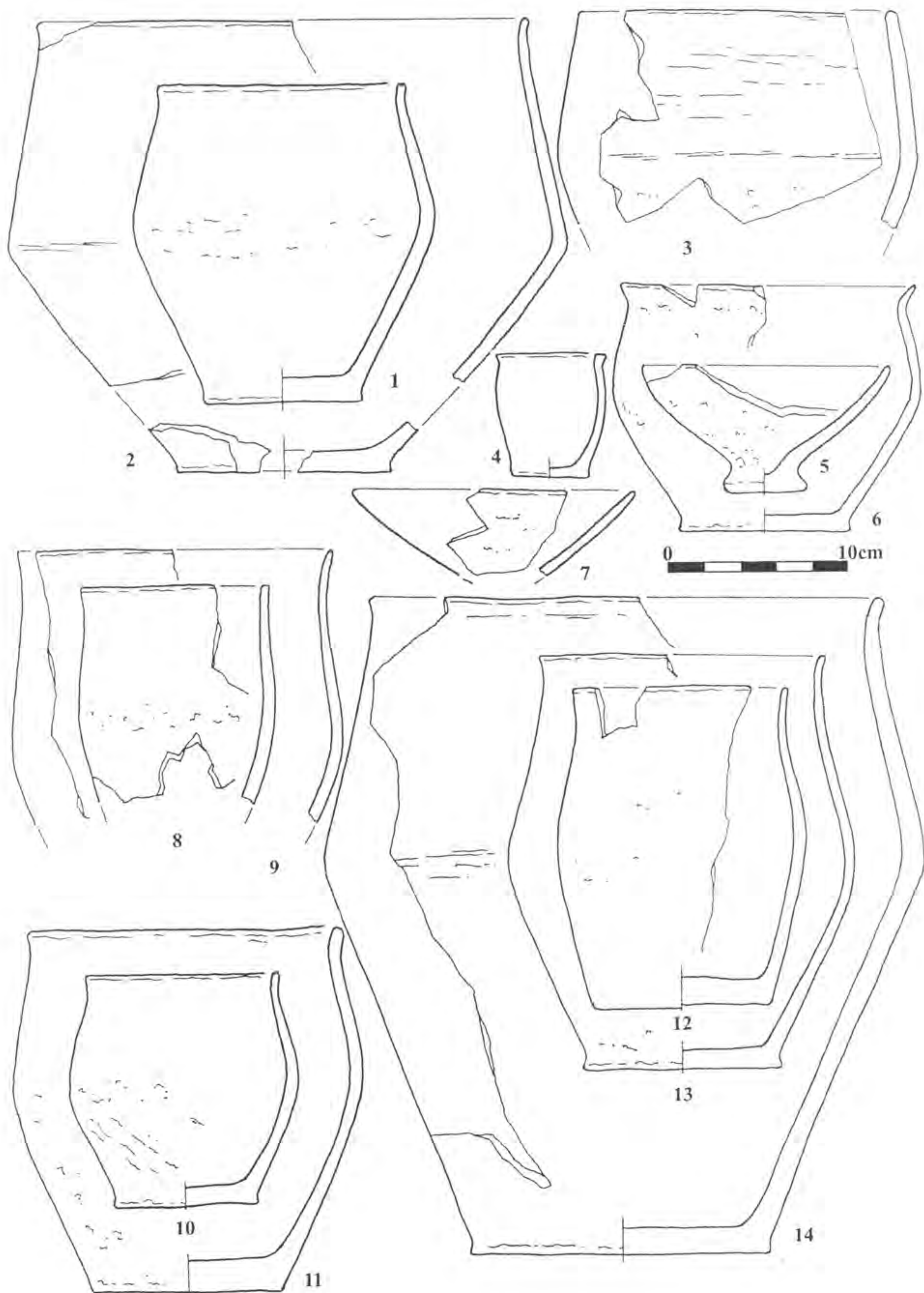

Рис. 55. Александровка 1. Груболепная (*1, 3, 5-14*) и лощеная керамика (*2, 4*) из киевского горизонта поселения
Fig. 55. Aleksandrovka-1. Roughly-modelled (*1, 3, 5-14*) and polished ceramics (*2, 4*) from the Kiev horizon of the settlement

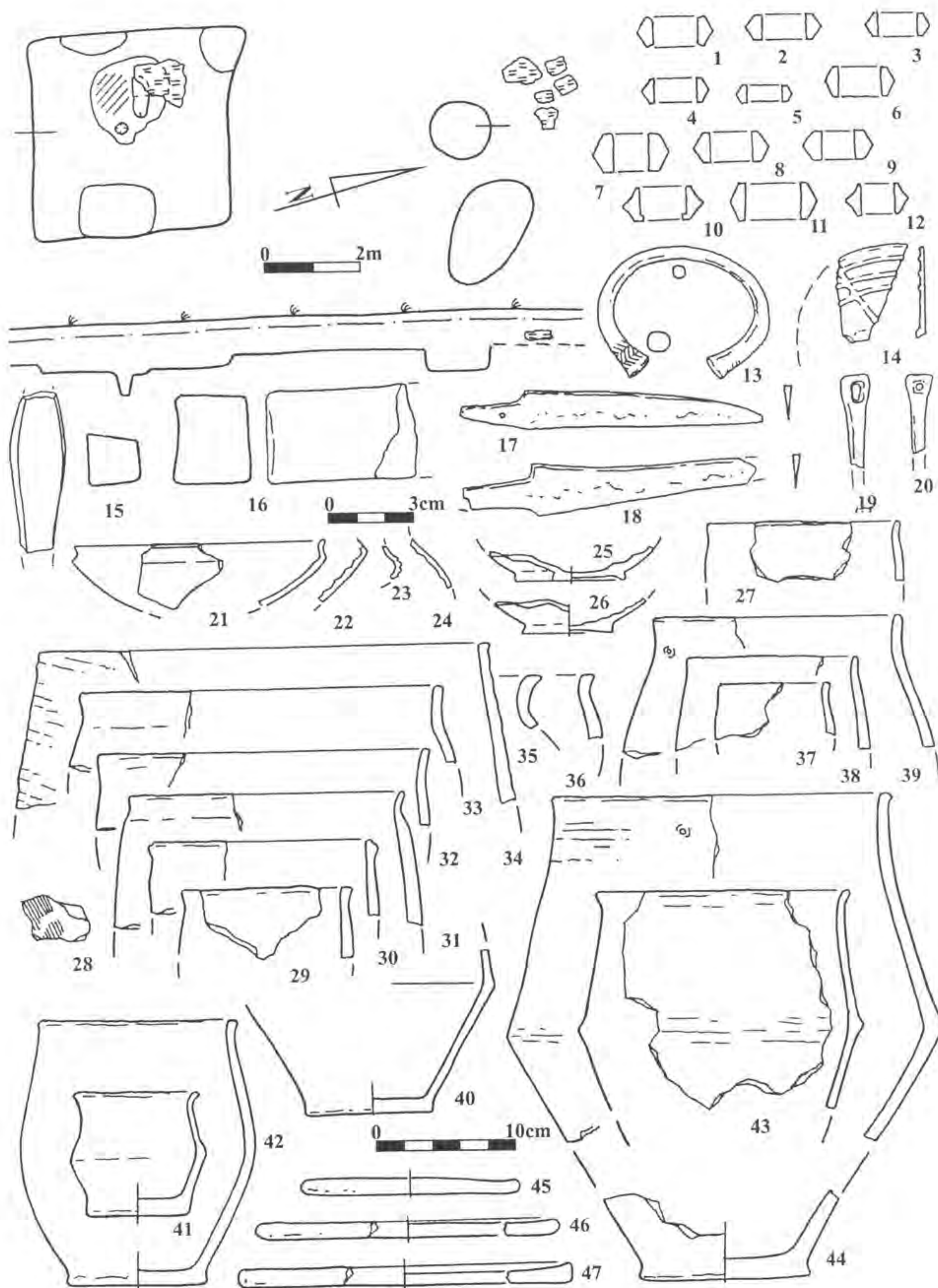

Рис. 56. Ульяновка. Комплекс построек 1, 2: *1-12* – глина, *13-14* – бронза, *15-16* – камень, *17-18* – железо, *19-20* – кость, *21-26* – гончарная, *27-44* – груболепная керамика

Fig. 56. Ulianovka. Complex of construction 1-2: *1-12* – clay, *13, 14* – bronze, *15, 16* – stone, *17, 18* – iron, *19, 20* – bone, *21-26* – wheel-made ceramics, *27-44* – roughly-modelled ceramics

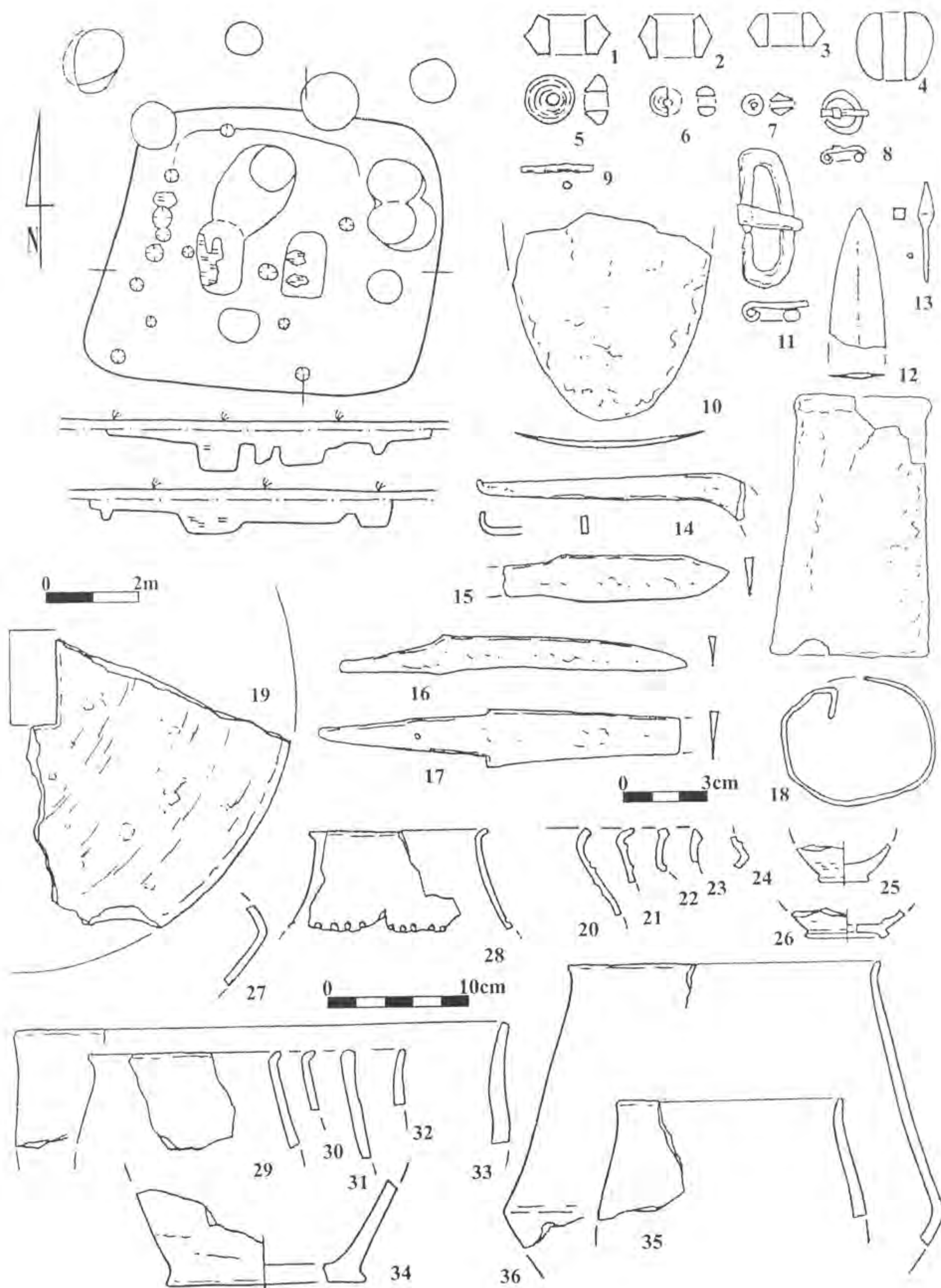

Рис. 57. Ульяновка. Комплекс постройки 5; *1-4* – глина, *5-7* – стекло, *8* – бронза, *9-18* – железо, *19* – камень, *20-26* – гончарная, *27, 29-36* – груболепная, *28* – лощеная керамика

Fig. 57. Ulianovka. Complex of construction 5: *1-4* – clay, *5-7* – glass, *8* – bronze, *9-18* – iron, *19* – stone, *20-26* – wheel-made ceramics, *27, 29-36* – roughly-modelled ceramics, *28* – polished ceramics

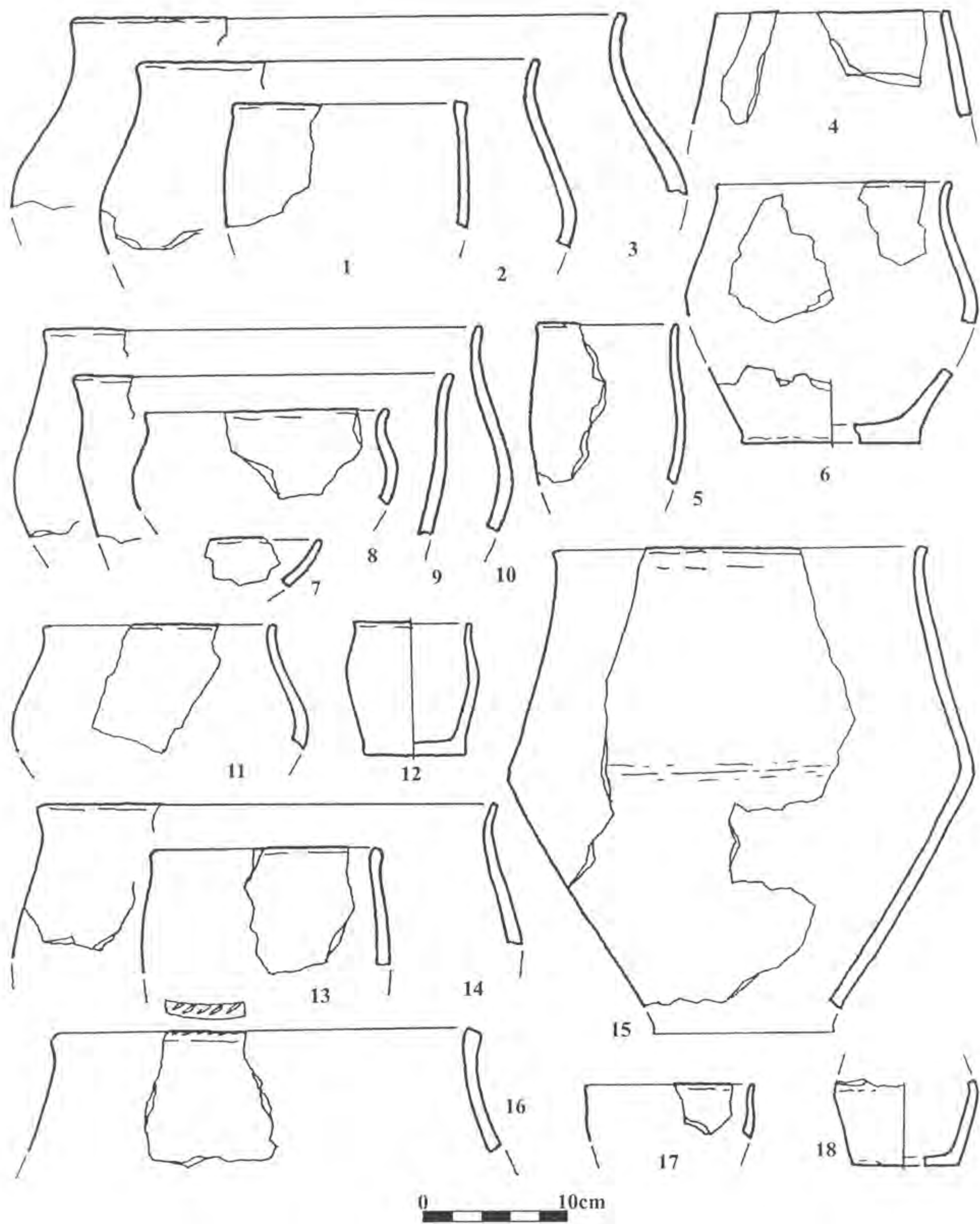

Рис. 58. Вишенки. Груболепная керамика
Fig. 58. Vishenki. Roughly-modelled ceramics

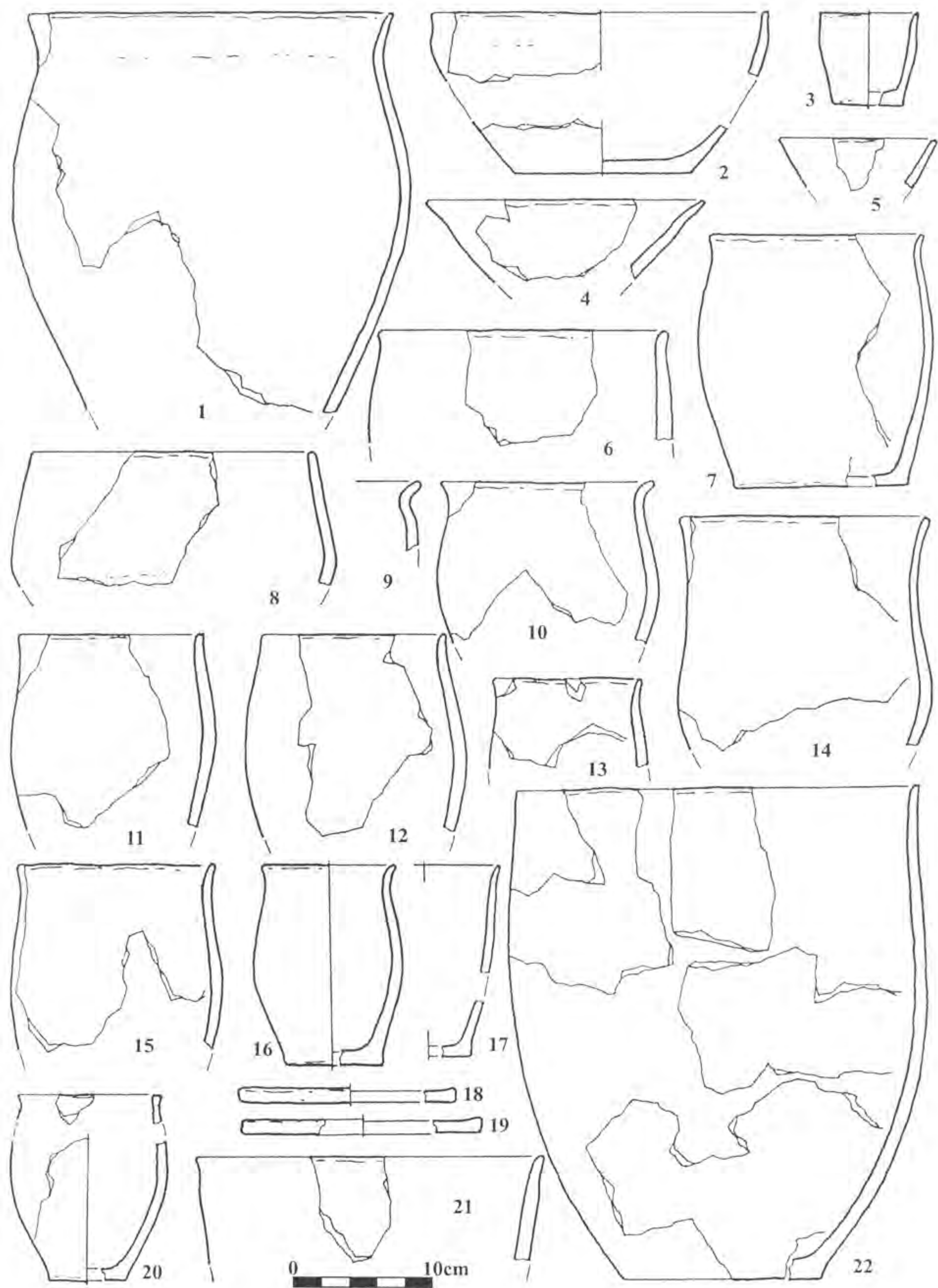

Рис. 59. Каменево 2. Груболепная керамика
Fig. 59. Kamenevo-2. Roughly-modelled ceramics

КИЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

среднеднепровский вариант	восточнолевобережный вариант	деснинский вариант	верхне-днепровский вариант	
7, 17, 19	58, 56	27, 22, 23, 29, 45, 36	89	V
6, 12, 18				IV
1, 8, 9, 16	64, 71, 75, 57, 59, 68, 73, 61	25, 41, 33, 47, 51	92, 82, 81	III
7, 10	36, 55		56, 58, 61, 62	II
3, 4	35, 41, 44, 48	30, 31, 19, 21		I
типа Лютеж	типа Картамышево 2-Терновка 2	типа Почеп	типа Грини	

ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ

Рис. 60. Хронологические позиции основных позднозарубинецких и киевских памятников (нумерация памятников соответствует приложениям 1, 3)

Fig. 60. Chronological positions of the Late Zarubintsi and Kiev key sites (numeration of the sites is the same as in the Appendices 1, 3)

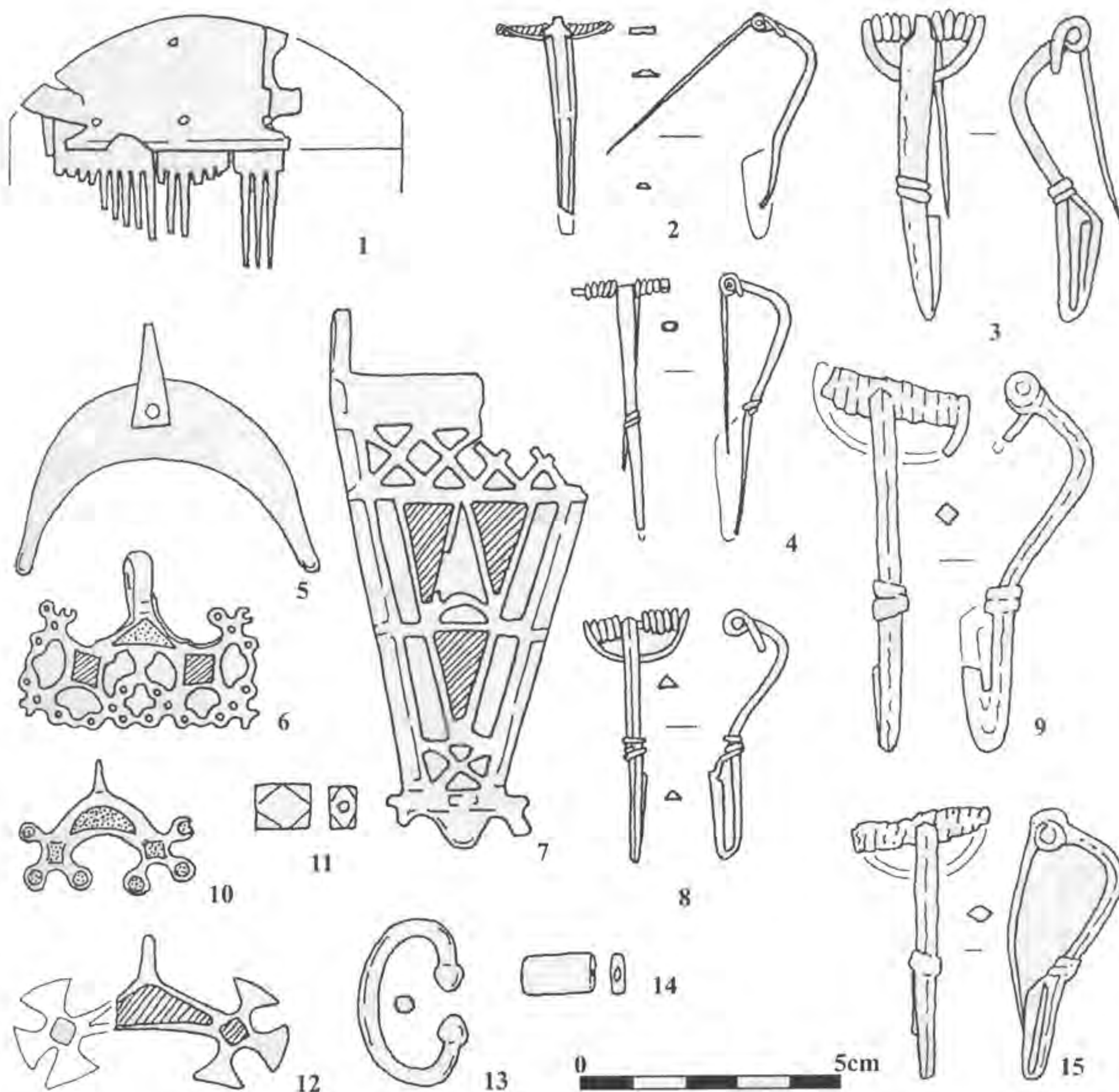

Рис. 61. Датирующие вещи из памятников киевской культуры Среднего Поднепровья: *1-2, 4-5, 9* – Глеваха; *3* – Холосовка; *6-8* – Новые Безрадичи; *10-15* – Казаровичи (*1* – кость, *2, 4-8, 10, 12-13* – бронза, *3, 9, 15* – железо, *11* – сердолик, *14* – стекло)

Fig. 61. Dating artefacts from the sites of the Kiev culture in the Middle Dnieper region: *1, 2, 4, 5, 9* – Glevakha; *3* – Khodosovka; *6-8* – Novie Bezradichi; *10-15* – Kazarovichi (*1* – bone, *2, 4-8, 10, 12, 13* – bronze, *3, 9, 15* – iron, *11* – cornelian, *14* – glass)

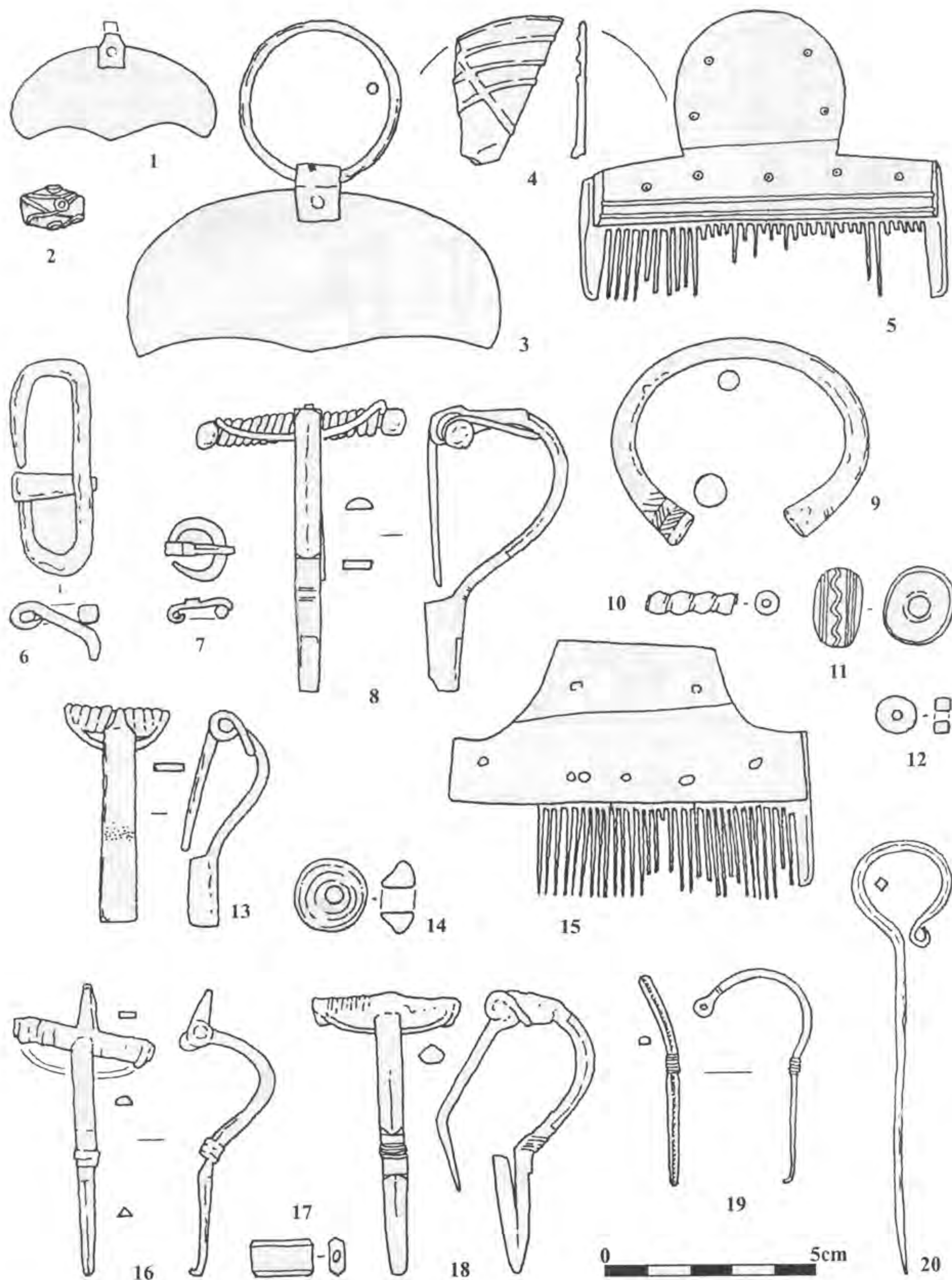

Рис. 62. Датирующие вещи из памятников киевской культуры Подесенья: *1-2* – Верхнестриженское 2; *3, 5-6, 11* – Роище; *4, 7, 9, 14* – Ульяновка; *8, 10, 12, 15* – Александровка 1; *13* – Киреевка 2; *18* – Лавриков Лес; *17* – Гребля; *18* – Титова Речка; *19* – Куриловка; *20* – Киреевка 1 (*1, 3* – серебро, *2, 10-12, 14, 17* – стекло, *4, 7, 9, 19* – бронза, *5, 15* – кость, *6, 8, 13, 16, 18, 20* – железо)

Fig. 62. Dating artefacts from the sites of the Kiev culture in Desna region: *1, 2* – Vierkhniestrizhenskoe-2; *3, 5, 6, 11* – Roische; *4, 7, 9, 14* – Ulianovka; *8, 10, 12, 15* – Aleksandrovka-1; *13* – Kireevka-2; *18* – Lavrikov Les; *17* – Greblia; *18* – Titova Rechka; *19* – Kurilovka; *20* – Kireevka-1 (*1, 3* – silver, *2, 10-12, 14, 17* – glass, *4, 7, 9, 19* – bronze, *5, 15* – bone, *6, 8, 13, 16, 18, 20* – iron)

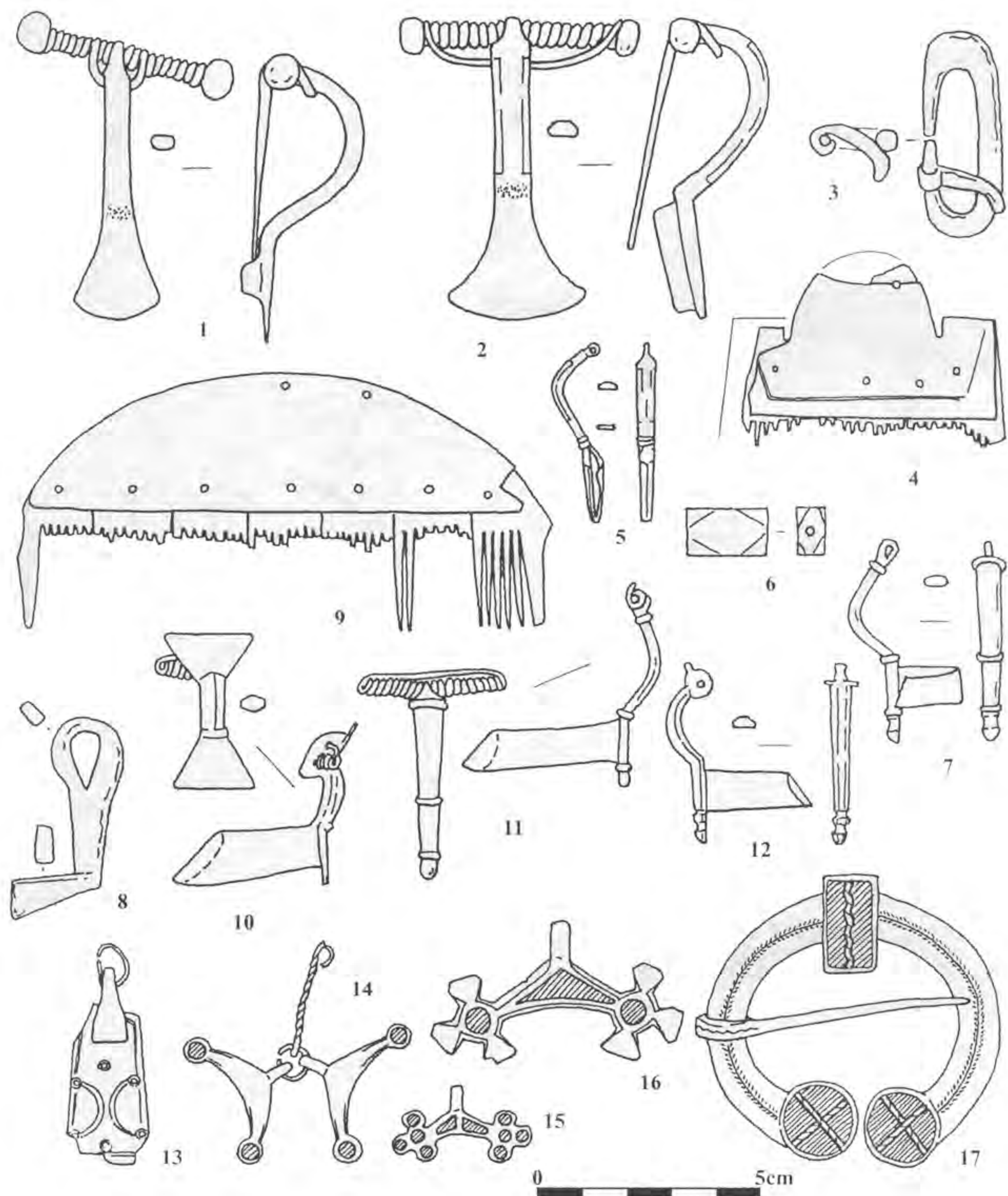

Рис. 63. Датирующие вещи из памятников киевской культуры востока Днепровского Левобережья: *1-3* – Каменево 2; *4* – Тазово; *5-7* – Букреевка 2; *8, 12* – Родной Край 3; *9-11* – Боромля 2; *13-15* – Гочево 1; *16-17* – Рябовка 1 (*1-3, 8* – железо, *4, 9* – кость, *5, 7, 10-17* – бронза, *6* – сердолик)

Fig. 63. Dating artefacts from the sites of the Kiev culture in the eastern region of the Dnieper Left Bank: *1-3* – Kamenevo-2; *4* – Tazovo; *5-7* – Bukreevka-2; *8, 12* – Rodnoi Krai-3; *9-11* – Boromlia-2; *13-15* – Gochevo-1; *16, 17* – Riabovka-1 (*1-3, 8* – iron, *4, 9* – bone, *5-7, 10-17* – bronze, *6* – cornelian)

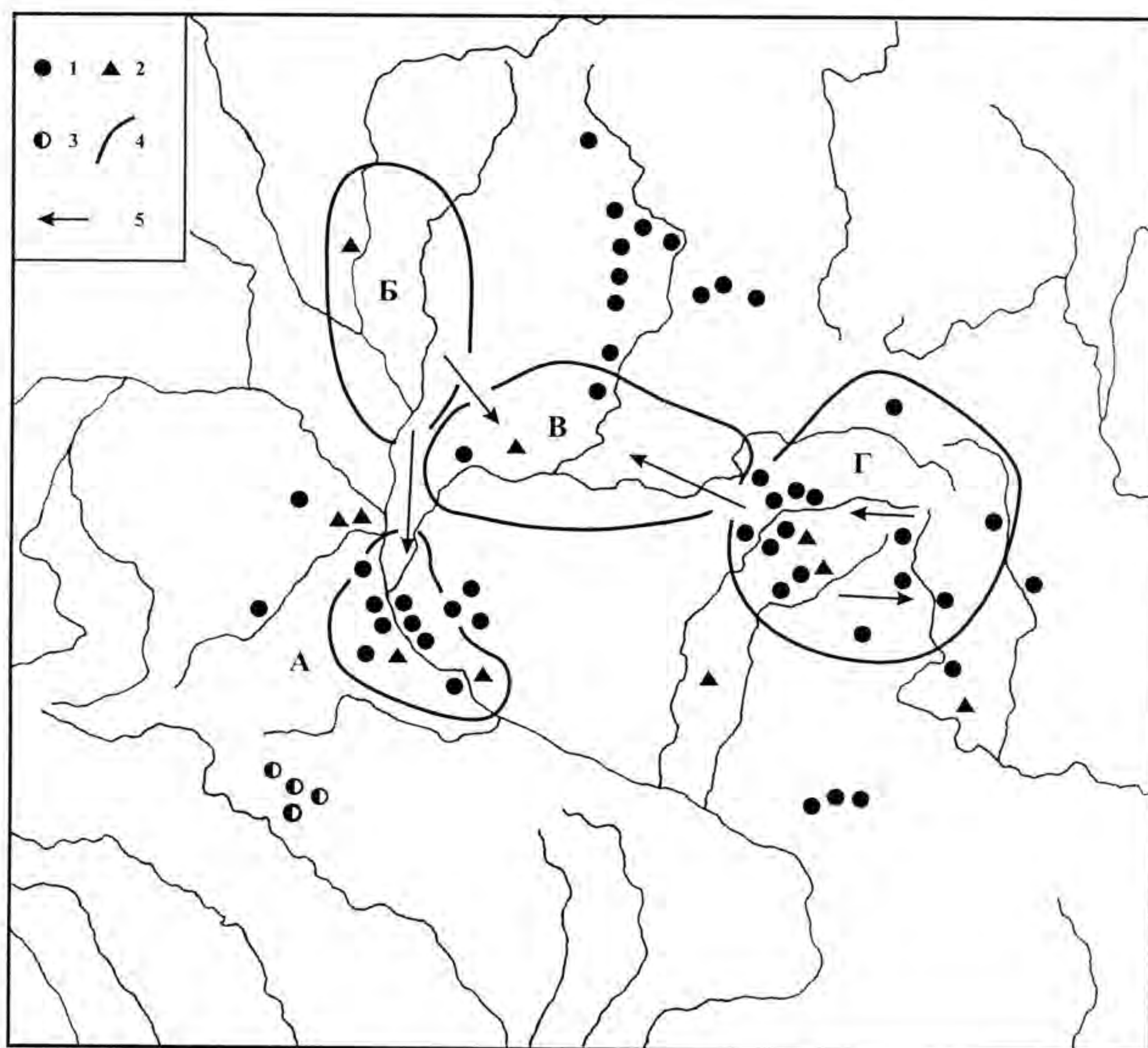

Рис. 64. Формирование киевской культуры: *1* – позднезарубинецкие памятники типа Лютеж, Почеп, Картамышево 2 – Терновка 2; *2* – памятники типа Грини; *3* – памятники типа Рахны; *4* – границы локальных вариантов киевской культуры (*А* – среднеднепровского, *Б* – верхнеднепровского, *В* – деснинского, *Г* – восточнолевобережного); *5* – направления миграции позднезарубинецких племен накануне сложения киевской культуры

Fig. 64. Formation of the Kiev culture: *1* – The Late Zarubintsi site of the Lyutezh Pochep, Kartamyshevo-2 – Ternovka-2 type; *2* – Sites of the Grini type; *3* – Sites of the Rakhny type; *4* – Boundaries of local variants of the Kiev culture (*А* – Middle Dnieper variant, *Б* – Upper Dnieper variant, *В* – Desna variant, *Г* – Eastern Dnieper Left Bank variant); *5* – Directions of migrations of the Late Zarubintsi tribes before the formation of the Kiev culture

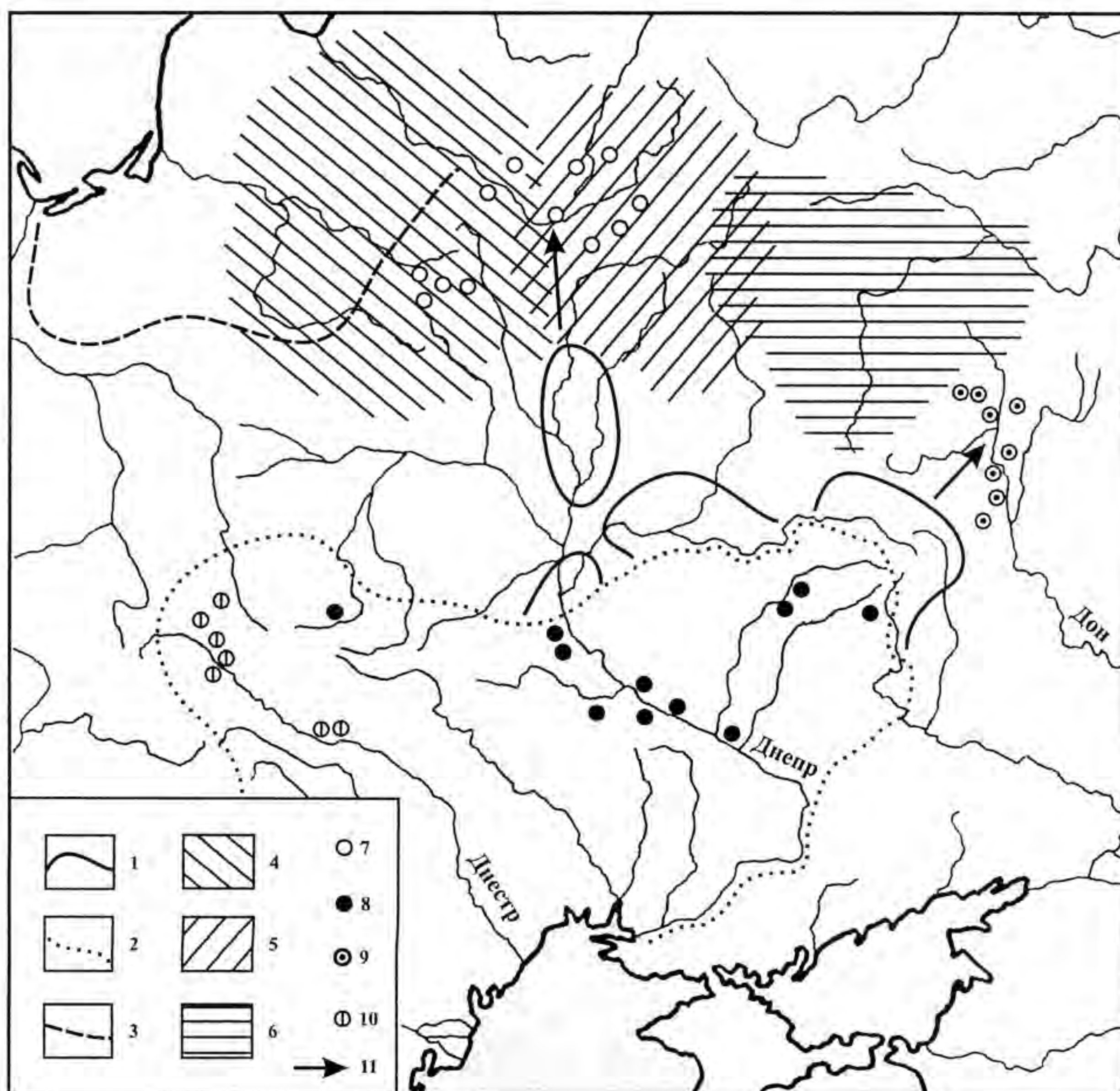

Рис. 65. Этнокультурная ситуация на рубеже III/IV вв. в Поднепровье и смежных областях: *1* – ареалы киевской и *2* – черняховской культур, *3* – границы культур западных и центральных балтов, *4* – ареал культуры штрихованной керамики, *5* – ареалы днепро–двинской и 6 – мощинской культур, *7* – памятники типа Заозерье, *8* – памятники черняховской культуры с киевскими элементами, *9* – памятники типа Седелки, *10* – памятники типа Черепин, *11* – направления миграций киевских племен

Fig. 65. Ethnic and cultural situation in the Dnieper Region and the neighbour areas at the turn of the 4th cent. A.D. *1* – Kiev culture area, *2* – Cherniakhov culture area, *3* – Boundaries of the cultures of the Western and Central Balts, *4* – Hatched pottery culture area, *5* – Dnieper–Dvine culture area, 6 – Moshchiny culture area, *7* – Sites of the Zaozerie type, *8* – Sites of the Cherniakhov culture with elements of the Kiev culture, *9* – Sites of the Sedelki type, *10* – Sites of the Cherepin type, *11* – Directions of migrations of tribes of the Kiev culture

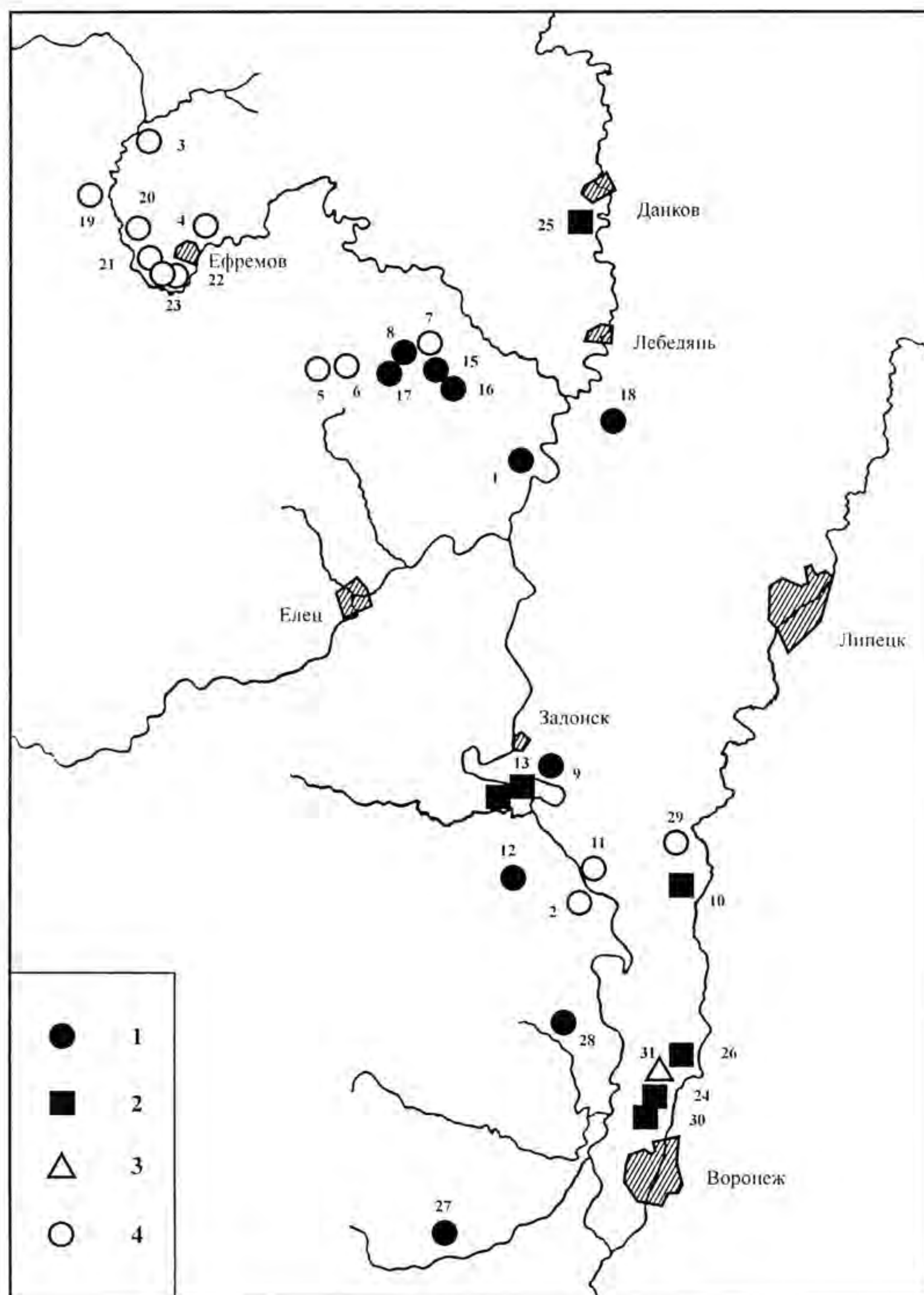

Рис. 66. Памятники III–V вв. в Верхнем Подонье (по А.М. Обломскому): *1* – памятники типа Каширка–Селелки, *2* – памятники типа Чертовицкое–Замятино, *3* – могильник, *4* – поселения III–V вв., культурная атрибуция которых пока не ясна. 1 – Яблоново 1; 2 – Дмитряшевка; 3 – Кадное; 4 – Чернятино 1; 5, 6 – Звягино 1 и 2; 7 – Коллектив 1; 8 – Сухинино; 9 – Уткино 1; 10 – Подгорное; 11 – Хлевное; 12 – Селелки, 13, 14 – Замятино 5 и 8; 15, 16 – Каширка 1 и 2; 17 – Писарево; 18 – У Хмелевского пруда 1; 19 – Яблонево; 20 – Круглое; 21 – Красивый 1; 22 – Иноземка; 23 – Совхоз им. 50–летия Октября; 24 – Чертовицкое 3; 25 – Перехваль 1; 26 – Староживотинное 3; 27 – Верхнее Турово; 28 – Трещевка; 29 – Курино 1; 30 – Чертовицкое 6; 31 – Животинное

Fig. 66. Sites of the 3rd-5th centuries A.D. in the Upper Don river (according to A.M.Oblomsky): *1* – sites of the Kashirka-Sedelki type, *2* – sites of the Chertovitskoe–Zamiatino type, *3* – burial-ground, *4* – settlements of the 3rd–5th centuries A.D., the cultural attribution of which is still unclear 1 – Yablonovo–1; 2 – Dmitriashevka; 3 – Kadnoe; 4 – Cherniatino–1; 5, 6 – Zviagino–1 and 2; 7 – Kollektiv–1; 8 – Sukhinino; 9 – Utki no–1; 10 – Podgornoe; 11 – Khlevnoe; 12 – Sedelki, 13, 14 – Zamiatino-5 and 8; 15, 16 – Kashirka-1 and 2; 17 – Pisarevo; 18 – U Khme-levskoho Pruda–1; 19 – Yablonevo; 20 – Krugloe; 21 – Krasivy–1; 22 – Inozemka; 23 – Sovkhoz im. 50–lietiya Oktiabria; 24 – Chertovitskoe–3; 25 – Perekhval–1; 26 – Starozhivotinnoe-3; 27 – Verkhnee Turovo; 28 – Treschevka; 29 – Kurino-1; 30 – Chertovitskoe-6; 31 – Zhivotinnoe

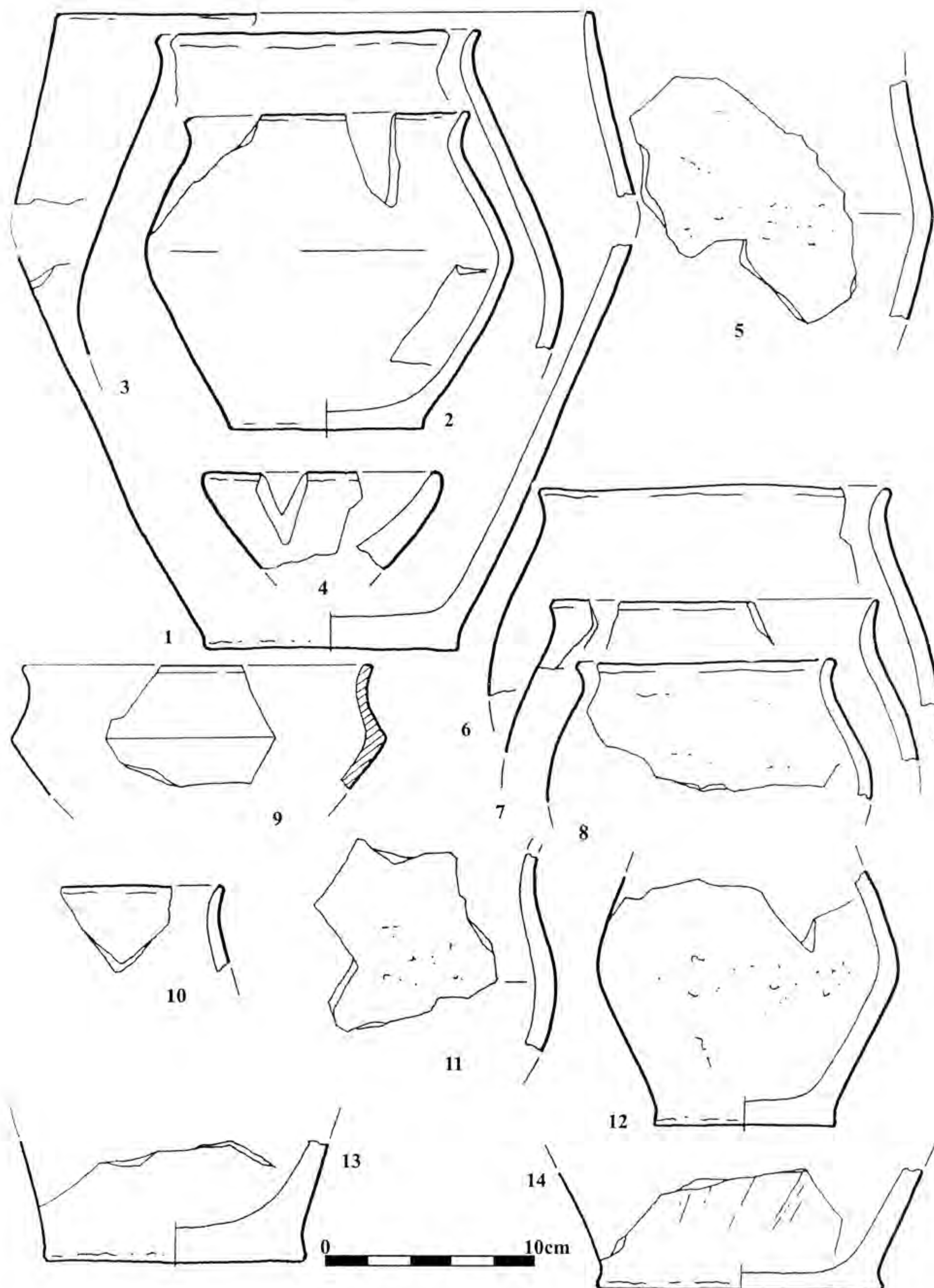

Рис. 67. Седелки. Комплекс постройки 4 в раскопе 2: *1, 3-8, 10-14* – груболепная, *2* – лощеная, *9* – гончарная керамика
Fig. 67. Sedelki. Complex of construction 4 in the Excavation 2: *1, 3-8, 10-14* – roughly-modelled ceramics, *2* – polished ceramics, *9* – wheel-made ceramics

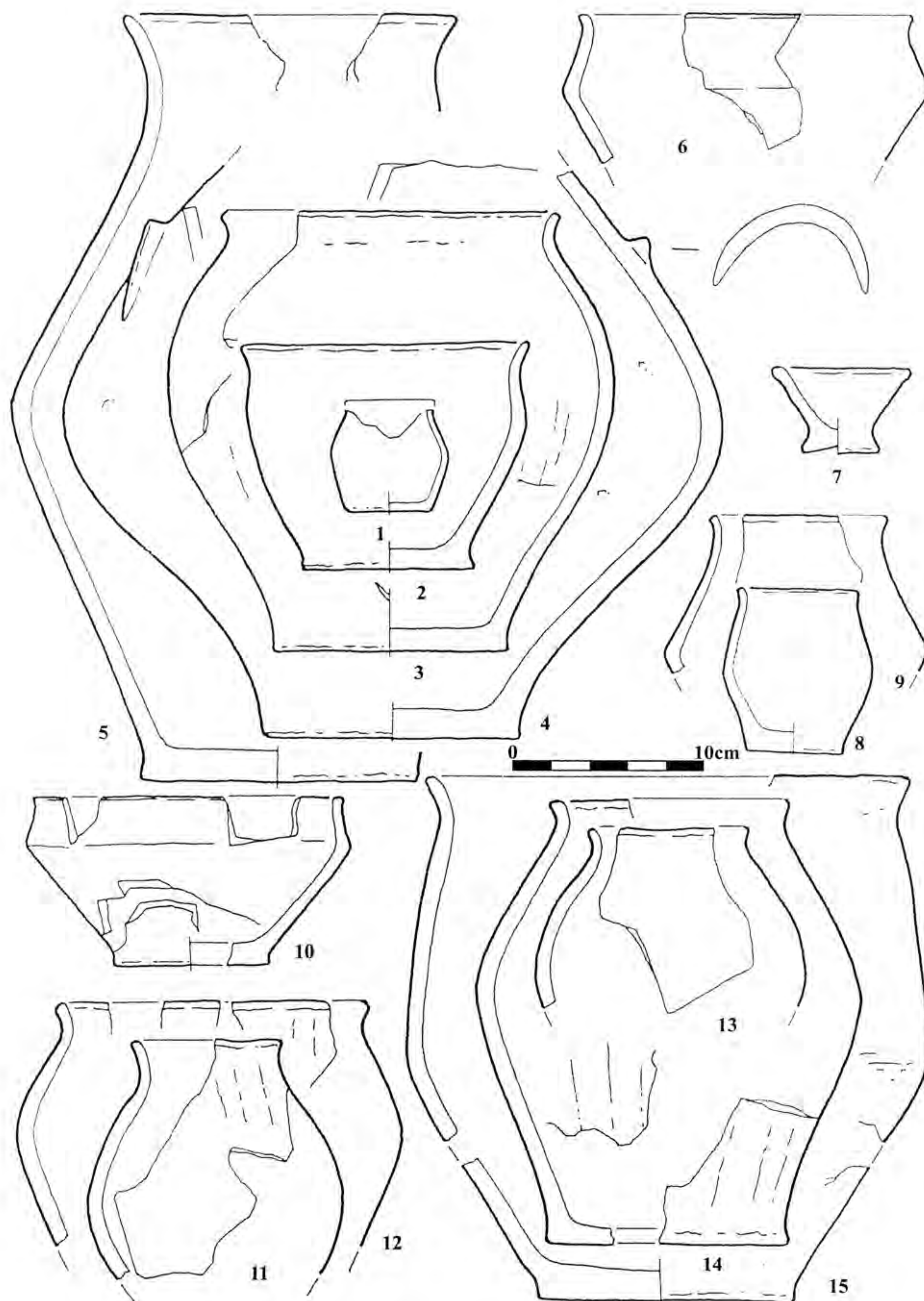

Рис. 68. Седелки: *1, 6, 8, 10* – лощеная и *2-5, 7, 9, 11-15* – груболепная керамика
Fig. 68. Sedelki: *1, 6, 8, 10* – polished and *2-5, 7, 9, 11-15* – roughly-modelled ceramics

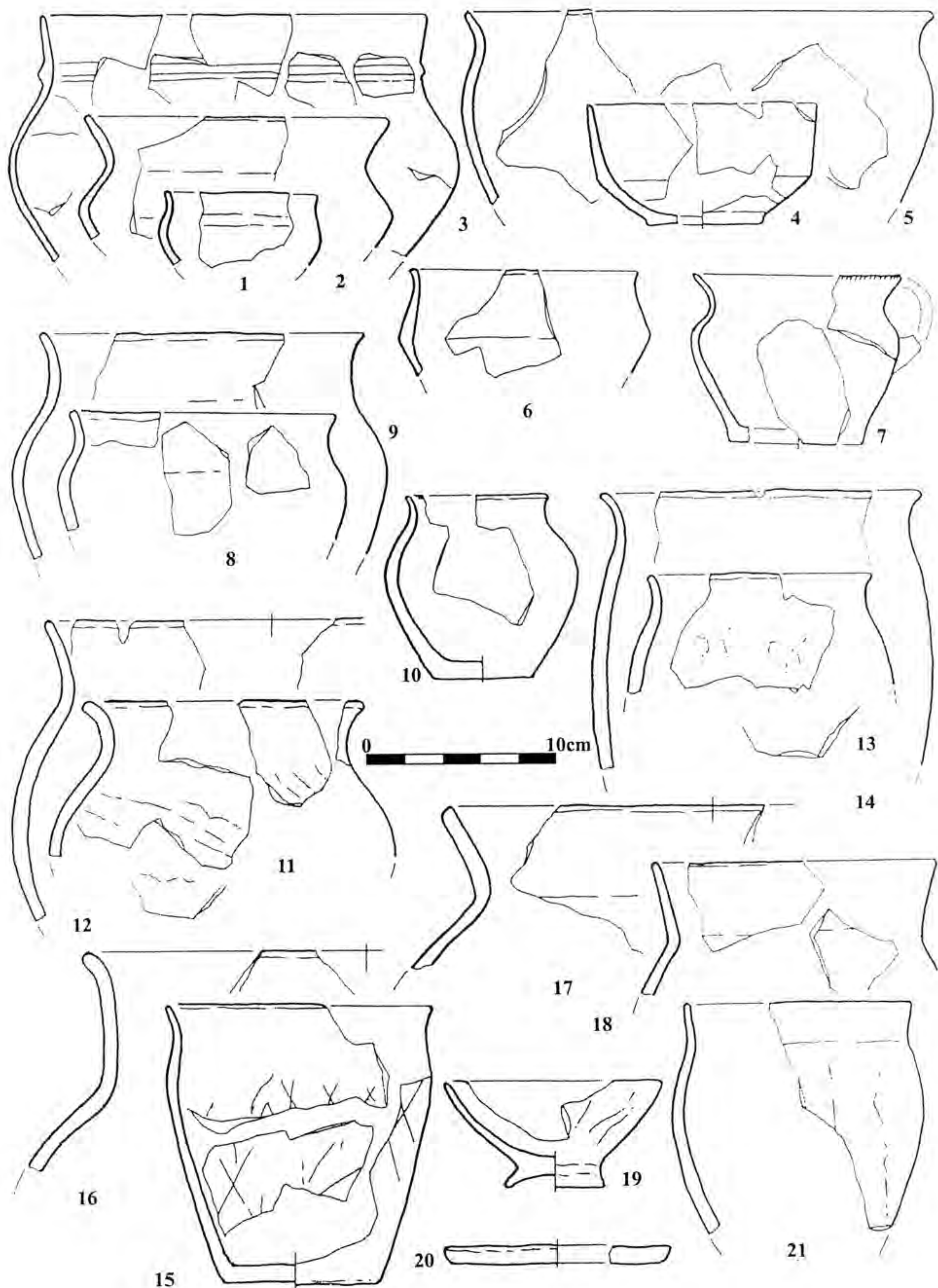

Рис. 69. Замятино 8: *1-7* – лощеная и *8-21* – груболепная керамика
Fig. 69. Zamiatino-8: *1-7* – polished and *8-21* – roughly-modelled ceramics

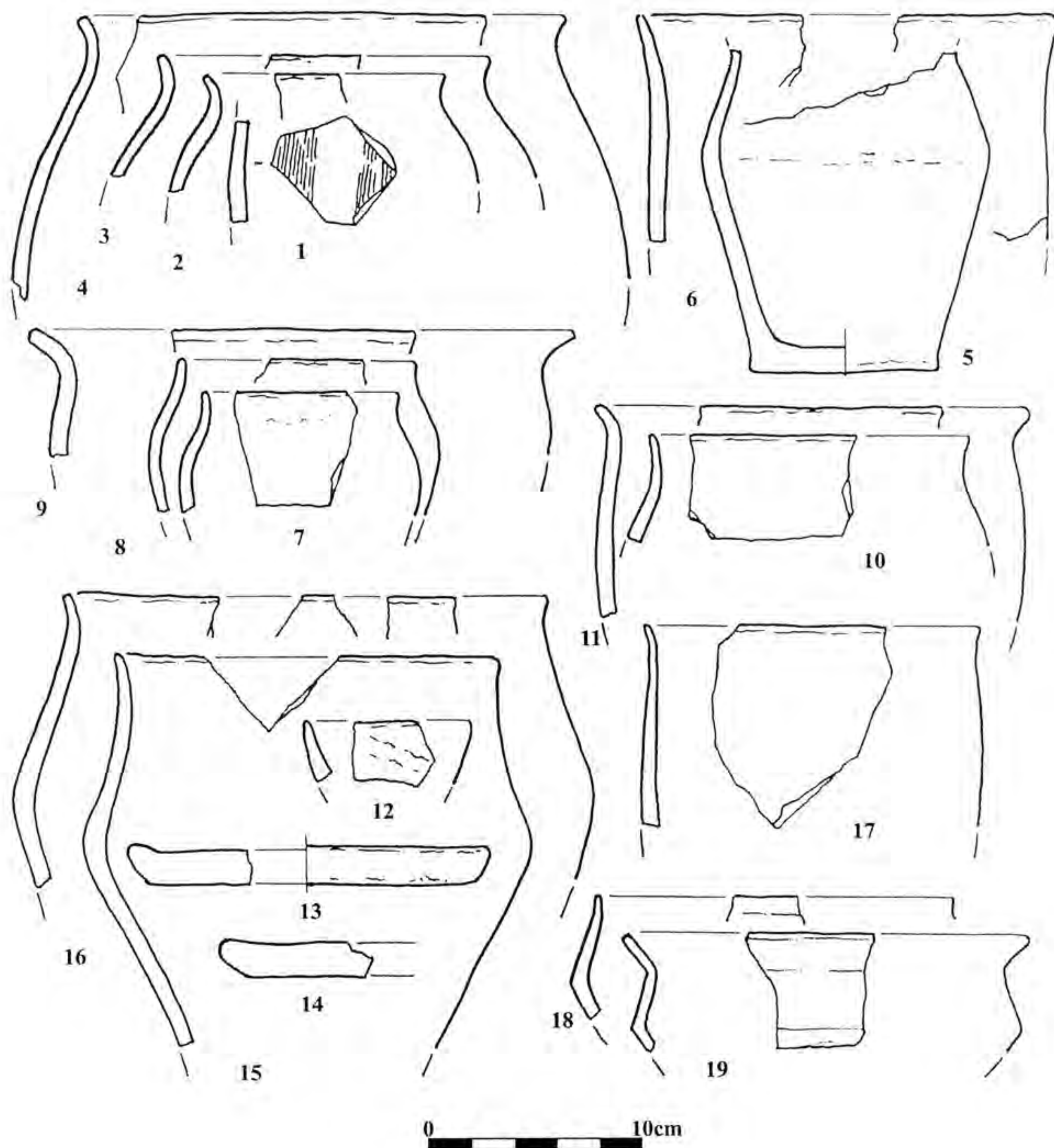

Рис. 70. Журавка Ольшанская. Груболепная (*1-17*) и лощеная керамика (*18, 19*) киевской традиции
Fig. 70. Zhuravka Olshanskaya. Roughly-modelled (*1-17*) and polished ceramics (*18, 19*) of the Kiev tradition

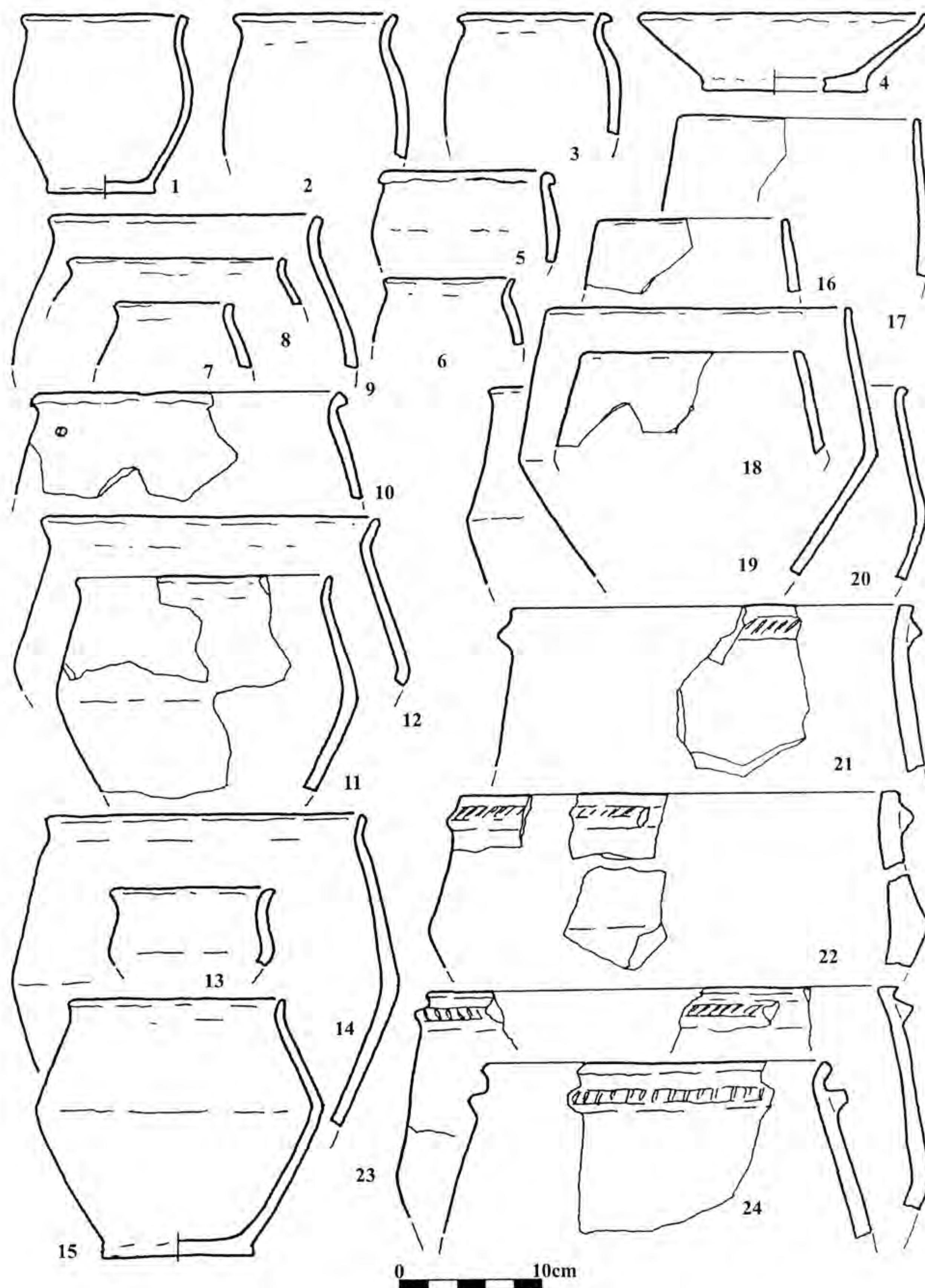

Рис. 71. Хлопков. Груболепная керамика
Fig. 71. Khlopkov. Roughly-modelled ceramics

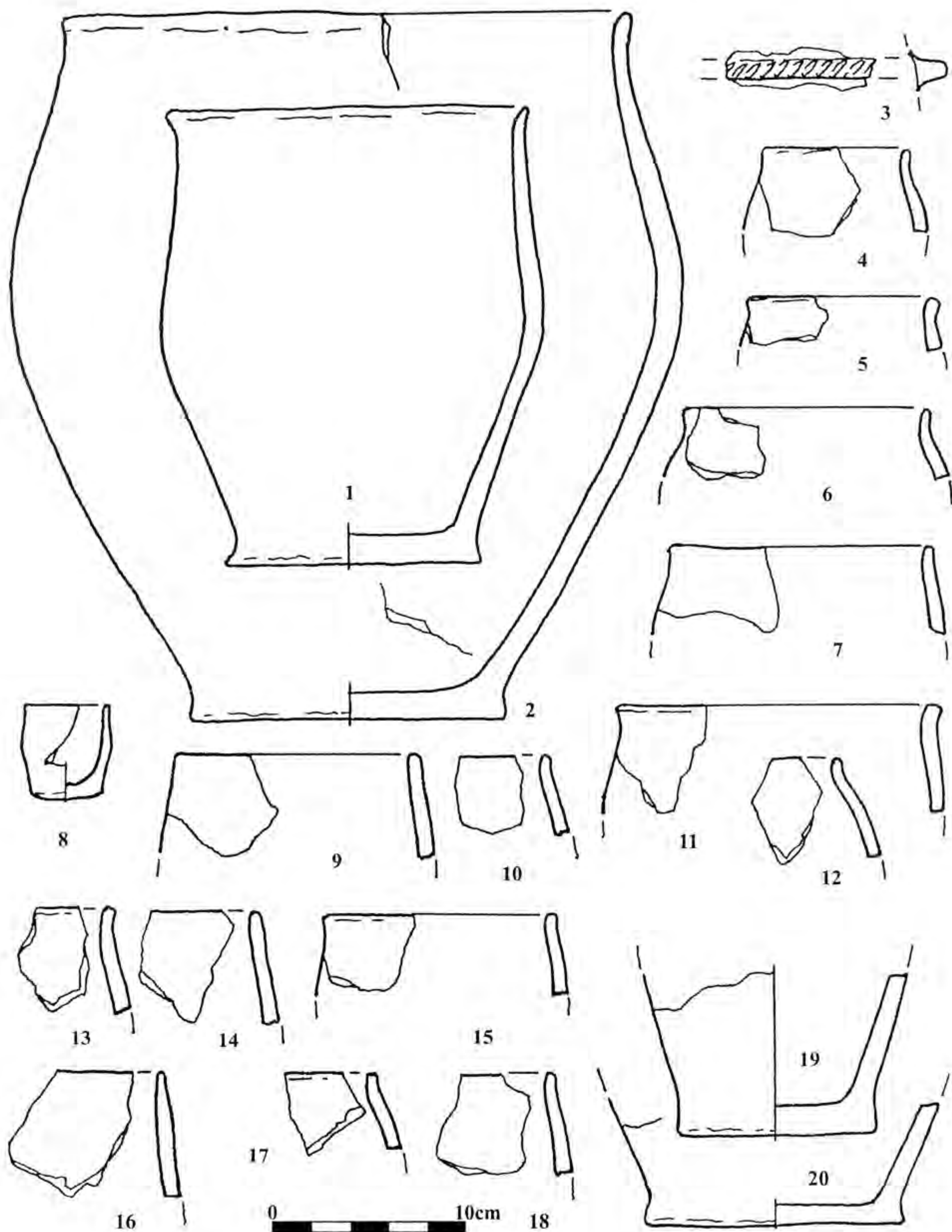

Рис. 72. Выгоры 2. Груболепная керамика
Fig. 72. Vygory-2. Roughly-modelled ceramics

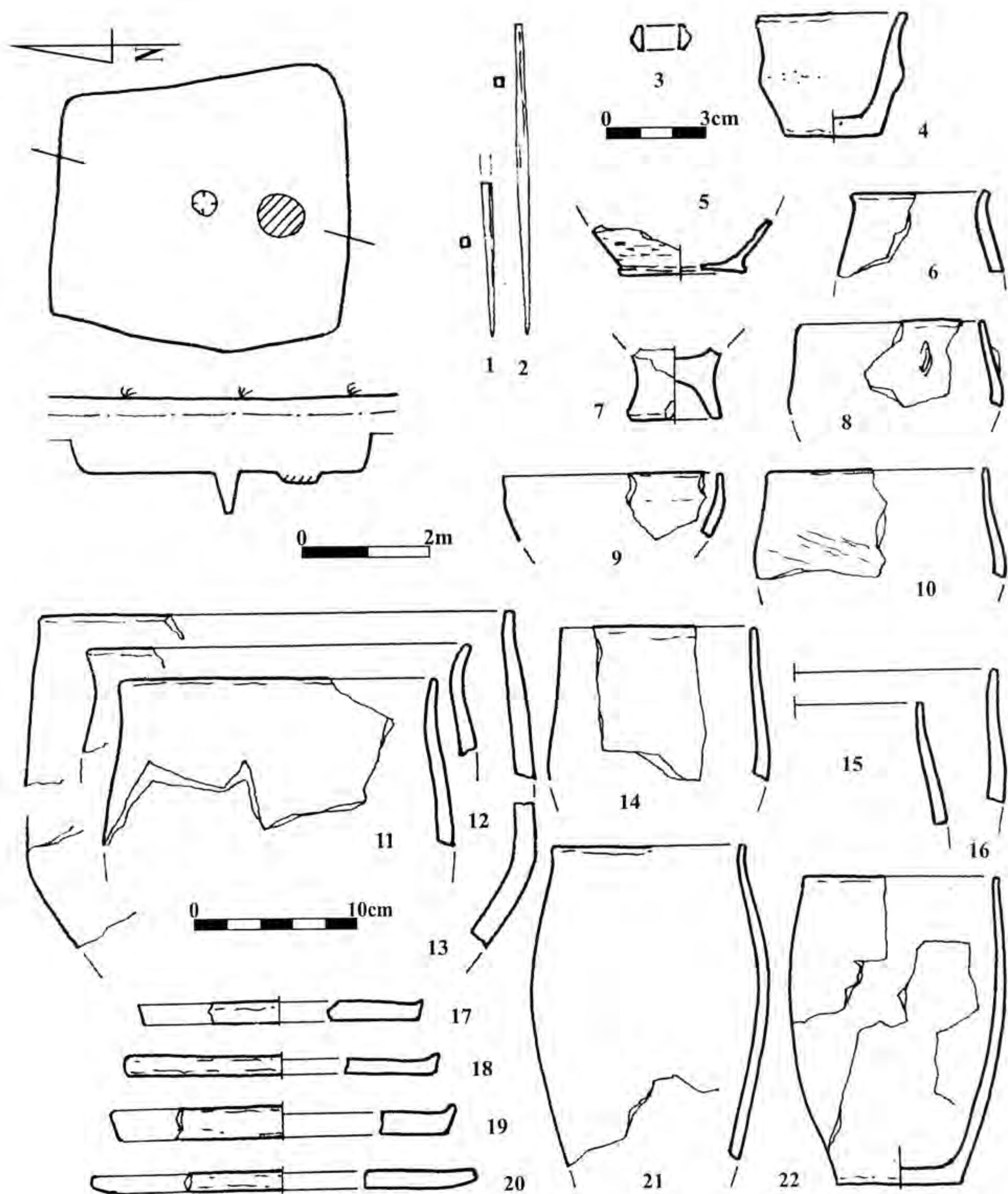

Рис. 73. Заярье. Комплекс постройки 1: *1-2* – железо, *3* – глина, *4, 6-22* – груболепная, *5* – гончарная керамика
Fig. 73. Zayarie. Complex of construction 1: *1, 2* – iron *3* – clay, *4, 6-22* – roughly-modelled ceramics, *5* – wheel-made ceramics

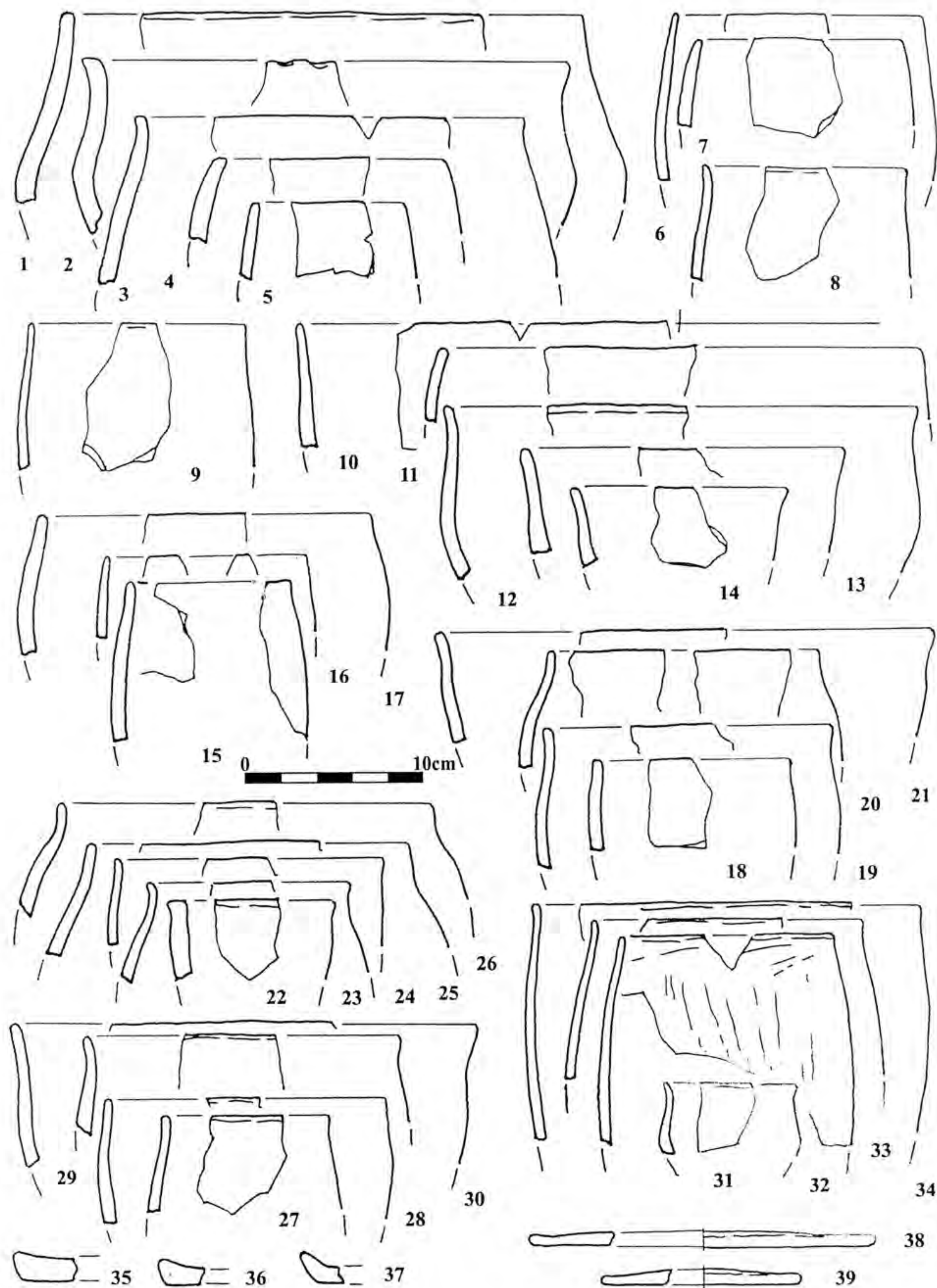

Рис. 74. Красное 4: *1-30, 32-39* – груболепная и *31* – лощеная керамика
Fig. 74. Krasnoe-4: *1-30, 32-39* – roughly-modelled and *31* – polished ceramics

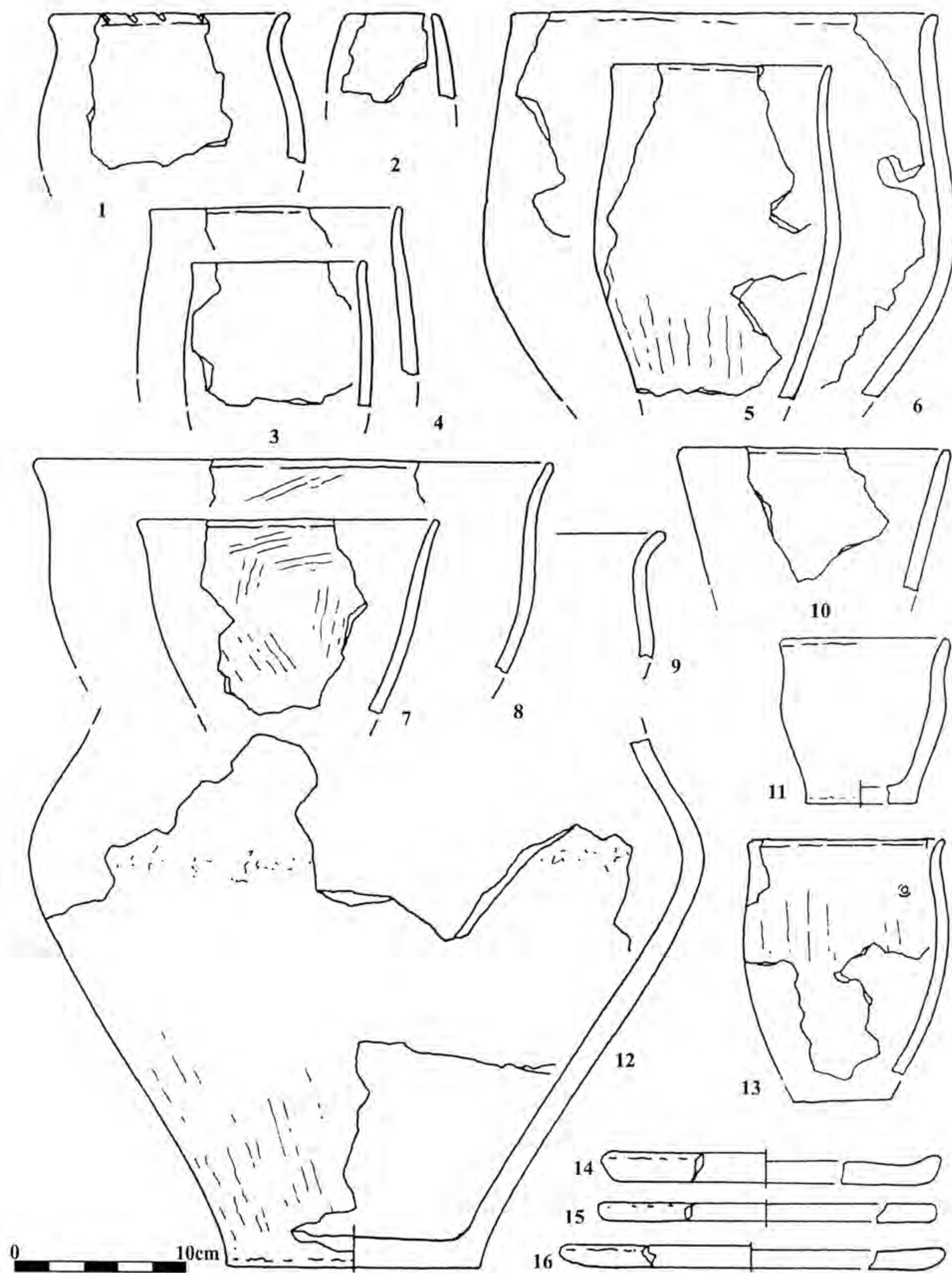

Рис. 75. Комаровка 2. Груболепная керамика раннеколочинского горизонта поселения
Fig. 75. Komarovka-2. Roughly-modelled ceramics of the Early Kolochin horizon of the settlement

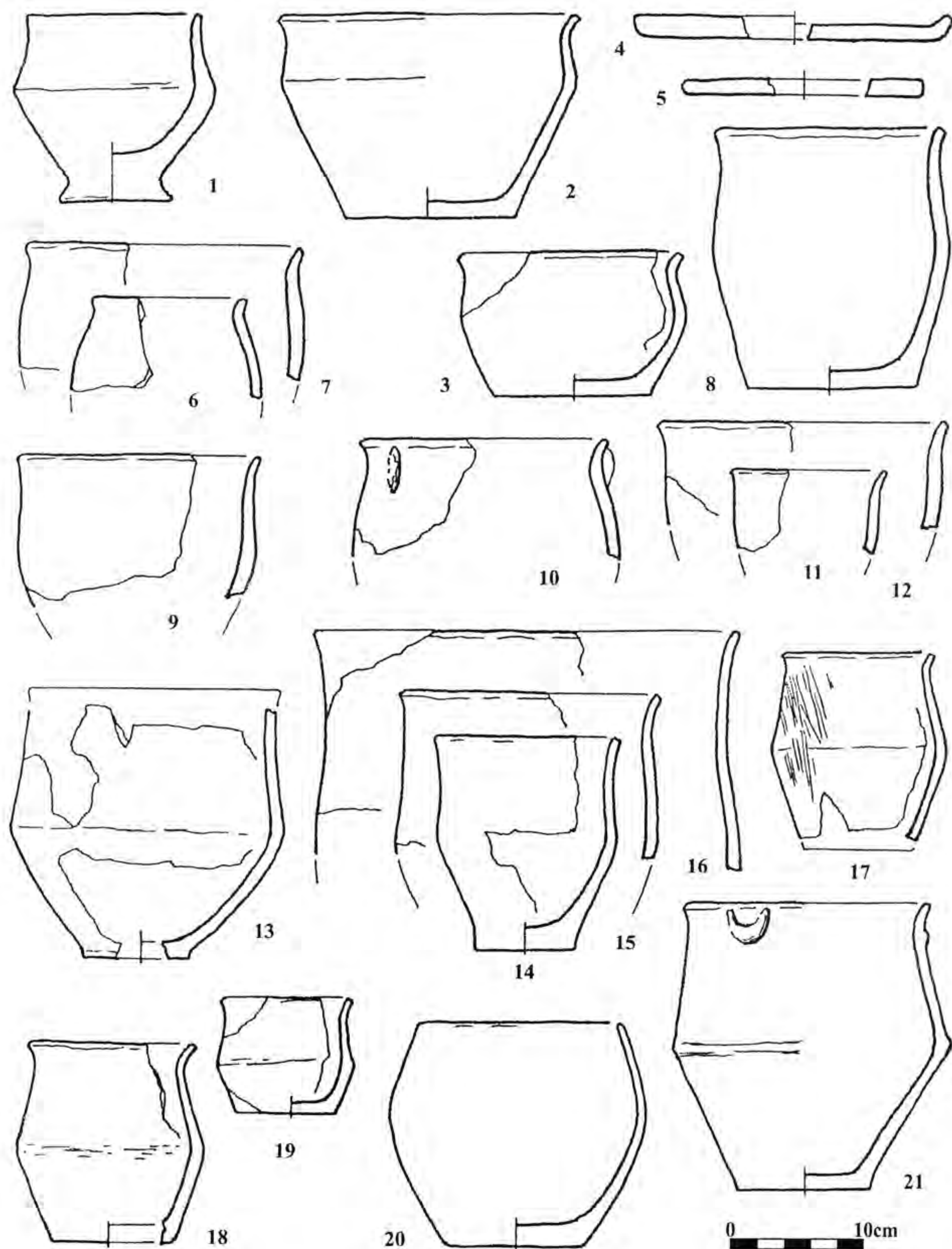

Рис. 76. Хитцы. Груболепная керамика раннепеньковского горизонта поселения
Fig. 76. Khitsy. Roughly-modelled ceramics of the Early Penkovka horizon of the settlement

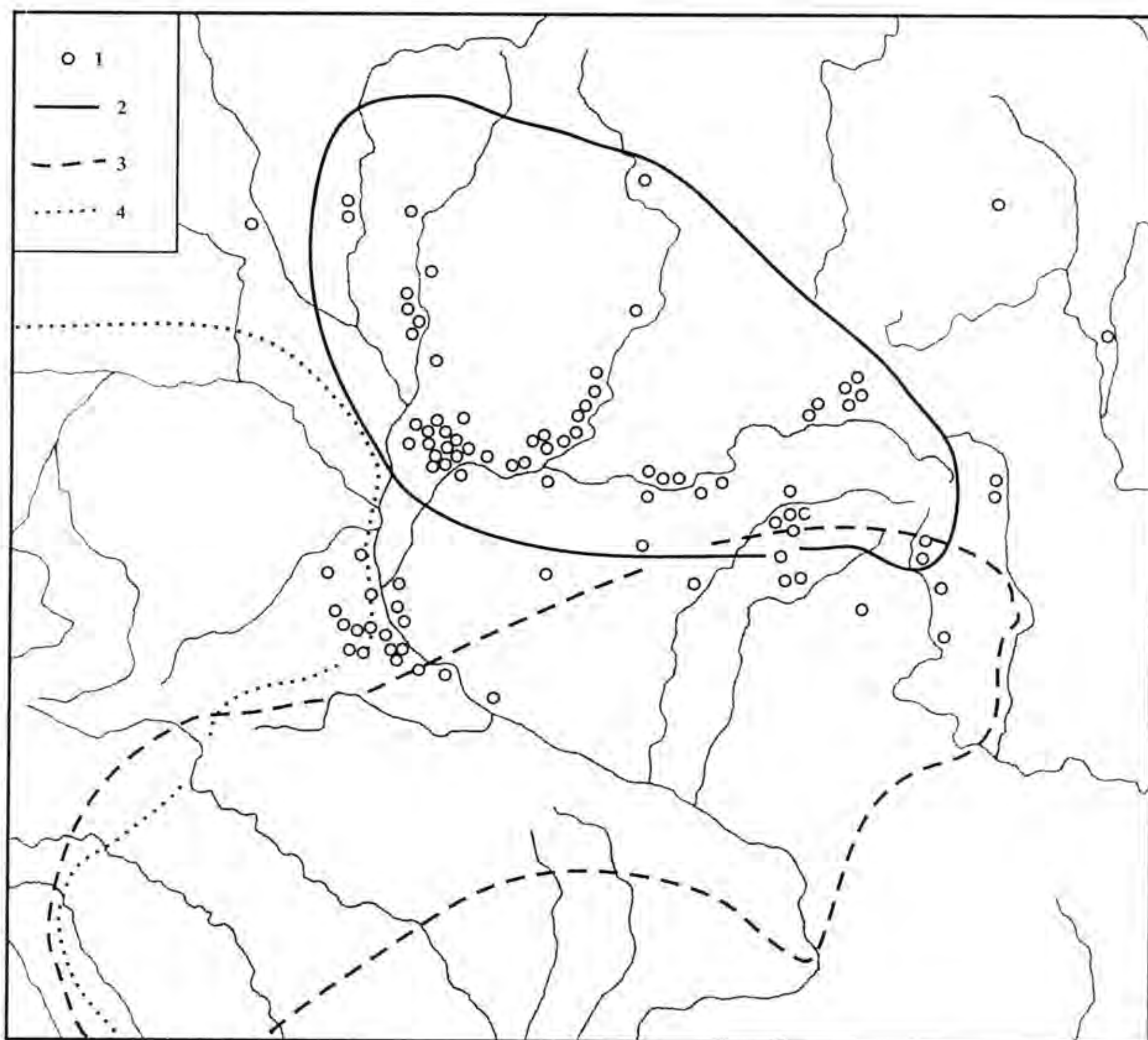

Рис. 77. Киевская культура и славянские древности V–VII вв.: *1* – памятники киевской культуры, *2* – ареалы колочинской, *3* – пеньковской и *4* – пражской культур

Fig. 77. The Kiev culture and the Slavonic sites of the 5th-7th centuries: *1* – sites of the Kiev culture, *2* – Kolochin culture area, *3* – Penkovka culture area, *4* – Prague culture area

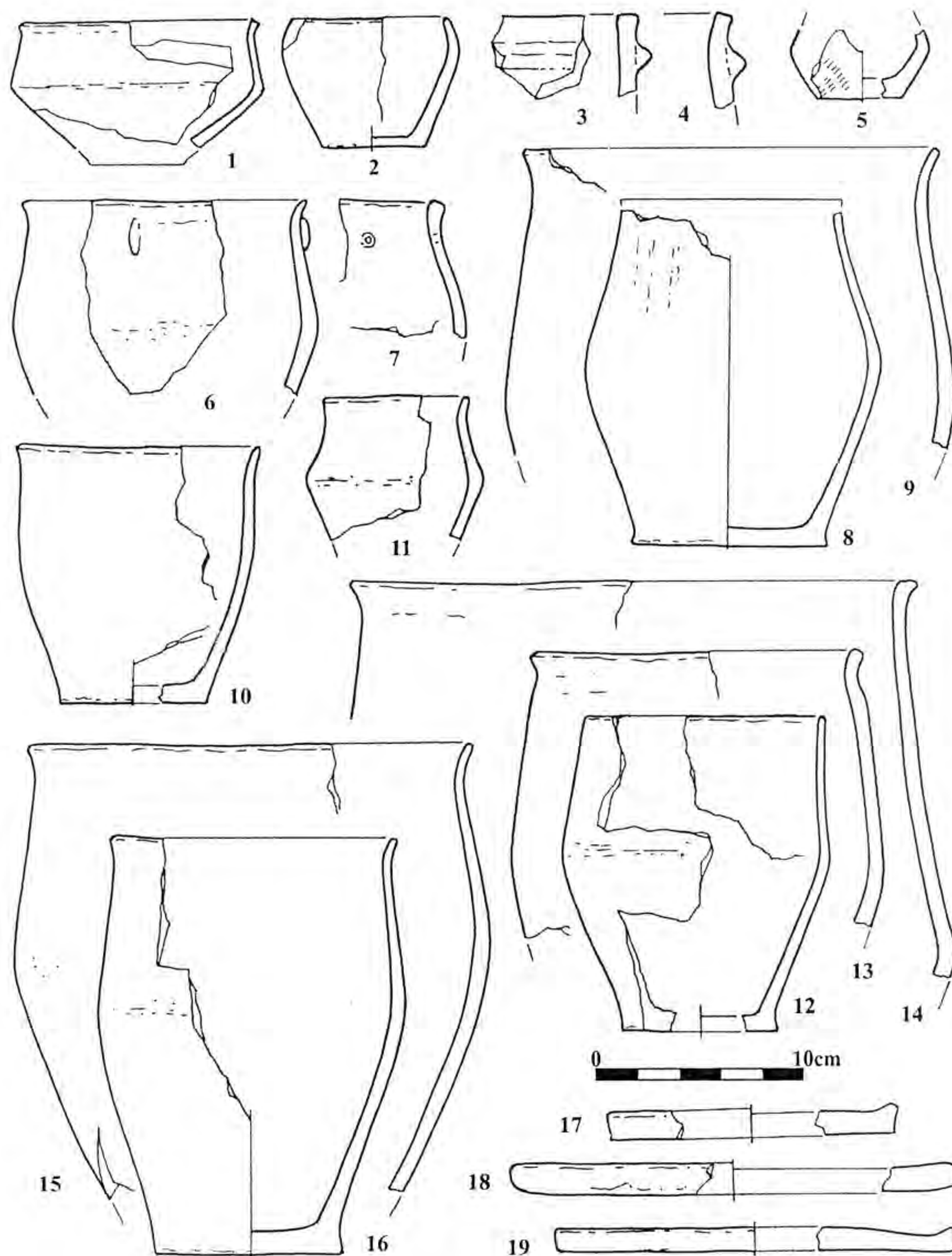

Рис. 78. Сенча. Груболепная керамика
Fig. 78. Sencha. Roughly-modelled ceramics

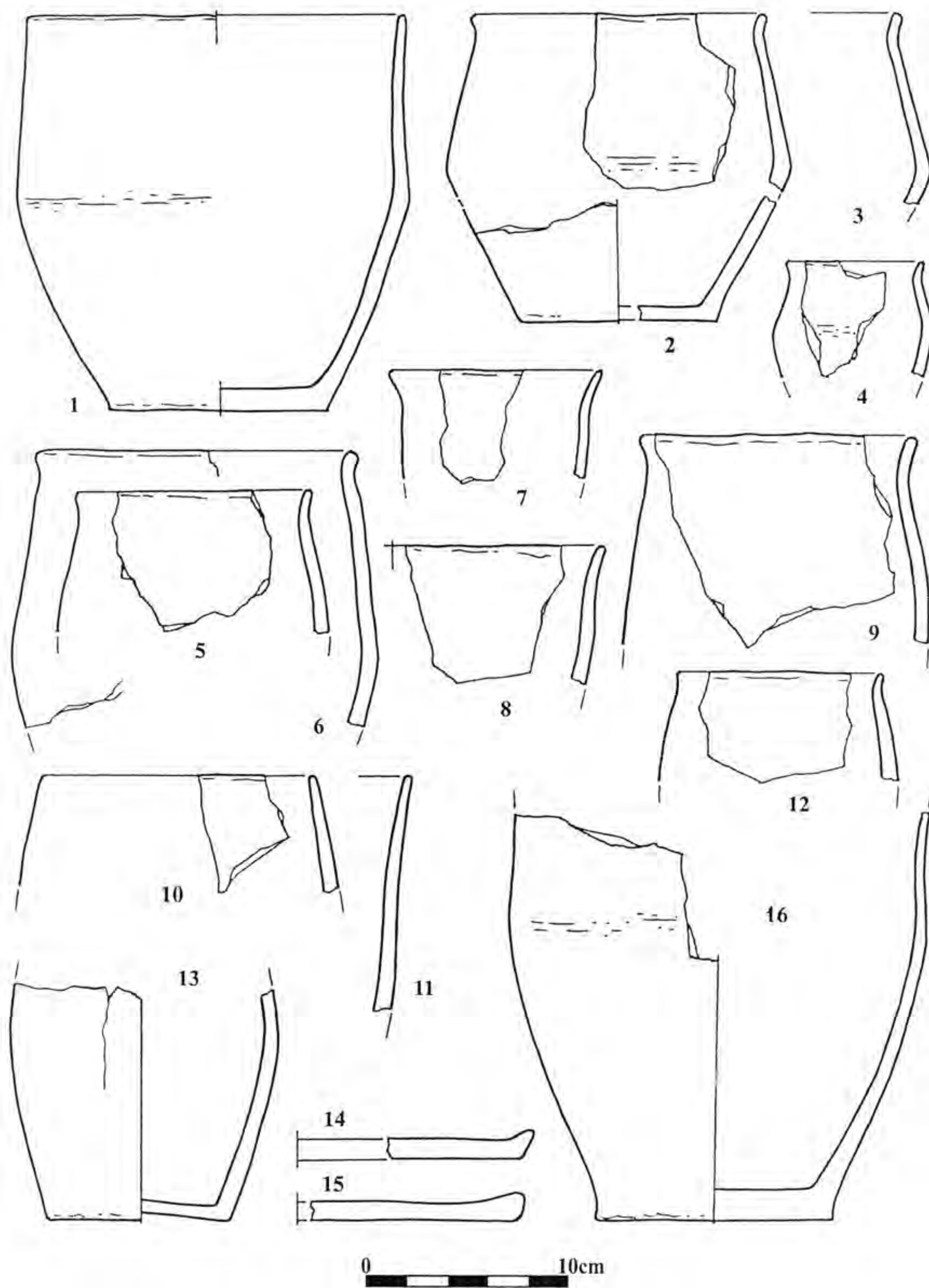

Рис. 79. Сенча. Груболепная керамика
Fig. 79. Sencha. Roughly-modelled ceramics

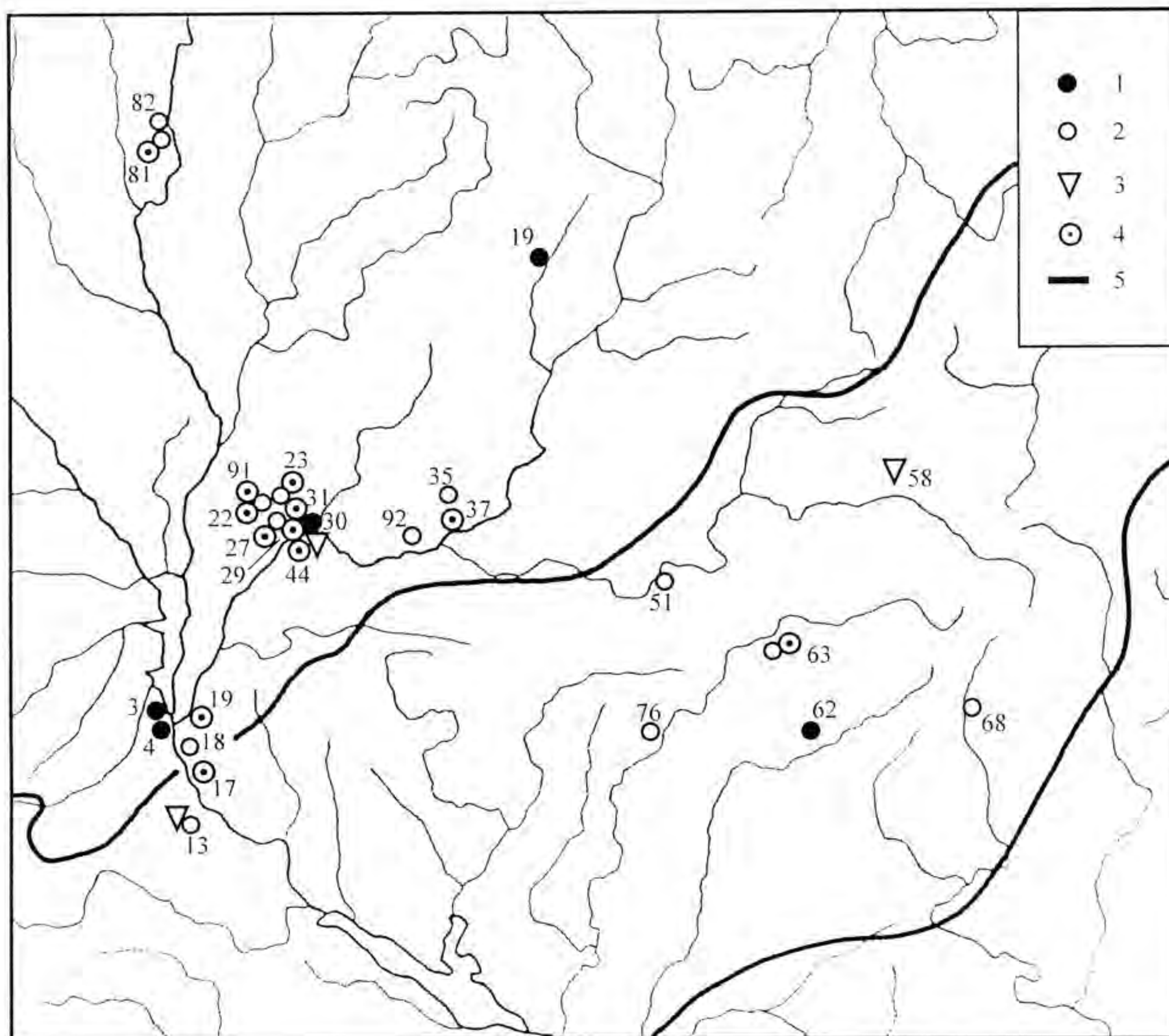

Рис. 80. Распространение сельскохозяйственных орудий на позднезарубинецких и киевских памятниках: *1* – находки серпов на позднезарубинецких и *2* – на киевских памятниках, *3* – находки наральников, *4* – находки фрагментов жерновов ручных мельниц, *5* – границы лесостепной зоны (нумерация памятников соответствует приложениям 1, 3)

Fig. 80. Distribution of agricultural tools from the Late Zarubintsi and Kiev sites: *1* – findings of sickles on the sites of the Late Zarubintsi and *2* – Kiev cultures, *3* – ploughshares, *4* – findings of fragments of quernstones, 5 – boundaries of the forest-steppe zone (numeration of sites is the same as in the Appendices 1, 3)

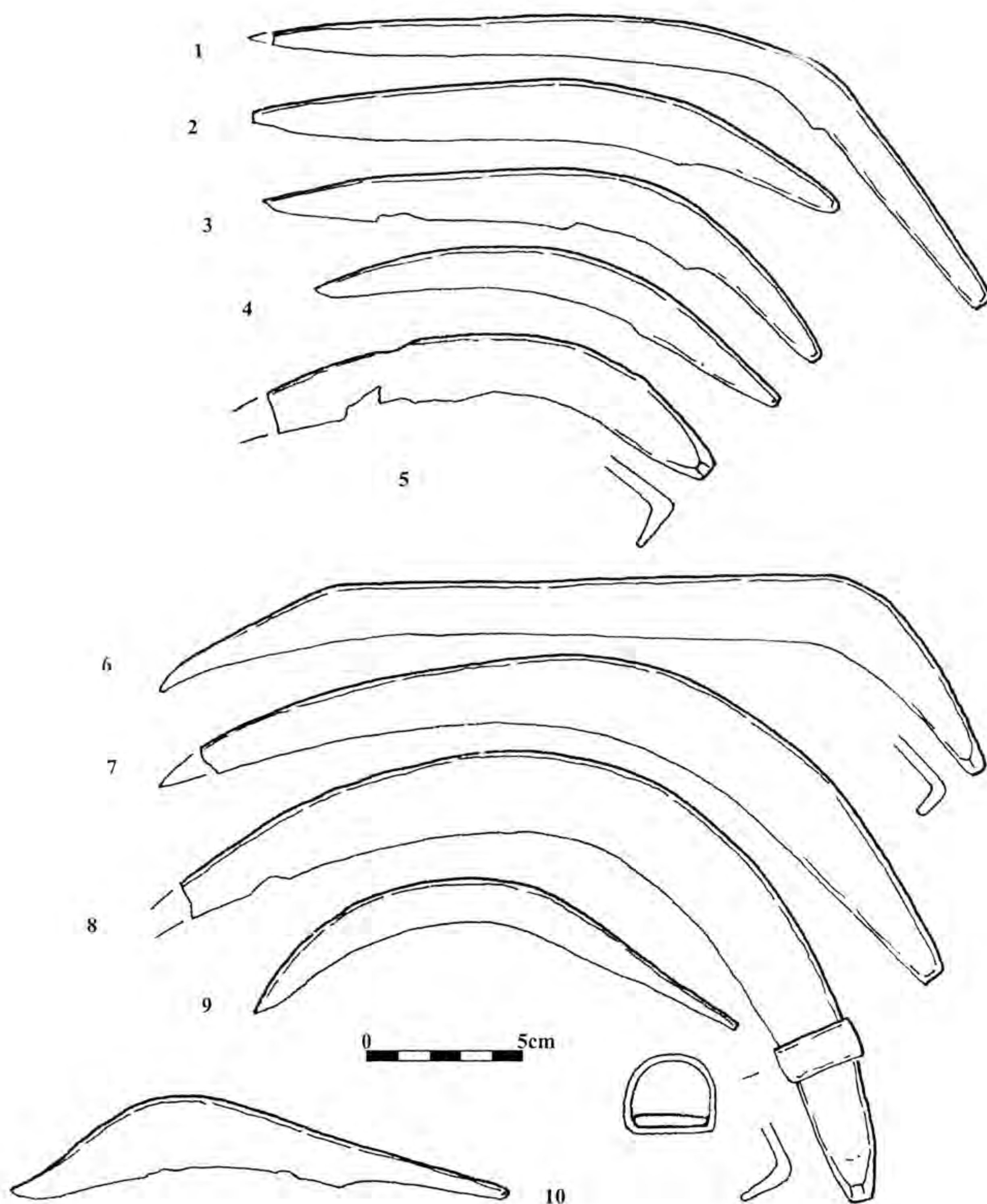

Рис. 81. Серпы (*1-9*) и серповидный нож (*10*) из позднезарубинецких и киевских памятников: *1-4, 10* – Почеп; *5* – Оболонь; *6* – Киреевка 1; *7, 9* – Абидня; *8* – Роище

Fig. 81. Sickles (*1-9*) and knife of the sickle type (*10*) from the sites of the Late Zarubintsi and Kiev cultures: *1-4, 10* – Pochep; *5* – Obolon; *6* – Kireevka-1; *7, 9* – Abidnia; *8* – Roische

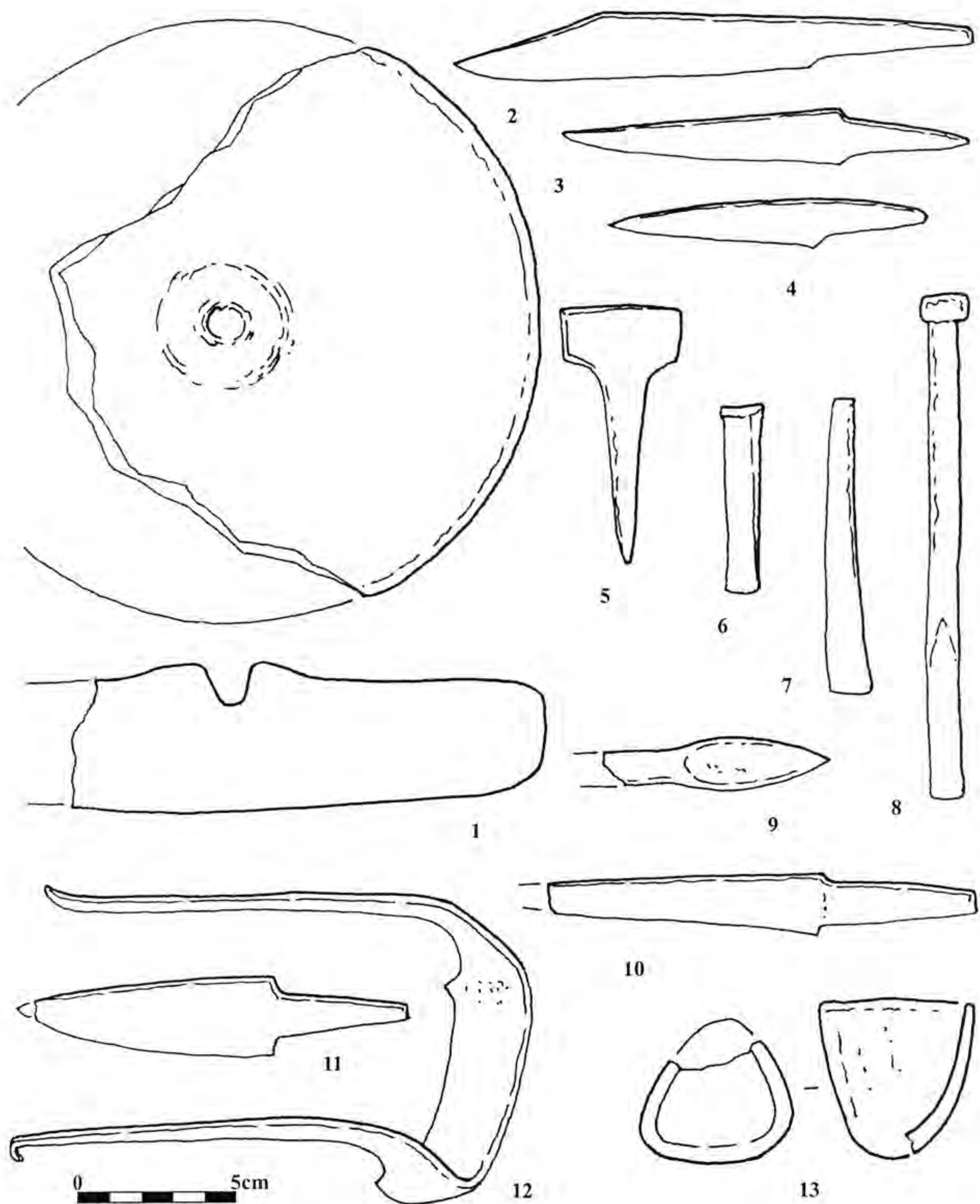

Рис. 82. Орудия труда из позднезарубинецких и киевских памятников: *1, 8-10, 12* – Роище; *2-4, 6* – Почеп; *5* – Новые Безрадичи; *7, 11* – Глеваха; *13* – Абидня (*1* – камень, *2-12* – железо, *13* – глина)

Fig. 82. Tools of production from the sites of the Late Zarubintsi and Kiev cultures: *1, 8-10, 12* – Roische; *2-4, 6* – Pochep; *5* – Novie Bezradichi; *7, 11* – Glevakha; *13* – Abidnia (*1* – stone, *2-12* – iron, *13* – clay)

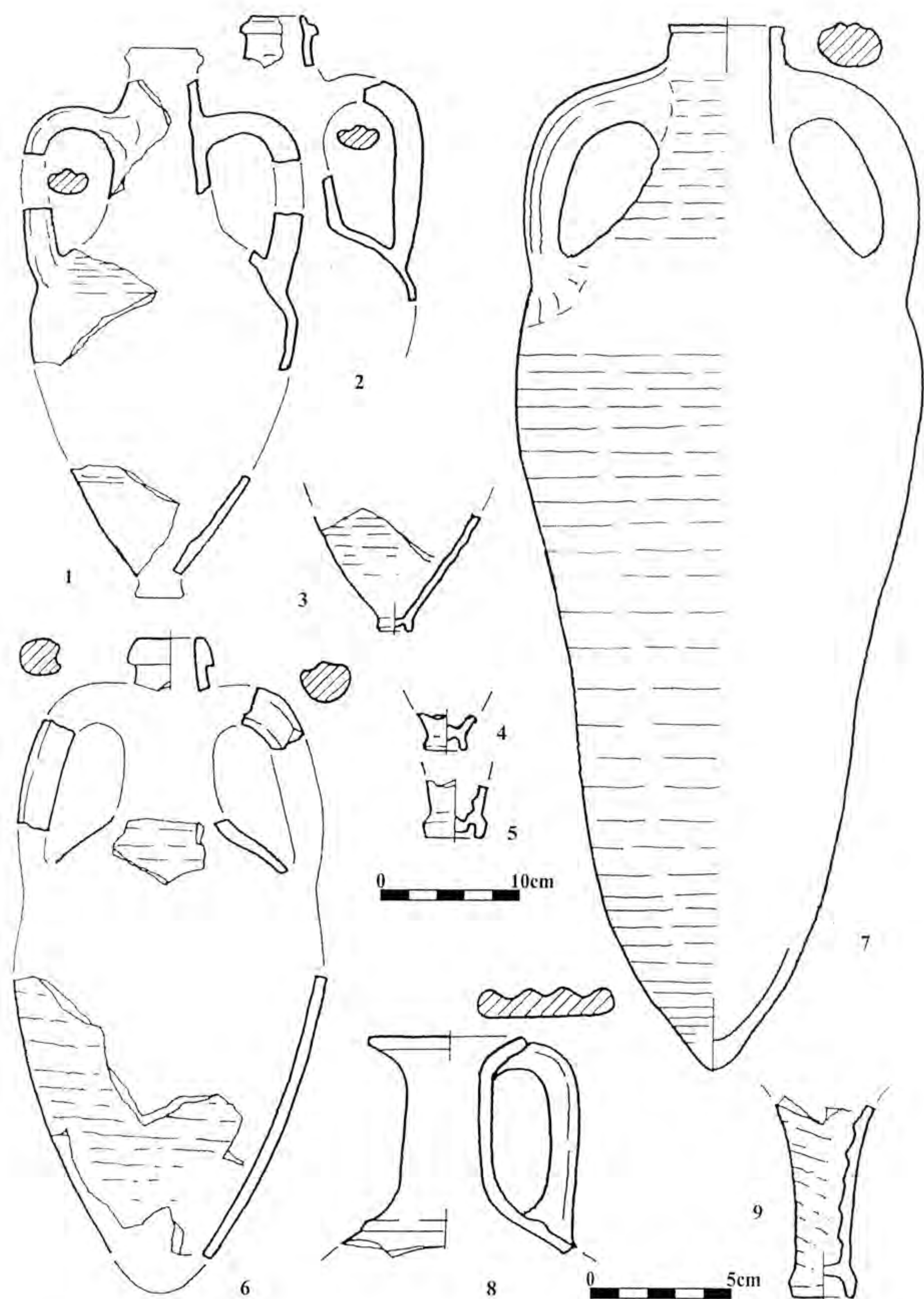

Рис. 83. Провинциально-римская посуда из памятников киевской культуры: *1-3* – Боромля 2; *4-5* – Родной Край 3; *6* – Роище; *7* – Гусинка; *8* – Каменево 2; *9* – Верхнестриженское 2 (*1-7, 9* – гончарная керамика, *8* – стекло)
Fig. 83. Provincial Roman pottery from the sites of the Kiev culture: *1-3* – Boromlia-2; *4, 5* – Rodnoi Krai-3; *6* – Roische; *7* – Gusinka; *8* – Kamenevo-2; *9* – Verkhnestrizhenskoe-2 (*1-7, 9* – wheel-made ceramics, *8* – glass)

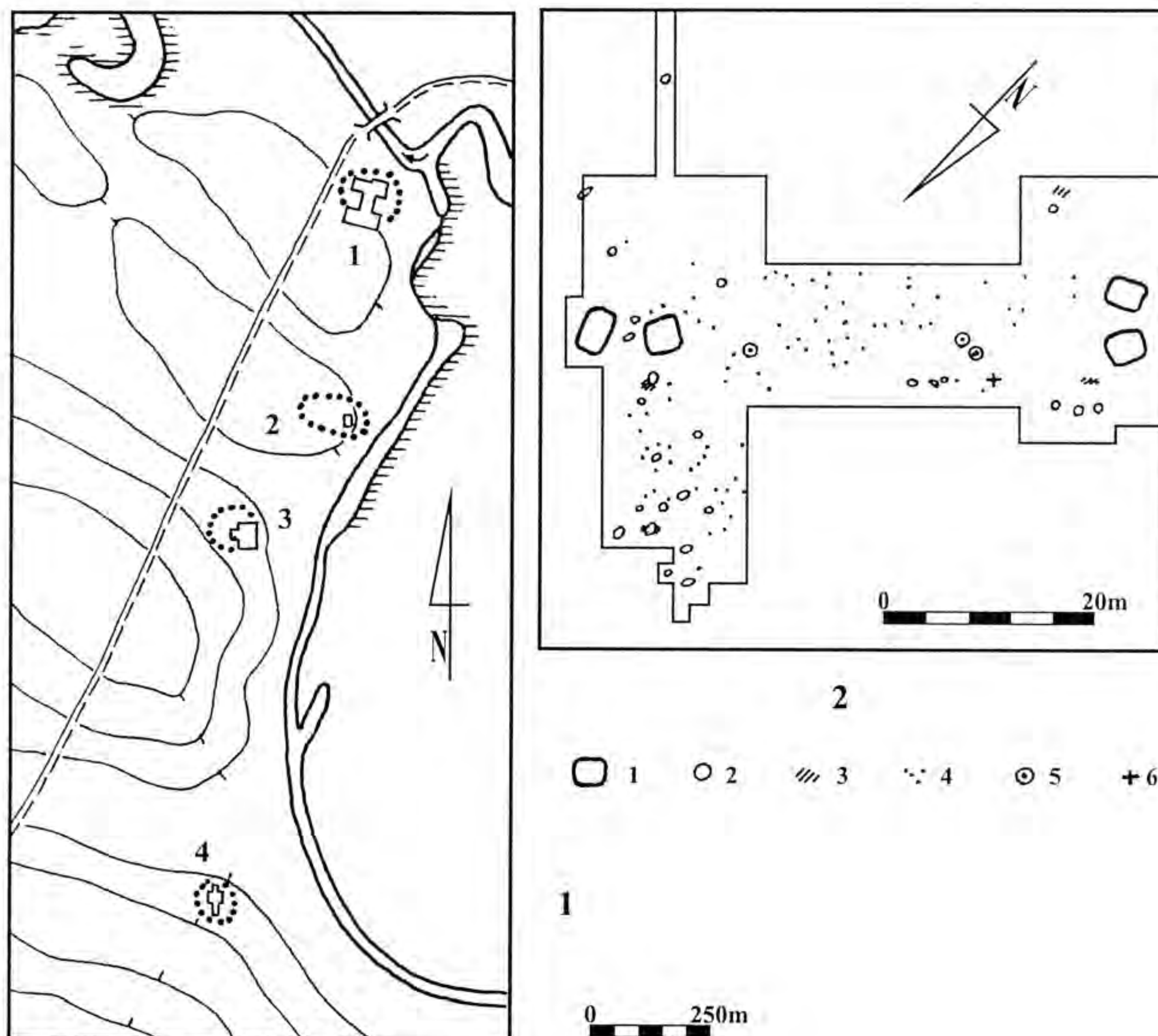

Рис. 84. Планы куста поселений Гочево 1-4 и селища Гочево 1: *1* – постройки, *2* – хозяйственные ямы, *3* – выносные очаги, *4* – столбовые ямки, *5* – земляные печи („горны"), *6* – трупосожжение

Fig. 84. Plans of the complex of settlements Gochevo-1-4 and settlement Gochevo-1: *1* – constructions, *2* – household pits, *3* – outside hearths, *4* – postholes, *5* – earth-made hearths ("forges"), *6* – cremation graves

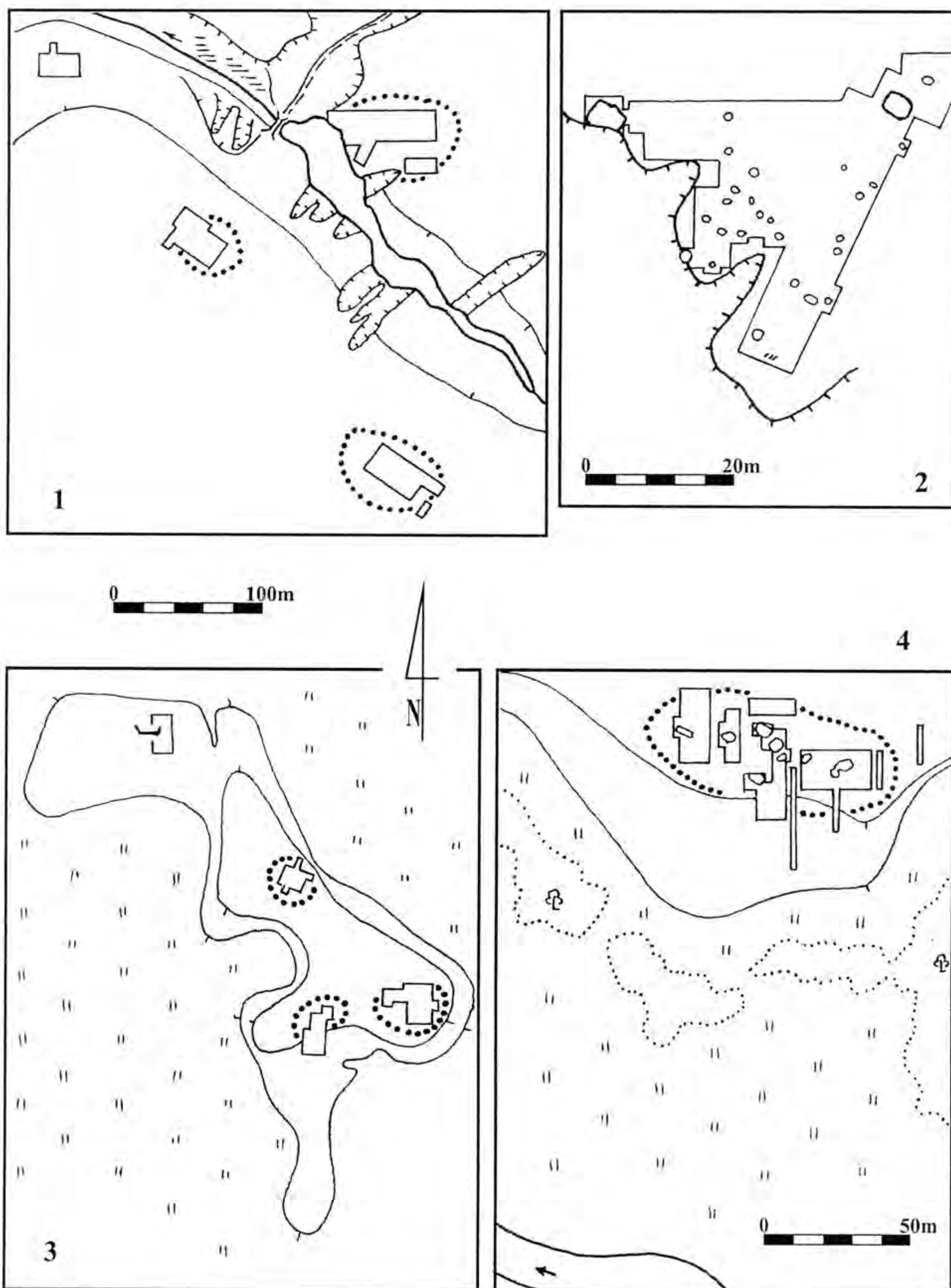

Рис. 85. Планы поселения Глеваха (*1*) и одного из его участков (*2*), поселения и могильника Шишино 5 (*3*) и селища Букреевка 2 (*4*)

Fig. 85. Plans of settlement Glevakha (*1*) and one of its sector (*2*), settlements and burial-ground Shishino-5 (*3*) and settlement Bukreevka-2 (*4*)

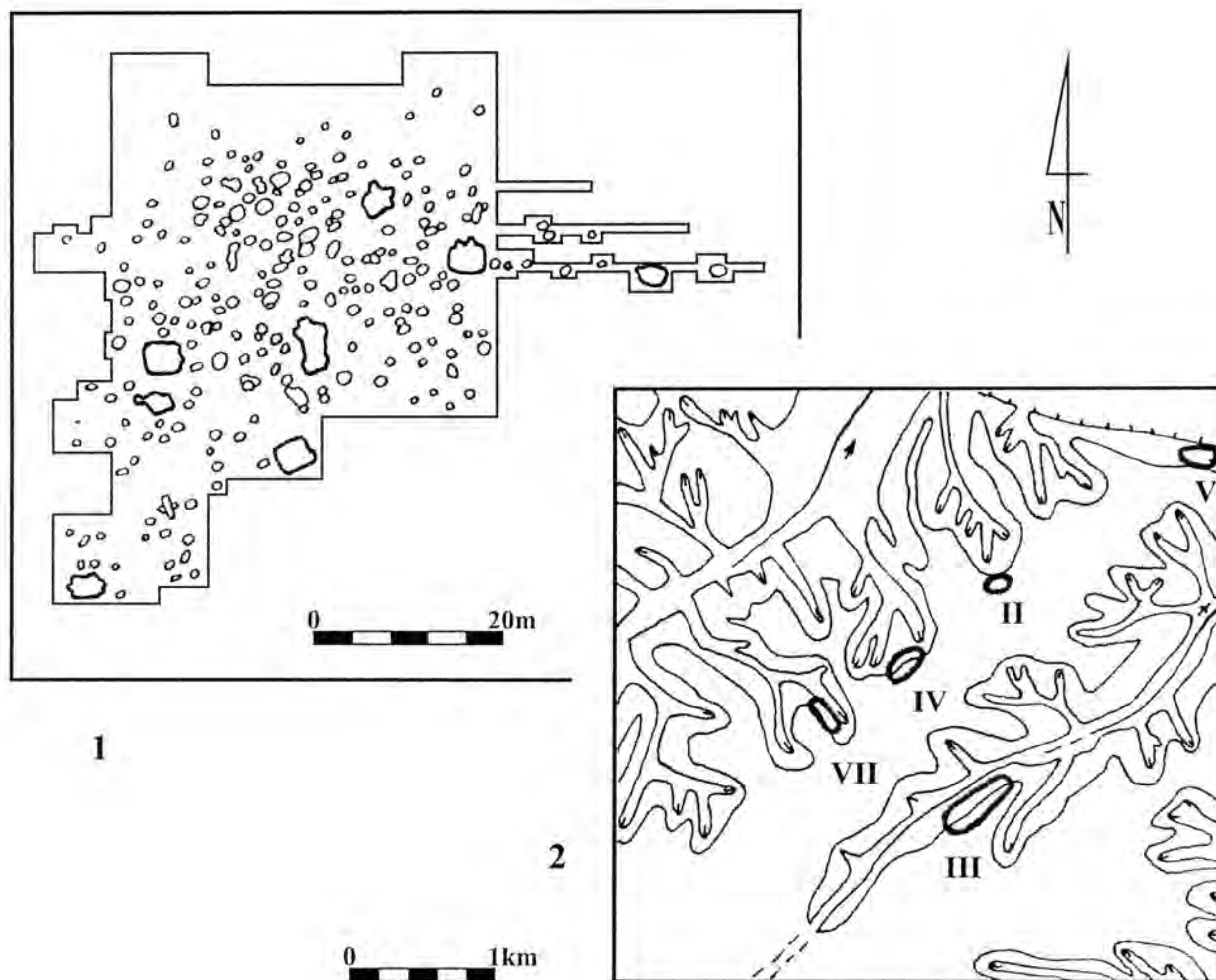

Рис. 86. Планы центральной части поселения Роище (*1*) и куста поселений Обухов II–IV, V, VII (*2*)
Fig. 86. Plans of central part of settlement Roische (*1*) and the complex of settlements of Obukhov II–IV, V, VII (*2*)

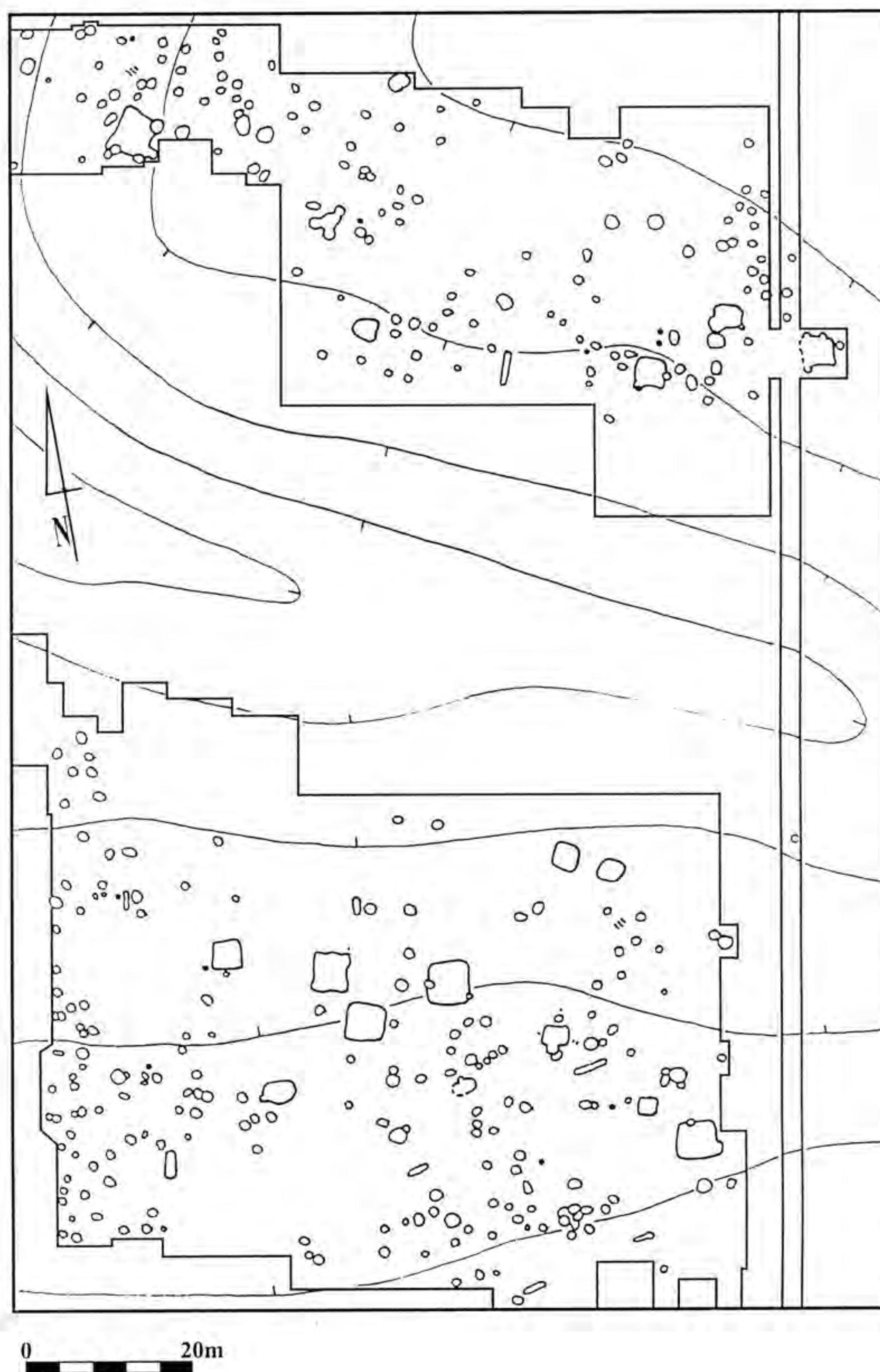

Рис. 87. Александровка 1. План центральной части поселения
Fig. 87. Aleksandrovka-1. Plan of central part of the settlement

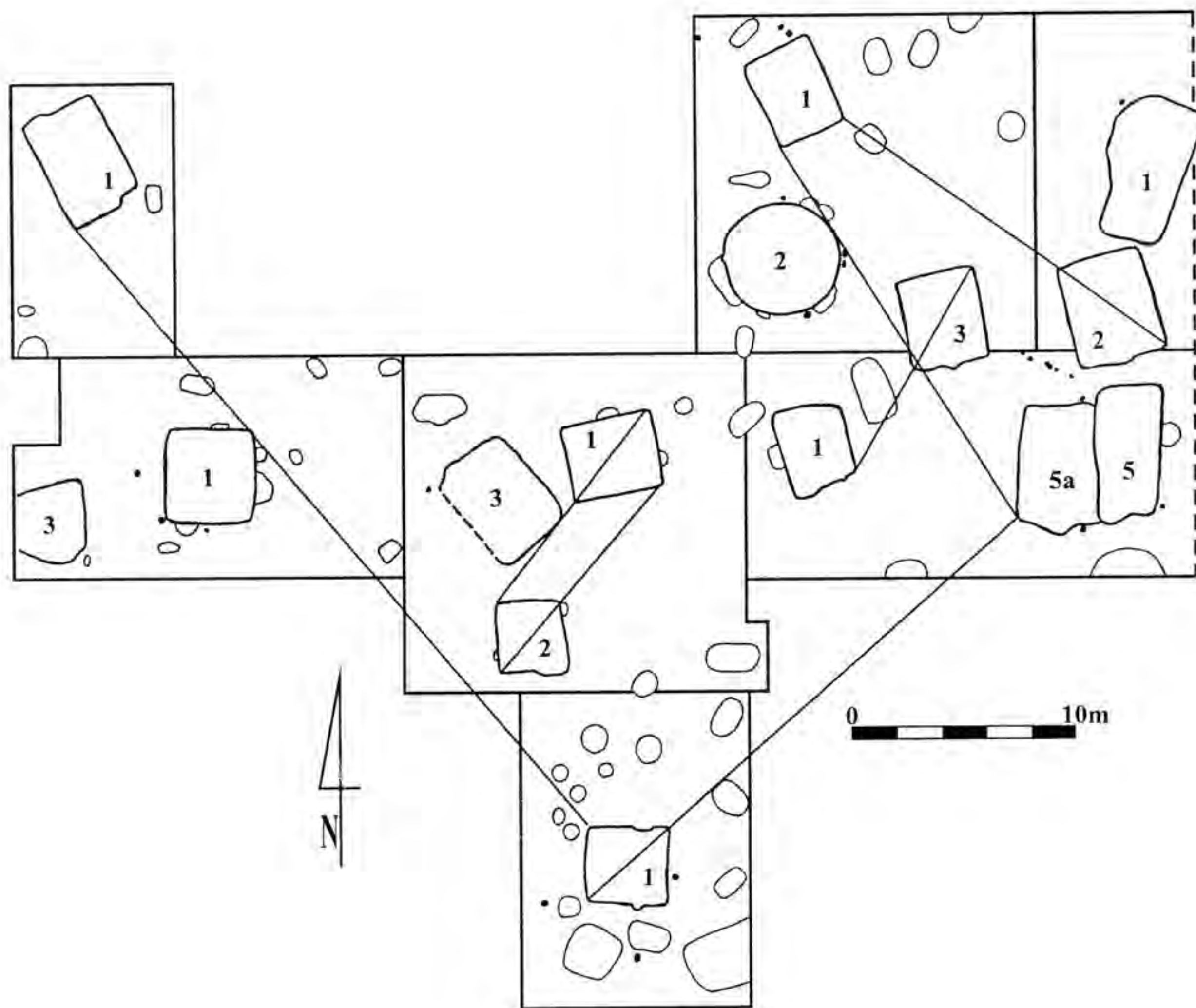

Рис. 88. Почеп. План объектов западной части поселения
Fig. 88. Pochep. Plan of features of the western part of the settlement

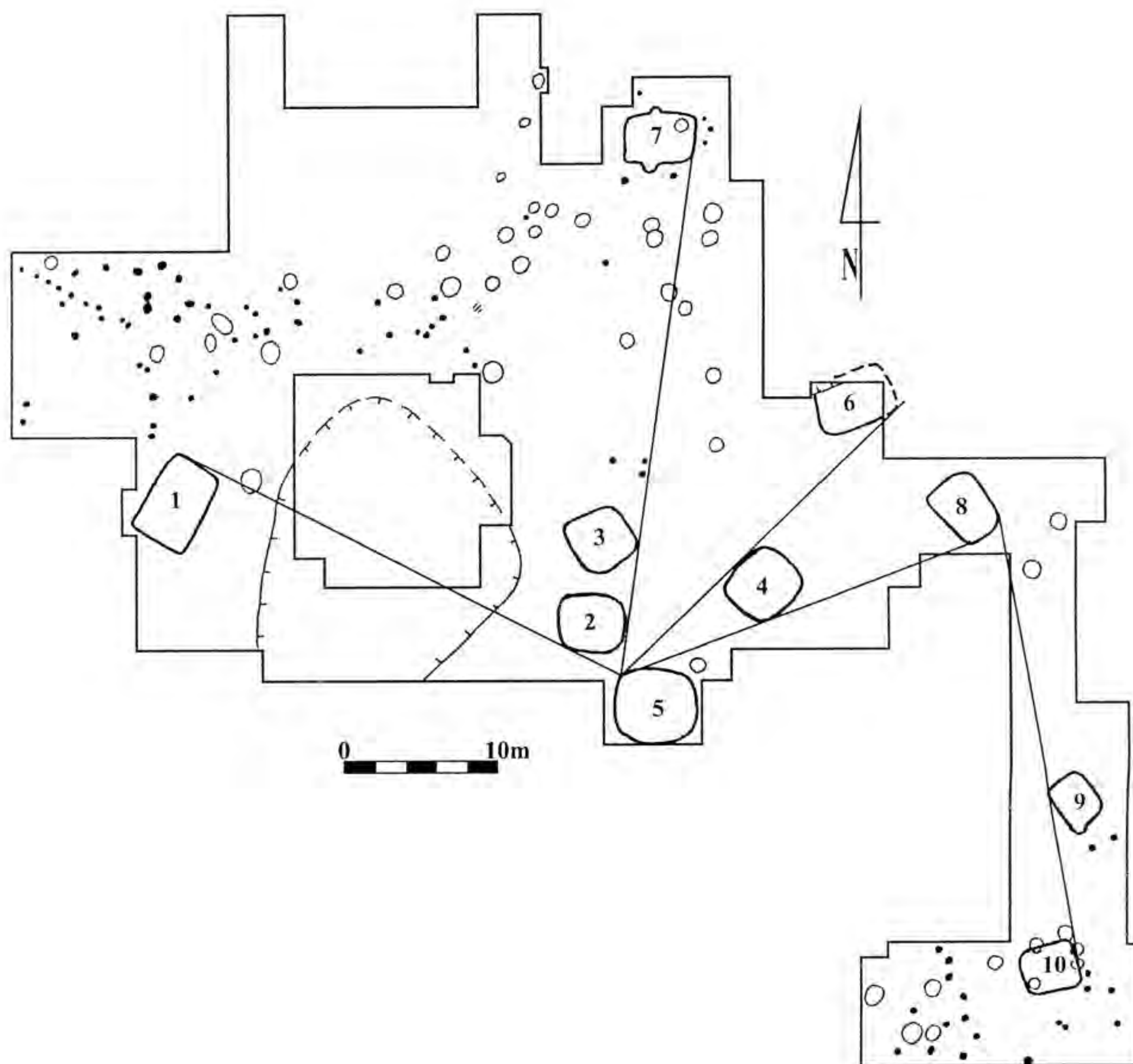

Рис. 89. Картамышево 2. План позднезарубинецких объектов поселения
Fig. 89. Kartamyshevo-2. Plan of the Late Zarubintsi features of the settlement

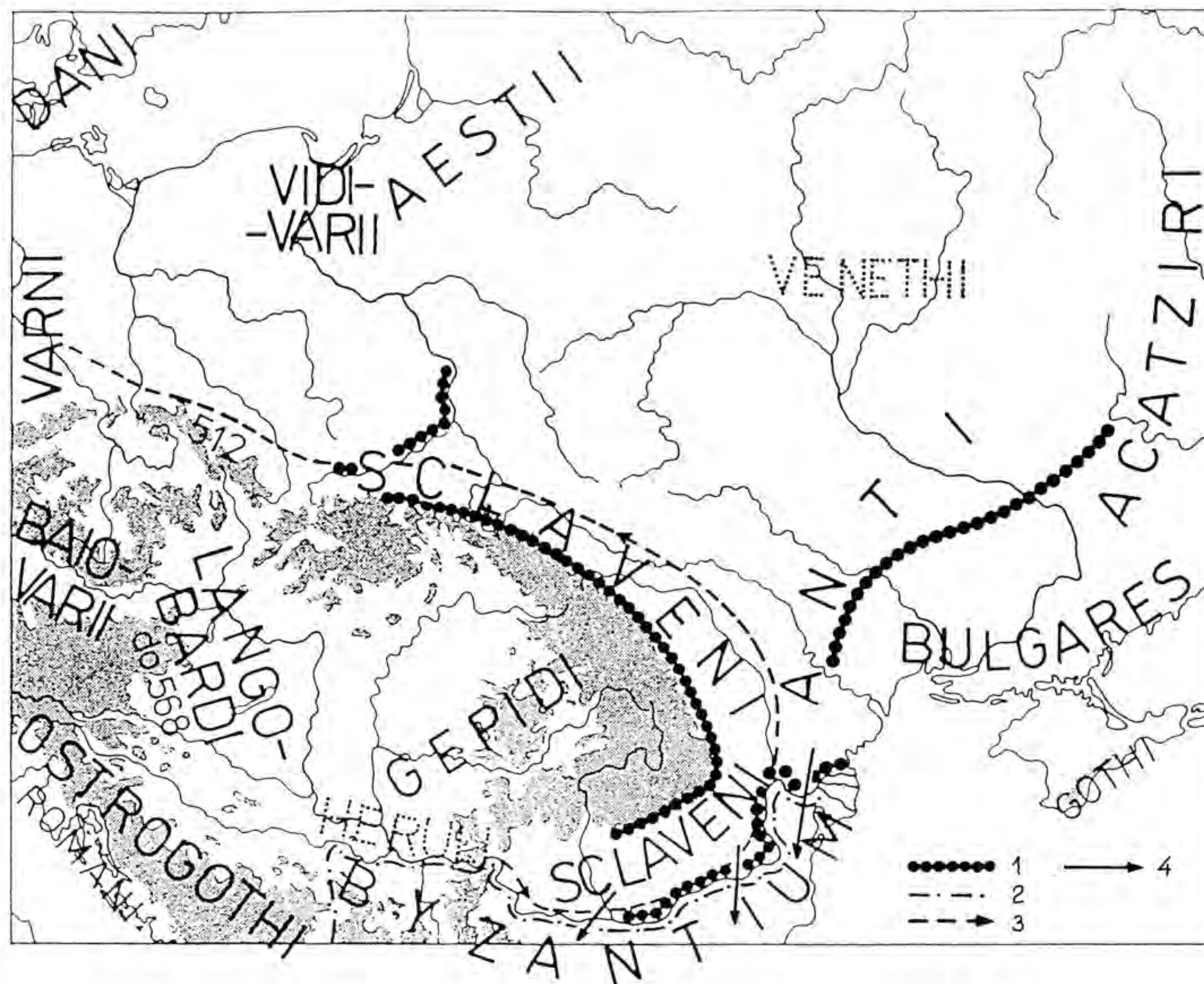

Рис. 90. Этническая карта Центральной и Восточной Европы в первой половине VI в. в свете письменных источников (по М.Парчевскому): *1* – границы расселения славян, *2* – северная граница Византии, *3* – возможное направление переселения герулов, *4* – направления нападения славян на Византию

Fig. 90. Ethnic map of the Central and Eastern Europe in the first half of the 6th century in the light of written sources (according to M. Parczewski): *1* – boundaries of resettlement of the Slavs, 2 – northern boundary of the Byzantium, *3* – possible direction of resettlements of the Erules, *4* – directions of the Slavonic invasions to the Byzantium

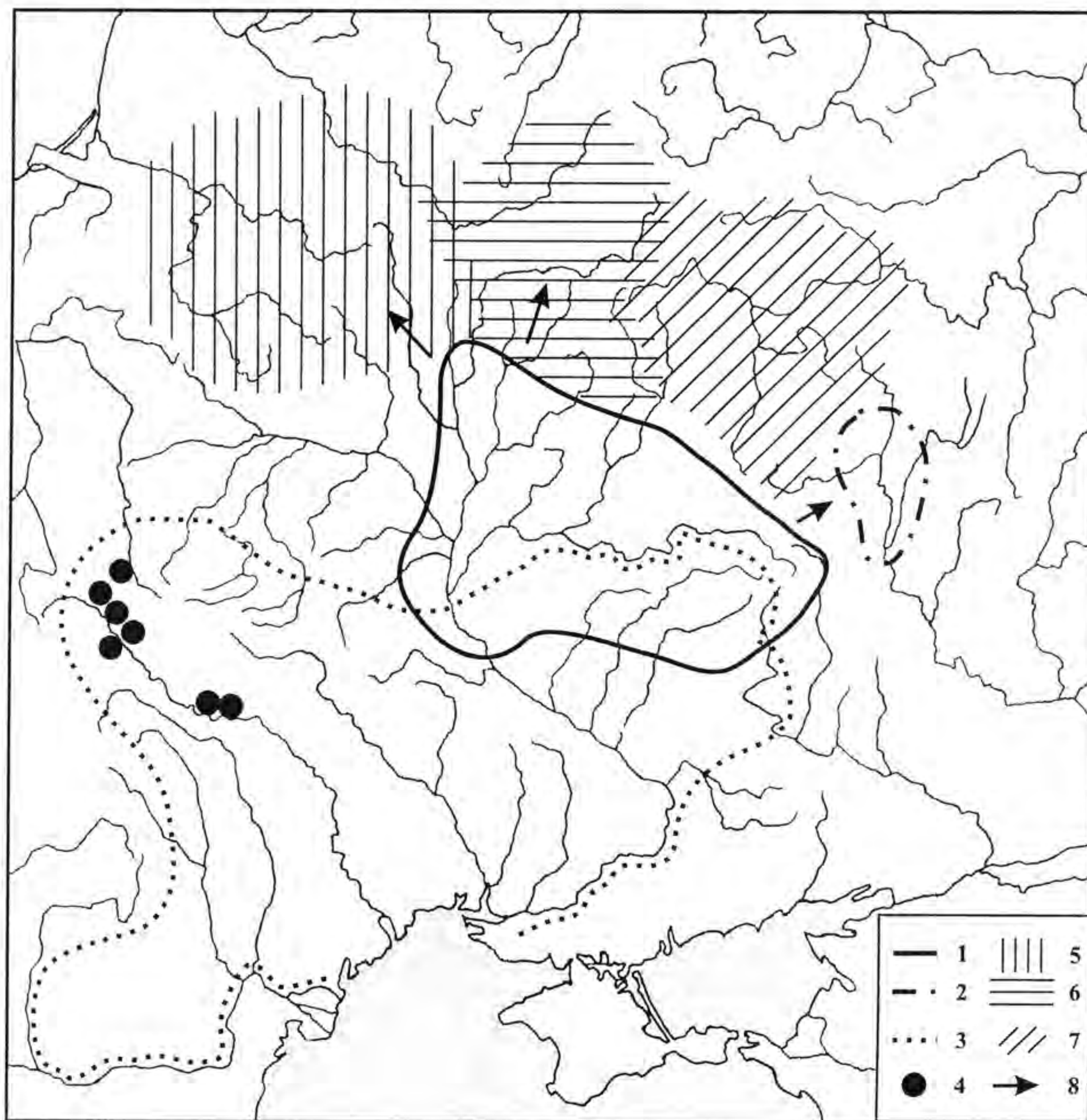

Рис. 91. Карта археологических культур III-V вв.: *1* – киевская, *2* – памятники типа Седелки, *3* – черняховская, *4* – памятники типа Черепин, *5* – культура штрихованной керамики, *6* – днепро–двинская, *7* – мощинская, *8* – направления экспансии киевских племен

Fig. 91. Map of the archaeological cultures of the 3rd-5th cent.: *1* – Kiev culture, *2* – sites of the Sedelki, *3* – Cherniakhov culture, *4* – sites of the Cherepin type, *5* – Hatched pottery culture, *6* – Dnieper-Dvina culture, *7* – Moshchiny culture, *8* – directions of the expansion of the Kiev tribes

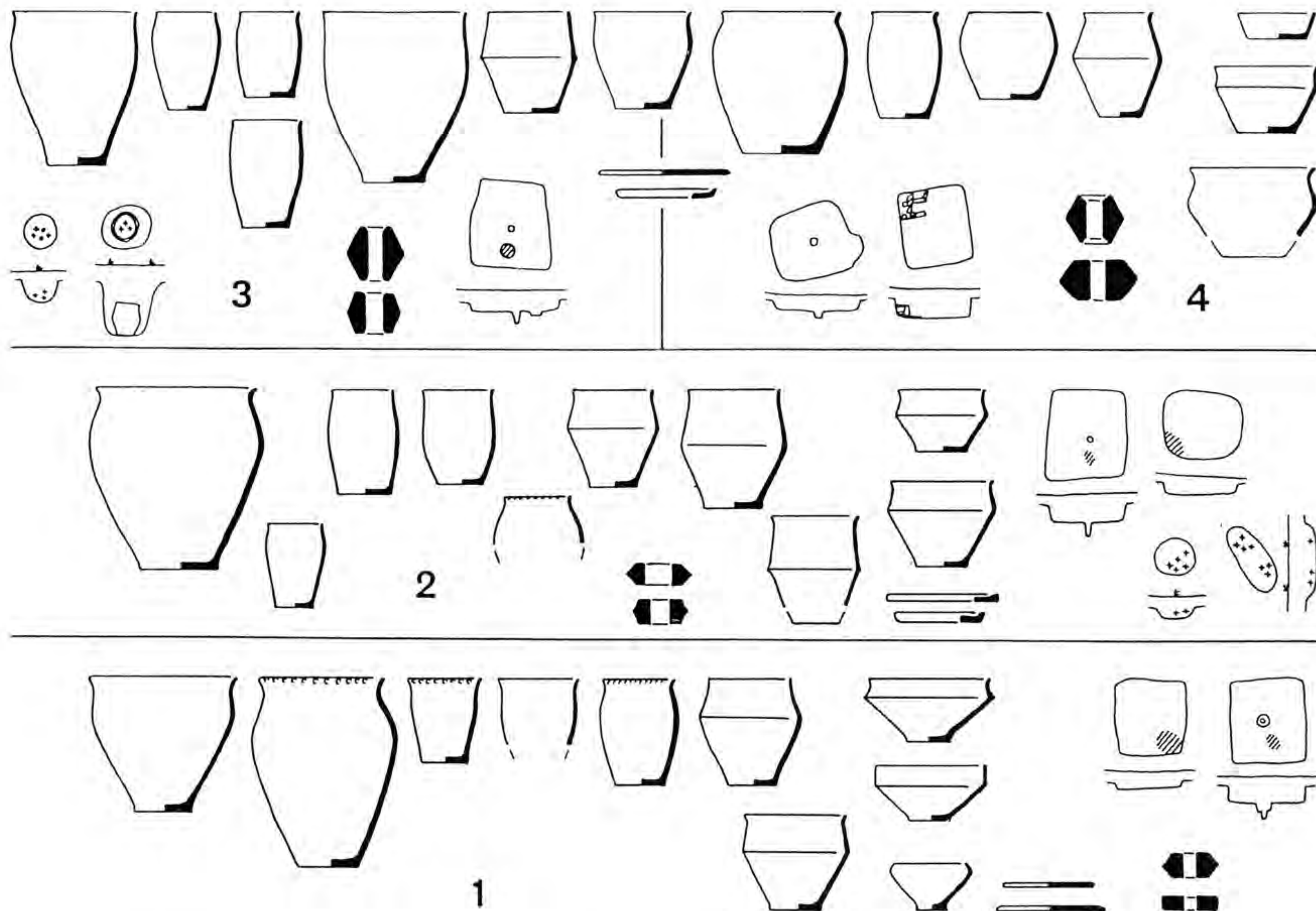

Рис. 92. Сопоставление комплексов позднезарубинецких памятников (*1*), киевской (*2*), колочинской (*3*) и пеньковской культур (*4*)
Fig. 92. Correlation between the complexes of Late Zarubintsi sites (*1*), Kiev culture sites (*2*), Kolochin culture sites (*3*) and Penkovka culture sites (*4*)

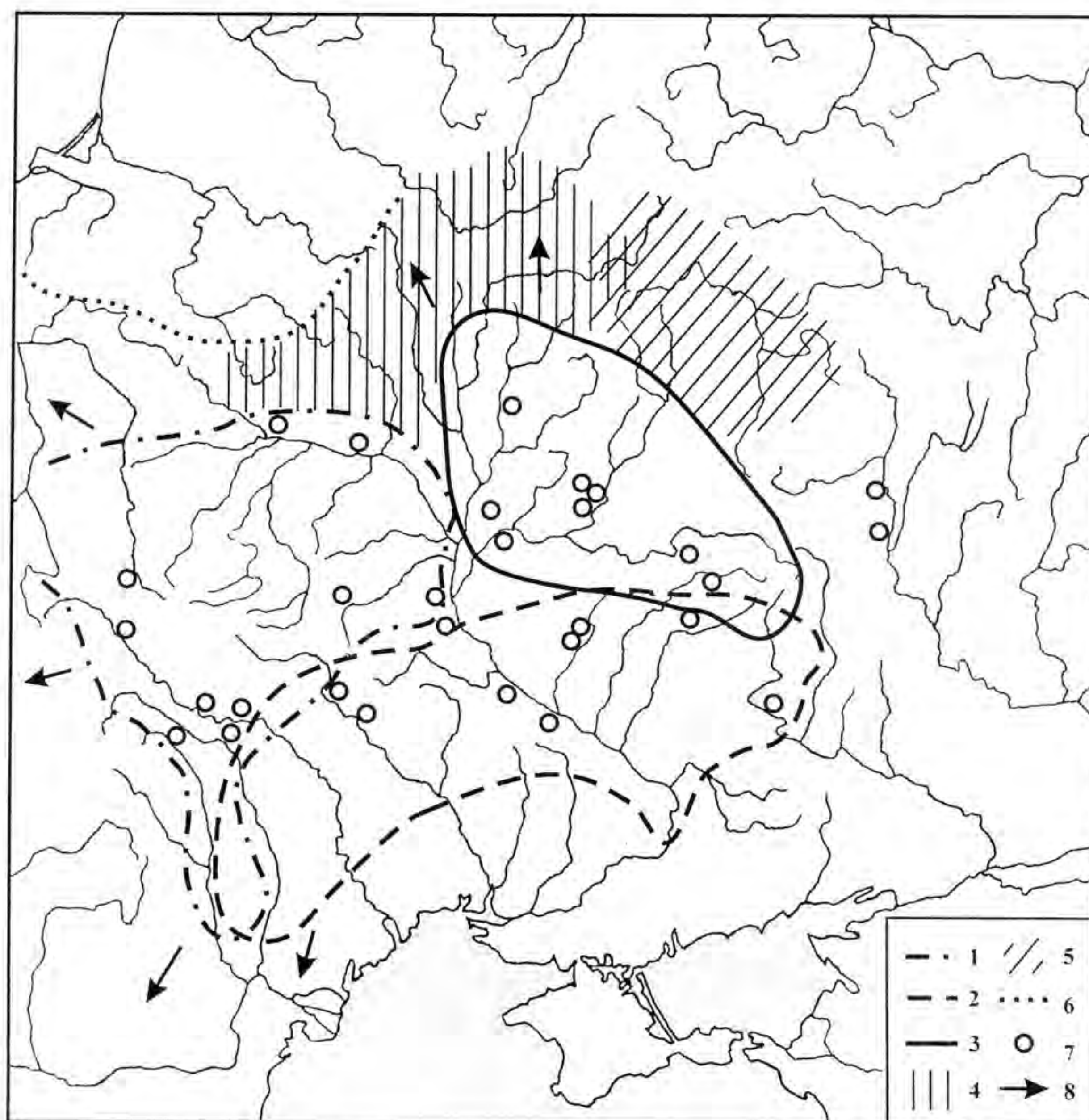

Рис. 93. Карта археологических культур V-VII вв.: *1* – пражская, *2* – пеньковская. *3* – колочинская, *4* – банцеровско-тушемлинская, *5* – мощинская, *6* – границы культур западных и центральных балтов, *7* – раннеславянские памятники V в., *8* – направления славянской экспансии.

Fig. 93. Map of the archaeological cultures of the 5th-7th centuries: *1* – Prague, *2* – Penkovka, *3* – Kolochin, *4* – Bantserovschina-Tushemlia, *5* – Moschino, *6* – boudaries of the cultures of the Western and Central Balts, *7* – Early Slavonic sites of the 5th century, *8* – directions of the Slavonic expansion.

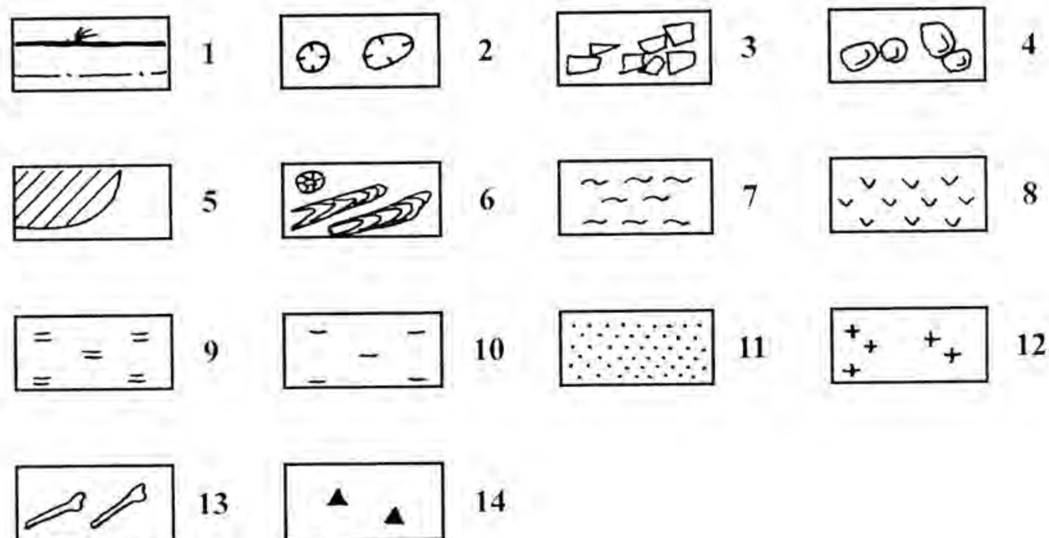

Рис. 94. Условные обозначения к планам объектов: *1* – дерн, пахотный слой, *2* – столбовые ямки, *3* – керамика, *4* – камни, *5* – место отопительного сооружения, под очага, печи, *6* – сгоревшее дерево, *7* – зола, *8* – уголь, *9* – обожженная глиняная обмазка, *10* – необожженная глиняная обмазка пола, *11* – песок, *12* – кальцинированные кости, *13* – кости животных, *14* – индивидуальные находки

Fig. 94. Notes to the plans of objects: *1* – turf, arable layer, *2* – postholes, *3* – ceramics, *4* – stones, *5* – place of heating construction, hearths, *6* – charred wood, *7* – ashes, *8* – charcoal, *9* – burned clay mud, *10* – unburned clay mud of floor, *11* – send, *12* – calcinated bones, *13* – animal bones, *14* – separate findings

Rostislav Vsevolodovič Terpilovskij – doktor nauk, pracuje w Oddziale Archeologii Słowiańskiej Instytutu Archeologii Narodowej Akademii Nauk Ukrainy w Kijowie. Naukowe zainteresowania skupił na badaniu procesów kształtowania się kultur wczesnosłowiańskich w okresie rzymskim (kultura późnozarubiniecka i kijowska z pierwszej połowy I tysiąclecia po Chr.). Kierował ponad trzydziestoma ekspedycjami wykopaliskowymi na Ukrainie (obwód kijowski, černigowski, sumski) i w Rosji (obwód kurski, bielogrodski i lipecki). Jest autorem ponad 100 publikacji, w tym książek: „Rannie slavjane Podesen'ja 3-5 vv." (1984); „Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberež'e v pervych vekach našej ery" (1991), „Pamjatniki kievskoj kul'tury. Svod archeologičeskich istočnikov" (1992), „Oleksandrivka 1 – bahatošarove rann'oslov'jans'ke poselennja bilja Černihova" (1969). Jest laureatem państwowej nagrody w dziedzinie nauki i techniki za rok 1991.

Терпиловский Ростислав Всеволодович – доктор исторических наук, сотрудник отдела славянской археологии Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев). Сфера научных интересов – поиски источников формирования раннесредневековых славянских культур среди памятников римского времени (позднезарубинецкие и киевские древности первой половины 1 тыс. н.э.). Руководитель и участник более чем 30-ти экспедиций, проведенных на территории Украины (Киевская, Черниговская, Сумская обл.) и России (Курская, Белгородская, Липецкая обл.). Автор и соавтор более чем 100 публикаций, среди которых монографии «Ранние славяне Подесенья 3-5 вв.» (1984), «Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры» (1991), «Памятники киевской культуры. Свод археологических источников» (1992), «Олександрівка 1 – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова" (1996) и др. Лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники за 1991 г.